

ДЭШИЛ ХЭММЕТ УБЛЮДКИ

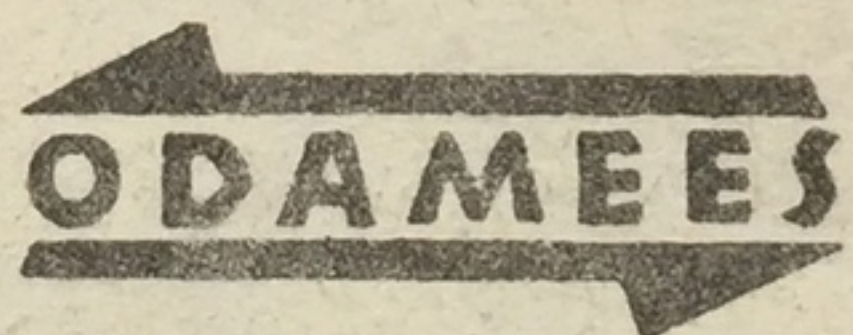

Дэ

у6иу

Дэшид Хэммет

Ублюдки
Убийство-дело серьезное

ТАЛЛИНН
А/О «ОДАМЕЭС»
1993

Перевод с английского И. ГАБЕЛ

Художник Т. РАММУЛ

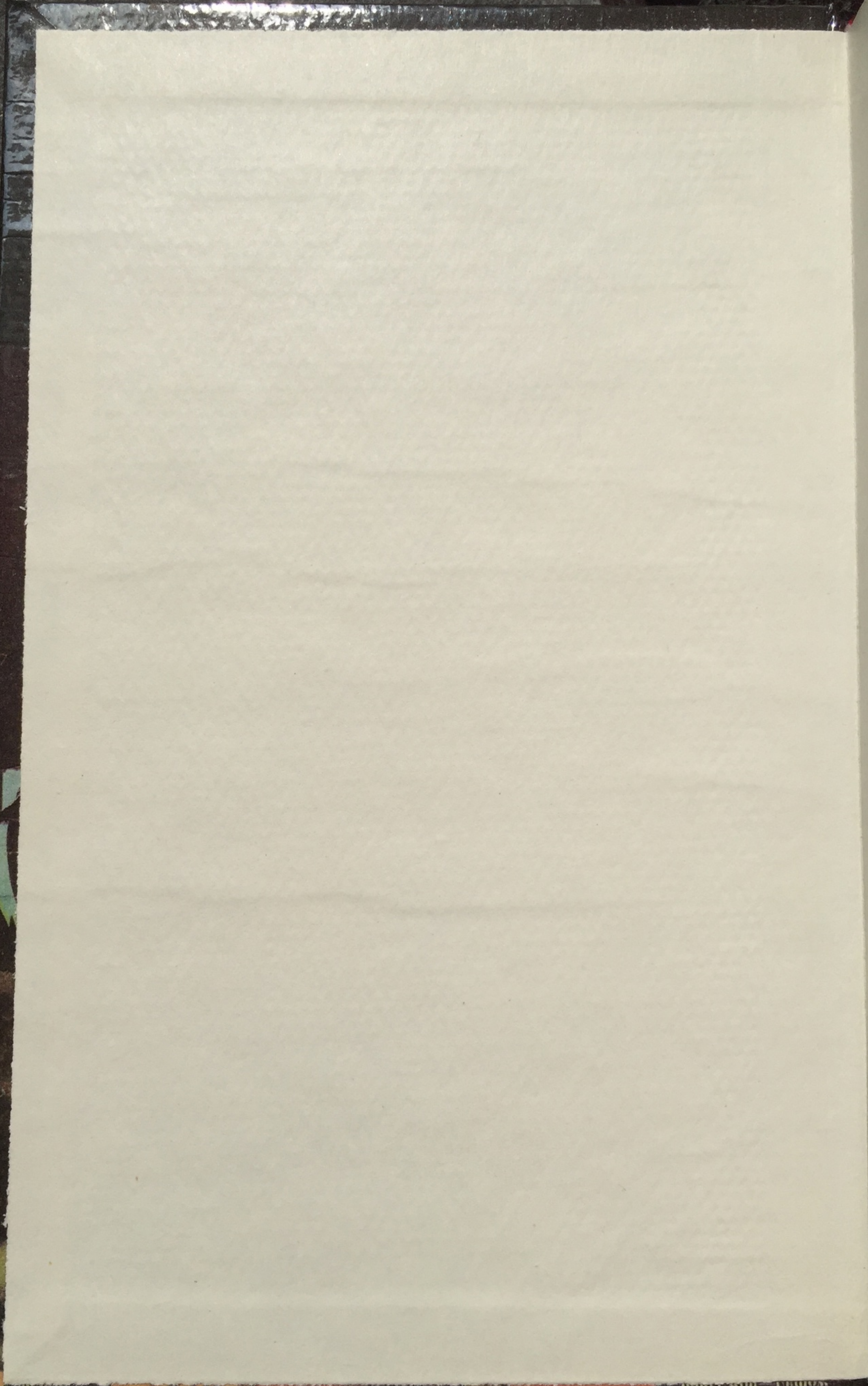
ISBN 5-460-00062-9

© Перевод
и оформление
А/О «Одамеэс»,
1993 г.

Игральные
ному сукну,
них вскоре
шесть белых
до середины
одну-единстве
Нед Бимо
деньги со сто.
Гарри Сло
рукой и встря
— Ставку
банкнота: дв
Нед Бимо
— Займи
ся. — Он пр
нулся с вход
— Приве
Ивенс удерж
лицом.
— Т-т-ы
словом мелк
— Я ка
лубые глаза
лись, но тут
то надейся.
У Ивенс
— Н-н-н
Испуг п
высвободил
темными у
— Пло
меньше ра
ни на что
ся прищу

СОДЕРЖАНИЕ

УБЛЮДКИ	3
УБИЙСТВО — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ	195

Georgia: she was all
woman - how could

Nancy: wo
over the

Ублюдки

ГЛАВА I

ТРУП НА ЧАЙНА-СТРИТ

1

Игральные кости зеленого цвета покатались по зеленому сукну, достигли бортика и отскочили. Одна из них вскоре замерла и показала на верхней грани шесть белых точек — по три в ряд. Вторая добралась до середины стола и там остановилась, демонстрируя одну-единственную сиротливую точку.

Нед Бимон тихонько хмыкнул, и выигравшие смели деньги со стола.

Гарри Слосс схватил кости своей бледной волосатой рукой и встряхнул их в широкой ладони.

— Ставлю двадцать пять. — Он бросил на стол два банкнота: двадцатидолларовый и пятидолларовый.

Нед Бимон отошел от стола и сказал:

— Займитесь им, ребята, мне надо подзаправиться. — Он прошел через бильярдную и в дверях столкнулся с входившим Уолтером Ивенсом.

— Привет, Уолт, — кивнул Нед и хотел пройти, но Ивенс удержал его за локоть и повернулся к нему лицом.

— Т-т-ы п-п-поговорил с П-п-полом? — С последним словом мелкие брызги слюны вылетели у него изо рта.

— Я как раз иду наверх к Полу. — Фарфорово-голубые глаза на круглом светлом лице Ивенса оживились, но тут Бимон прищурился и добавил: — Не очень-то надейся. Вот если б ты еще подождал...

У Ивенса дрогнул подбородок:

— Н-н-но р-р-ребенок родится ч-ч-через месяц.

Испуг появился в темных глазах Неда Бимона. Он высвободил руку и отступил на шаг. Уголок рта под темными усами дрогнул:

— Плохо дело, Уолт, и... да ладно... тебе же будет меньше расстройств, если раньше ноября ты не будешь ни на что рассчитывать. — И снова в его глазах появился прищуренно-пристальный взгляд.

— Но если т-т-ты ему с-с-скажешь...

— Я скажу ему все, что смогу, и тебе ли не знать, что Пол сделает что сможет, но сейчас у него трудности. — Нед пожал плечами, лицо его выражало сожаление, только глаза сторожко блестели.

Ивенс облизал губы и быстро сморгнул. Глубоко вдохнув, он обеими руками похлопал Неда Бимона по груди.

— Ид-ди наверх, — сказал он настойчиво-просительно. — Я б-б-буду ждать т-т-тебя здесь.

2

Поднимаясь по лестнице, Нед Бимон закурил тоненькую пятнисто-зеленую сигарку. На площадке второго этажа, где висел портрет губернатора, он повернул в сторону фасада дома и постучался в широкую дубовую дверь в конце коридора.

Услышав «да-да», он открыл дверь и вошел.

Пол Мэдвиг был в комнате один, он стоял у окна, спиной к двери, засунув руки в карманы брюк, и смотрел сквозь москитную сетку вниз, на Чайна-стрит.

Он медленно обернулся и произнес:

— А, это ты. — Ему было сорок пять лет, ростом он был с Неда Бимона, однако фунтов на сорок тяжелее, но при этом не было в нем никакой рыхлости. Светлые гладко прилизанные волосы были причесаны на прямой пробор. Резко очерченное дородное лицо красноватого оттенка было по-своему даже красиво. Его одежда могла показаться щегольской, если б не ее добротность.

Нед Бимон закрыл за собой дверь и сказал:

— Одолжи мне денег.

Мэдвиг вынул из нагрудного кармана большой коричневый бумажник:

— Сколько тебе?

— Двести.

Мэдвиг протянул ему сотенную, пять двадцатидолларовых и спросил:

— Кости?

— Спасибо. — Бимон сунул деньги в карман. — Да.

— Со времени твоего последнего выигрыша много воды утекло, верно? — спросил Пол, снова засовывая руки в карманы брюк.

— Как сказать — не то месяц, не то полтора.

Мэдвиг улыбнулся:

— Для проигрыша срок немалый.

— Для меня нет. — В голосе Неда прозвучало легкое раздражение.

Пол позвенел в кармане монетами.

— Как сегодня идет игра? — Он присел на угол стола, созерцая свои блестящие коричневые туфли.

Бимон с любопытством глянул на него, потом покачал головой и ответил:

— Паршиво. — Он подошел к окну. На другой стороне улицы над домами нависли тяжелые черные тучи. Пройдя к стоявшему у Мэдвига за спиной телефонному аппарату, Нед позвонил. — Алло, Берни. Это Нед. Как котируется Пегги О'Тул?.. Это все?.. Хорошо, ставлю по пятьсот на все три... Да... Видимо, пойдет дождь, а уж если польет, то она обставит Инсинератора... Ладно, предложи мне что-нибудь получше... Привет. — Он положил трубку и снова подошел к Мэдвигу.

— Ты бы попробовал переждать, раз у тебя такая невезучая полоса, — заметил Пол.

— Какой толк, — Бимон нахмурился, — это только растянет время проигрышей. Надо было поставить эти полторы тысячи на первое место, а не дробить ставку на три места. Наказание лучше получать сразу, в один прием.

Мэдвиг негромко засмеялся, поднял голову и сказал:

— Если выдержишь.

Углы рта Неда опустились вместе с усами.

— Все, что надо будет, я выдержу, — бросил он, направляясь к двери.

Бимон уже взялся за ручку, когда Мэдвиг без тени иронии произнес:

— Думаю, ты и правда выдержишь, Нед.

— Что выдержу? — хмуро переспросил Нед, обернувшись.

Мэдвиг смотрел в окно:

— А все выдержишь.

Нед Бимон пристально взглянул в лицо полуотвернувшегося Мэдвига. Тот поерзал, устраиваясь поудобнее, и опять позвенел монетами. Нед голосом, выражающим полное недоумение, спросил:

— Кто?

Мэдвиг покраснел:

— Катись ты к дьяволу.

Бимон расхохотался.

Мэдвиг смущенно ухмыльнулся, достал носовой платок с зеленой каймой и вытер лицо.

— Почему ты больше не бываешь у нас? — спросил он. — Вчера вечером мамуля сказала, что не видела тебя целый месяц.

— Может, как-нибудь вечерком на неделе загляну.

— Да уж придется. Знаешь ведь, как ты нравишься мамуле. Приходи к ужину. — Мэдвиг спрятал платок.

Нед Бимон медленно направился обратно к двери, краем глаза наблюдая за собеседником. Положив ладонь на ручку двери, он спросил:

— Об этом ты и хотел поговорить со мной?

Мэдвиг нахмурился:

— Да, то есть... — Он откашлялся. — М-м... э-э он есть еще одна вещь. — Вдруг его застенчивость как рукой сняло, внешне он стал спокойнее и увереннее в себе. — Ты в этих делах дока. В четверг день рождения мисс Генри. Как по-твоему, что ей подарить?

Нед Бимон отпустил дверную ручку. Пока он поворачивался к Мэдвигу, он погасил испуг во взгляде. Выпустив облако сигарного дыма, он спросил:

— Они что, устраивают по этому случаю праздник?

— Да.

— И пригласили тебя?

Мэдвиг покачал головой:

— Но я зван туда завтра на ужин.

Бимон поразглядывал свою сигарку, потом снова поднял глаза на Мэдвига и спросил:

— Вы будете поддерживать сенатора, Пол?

— Думаю, да.

Улыбка Неда по мягкости не уступала голосу, которым он задал следующий вопрос:

— Почему?

— Потому, — улыбнулся Мэдвиг, — что если за его спиной будем стоять мы, то он на выборах победит Роэна, и тогда с помощью сенатора все наши кандидаты проскочат так, будто у них нет соперников.

Нед Бимон сунул сигару в рот. Все так же мягко он продолжил:

— А если вы, — он подчеркнул следующие слова, — не будете стоять за его спиной, он победит?

— Ни в коем случае, — спокойно и уверенно ответил Пол.

— А сам он знает об этом? — поинтересовался Нед после краткой паузы.

— Должен бы знать лучше кого бы то ни было. А если б и не знал... Тебе-то что?

Нед Бимон криво ухмыльнулся.

— Если б он этого не знал, — заметил он, — ты не пошел бы завтра туда на ужин...

— Тебе-то что до этого? — нахмурившись, повторил Мэдвиг.

Нед Бимон вынул изо рта сигару. Она была окончательно изжевана.

— Мне-то ничего. — Он напустил на себя задумчивый вид. — Значит, ты полагаешь, что ваши кандидаты не больно нуждаются в его поддержке?

— Поддержка дело такое, что ни одному кандидату не повредит, — беззаботно ответил Мэдвиг, — но мы и без него справимся.

— Ты уже что-то пообещал ему?

Мэдвиг свел губы в трубочку:

— Дело почти решенное.

Нед побледнел.

Опустив голову, он исподлобья смотрел на Мэдвига.

— Оставил бы ты его, Пол, — произнес он низким хрипловатым голосом. — Пускай тонет.

Мэдвиг подбоченился и в легком обалдении негромко вскрикнул:

— Но, черт побери!

Нед Бимон обошел Мэдвига. Дрожащими тонкими пальцами загасил окурок в ковanej медной пепельнице на столе.

Мэдвиг сверлил взглядом спину своего молодого собеседника, пока тот не выпрямился и не обернулся, тогда он улыбнулся ему преданно и недовольно.

— Что это на тебя накатывает временами, Нед? — сокрушенно спросил он. — Все идет как надо, и вдруг ты без всякого повода лезешь в бутылку. Будь я проклят, если я тебя понимаю!

Гримаса отвращения перекосила физиономию Бимона:

— Ладно, забудь, — и тут же продолжил атаку скептическим вопросом: — Ты думаешь, когда его переизберут, он будет поддерживать тебя?

— Я с ним справлюсь, — спокойно обронил Пол.

— Возможно, но не забывай, что он ни разу в жизни не проигрывал.

— Так оно и есть, — Мэдвиг кивнул, соглашаясь. — И это самая веская причина из всех мне известных, чтобы держаться с ним заодно.

— Нет, Пол, — глубокомысленно возразил Бимон. — Это самая хлипкая причина. Подумай над этим, даже если у тебя от этого голова заболит. Глубоко ли запустила в тебя коготки его сногшибательная блондинка дочь?

— Я женюсь на мисс Генри, — ответил Мэдвиг.

Нед вытянул губы, словно собираясь присвистнуть, но не свистнул. Прищурившись, он спросил:

— Это входит в договор?

Мэдвиг улыбнулся, как мальчишка.

— Кроме тебя и меня, — по-мальчишески улыбнулся Пол, — об этом еще никто не знает.

На впалых щеках Неда Бимона проступили красные пятна. Он расцвел самой очаровательной из своих улыбок и сказал:

— Можешь быть уверен, я не пойду хвастать этим перед каждым встречным, но я дам тебе небольшой совет. Если ты в самом деле хочешь этого, добейся письменного контракта, заверенного у нотариуса, и гарантии отступного, а еще лучше — потребуй, чтобы свадьба состоялась до выборов. Так ты по крайней мере получишь свой фунт человеческого мяса — хотя она то фунтов сто десять вытянет, верно?

Мэдвиг переступил с ноги на ногу. Избегая смотреть на Бимона, он ответил:

— Не знаю, отчего ты все время говоришь о сенаторе так, будто он подлец. Он джентльмен и...

— Стопроцентный. Почитай «Пост» — один из немногих аристократов, которые еще остались в американской политике. И дочка его тоже аристократка. Именно поэтому я предупреждаю тебя — когда пойдешь к ним в гости, пришей рубашку к собственной шкуре, иначе можешь уйти оттуда в чем мать родила, ты для них какая-то низшая форма жизни, по отношению к которой не действует ни одно правило.

Мэдвиг вздохнул:

— Ох, Нед, не будь ты так чертовски...

Но тут Бимон что-то вспомнил. Глаза его злобно сверкнули.

— И мы не должны забывать, — перебил он Мэд-

жиз-
сь. —
тных,
он. —
даже
за-
дин-
т.
нуть,
нул-
ные
лы-
тим
со-
ейся.
га-
обы
ме-
на-
еть
на-
не-
ри-
ка.
ой-
ной
ла,
це-
но
эд-

виг на полуслове, — что молодой Тейлор Генри тоже аристократ, и, по всей видимости, именно поэтому ты не разрешил Оупэл иметь с ним дело. Что же получится из всего этого, если ты женишься на сестре Тейлора и он станет дядей твоей дочери или что-нибудь вроде того? Позволит ли это ему снова заняться Оупэл?

— Ты неверно понял меня, Нед, — Мэдвиг зевнул. — Я не спрашивал тебя обо всем этом. Я спросил только, что мне подарить мисс Генри.

Лицо Бимона утратило прежнюю живость и превратилось в безучастную маску.

— Далеко ли ты зашел с этой девушкой? — спросил он бесстрастно, ничем не выдавая своих мыслей.

— Никуда я не зашел. Раз пять-шесть был у сенатора и беседовал с ним. Иногда видел его дочь, иногда нет, говорил всего лишь «здравствуйте» или что-то вроде этого, да и то в присутствии других. Знаешь, мне еще просто не представился случай сказать ей что-нибудь.

Во взгляде Бимона мелькнул смешок, но тут же исчез. Ногтем большого пальца он подровнял усы и спросил:

— Ты завтра первый раз идешь к ним на ужин?

— Да, но, надеюсь, не последний.

— А на день рождения тебя, значит, не пригласили?

— Нет. — Пол поколебался. — Пока нет.

— Тогда мой ответ тебе не понравится.

Лицо Мэдвига ничего не выражало.

— И все-таки... — спросил он.

— Не дари ей ничего.

— Какого дьявола, Нед!

— Делай как знаешь, — Бимон пожал плечами. — Ты спрашивал мое мнение.

— Но почему?

— Не принято делать подарки, если ты не уверен, что его примут с удовольствием.

— Но любому же приятно...

— Возможно, только не так все просто. Когда кому-нибудь что-нибудь даришь, то подразумеваешь, что ему будет приятно...

— Я понял, — сказал Мэдвиг. Кольцом на правой руке он потер подбородок. Нахмурился и продолжил: — Вероятно, ты прав. — Его лицо прояснилось. — Но будь я проклят, если упущу эту возможность.

— Ну, тогда, может быть, цветы или что-то наподобие, — живо вставил Нед.

— Цветы? Господи! Я хотел...

— Разумеется, ты хотел подарить ей машину или жемчужное ожерелье в пару ярдов. Эта возможность представится тебе попозже. Начни поскромнее, и ты далеко пойдешь.

Мэдвиг поморщился:

— Наверное, ты прав, Нед. Ты в этом разбираешься лучше. Пусть будут цветы.

— И не слишком много. — Потом, без всякого перехода: — Уолт Ивенс трубит на весь мир, что ты должен помочь вызволить его брата.

— Мир может протрубить ему, — Мэдвиг одернул жилет, — что до выборов Тим будет сидеть.

— Ты позволишь предстать ему перед судом?

— Позволю, — ответил Мэдвиг и добавил с легким раздражением: — Ты прекрасно знаешь, Нед, что я ничего не могу тут поделаться. Выборы на носу, а женские клубы вышли на тропу войны. И устраивать сейчас дела Тима — да я с тем же успехом могу броситься в озеро.

Нед Бимон с кривой улыбкой посмотрел на Пола и сказал внушительно:

— Пока мы не занимались аристократами, нас ничуть не волновали женские клубы.

— А теперь волнуют. — Глаза Мэдвига были непроницаемы.

— Через месяц жена Тима родит, — сказал Нед Бимон.

Мэдвиг нетерпеливо выдохнул.

— Этого еще не хватало, — проворчал он. — Почему они не думают об этом, прежде чем делать пакости? Ни у одного из них нет рассудка.

— Зато есть голоса.

— То-то и оно, дьявол, — проворчал Мэдвиг. Постоял минуту, таращась в пол, потом поднял голову. — Как только посчитаем голоса, мы позаботимся о Тиме, но до этого ничего нельзя сделать.

— Ребятам это не понравится, — бросил Нед, искоса глядя на Пола. — Не знаю, как там с рассудком, но они привыкли, что о них заботятся.

Мэдвиг чуть выпятил челюсть. Пристально глядя круглыми тускло-голубыми глазами на Бимона, он мягко спросил:

— И что тогда?

Нед Бимон улыбнулся и деловито продолжил:

— Как ты понимаешь, при таком раскладе они скоро станут говорить, что раньше, когда ты не имел дел с сенатором, все было иначе.

— Ну да?

— И ты знаешь, — Бимон гнул свое, его голос и улыбка не изменились, — как мало им надо, чтобы сказать — Шед О'Рори всегда заботится о своих ребятах.

Мэдвиг, слушавший как будто предельно внимательно, сказал на это ровным и задумчивым тоном:

— Я знаю, что ты не заставишь их говорить это, Нед, и я знаю — ты сделаешь все возможное, чтобы прекратить подобные разговоры, если вдруг услышишь их.

После этого они постояли молча, глядя друг другу в глаза, без малейших изменений в лице. Паузу прервал Нед Бимон:

— Может быть, это будет не так трудно, если мы позаботимся о жене и ребенке Тима.

— Неплохая мысль. — Взгляд Мэдвига оживился, а челюсть втянулась. — Будь добр, устрой это. Дай им все, что нужно.

3

Уолтер Ивенс ждал Неда Бимона на лестничной площадке: лицо светилось надеждой, а глаза блестели.

— Ч-ч-то он с-с-сказал?

— Все, как я тебе говорил: не пройдет. После выборов сделают все, чтобы Тим вышел, но не раньше.

Уолтер Ивенс уронил голову, а из груди его вырвался сдавленный стон.

Нед положил руку на плечо этого невысокого человека и добавил:

— Плохо дело, и Пол понимает это лучше других, но он ничего не может сделать. Скажи от его имени, чтобы жена Тима не оплачивала ни одного счета. Пусть отсылает все ему — за квартиру, от врачей, из больницы, из продуктовой лавки...

Уолтер вскинул голову и обеими руками ухватился за руку Неда Бимона.

— Б-б-боже мой, это он н-н-неплохо п-п-придумал! — Фарфорово-голубые глаза увлажнились. — Но

м-м-мне бы очень х-х-хотелось, ч-ч-чтобы он вызволил Тима.

Нед Бимон сказал:

— Возможность есть всегда — произойдет что-нибудь такое, что позволит ему это сделать. — Бимон высвободил свою руку, сказал «пока» и, обойдя Ивен-са, направился к дверям бильярдного зала.

Бильярдная была пуста.

Он взял шляпу, пальто и пошел к входной двери. По Чайна-стрит хлестали длинные косые струи дождя устричного цвета. Он улыбнулся и прошептал им:

— Лейте, миленькие, лейте, цена вам три тысячи двести пятьдесят долларов.

Он вошел обратно и вызвал по телефону такси.

4

Нед Бимон убрал руки с трупа и встал. Голова мертвеца повернулась чуть влево, отклонившись от края тротуара, так что свет фонаря, горевшего на углу улицы, падал прямо в лицо. Это было лицо молодого человека, его сердитое выражение усугублял рубец, который тянулся от кромки кудрявых волос по диагонали через лоб до брови.

Бимон посмотрел вдоль Чайна-стрит вверх и вниз. Вверху он не заметил ни одного человека. Двумя кварталами ниже двое мужчин вылезали из машины у клуба «Сруб». Машину они оставили у дверей, носом к Неду, и вошли.

Несколько секунд Бимон внимательно наблюдал за машиной, потом вдруг обернулся, снова посмотрел вдоль улицы вверх и стремительно прыгнул на тротуар за ближайшее дерево. Он тяжело дышал, и, хотя в свете фонаря на его лбу поблескивали капельки пота, он передернул плечами и поднял воротник пальто.

За деревом, опираясь рукой о ствол, он простоял примерно полминуты. Потом резко выпрямился и зашагал к «Срубу». Он все ускорял шаг, наклоняясь, двигался уже чуть ли не бегом, но тут заметил на той стороне улицы встречного — сразу замедлил шаг и заставил себя идти прямо. Мужчина вошел в какой-то дом еще до того, как поравняться с Недом.

У клуба Бимон уже дышал ровно, хотя губы его бы-

ли еще бледноваты. Он мимоходом взглянул на пустую машину, поднялся по ступенькам между двумя фонарями и вошел в клуб.

Гарри Слосс и еще какой-то мужчина как раз выходили из гардероба. Они остановились и в один голос сказали:

— Привет, Нед! — Слосс добавил: — Я слышал, ты сегодня разбогател на Пегги О'Тул.

— Да.

— И сколько?

— Три тысячи двести.

— Недурственно. — Слосс облизал нижнюю губу. — Так, может, сыграем сегодня?

— Может быть, только попозже. Пол здесь?

— Не знаю. Мы только что вошли. Давай не задерживайся: я обещал своей девушке, что приду домой пораньше.

— Хорошо, — бросил Бимон и двинул в гардероб. — Пол здесь? — спросил он у служителя.

— Да, минут десять как пришел.

Нед Бимон взглянул на свои часы. Они показывали половину одиннадцатого. Он поднялся на второй этаж и вошел в комнату фасадной части дома. Мэдвиг в вечернем костюме сидел за столиком, когда появился Нед Бимон, рука его тянулась к телефонному аппарату.

Мэдвиг убрал руку и спросил:

— Как дела, Нед? — Его большое приятное лицо было спокойным и румяным.

Бимон вошел, закрыв за собой дверь:

— Бывало и похуже. — Он сел на стул, стоявший рядом с Мэдвигом. — Как прошел ужин у Генри?

В уголках глаз у Мэдвига появились складки:

— Бывало и похуже.

Нед Бимон отрезал кончик от бледной пятнистой сигары. Его дрожащие руки никак не вязались со спокойным голосом, когда он спросил:

— Тейлор тоже был там? — Не поднимая головы, он посмотрел на Мэдвига.

— На ужине — нет. А почему ты спрашиваешь?

Нед вытянул скрещенные ноги, оперся о спинку стула, небрежно махнул рукой с сигарой и сказал:

— Он лежит мертвый тут, поблизости, в сточной канаве на улице.

Мэдвиг безмятежно произнес:

— Ах вот что.

Бимон наклонился вперед. Вены набухли на его худощавом лбу. В пальцах с тихим шорохом раскрылась обертка сигары.

— Ты понял, что я сказал? — спросил он раздраженно.

Мэдвиг размеренно кивнул.

— Ну?

— Что «ну»?

— Он убит.

— Хорошо, — сказал Мэдвиг. — Ты хочешь, чтобы я впал из-за этого в истерику?

— Позвонить в полицию? — Бимон выпрямился на стуле.

Мэдвиг вскинул брови:

— Так полиция еще не знает об этом?

— Когда я его увидел, — ответил Нед, пристально взглянув на собеседника, — поблизости никого не было. Прежде чем что-либо предпринять, я хотел поговорить с тобой. Могу я сказать, что это я его нашел?

Мэдвиг опустил брови.

— Почему бы и нет? — спросил он без всякого выражения на лице.

Нед Бимон встал, сделал два шага к телефонному аппарату, остановился и снова посмотрел на Пола.

— Его шляпы там не было, — с расстановкой произнес он.

— Шляпа ему теперь не нужна. — Мэдвиг вдруг нахмурился и добавил: — Ты жуткий дурень, Нед.

— Один из нас — точно, — парировал Бимон и пошел к телефону.

5

ТЕЙЛОР ГЕНРИ УБИТ

Сын сенатора найден убитым на Чайна-стрит

Тейлор Генри, 26-летний сын сенатора Ральфа Бэнкрофта Генри, ставший, очевидно, жертвой разбойного нападения, обнаружен вчера вечером вскоре после десяти часов мертвым на Чайна-стрит близ пересечения с Памела-авеню.

Коронер Вильям Дж. Хуупс констатировал, что смерть молодого Генри наступила в результате трещины в черепе и сотрясения мозга от падения затылком на край тротуара после того, как его ударили в лоб ре-

его
ши-
дра-
обы
на
бно
ло.
ить
вы-
ому
ро-
руг
по-
фа
ой-
сле
ния
что
ци-
ком
ре-

зиновой дубинкой или каким-то другим тупым предметом.

Полагают, что первым труп увидел Нед Бимон, живущий в доме № 914 на авеню Рэндал, который пошел, чтобы позвонить по телефону из расположенного двумя кварталами ниже клуба «Сруб», но прежде чем он успел соединиться с полицейским управлением, труп заметил и сообщил об этом полицейский Майкл Смит. Начальник полиции Фредерик М. Рейни немедленно отдал распоряжение задерживать в городе любого подозрительного и сообщил, что примет все меры для незамедлительной поимки убийцы или убийц.

По свидетельству членов семьи, Тейлор Генри вышел из своего дома на Чарльз-стрит примерно в половине десятого, чтобы...

Отложив газету, Нед Бимон в несколько глотков выпил кофе, поставил чашку и блюдо на тумбочку и облокотился на подушку. Лицо у него было усталым и бледным. Он натянул одеяло до самого подбородка, закинул руки за голову и с недовольным видом принялся изучать гравюру, висевшую в простенке между окнами спальни.

Так он пролежал полчаса, иногда моргая. Потом взял газету и перечитал сообщение. Пока он углублялся в текст, неудовлетворенность разлилась по всему его лицу. Он снова отложил газету, медленно и устало встал с постели, завернул свое тощее тело поверх белой пижамы в коричнево-черное кимоно с мелким рисунком, сунул ноги в коричневые туфли, откашлялся и направился в гостиную.

Это была большая старомодная комната с высоким потолком и широкими окнами, с огромным зеркалом, возвышающимся над камином, и мебелью, обитой красным плюшем. Бимон взял из коробки на столе сигару и опустился в просторное красное кресло. Ноги покоились в четырехугольнике позднего утреннего солнца, и дым, который он выпускал, попадая в луч света, вдруг становился осязаемым. Он хмурился и кусал ногти в промежутках между затычками.

В дверь постучали. Бимон настороженно выпрямился.

— Войдите!

Вошел официант в белой куртке.

— А-а, это вы, — разочарованно протянул хозяин и снова откинулся на красный плюш кресла.

Официант направился в спальню, оттуда вышел с подносом, и удалился. Нед Бимон бросил окурок в камин и пошел в ванную комнату. После того как он побрился, принял ванну и оделся, лицо его уже не было таким землистым, а осанка такой усталой.

6

Еще не наступил полдень, когда Нед Бимон вышел из своей квартиры и пешком прошел восемь кварталов до светло-серого доходного дома на Линк-стрит. Он нажал на кнопку в холле, услышав щелканье дверного замка, вошел и на небольшом автоматическом лифте доехал до шестого этажа.

Он надавил кнопку звонка на двери под номером 611. Дверь тут же открыла невысокая девушка, которой несколько месяцев назад вполне могло исполниться двадцать лет. Глаза у нее были темные и сердитые, и все лицо ее, кроме глазных впадин, было белым и злым.

— О, здравствуйте, — произнесла она и улыбнулась, неопределенным примиряющим жестом извиняясь за свою злость. Ее тоненький голос отдавал металлом. Она была в коричневом меховом мантио, но без шляпы. Короткие волосы, почти черные, прилегали к круглой головке и блестели, как эмаль. В мочках ее ушей поблескивал сердолик в золотой оправе. Она отступила назад, пропуская его.

— Берни уже наверху? — спросил Бимон, переступая порог.

Лицо девушки опять закипело злобой. Пронзительным голосом она сказала:

— Это мерзкое отродье?! — до чего пронзителен был ее голос!

Не оборачиваясь, Нед закрыл за собой дверь.

Девушка подошла к нему, схватила его руки выше локтей и попыталась встряхнуть его.

— Ты знаешь, что я сделала ради этого подонка? — спросила она. — Я оставила лучший дом, какой вообще мог быть у девушки, я оставила отца и мать, которые считали меня самой непорочной девой Марией. Они говорили мне, что он ничего не стоит. Все говорили мне это, и они были правы, а я была слишком глупа, чтобы

это понять. Зато теперь я понимаю, еще как понимаю. Это... — Дальше последовали непристойности все тем же пронзительным голосом.

Нед Бимон не шевелился и слушал с величайшей серьезностью. Глаза его сейчас были совсем больные. Когда девушка на миг остановилась, чтобы перевести дух, Нед спросил:

— Что он натворил?

— Натворил? Он слинял, этот... — фраза завершилась отборной бранью.

Нед Бимон вздрогнул. Он растянул свои губы в улыбке, но получилась она очень жалкой.

— Для меня он ничего не оставил?

Девушка лязгнула зубами и приблизила свое лицо к лицу Неда Бимона. Ее глаза расширились.

— Он тебе что-нибудь должен?

— Я выиграл... — Нед Бимон откашлялся. — Я должен был выиграть вчера в четвертом забеге три тысячи двести пятьдесят долларов.

Девушка отпустила его руки и презрительно рассмеялась.

— Попробуй их получить! Смотри! — Она вытянула руки. На мизинце ее левой руки красовался перстенок с сердоликом. Она подняла руки и коснулась своих сережек с сердоликом. — Эти чертовы побрякушки — все, что он мне оставил, забрал бы и эти, да они как раз были на мне.

Деланно-равнодушно Нед спросил:

— Когда это произошло?

— Вчера вечером, хотя до меня дошло это только сегодня утром, но ты не думай, я заставляю этого сукиного сына от души пожалеть, что мы когда-то встретились. — Девушка сунула руку за пазуху и вытащила ее сжатую в кулак. Поднесла его к лицу Неда Бимона и разжала. На ладони трепыхались три скомканных клочка бумаги. Едва Нед Бимон попытался их схватить, девушка снова сжала пальцы в кулак и отскочила, убрав руку.

Нетерпеливо передернув уголками губ, Бимон опустил руку.

— Ты видел, что сегодня пишут в газетах о Тейлоре Генри?

«Да» Неда Бимона прозвучало достаточно нейтрально, но ему пришлось перевести дыхание, так что грудь его поднялась и опала.

— Знаешь, что это такое? — Девушка снова показала три скомканные бумажки.

Нед Бимон покачал головой. Прищуренные глаза его сверкали.

— Это долговые расписки Тейлора Генри, — победно заявила девушка. — На тысячу двести долларов.

Нед Бимон уже хотел было что-то ответить, но сдержался. Когда он заговорил, голос у него был бесстрастный.

— Теперь, когда Тейлор Генри мертв, эти векселя не стоят и пяти центов.

Девушка снова сунула документы за пазуху.

— Знаешь, — она подошла к Неду Бимону, — они никогда не стоили и пяти центов, именно поэтому Тейлор Генри теперь труп.

— Это твое предположение?

— Назови это как тебе заблагорассудится. Но я скажу одно: Берни в пятницу звонил Тейлору и велел ему в три дня выложить деньги.

Нед Бимон пригладил ногтем большого пальца усы.

— Ты случаем не того? — осторожно спросил он.

Девушка состроила злую мину.

— Конечно, я того, — ответила она. — Я достаточно того, чтобы отнести их в полицию, и я так и сделаю. Но если ты думаешь, что этого не было, то ты просто тупой обормот.

Неда Бимона это, казалось, все еще не убедило.

— Откуда они у тебя?

— Из сейфа. — Девушка кивнула прилизанной головкой в глубь квартиры.

— В котором часу он вчера удрал?

— Не знаю. Я пришла домой полдесятого и чуть ли не всю ночь просидела наверху, поджидая его. И только утром начала понимать, что дело нечисто. Огляделась и увидела, что он умотал со всеми денежками до единого цента и всеми моими украшениями, кроме тех, что были на мне.

Нед Бимон опять пригладил ногтем большого пальца усы и спросил:

— Куда же он, по-твоему, мог уехать?

Девушка топнула и, потрясая кулаками, опять принялась чихвостить Берни разъяренно-пронзительным голосом.

— Перестань! — Бимон схватил девушку за запястья. — Если ты и дальше намерена только чесать язы-

ком, то лучше отдай эти бумаги мне, и я займусь делом.

Девушка вырвала руки и крикнула:

— Ничего я тебе не дам. Я отдам эти бумаги в полицию, и больше ни одна сволочь их не получит.

— Хорошо, хорошо, так сделай же это. Кстати, Ли, куда он, по-твоему, отправился?

Ли злобно ответила, что не знает, куда отправился Берни, но знает, куда, на ее взгляд, он должен был бы отправиться прежде всего.

— Давай, давай, — устало заметил Бимон. — Остроты нам сейчас жуть как помогут. Ты думаешь, он вернулся обратно в Нью-Йорк?

— Откуда мне знать? — Ли вдруг насторожилась.

От досады на щеках у Неда Бимона выступили красные пятна.

— Что на тебя нашло? — спросил он подозрительно.

— Ничего. А почему ты спрашиваешь? — Лицо Ли стало маской невинности.

Нед наклонился к девушке. Он заговорил значительно и серьезно, медленно кивая головой в такт словам:

— Ты только не думай, что ты не пойдешь с этими бумагами в полицию, Ли, ты пойдешь туда.

— Конечно, пойду, — ответила Ли.

7

В нижнем этаже дома была аптека, и Нед Бимон позвонил оттуда. Он связался с полицейским управлением, попросил лейтенанта Дулана и сказал:

— Лейтенант Дулан?.. Я говорю по поручению мисс Ли Уилшир. Она находится в квартире Берни Деспейна, Линк-стрит, 1666. Похоже, вчера вечером Берни внезапно исчез, оставив несколько векселей Тейлора Генри... Да-да, и мисс Уилшир говорит, что слышала, как Берни пару дней назад угрожал Тейлору Генри... Да, и она хочет как можно скорее встретиться с вами... Нет, лучше приходите вы или пришлите сюда кого-нибудь как можно быстрее... Да... Это не имеет значения. Вы меня не знаете. Я говорю просто от имени мисс Уилшир, потому что она не хотела звонить из квартиры Берни... — Он послушал еще минуту и, не проронив больше ни слова, положил трубку и вышел из аптеки.

Нед Бимон поднялся по лестнице импозантного дома красного кирпича, стоявшего в ряду таких же впечатляющих домов в верхней части Темза-стрит. На его звонок вышла молодая негритянка, улыбка озарила ее коричневое личико:

— Добрый день, мистер Бимон, — проворковала она, широко открыв двери — любезное приглашение войти.

— Здравствуй, Джун, — ответил Бимон. — Кто-нибудь есть дома?

— Да, сэр, они еще обедают.

Нед направился в столовую, где Пол Мэдвиг с матерью сидели друг напротив друга за столом, покрытым скатертью в красно-белую клетку. У стола стоял еще один стул, но он был пуст, и столовый прибор перед ним сиял девственной чистотой.

Мать Пола Мэдвига была высокой худощавой женщиной, ее светлые волосы, несмотря на то, что ей было уже за семьдесят, еще не совсем поблекли. У нее были такие же голубые, ясные и молодые глаза, как у сына. Они казались даже моложе, чем у сына, когда она взглянула на входившего Неда Бимона. Зато стали заметнее морщины.

— А, вот наконец и ты. Ты нехороший мальчик, так бесцеремонно бросить меня, старуху.

— Ох, мамуля, — Нед посмотрел на нее, нахально улыбнувшись, — я уже большой мальчик, и мне приходится работать. — Он кивнул Мэдвигу: — Привет, Пол.

— Присаживайся, — ответил Мэдвиг, — Джун найдет тебе чего-нибудь поесть.

Бимон наклонился, чтобы поцеловать худую руку, которую протянула ему миссис Мэдвиг. Она отняла руку и рассердилась:

— Где это ты выучился таким замашкам?

— Я же сказал тебе, что я уже большой мальчик. — Он обернулся к Мэдвигу: — Спасибо, я всего несколько минут как позавтракал. — Он показал глазами на пустой стул: — А где Оупэл?

— В постели, — ответила миссис Мэдвиг, — она неважно себя чувствует.

Нед кивнул, выдержал вежливую паузу и спросил:

— Ничего серьезного? — и посмотрел на Пола.

Тот покачал головой:

— Головная боль или что-то в этом роде. По-моему, эта девушка злоупотребляет танцами.

— Хороший же ты отец, если не знаешь, отчего у твоей дочери головные боли, — заметила миссис Мэдвиг.

Глаза Мэдвига сузились.

— Ну, знаешь, мамуля, не выходи за рамки приличия, — огрызнулся он и повернулся к Неду. — Что хорошего слышно?

Нед Бимон обогнул миссис Мэдвиг и подошел к пустому стулу. Сел и сказал:

— Берни Деспейн исчез вчера вечером из города вместе с деньгами, которые я выиграл на Пегги О'Тул.

У Пола округлились глаза.

— Он оставил векселя Тейлора Генри на тысячу двести долларов, — добавил Бимон.

Пол прищурился.

— Ли говорит, — продолжал Нед, — что Берни в среду звонил Тейлору и дал ему три дня сроку на уплату по долговым распискам.

Мэдвиг тронул подбородок тыльной стороной руки.

— Кто это, Ли?

— Девчонка Берни.

— А-а. — Нед молчал, и Мэдвиг спросил: — Берни сказал, что он сделает, если Тейлор не выложит деньги?

— Об этом я ничего не слыхал. — Бимон положил на стол локоть и, опершись на него, наклонился к собеседнику. — Пол, сделай меня помощником шерифа или еще кем-нибудь.

— Ради бога! — воскликнул Мэдвиг, прищурившись. — Зачем тебе это нужно?

— Это облегчило бы мою жизнь. Я отправлюсь искать этого человека, и если я обзаведусь документом, то, возможно, у меня будет меньше неприятностей.

Мэдвиг озабоченно разглядывал его.

— С чего это ты так распалился? — медленно спросил он.

— Три тысячи двести пятьдесят долларов.

— Это ясно, — произнес Мэдвиг с расстановкой, — но что-то грызло тебя еще вчера вечером, еще до того, как ты узнал, что Берни удрал с твоими деньгами.

— Ты думаешь, — Бимон сделал нетерпеливый жест, — я каждый божий день натыкаюсь на трупы и

глазом не моргну при этом? — спросил он. — Ну да ладно. Сейчас не это важно. Важно, что я должен отловить его. Должен.

Он был бледен и решителен, а в голосе — серьезность отчаяния.

— Послушай, Пол: дело не только в деньгах; три тысячи двести долларов сумма немалая, но даже будь дело только в пяти долларах, ничего бы не изменилось. Я два месяца не выигрывал вообще, и это меня раздражает. Чего же я стою, если мне больше не везет? И тут вдруг — выигрыш, или я думаю, что выиграл и со мной опять все в порядке. Я могу перестать поджимать хвост и снова почувствовать себя человеком, а не размазней, кому всякий может поддать ногой под зад. Деньги вещь довольно важная, но не главная. Вопрос в том, как это действует на меня — проиграл, проиграл, снова проиграл. Понимаешь? Меня это почти доконало. И вот, когда я думаю, что фортуна поглядела в мою сторону, этот человек дает мне такого пинка. Я этого не перенесу. Если я это оставлю, значит, на мне можно поставить крест. Я этого не спущу. Я поеду за этим человеком. Я поеду в любом случае, но ты можешь спрямить мне путь, если обеспечишь мой тыл.

Мэдвиг вытянул свою большую руку и потрепал по щеке Неда Бимона.

— Какого дьявола, Нед! — воскликнул он. — Разумеется, я обеспечу тебе тылы. Одно мне не по душе, что ты впутываешься в эту историю, а... дьявол с ним!.. раз такое дело... наверно, лучше всего сделать тебя следователем окружной прокуратуры по особо важным делам. Тогда ты будешь подчиняться Фарру, а он в твои дела вмешиваться не станет.

Миссис Мэдвиг встала, держа в обеих руках по тарелке.

— Если б я не взяла за правило никогда не вмешиваться в мужские дела, — строго заметила она, — то у меня нашлось бы несколько слов для вас обоих о том, что вы занимаетесь Бог знает чем, и это, по всей вероятности, навлечет на вашу шею Бог знает какие неприятности.

Нед Бимон улыбался до тех пор, пока миссис Мэдвиг не удалилась вместе с тарелками. Тут сразу посерьезнел:

— Устрои
до готово?
— Ну конечн
звоню Фарру. И
то... ну, ты сам з
— Это уж то
шел из комнаты.
Вошла Джун
— Как ты
сил Нед.
— Нет, сэр,
— Сбегай на
нутку.
— Да, сэр,
Когда негри
заходил по ком
ные пятна сдел
вошел Мэдвиг,
в угол.
— Порядок,
окажется на м
и тебе не нужн
— Спасибо,
чернокожую де
— Мисс Оу

Комната О
тонах. Сама с
опершись на
была голубогл
высокая, с ро
розовой чисто
шие.

Она полож
коленях, прот
крепкие белы

— Здравс
Нед не вз
по тыльной ст

— Привет
кровати. Скр
мана сигару
ную боль?

— Устроишь это дело сразу, чтобы к вечеру все было готово?

— Ну конечно, — кивнул Мэдвиг, вставая. — Я позвоню Фарру. И если я смогу еще что-нибудь сделать, то... ну, ты сам знаешь.

— Это уж точно, — отозвался Бимон. Мэдвиг вышел из комнаты.

Вошла Джун и принялась убирать со стола.

— Как ты думаешь, мисс Оупэл спит? — спросил Нед.

— Нет, сэр, я только что отнесла ей чай и тосты.

— Сбегай наверх, спроси, могу я заглянуть на минутку.

— Да, сэр, сейчас.

Когда негритянка вышла, Нед встал из-за стола и заходил по комнате. Проступившие под скулами красные пятна сделали теплее его худые щеки. В комнату вошел Мэдвиг, и Нед перестал расхаживать из угла в угол.

— Порядок, — сказал Мэдвиг. — Если Фарра не окажется на месте, иди к Барберо. Он уладит дело, и тебе не нужно ничего ему говорить.

— Спасибо, — поблагодарил Нед и посмотрел на чернокожую девушку, появившуюся в дверях.

— Мисс Оупэл ждет вас, — сказала Джун.

9

Комната Оупэл Мэдвиг была выдержана в голубых тонах. Сама она в серебристо-голубом халате сидела, опершись на подушки, когда вошел Нед Бимон. Она была голубоглазая, как ее отец и бабка, как и они, высокая, с резкими чертами лица и еще по-детски розовой чистой кожей. Глаза у нее были покрасневшие.

Она положила тост на поднос, который держала на коленях, протянула Неду руку и улыбнулась, показав крепкие белые зубы:

— Здравствуй, Нед. — Голос ее звучал неуверенно.

Нед не взял протянутую руку. Он легонько хлопнул по тыльной стороне ее руки.

— Привет, пташка, — сказал он и сел в изножье кровати. Скрестил длинные ноги и вынул из кармана сигару: — Дым не подействует на твою головную боль?

— Да нет, — ответила девушка.

Нед кивнул как бы про себя и сунул сигару обратно в карман. Беззаботное выражение исчезло с его лица. Он повернулся на кровати, чтобы получше видеть Оупэл. Глаза у него увлажнились от сочувствия.

— Я знаю, девочка, что тебе тяжело.

Оупэл посмотрела на него невинным детским взглядом.

— Нет, на самом деле голова уже почти не болит, да и не было ничего такого страшного. — Голос ее окреп на глазах.

Нед Бимон улыбнулся ей полоской губ и спросил:

— Значит, я уже чужой?

Между бровей девушки пролегла морщинка:

— Я не знаю, что ты хочешь этим сказать, Нед.

— Я имею в виду Тейлора, — посуровев лицом, ответил он.

Поднос дрогнул на коленях Оупэл, но в лице ее ничего не переменялось.

— Да, но... знаешь... я не видела его уже несколько месяцев, после того, как отец...

Нед Бимон резко поднялся. Направляясь к двери, он бросил через плечо:

— Ладно.

Девушка ничего не ответила.

Выйдя из комнаты, Нед спустился по лестнице.

Пол Мэдвиг надевал в передней пальто.

— Из-за этих договоров о канализации я должен пойти в контору. Если хочешь, подброшу тебя в прокуратуру.

— Отлично... — едва успел сказать Бимон, как сверху донесся голос Оупэл:

— Нед! Послушай, Нед!

— Сейчас, — крикнул Нед Бимон в ответ и бросил Мэдвигу: — Если спешишь, не жди меня.

Мэдвиг посмотрел на часы.

— Мне надо бежать. Встретимся вечером в клубе?

— Угу, — буркнул Бимон и снова пошел вверх по лестнице.

Оупэл оттолкнула поднос к спинке кровати.

— Закрой дверь. — Когда Нед закрыл дверь, Оупэл подвинулась в постели, чтобы он сел рядом. — Зачем ты так?

— Ты не должна лгать мне, — строго сказал Бимон, усаживаясь.

— Но Нед! — Голубые глаза Оупэл испытующе смотрели в карие глаза Неда.

— Когда ты в последний раз видела Тейлора?

— Ты имеешь в виду, когда я с ним разговаривала? — Лицо и голос Оупэл были само откровение. — Я уже несколько недель не...

Бимон резко встал. Идя к двери, он бросил через плечо:

— Ладно.

Он успел сделать всего шаг до двери, как девушка взмолилась:

— Ох, Нед, не мучай меня.

Нед медленно и безучастно обернулся к ней.

— Разве мы не друзья? — спросила Оупэл.

— Друзья, — тут же ответил Нед Бимон, но не слишком живо, — только об этом тяжело помнить, когда мы лжем друг другу.

Оупэл повернулась на бок, легла щекой на подушку и беззвучно заплакала. Слезы капали на подушку, образуя сероватое пятно.

Бимон вернулся к кровати, снова сел рядом с Оупэл и переместил ее голову с подушки на свое плечо.

Оупэл плакала несколько минут. Потом, не поднимая головы, она сказала ему прямо в пиджак:

— Ты... ты знал, что я с ним встречаюсь?

— Да.

Оупэл выпрямилась, у нее сердце замерло.

— И отец тоже знал?

— Не думаю.

Оупэл снова приклонила голову к плечу Неда, поэтому следующие слова опять прозвучали приглушенно.

— Ох, Нед, еще вчера мы были с ним вместе весь вечер!

Нед Бимон обнял ее покрепче, но ничего не сказал.

После очередной паузы Оупэл спросила:

— Кто... кто, по-твоему, мог это сделать?

Нед Бимон вздрогнул.

Оупэл вдруг подняла голову. Теперь в ней не было и тени прежней слабости.

— Ты знаешь, Нед?

Он колебался, облизал губы и пробормотал:

— Думаю, что знаю.

— Кто? — спросила разъяренная Оупэл.

Нед опять заколебался, избегая взгляда Оупэл, и медленно спросил:

— Обещаешь держать язык за зубами, пока не придет нужное время?

— Да, — живо ответила Оупэл, но, когда Нед Бимон уже собирался что-то сказать, Оупэл остановила его, ухватившись обеими руками за плечо. — Погоди. Я не буду обещать, если ты не пообещаешь мне, что он не уйдет, что его поймают и он будет наказан.

— Этого я не могу обещать. Никто не может.

Оупэл, закусив губу, пристально посмотрела на Неда Бимона и сказала:

— Хорошо, я обещаю в любом случае. Кто это?

— Тейлор говорил тебе когда-нибудь, что он задолжал игроку по имени Берни Деспейн и не мог заплатить?

— И это... это Деспейн?

— Я думаю, да, но говорил ли тебе Тейлор о своем долге?

— Я знала, что у него какие-то неприятности. Это он мне сказал, но в подробности не посвящал. Только вот еще с отцом у него вышла ссора — какие-то денежные дела, и он был... как он сказал, «в отчаянии».

— Деспейна он не называл?

— Нет. А в чем дело? Почему ты думаешь, что это сделал Деспейн?

— У него на руках были векселя Тейлора больше чем на тысячу долларов, и он никак не мог получить деньги. Вчера вечером он ретировался из города. Его разыскивает полиция. — Бимон понизил голос и чуть искоса посмотрел на Оупэл. — Ты готова сделать что-нибудь, чтобы поймать его?

— Да. А что?

— Я имею в виду нечто не совсем обычное. Видишь ли, доказать его вину будет нелегко, но если он действительно виновен, то согласна ли ты сделать кое-что... ну, скажем... несколько необычное, чтобы не оставалось никаких сомнений в его вине?

— Что угодно, — ответила Оупэл.

Нед Бимон вздохнул и пожевал губами.

— Что я должна сделать? — спросила, воспрянув, Оупэл.

— Мне нужна его шляпа.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты принесла мне какую-нибудь шляпу, которую носил Тейлор, — повторил Бимон. Его лицо порозовело. — Можешь ты это сделать?

Оупэл была в недоумении.

— Но зачем, Нед?

— Чтобы вина Деспейна была доказана наверняка... Это все, что я могу сказать тебе сейчас. Ты можешь сделать это или нет?

— Я... думаю, что смогу, но мне бы хотелось, чтобы ты...

— Как скоро?

— Наверное, сегодня к вечеру, — сказала Оупэл, — но мне бы хотелось...

Нед Бимон снова прервал ее:

— Тебе незачем об этом знать. Чем меньше ты будешь знать, тем лучше, это относится и к шляпе. — Он обнял Оупэл и притянул ее к себе. — Ты всерьез любила его, птичка, или дело было просто в том, что твой отец...

— Я любила его всерьез, — всхлипнула Оупэл. — Я на самом деле любила.

ГЛАВА II

ФОКУС СО ШЛЯПОЙ

1

В шляпе, которая не подходила ему по размеру, Нед Бимон шел за носильщиком, тот вез его вещи из здания Большого центрального вокзала через выход на Сорок вторую улицу к такси каштанового цвета. Он дал носильщику чаевые, сел в такси, назвал шоферу адрес ближайшего к Бродвею в районе Сороковых улиц отеля, откинулся на спинку сиденья и закурил сигару. Он скорее жевал ее, чем курил, пока такси медленно ползло к Бродвею в потоке других машин.

На Мэдисон-авеню зеленое такси, летевшее на красный свет светофора, так долбануло каштановое такси, что оно ударилось о машину, стоявшую на краю тротуара, а Нед Бимон под градом осколков отлетел в угол сиденья.

Он встряхнулся и вылез из такси в уже собравшуюся толпу. Нет, с ним ничего не случилось, сказал он. Потом ответил на вопросы полицейского. Нашел шляпу, не подходившую ему по размеру, и надел ее. Велел перенести свои вещи в другое такси, дал новому води-

телю адрес отеля и всю дорогу сидел, сжавшись, в углу машины.

Зарегистрировавшись в отеле, он спросил почту, получил две телефонограммы и два заклеенных, но без марки конверта.

Он попросил рассыльного, который проводил его в номер, принести бутылку ржаного виски. Когда тот ушел, он повернул ключ в замке и прочел телефонограммы. Оба звонка были приняты в один день, один в 4.50 пополудни, другой в 8.05 пополудни. Он взглянул на свои часы. Они показывали 8.45 пополудни.

В первом сообщении было написано: «Гаргойл», во втором: «Том и Джерри. Позвоню попозже». Оба были подписаны — «Джек».

Бимон вскрыл первый конверт. В нем было два листка бумаги, исписанных волевым мужским почерком и датированных предшествующим днем.

«Она в «Матини», комната 1211, зарегистрировалась как Эйлин Дейл из Чикаго. С вокзала она позвонила и встретила с мужчиной и женщиной, живущими на 30-й улице. Они обошли несколько мест, главным образом тайные притоны, очевидно, в поисках Берни, но, похоже, им не везло. Номер моей комнаты 734. Мужчину и женщину зовут Брук».

Записка в другом конверте была написана той же рукой, а датирована днем позже.

«Сегодня утром видел Диворда, но он сказал, что ничего не знает о пребывании Берни в городе. Попозже позвоню».

Оба сообщения были подписаны — «Джек».

Нед Бимон помылся, надел чистое белье, которое достал из дорожной сумки, и закурил сигару, когда пришел рассыльный с бутылкой виски. Он заплатил мальчику, принес из ванной комнаты стакан и пододвинул стул к окну. Так он сидел, курил, потягивая виски и разглядывая противоположную сторону улицы, пока не зазвонил телефон.

— Алло, — сказал он в трубку. — Да, Джек... Прямо сейчас... Где?... Как бы то ни было... Как бы то ни было, уже иду.

Он отхлебнул еще глоток виски, надел шляпу, не подходившую ему по размеру, взял брошенное на стул пальто, надел его, похлопал по карману, погасил свет и вышел.

Было десять минут десятого.

В здании с верти
и Джерри», которая
творческая распахн
Нед вошел в узкий
дора вела в неболь
Из-за углового ст
указательным паль
молод и проворен, с
тичным лицом.
Бимон подошел.
— Привет, Дже
вались рукопожатие
— Девушка и
Джек. — Ты будеш
жу, когда они вый
достаточно людей,
Нед подсел к ст
— Они ждут ег
— Не знаю, —
то они медлят. Хо
— Я хочу вып
местечко, где они
— Зал не ахти
есть пара «кабине
них, но, если вой
заметит нас.
— Рискнем. Я
Берни, то я прек
Джек удивлен
отвел взгляд и ск
— Дело тво
бинет. — Он пок
пошел.
Нед Бимон п
этот шустрый м
поднимется по н
спускался. Со
Нед Бимон под
— Свободен
ной к нам, так
Бруков.
Они полн

В здании с вертикальной сияющей рекламой «Том и Джерри», которая была видна с Бродвея, была двустворчатая распашная стеклянная дверь, через которую Нед вошел в узкий коридор. Дверь в левой стене коридора вела в небольшой ресторан.

Из-за углового столика поднялся мужчина и поманил указательным пальцем. Мужчина был среднего роста, молод и проворен, с гладким смуглым, довольно симпатичным лицом.

Бимон подошел.

— Привет, Джек, — сказал он, когда они обменивались рукопожатием.

— Девушка и эти Бруки наверху, — сказал Джек. — Ты будешь сидеть спиной к лестнице. А я увижу, когда они выйдут или войдет Берни. Между нами достаточно людей, которые скроют тебя от него.

Нед подсел к столу Джека.

— Они ждут его?

— Не знаю, — Джек пожал плечами, — но отчего-то они медлят. Хочешь есть? Пить здесь внизу нечего.

— Я хочу выпить. Нельзя ли наверху найти такое местечко, где они нас не заметят?

— Зал не ахти как велик, — возразил Джек. — Там есть пара «кабинетов», может быть, мы укроемся от них, но, если войдет Берни, он, по всей вероятности, заметит нас.

— Рискнем. Я хочу выпить, а если сюда явится Берни, то я прекрасно могу поговорить с ним тут же.

Джек удивленно посмотрел на Неда Бимона, потом отвел взгляд и сказал:

— Дело твое. Я посмотрю, есть ли свободный кабинет. — Он поколебался, еще раз пожал плечами и пошел.

Нед Бимон повернулся на стуле, чтобы видеть, как этот шустрый молодой человек дойдет до лестницы и поднимется по ней. Он следил за лестницей, и когда тот спускался. Со второй ступеньки Джек кивнул. Когда Нед Бимон подошел к нему, он сказал:

— Свободен лучший кабинет, и девушка сидит спиной к нам, так что ты по пути сможешь взглянуть на Бруков.

Они поднялись по лестнице. «Кабинеты» — загон-

чики с деревянными перегородками на уровне груди со столами и скамьями — располагались направо от лестницы. Им пришлось развернуться и смотреть вдоль широкого сводчатого прохода мимо стойки бара, чтобы увидеть обеденный зал на втором этаже.

Бимон впился взглядом в спину Ли Уилшир, одетую в желтовато-коричневое платье без рукавов и коричневую шляпу. Коричневое манто Ли висело на спинке стула. Потом он разглядел ее соседей. Слева от нее сидел бледный мужчина с орлиным носом и выступающим подбородком, хищник лет сорока. Напротив Ли расположилась дородная рыжая тетка с широко расставленными глазами. Она смеялась.

Нед Бимон прошел за Джеком в кабинет. Они сели друг против друга. Нед — спиной к залу, поближе к краю скамьи, чтобы максимально укрыться за перегородкой. Он снял шляпу, но остался в пальто.

Подошел официант.

— Ржаное виски, — сказал Бимон.

— Джин, — попросил Джек.

Джек распечатал пачку, вынул сигарету, рассмотрел ее и сказал:

— Это твоя игра, и я работаю на тебя, но это не самое удачное место выходить против него, если у него тут друзья.

— А они есть?

Джек сунул сигарету в угол рта, так что в такт его словам она дергалась вверх-вниз как дирижерская палочка:

— Если они его ждут здесь, значит, это может быть то место, где он часто бывает.

Пришел официант с напитками. Нед немедленно опустошил свой бокал и пожаловался:

— Одна вода.

— Да, наверное, — согласился Джек и отхлебнул глоток из своего бокала. Он закурил и отпил еще глоток.

— Ну, — сказал Нед Бимон, — я подойду к нему, как только он покажется.

— Давай. — Красивое смуглое лицо Джека было непроницаемо. — А мне что делать?

— Предоставь это мне, — ответил Нед и подозвал официанта.

Он заказал двойное шотландское виски, Джек — еще одну порцию джина. Нед Бимон опустошил свой

бокал, как только его принесли. Джек позволил унести свой недопитый бокал и отпивал из второго небольшого глотками. Вскоре Бимон заказал еще одно двойное виски и еще одно, между тем как Джек не успел выпить и одного бокала.

Тут по лестнице поднялся Берни Деспейн.

Джек, следивший за лестницей, увидел игрока и под столом наступил Бимону на ногу. Нед посмотрел поверх своего пустого бокала, и глаза его вдруг сделались жесткими и холодными. Он положил ладони на стол и встал. Вышел из кабинета и оказался прямо перед Деспейном.

— Мне нужны мои деньги, Берни, — сказал он.

Человек, который поднимался по лестнице следом за Деспейном, обогнул его и левой рукой нанес Бимону сильнейший удар. Роста он был невысокого, но широкоплеч, а кулаки у него были с голову младенца.

Нед отлетел к стенке кабинета. Он согнулся пополам, ноги подкосились, но он не упал. Секунду-другую он находился в таком положении. С застывшим взглядом и позеленевшей физиономией. Потом произнес что-то никому не понятное и побрел к лестничной площадке.

Вялый, бледный и с непокрытой головой, он спустился по лестнице. Пересек зал нижнего этажа, вышел в дверь и доковылял до тротуара, где его вырвало. Когда тошнота прошла, он подошел к такси, стоявшему неподалеку, влез в него и дал водителю какой-то адрес в Гринвич Виллидж.

3

Бимон выбрался из такси у дома, из открытой двери которого на темную улицу изливались шум и свет. Он спустился по кирпичной лестнице, вошел через дверь подвального этажа в тесное помещение, где два бармена в белых куртках за стойкой бара длиной в двадцать футов обслуживали дюжину мужчин и женщин, а два официанта сновали между занятыми столиками.

— Силы небесные, Нед! — воскликнул лысый бармен, поставил на стойку розовый напиток, который он как раз смешивал в высоком бокале, и протянул мокрую руку.

— Привет, Мак, — ответил Бимон и пожал влажную руку.

Пожать руку Неду Бимону подошел один из официантов, а за ним полный краснолицый итальянец, которого Нед звал Тони. Когда все обменялись приветствиями, Бимон объявил, что он ставит всем.

— Черта лысого ты ставишь, — сказал Тони. Он обернулся к стойке бара и постучал по ней пустым бокалом из-под коктейля. — Этот человек сегодня вечером не купит здесь даже стакана воды, — сказал он, обратив на себя внимание барменов. — Все, что он выпьет, — бесплатно.

— Ничего не имею против, — согласился Нед. — Главное, что я смогу выпить. Двойную порцию шотландского виски.

В другом конце комнаты из-за стола встали две девушки.

— Эй, Нед, привет! — крикнули они в один голос.

Нед Бимон сказал Тони:

— Я сейчас, — и пошел к девушкам. Они обняли его, забросали вопросами, познакомили его с мужчинами, с которыми сидели, и потеснились за столом, чтобы дать ему местечко.

Он сел, ответил на их расспросы, что в Нью-Йорке он ненадолго, только в гости, и что он пьет двойное виски.

Около трех часов они поднялись из-за стола, вышли из бара Тони и пошли в другой, точно такой же бар, в трех кварталах от этого. Там они сидели за столиком, почти не отличимым от предыдущего, и пили то же, что и раньше.

В полчетвертого один из мужчин ушел. Он не попрощался с другими, а те с ним. Минут через десять Нед Бимон, второй мужчина и девушки вышли. На углу они взяли такси и поехали к отелю на площадь Вашингтона, где мужчина и девушка вышли.

Вторая девушка привезла Неда Бимона, который называл ее Фединки, в квартиру на Семьдесят третьей улице. В квартире было очень жарко: когда девушка открыла дверь, на них пахнуло спертым воздухом. Сделав в комнате три шага, девушка вздохнула и опустилась на пол.

Бимон закрыл дверь и попытался разбудить ее, но безрезультатно. Не без труда он дотащил девушку в соседнюю комнату и уложил на кушетку с ситцевой обивкой. Он полураздел девушку, отыскал одеяло, накинул

на нее и открыл окно. Потом пошел в ванную комнату, где его снова вырвало. После этого он вернулся в комнату, не раздеваясь, упал на диван и уснул.

4

Разбудил Неда Бимона телефон, прозвеневший у самой его головы. Он открыл глаза, спустил ноги на пол, и осмотрелся. Увидев телефонный аппарат, он успокоился и закрыл глаза.

Звонок продолжался. Нед простонал, снова разлепил глаза, подвигался и высвободил левую руку из-под тела. Он поднял запястье к глазам и скосил глаз на часы. На них не было стекла, а стрелки остановились на без двенадцати двенадцать.

Нед опять поворочался на диване, оперся на левый локоть и подпер голову рукой. Телефон все звонил. Тоскливым взглядом он обвел комнату. Горел свет. В открытую дверь были видны прикрытые одеялом ноги Фединки на краю кушетки.

Он снова простонал, сел, запустил пальцы в темные спутанные волосы и прижал ладони к вискам. Губы у него были сухие и запекшиеся. Он облизал их, и на лице у него проступило отвращение. Потом он встал, откашлялся, снял перчатки и пальто, бросил их на диван и пошел в ванную.

Выйдя оттуда, подошел к кушетке и посмотрел на Фединки. Девушка спала глубоким сном, уткнувшись лицом в подушку, закинув руку в синем рукаве за голову. Телефон больше не звонил. Бимон поправил галстук и пошел обратно в комнату.

На столике между двумя стульями в открытой коробке лежали три сигареты «Мюрад». Он взял одну, без всякого юмора пробормотал: «Холодная», — нашел спички, закурил и пошел в кухню. Выжал в высокий бокал сок из четырех апельсинов и выпил его. Сварил и выпил две чашки кофе.

Когда он вышел из кухни, Фединки слабым голосом сокрушенно спросила:

— Где Тэд? — Единственный глаз, который виднелся, был полуоткрыт.

Нед Бимон подошел к ней.

— Кто такой Тед? — спросил он.

— Тот человек, с которым я была.

— А ты с кем-то была? Откуда мне знать?

Фединки открыла рот и закрыла его, неприятно причмокнув.

— Который час?

— Этого я тоже не знаю. Светает.

Фединки потерлась лицом о ситцевую подушку.

— И хороша же я. Вчера пообещала выйти за него замуж, потом бросила его там и привела домой первого попавшегося бродягу. — Она пошевелила рукой над головой, разжала ладонь и сжала снова. — Если я вообще дома...

— Ключ у тебя, во всяком случае, был, — заметил Нед. — Хочешь апельсинового сока и кофе?

— Ни черта я не хочу, кроме как помереть. Будь добр, Нед, мотай отсюда и никогда больше не возвращайся.

— Это будет тяжело, — зло сказал Нед Бимон, — но я попробую.

Он надел пальто и перчатки, достал из кармана темную мятую кепку, надел ее и вышел из дома.

5

Полчаса спустя Нед Бимон стучал в дверь номера 734 в своем отеле. Вскоре из-за двери донесся сонный голос Джека:

— Кто там?

— Бимон.

— Ох, — прозвучало без энтузиазма за дверью. — Сейчас.

Джек открыл дверь и зажег свет. Он был босиком, пижама — в зеленый горошек. Смотрел осоловело, лицо было румяное после сна. Он зевнул, кивнул, подошел обратно к кровати, лег и уставился в потолок. Потом без особого интереса спросил:

— Как ты себя чувствуешь сегодня утречком?

Бимон закрыл дверь. Он стоял между дверью и кроватью и смотрел на лежащего мрачным взглядом.

— Что случилось после того, как я ушел? — спросил он.

— Ничего не случилось. — Джек опять зевнул. — Или ты имеешь в виду, что делал я? — Ответа он ждать не стал. — Я вышел и стал следить с другой стороны улицы. Деспейн, девушка и мужчина, который тебя ударил, вышли. Они пошли в доходный дом Бэкмана на Сорок восьмой улице. Деспейн там скрывается

в квартире 938 — под именем Бартона Девей. Я стерег до трех, потом ушел. Они еще оставались там, если не натянули мне нос. — Легким движением головы он указал в угол комнаты. — Твоя шляпа вон там, на стуле. Я решил на всякий случай захватить ее с собой.

Нед подошел к стулу и взял с него шляпу, не подходящую ему по размеру. Темную мятую кепку он сунул в карман пальто и надел шляпу.

— Если хочешь выпить, на столе джин, — сказал Джек.

— Нет, спасибо. У тебя есть револьвер?

Джек перестал смотреть в потолок. Он сел на постели, широко раскинув руки, зевнул в третий раз и спросил:

— Что ты задумал? — В его голосе не было ничего, кроме вежливого любопытства.

— Пойду к Деспейну в гости.

Джек сидел, чуть сгорбившись, обхватив колени руками, и разглядывал изножье кровати. Потом медленно произнес:

— По-моему, тебе не следовало бы сейчас это делать.

— Я должен это сделать именно сейчас, — ответил Бимон.

Голос, каким это было сказано, заставил Джека взглянуть на Бимона. Лицо Неда было болезненно-землистого цвета. Глаза мутные, красные и полуприкрытые, так что белки не были видны. Губы сухие и чуть толще обычного.

— Не спал всю ночь? — спросил Джек.

— Немного поспал.

— Голова трещит?

— Да, а как там с револьвером?

Джек выпростал из-под одеяла ноги и свесил их через край кровати.

— Сначала поспи. Потом можем пойти к ним. Сейчас ты не в форме.

— Я пойду прямо сейчас, — отрезал Бимон.

— Хорошо, но ты совершаешь ошибку. Ты знаешь, что это не грудные младенцы, которых можно брать трясущимися руками. Они играют всерьез.

— Где револьвер? — спросил Нед.

Джек встал и начал расстегивать пижамную куртку.

— Дай мне револьвер и ложись в кровать, — остановил его Бимон. — Я пойду один.

Джек застегнул расстегнутую было пуговицу и лег в кровать.

— Револьвер в верхнем ящике стола, — сказал он. — Там же и запасные патроны, если угодно. — Он повернулся на бок и закрыл глаза.

Нед Бимон нашел револьвер, сунул его в задний карман брюк, бросил:

— Увидимся потом, — потушил свет и был таков.

6

Большой желтый доходный дом Бэкмана занимал большую часть квартала. В холле Бимон сказал, что хочет видеть мистера Девей. Когда спросили его имя, он ответил:

— Нед Бимон.

Через пять минут он шел от лифта по длинному коридору к открытой двери. В двери стоял Берни Деспейн.

Деспейн был маленький, коротенький, жилистый человек со слишком большой для такого тела головой. Размер головы подчеркивали его длинные, густые и пышные волосы, лежавшие волнами. У него было смуглое лицо. Кроме глаз, все в этом лице было большим, лоб покрывали морщины, а от ноздрей вниз спускались мимо уголков рта глубокие складки. На щеке был красноватый шрам. Синий костюм аккуратно отутюжен, и никаких украшений.

Он стоял в дверях и насмешливо улыбался:

— Доброе утро, Нед.

— Мне нужно поговорить с тобой, Берни.

— Так я и думал. Как только мне позвонили и назвали твоё имя, я сказал себе: «Пари держу, он хочет со мной поговорить».

Бимон ничего не ответил. Губы на его желтом лице были плотно сжаты.

Деспейн улыбнулся еще шире.

— Ну, парень, я не намерен здесь стоять. Заходи, — пригласил он.

Дверь вела в небольшую прихожую. В открытую дверь напротив виднелись Ли Уилшир и человек, который ударил Неда Бимона. Они перестали паковать две дорожные сумки, чтобы посмотреть на Бимона.

Нед Бимон вошел в прихожую.

Деспейн последовал за ним, закрыл дверь в коридор и сказал:

— Кид малый вспыльчивый, и, когда ты подлетел ко мне, он решил, что ты, наверное, задираешься, понимаешь? Потом я устроил ему взбучку, и если ты его попросишь, то, может быть, он извинится.

Кид тихим голосом сказал что-то Ли Уилшир, которая таращилась на Неда Бимона. Ли издала короткий смешок и ответила:

— Да, джентльмен до кончиков ногтей.

— Проходите, проходите, мистер Бимон! — пригласил Берни. — С этими людьми вы уже знакомы, не так ли?

Бимон прошел в комнату.

— Как животик? — спросил Кид.

Нед Бимон ничего не ответил.

— Господи! — воскликнул Берни Деспейн. — Для человека, который заявил, что пришел сюда поговорить, ты сказал меньше, чем любой, о ком я когда бы то ни было слышал.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал Нед Бимон. — Нам нужно, чтобы эти люди находились здесь?

— Мне нужно, — ответил Деспейн. — Тебе — нет. Но ты можешь отделаться от них очень просто: пойдешь отсюда заниматься своими делами.

— У меня дела здесь.

— Ах да, ты говорил что-то о деньгах. — Деспейн с усмешкой глянул на Кида. — Он ничего не говорил о деньгах?

Кид теперь стоял у двери, в которую вошел Нед Бимон.

— Чего-то говорил, — ответил он грубым голосом, — но я забыл, что именно.

Бимон снял пальто и бросил его на спинку коричневого кресла. Потом сел на стул и положил шляпу за спину.

— Сейчас дело не в этом, — сказал он. — Я здесь... сейчас посмотрим. — Он достал из нагрудного кармана какой-то документ, развернул его, прочел и сказал: — Я здесь как следователь окружной прокуратуры по особо важным делам.

На какую-то долю секунды блеск в глазах Деспейна потух, но он тут же нашелся:

— Смотри-ка, а ты далеко пошел! Когда я видел тебя в последний раз, ты был у Пола на побегушках.

Нед Бимон сложил документ и сунул его обратно в карман.

— Ладно, валяй, — продолжал Деспейн. — Исследуй что-нибудь, все равно что — мы посмотрим, как это делается. — Он сел напротив Неда и наклонил свою слишком крупную голову. — Не хочешь ли ты сказать, что приехал в Нью-Йорк только для того, чтобы задать мне вопросы по поводу убийства Тейлора Генри?

— Именно.

— Тогда дело дрянь. Мог бы и не приезжать. — Он кивнул на дорожные сумки, стоявшие на полу. — Как только Ли рассказала мне, в чем дело, я сразу начал паковать, чтобы вернуться и рассмеяться тебе в лицо над этим поклепом.

Нед Бимон поудобнее откинулся на спинку кресла, оставив одну руку за спиной. Он сказал:

— Если это ложное обвинение, то оно принадлежит Ли. Полиция получила данные от нее.

— Да, — зло вмешалась Ли, — а почему мне пришлось их дать? Ты, ублюдок, подослал туда полицейских.

— Гм, Ли, конечно, глупая гусыня, — заметил Деспейн, — но эти векселя ничего не значат. Они...

— Ах, я глупая гусыня? — возмутилась Ли. — Я поехала в такую даль, чтобы предупредить тебя, когда ты драпанул, забрав к черту...

— Да, — любезно согласился Деспейн, — ты поехала, именно это и показывает, какая ты глупая гусыня; потому что ты привела вот этого прямоком ко мне.

— Раз ты так к этому относишься, то я до чертиков рада, что отдала полиции эти расписки, — ну что ты об этом думаешь?

— Я тебе точно скажу, что я об этом думаю, когда наш гость удалится. — Деспейн обернулся к Неду Бимону. — Значит, благородный Пол Мэдвиг даст тебе сделать из меня козла отпущения, да?

Бимон улыбнулся:

— Нет, тебе предъявляют неложное обвинение, Берни, и ты сам это знаешь. С легкой руки Ли мы начали, и все остальное, чем мы располагаем, ведет к этому.

— Так у вас еще что-то есть, кроме того, что вы слышали от Ли?

— Сколько угодно.

— И что же?

Нед опять улыбнулся:

— Много чего я мог бы порассказать тебе, Берни, но не хочу делать этого при всей твоей компании.

— Чушь!

От дверей Кид рывкнул Деспейну своим далеко не нежным голосом:

— Давай выкинем отсюда этого болвана и двинем!

— погоди, — ответил Деспейн. Потом нахмурился и спросил Неда Бимона: — Ордер на мой арест уже выписан?

— М-м, я не...

— Да или нет? — юмор Берни иссяк.

— Насколько мне известно, нет, — протянул Бимон. Деспейн встал и оттолкнул свой стул.

— Тогда проваливай отсюда к чертям собачьим, и поживей, не то я велю Киду врезать тебе еще разок.

Бимон встал. Взял пальто. Достал из кармана кепку и, держа ее в руке, а пальто перекинув через другую руку, серьезно сказал:

— Ты еще пожалеешь, — и с достоинством вышел. Хриплый смех Кида и пронзительный хохот Ли неслись ему вдогонку.

7

От Бэкмана Нед Бимон быстрым шагом устремился по улице вниз. Глаза на усталом лице пылали, и темные усы подрагивали над блуждающей улыбкой.

На первом же углу он столкнулся с Джеком.

— Ты что тут делаешь?

— Насколько я знаю, — ответил тот, — я пока еще состою у тебя на службе, вот пришел посмотреть, не найдется ли для меня какое-нибудь занятие.

— Прекрасно. Быстро поймай нам такси. Они уезжают.

— Есть, — сказал Джек и пошел по улице дальше.

Бимон остался на углу. Оттуда была видна и парадная и боковая двери дома Бэкмана.

Через некоторое время приехал на такси Джек. Нед сел в машину и сказал водителю, куда ее поставить.

— Что ты с ними сделал? — спросил Джек, пока они сидели в припаркованной машине.

— Кое-что.

— А-а.

Прошло десять минут.

— Смотри, — сказал Джек и ткнул указательным пальцем в сторону такси, которое подъехало к боковой двери дома Бэкмана.

Первым из дома вышел Кид с двумя сумками. Когда он уселся в такси, выбежали Деспейн и девушка. Такси тронулось.

Джек наклонился вперед и сказал водителю, как ехать. Они поехали за этим такси по утренним, залитым солнцем улицам и после долгих петляний остановились наконец у полуразвалившегося каменного дома на Сорок девятой улице.

Такси Деспейна остановилось прямо перед домом, и снова Кид первым из них троих вышел на тротуар. Он посмотрел вдоль улицы вверх и вниз, подошел и ключом открыл входную дверь дома. Потом повернулся к такси. Деспейн и девушка выскочили из машины и ввалились в дом. Кид с сумками последовал за ними.

— Подожди в машине, — сказал Бимон Джеку.

— Что ты собираешься делать?

— Попытаю счастья.

Джек покачал головой.

— Опять не самое лучшее местечко искать неприятности, — заметил он.

— Если я выйду из дома вместе с Деспейном, — распорядился Бимон, — удирай. Бери другое такси и отправляйся смотреть за домом Бэкмана. Если я не выйду, поступай по своему усмотрению.

Он открыл дверцу машины и вышел. Его била дрожь, глаза сверкали. Джек высунул голову из машины, чтобы сказать что-то, но Бимон и бровью не повел, торопливо перешел улицу к дому, где только что скрылись беглецы.

Он поднялся прямо по парадной лестнице и взялся за ручку двери. Ручка поддалась под его рукой. Дверь не была заперта. Он распахнул ее, взглянул в сумрачный коридор и вошел.

Дверь захлопнулась, и кулак Кида зацепил его голову, так что Нед потерял кепку и шарахнулся о стену. Оглушенный, он почти опустился на одно колено, и второй кулак Кида попал в стену над его головой.

Бимон ощерился и нанес Киду короткий, резкий удар

в пах, тот, зарывав, отпрянул, так что Нед успел подняться, прежде чем Кид снова налетел на него.

Чуть поодаль Берни Деспейн прислонился к стене коридора, рот его вытянулся в узкую щелочку, зрачки сузились до темных точек. Он тихим голосом повторял:

— Дай ему, Кид, дай ему... — Ли Уилшир не было видно.

Два следующих удара Кида попали в грудь и отбросили Неда к стене, и он едва не задохнулся. Третьего удара, нацеленного в лицо, ему удалось избежать. Тогда он надавил рукой Киду на горло, оттолкнул его от себя и двинул ногой в живот. Кид бешено взревел и снова бросился вперед, размахивая кулаками, но, встреченный рукой и ногой, отлетел так далеко, что Нед успел сунуть правую руку в задний карман брюк и вытащить револьвер Джека. Ему не хватило времени поднять револьвер, и его дуло было направлено вниз, но Нед нажал курок, и ему повезло — пуля угодила в правую ляжку Кида. Тот вскрикнул и бухнулся на пол. Он лежал и испуганными, налившимися кровью глазами смотрел на Бимона снизу вверх.

Нед отошел от него, сунул левую руку в карман брюк и обратился к Берни Деспейну:

— Выйдем. Я хочу с тобой поговорить. — Его лицо было мрачным и решительным.

Над головой слышались шаги, где-то в задней части дома открылась дверь, и в конце коридора раздались встревоженные голоса, но никто не появлялся.

Минуту, которая показалась вечностью, Деспейн в ужасе, словно замороженный, пялился на Бимона. Потом молча переступил через лежащего на полу Кида и вышел из дома впереди Неда. Бимон, прежде чем спуститься с лестницы, сунул револьвер в карман пиджака, но палец так и держал на курке.

— Вон в то такси, — скомандовал он Деспейну, указывая на машину, из которой как раз вылез Джек. Когда они сели, он велел водителю ехать все равно куда: — Просто покатайтесь, пока я не скажу, куда ехать.

Машина уже тронулась, когда к Деспейну вернулся дар речи.

— Это грабеж, — сказал он. — Я отдам тебе все, что ты пожелаешь, потому что не хочу быть застреленным, но это чистый грабеж.

Нед Бимон засмеялся неприятным смешком и покачал головой.

— Не забудь, что я преуспел в жизни и теперь я какой-то деятель в окружной прокуратуре.

— Но ведь меня ни в чем не обвиняют. Меня не разыскивают. Ты сказал...

— По некоторым соображениям я водил тебя за нос, Берни. Тебя разыскивают.

— Зачем?

— По делу об убийстве Тейлора Генри.

— Да? Дьявол побери, я вернусь и опровергну это обвинение. Какие у вас доказательства? Да, у меня было несколько его векселей. И я уехал в тот самый вечер, когда его убили. Да, я устроил ему веселую жизнь за то, что он не заплатил, все это так. Но для хорошего адвоката это же детские игрушки. Господи, если я, как показала Ли, оставил векселя в сейфе в какое-то время до половины десятого, разве это не доказывает, что в тот вечер я не пытался требовать возвращения долга?

— Нет, и к тому же это еще не все доказательства, что у нас есть против тебя.

— Ничего больше у вас быть не может, — серьезно сказал Берни Деспейн.

— Ошибаешься, Берни, — ухмыльнулся Бимон. — Ты помнишь, когда я утром пришел сегодня к тебе, на мне была шляпа?

— Возможно. Кажется, была.

— А помнишь, что, уходя, я вытащил из кармана пальто кепку и надел ее?

— Ну, и что же? Куда ты гнешь? — В маленьких глазках смуглого человечка появились растерянность и страх.

— Я гну к доказательствам. Ты помнишь, что шляпа была мне мала?

— Я не знаю, Нед, — хрипло ответил Деспейн. — Боже правый, что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать: шляпа была мне не совсем впору потому, что это была не моя шляпа. Ты помнишь, что шляпу, которая была на Тейлоре в момент смерти, так и не нашли?

— Я не знаю. Я ничего не знаю о Тейлоре.

— Ну так я попытаюсь тебе объяснить: шляпа, которую я носил сегодня утром, принадлежала Тейлору, и теперь она находится в твоей квартире в доме Бэк-

мана, между спинкой и сиденьем коричневого кресла. Ты не думаешь, что этого вместе со всем прочим достаточно, чтобы отправить тебя на электрический стульчик?

Деспейна охватил панический страх, он закричал бы, не закрой Нед Бимон ему рот рукой и не прорычи на ухо:

— Заткнись!

Пот ручьями бежал по смуглому лицу. Деспейн повалился на Неда Бимона, обеими руками схватился за лацканы его пальто и залепетал:

— Слушай, Нед, ты со мной этого не сделаешь. Ты можешь получить обратно каждый цент, который я тебе должен, каждый цент вместе с процентами, если ты этого не сделаешь. Я не хотел тебя грабить, Нед, честное слово. Мне просто страшно нужны были деньги, и я подумал: возьму их как бы займы. Богом клянусь, Нед. Сейчас у меня не слишком-то много, но сегодня я получу за камешки Ли и заплачу тебе все до последнего цента. Сколько их там было? Ты сегодня же получишь все.

Бимон отпихнул Берни обратно на его половину сиденья и сказал:

— Там было три тысячи двести пятьдесят долларов.

— Три тысячи двести пятьдесят долларов. Ты сегодня же получишь все до последнего цента. — Деспейн посмотрел на часы. — Да, сейчас же, как только мы приедем к Штейну. Он наверняка уже на месте. Скажи только, Нед, что ты по старому знакомству отпустишь меня.

Нед Бимон задумчиво потер руки.

— Я не могу отпустить тебя насовсем. То есть не сейчас. Я не должен забывать свою связь с окружным прокурором и то, что с тобой хотят потолковать. Так что единственное, на чем мы можем сторговаться, это шляпа. И вот тебе мое предложение: ты отдаешь мои деньги, а я позабочусь о том, чтобы забрать шляпу в одиночестве, и ни одна живая душа об этом ничего не узнает. В противном случае я постараюсь, чтобы со мной была половина полиции Нью-Йорка... Такие вот дела: куда захотел, туда и полетел.

— О боже! — простонал Берни Деспейн. — Скажи водителю, чтобы отвез нас к Штейну. Его контора находится...

ГЛАВА III

ЗАРЯД

1

Нед Бимон вышел из поезда, который доставил его из Нью-Йорка обратно. Теперь это был человек с ясными синими глазами, высокий и стройный. Только впалая грудь намекала на хилость его телосложения. И выражение лица, и румянец свидетельствовали о здоровье. Он шел размашистым, пружинистым шагом. Быстро поднялся по бетонной лестнице, пересек зал ожидания, кивнул знакомому, сидящему за столиком информатора, и вышел в дверь, которая вела из вокзала на улицу.

Ожидая на тротуаре носильщика, который нес его вещи, он купил газету. В такси, направляясь вместе с багажом на Рэндал-авеню, он раскрыл ее. Прочел сообщение на первой странице, которое занимало половину колонки:

УБИТ ВТОРОЙ БРАТ

Френсис Ф. Уэст был убит неподалеку от того места, где погиб его брат.

Семейство Уэстов, живущее на Оклэнд-авеню в доме номер 1342, вчера ночью постигла вторая трагедия за последние две недели: Френсис Ф. Уэст, 31 года, был застрелен в квартале от перекрестка, где в прошлом месяце он видел, как его брат Норман попал под машину, которая, по слухам, используется для контрабанды спиртного.

Френсис Уэст работал официантом в кафе «Роквей». Сразу после полуночи он шел с работы домой, когда, по свидетельствам очевидцев, его нагнал ехавший с большой скоростью по Оклэнд-авеню черный спортивный автомобиль. Поравнявшись с Уэстом, машина свернула к тротуару, и из нее было сделано, по утверждениям свидетелей, более двадцати выстрелов. Уэст упал с восемью пулями в теле и умер, прежде чем кто-либо подоспел к нему. Машина убийц дала газ и скрылась за углом Бауман-стрит. Полиция пытается ее найти, но поиски осложняются тем, что описания свидетелей противоречивы, а сидевших в автомобиле никто не видел.

Бойд Уэст, оставшийся в живых брат, который в прошлом месяце также видел, как погиб Норман, никак не смог объяснить причины убийства. Он сказал, что, по его сведениям, у брата не было ни одного врага. Мисс Мэри Шеппард, которая живет на Бейкер-авеню в доме № 1917 и на которой Френсис Уэст должен был жениться на будущей неделе, не сумела назвать никого, кто мог бы желать смерти ее жениху.

Тимоти Ивенс, подозреваемый в том, что он вел машину, под которую в прошлом месяце попал Норман Уэст, беседовать с журналистами отказался. Он находится в городской тюрьме по обвинению в непреднамеренном убийстве, где его держат без возможности выйти под залог до тех пор, пока дело не будет передано в суд.

Бимон медленно и тщательно свернул газету и опустил в карман пальто. Он чуть сжал губы, глаза задумчиво заблестели. Во всем прочем лицо его было безмятежно. Он откинулся в самый угол машины и стал разглядывать нераскуренную сигару.

Дома он, не снимая кепки и пальто, прошел к телефонному аппарату и позвонил по четырем номерам, всякий раз спрашивая, нет ли там Пола Мэдвига и не известно ли, где его можно найти. После четвертого звонка он отказался от бесплодных попыток.

Нед опустил трубку, взял со стола сигару, зажег ее, положил обратно на край стола, снова взял трубку и позвонил в ратушу. Он попросил соединить его с окружной прокуратурой. В ожидании он пододвинул ногой стул к телефону, сел и сунул в рот сигару.

Потом он сказал в трубку:

— Алло. Это мистер Фарр?.. Нед Бимон... Да, спасибо. — Он медленно вдыхал и выдыхал дым. — Алло, Фарр?.. Я несколько минут как вернулся домой... Да. Могу я сейчас подойти к вам?.. Это верно. Пол ничего не говорил вам об убийстве Уэста?.. Вы не знаете, где он?.. Есть одна проблема, о которой я хочу поговорить с вами... Да, скажем, через полчаса... Пока.

Он положил трубку, прошел через комнату и посмотрел почту на столике возле двери. Там лежало несколько журналов и девять писем. Он живо перебрал конверты, бросил их обратно на стол, не вскрыв ни од-

ного, и пошел в спальню переодеться, а потом в ванную комнату мыться и бриться.

2

Окружной прокурор Майкл Джозеф Фарр был тучным мужчиной сорока лет. Волосы у него были словно рыжая щетка над сварливым красноватым лицом. На его письменном столе орехового дерева не было ничего, кроме телефонного аппарата и большого прибора из зеленого оникса, на котором между двух наклонных черно-белых авторучек стояла на одной ноге обнаженная фигура, держащая самолет.

Обеими руками он пожал руку Неда Бимона и усадил его в кожаное кресло. Потом присел сам, оттолкнулся на стуле и, балансируя на его задних ножках, спросил:

— Съездили удачно? — Сквозь приветливость в его взгляде просвечивало любопытство.

— Ничего, — ответил Нед. — Что касается этого Френсиса Уэста, то как будет с обвинением Тима Ивенса, раз Уэст мертв?

Фарр вздрогнул, потом сделал вид, будто он всего лишь поудобнее устраивался на стуле.

— Ну, разница невелика, — сказал он, — то есть разница невелика, потому что третий брат жив и даст показания против Ивенса. — Он явно избегал смотреть в глаза Бимону и уставился в угол ореховой столешницы. — Почему вы об этом спрашиваете? Что вы задумали?

— Просто поинтересовался. — Бимон заинтересованно разглядывал человека, который не смотрел на него. — Но, вероятно, все в порядке, если третий брат сможет опознать Тима и готов это сделать.

Фарр, все так же не глядя на него, сказал:

— Да уж. — Он раз шесть качнулся на стуле туда-сюда на дюйм или два в обоих направлениях.

Его мясистые щеки подрагивали над скулами. Он откашлялся и встал. Теперь он смотрел на Бимона приветливо.

— Подождите немного, — сказал он. — Мне надо уладить одно дело. Они все забудут, за ними глаз да глаз нужен. Не уходите. Я хочу поговорить с вами о Деспейне.

— Не спешите.
ной прокурор выш
покуривал всю эт
курора.
Вернулся Фарр
— Извините, чт
— но мы п
саясь, — Фра
и дальше... —
рукой.
— Обойдется.
стве Тейлора Ген
— У нас ничег
спросить вас о Бе
мимо Неда Бимон
На мгновение в
насмешливая улы
— Если как с
материала против
— Возможно,
угол своего стола
ства выглядит не
— У него бы
Бимон, — дово
чень, появилась
Фарр опять
убедить себя.
— Так, по-в
что Тейлора Ген
— По-моему
тил Нед, — но
точно материал
тите, поддержат
Окружной п
Неда Бимона.
дружелюбие, к
— Вы може
не мое дело, н
за Берни Дес
Нед Бимон
пожал плечам
— Пол не
Фарр пром
Бимон глу
— Берни
Вот он и удп

— Не спешите, — пробормотал Бимон, когда окружной прокурор вышел из кабинета. Он сидел и спокойно покуривал всю эту четверть часа, пока не было прокурора.

Вернулся Фарр нахмуренный.

— Извините, что я бросил вас одного, — сказал он, садясь, — но мы перегружены работой. Если так пойдет и дальше... — Фразу он завершил безнадежным взмахом рукой.

— Обойдется. Есть какие-нибудь новости об убийстве Тейлора Генри?

— У нас ничего нет. Вот потому-то я и хотел... расспросить вас о Берни Деспейне. — Фарр опять смотрел мимо Неда Бимона.

На мгновение в уголках рта Неда прорезалась легкая насмешливая улыбка, которую прокурор не заметил.

— Если как следует разобраться, то обвинительного материала против него кот наплакал.

— Возможно, — Фарр медленно кивнул, созерцая угол своего стола. — Но отъезд из города в вечер убийства выглядит не очень красиво.

— У него была на то другая причина, — пояснил Бимон, — довольно весомая. — Улыбка, похожая на тень, появилась и тут же исчезла.

Фарр опять кивнул, как человек, готовый позволить убедить себя.

— Так, по-вашему, исключается возможность того, что Тейлора Генри убил он?

— По-моему, он не делал этого, — беззаботно ответил Нед, — но вероятность всегда есть, и у вас достаточно материала, чтобы некоторое время, если вы захотите, поддержать его под стражей.

Окружной прокурор поднял голову и посмотрел на Неда Бимона. В его улыбке смешались застенчивость и дружелюбие, когда он произнес:

— Вы можете послать меня куда подальше, если это не мое дело, но чего ради Пол послал вас в Нью-Йорк за Берни Деспейном?

Нед Бимон задумался, медля с ответом. Потом он пожал плечами и сказал:

— Пол не посылал меня. Он позволил мне поехать.

Фарр промолчал.

Бимон глубоко затянулся, пустил дым и проговорил:

— Берни не хотел оплатить пари, которое я выиграл. Вот он и удрал. Просто случайность, что Тейлор Генри

был убит вечером того самого дня, когда Пегги О'Тул выиграла забег, а я поставил на нее полторы тысячи долларов.

— Ну и ладно, — оживился прокурор. — То, что вы делаете с Полом, меня не касается. Видите ли... я просто ни черта не уверен, что Деспейн не столкнулся случайно на улице с молодым Генри и не шарахнул его по голове. Я думаю, что для страховки я подержу его некоторое время под стражей. — Его рот с коротенькой нижней губой скривился в лъстивой улыбке. — Не подумайте, что я хочу сунуть свой нос в дела Пола или в ваши, но... — Его багровое лицо словно опухло и блестело от пота. Вдруг он наклонился и потянул на себя ящик стола. В его пальцах зашуршала бумага. Он протянул Неду маленький белый взрезанный конверт. — Возьмите. — Голос у него был хриплый. — Посмотрите и скажите, что вы об этом думаете, или это всего лишь какая-то дурацкая шутка?

Бимон взял конверт, но не стал его тут же изучать. Теперь он задержал взгляд своих холодно блестящих глаз на багровом лице окружного прокурора.

Лицо Фарра еще больше потемнело под пристальным взглядом собеседника, и он примиряюще поднял свою мясистую руку. И голос у него был примиряющий:

— По-моему, это не имеет никакого значения, Нед, но... я хочу сказать, после каждого убийства мы получаем целую кучу такого хлама... ну, прочтите и сами увидите.

Последовало еще одно довольно долгое молчание, прежде чем Нед Бимон перевел взгляд на конверт. Адрес был напечатан на машинке:

М. Дж. Фарру, эскв.,
окружному прокурору
Магистрат

Письмо было опущено в ящик в субботу. В конверте лежал один-единственный листок белой бумаги, на котором на машинке были напечатаны три фразы без заглавия и подписи:

Зачем Пол Мэдвиг после убийства Тейлора Генри украл одну из его шляп?

Что стало с той шляпой, которая была на голове у Тейлора Генри, когда его убили?

Почему человека, который утверждает, что первым обнаружил труп Тейлора Генри, сделали вашим сотрудником?

Нед Бимон сложил письмо, сунул его обратно в конверт, бросил конверт на стол, потом большим пальцем пригладил усы от середины налево и от середины направо, посмотрел на окружного прокурора вполне выдержанным взглядом и столь же выдержанным тоном спросил:

— Ну и что?

Щеки Фарра опять затряслись под скулами. Брови сошлись над его умоляющими глазами.

— Бога ради, Нед, — сказал он, — не подумайте, что я принимаю это всерьез. Всякий раз, когда что-нибудь происходит, такое дерьмо мы получаем пачками. Я просто хотел показать это вам.

— До тех пор, пока вы так считаете, все в порядке, — сказал Бимон. Его взгляд и голос были все так же выдержанны. — Вы что-нибудь говорили об этом Полу?

— О письме? Нет. С сегодняшнего утра, когда пришло письмо, я не видел Пола.

Бимон взял со стола конверт и сунул его в нагрудный карман. Окружной прокурор, похоже, испытывал неловкость, наблюдая за исчезновением письма, но ничего не сказал.

Когда Нед Бимон убрал письмо и вынул из другого кармана тоненькую пятнистую сигару, он сказал:

— На вашем месте я бы ничего не рассказывал об этом Полу. У него и так забот хватает.

Реплика Фарра: «Естественно, будет, как вы скажете, Нед» — прозвучала еще прежде, чем Бимон закончил фразу.

После этого какое-то время они молчали. Фарр опять разглядывал угол своего стола, а Бимон задумчиво разглядывал Фарра. Паузу нарушил ровный гул, который донесся из-под письменного стола окружного прокурора.

Фарр взял телефонную трубку:

— Да... Да. — Его короткая нижняя губа поглотила верхнюю, а багровое лицо пошло пятнами. — Какого черта! — прорычал он. — Тащите этого ублюдка сюда и поставьте их морда к морде, а если он все еще будет сомневаться, мы его слегка обрабатываем... Да... Давайте. — Он бросил трубку и воззрился на Бимона.

Нед еще не раскурил толком сигару. Она была в од-

ной руке, а горящая зажигалка в другой. Голова его выдвинулась чуть вперед. Глаза сверкали. Он высунул кончик языка, втянул его обратно, губы искривились в безрадостной улыбке.

— Что-то новенькое? — спросил он негромко и настойчиво.

Прокурор, похоже, озверел.

— Бойд Уэст, третий брат, который идентифицировал Ивенса. Пока мы говорили, я подумал об этом деле и послал своего человека спросить, может ли тот и сейчас идентифицировать Ивенса. Этот ублюдок заявил, что он не уверен.

Бимон кивнул, как будто новость не была для него неожиданной.

— Что это изменит?

— Это у него не пройдет, — прорычал Фарр. — Один раз он уже опознал Ивенса, и ему придется повторить это перед судом присяжных. Я велю привести его сюда, и после того, как я с ним позанимаюсь, он снова станет пай-мальчиком.

— Да? А если не станет?

Письменный стол окружного прокурора задрожал от удара кулаком:

— Станет.

На Неда Бимона это не произвело сколько-нибудь заметного впечатления. Он закурил наконец, погасил зажигалку и сунул ее в карман, выпустил дым и мягко спросил веселым голосом:

— Ну ладно, а предположим, не станет? Предположим, что он посмотрит на Тима и скажет: «Я не уверен, что это он».

Фарр опять жахнул кулаком по столу.

— Не скажет — после того, как я им займусь? Он сделает только одно: встанет перед присяжными и скажет: «Это он».

Веселость слиняла с лица Бимона, и он чуть утомленно проговорил:

— Он откажется от своих показаний, и вы знаете, что он это сделает. А какие аргументы у вас? Вы же ничего с этим не сможете поделать. Значит, ваше обвинение против Тима Ивенса рассыпается. Вы нашли возбудылок, который оставил Тим Ивенс, но единственным доказательством, что это он вел машину, когда под нее угодила Норман Уэст, были свидетельства очевидцев — двух братьев Нормана. Раз Френсис мертв, а Бойд боит-

ся говорить, вы не сумеете обвинить Тима Ивенса и сами это понимаете.

Фарр начал громко и яростно:

— Если вы полагаете, что я намерен сидеть...

Но Бимон прервал его нетерпеливым жестом руки с сигарой:

— Сидеть, стоять или разъезжать на велосипеде, — сказал он, — вы побиты и знаете это.

— Знаю? Я прокурор этого города и округа, и я... — Фарр внезапно прекратил самовозвеличивание. Он закашлялся, сглотнул. Воинственность в глазах потухла и сменилась поначалу растерянностью, а потом чем-то вроде страха. Он наклонился над столом и казался слишком озабоченным, чтобы скрывать это чувство на своем багровом лице.

— Вы, конечно, знаете, что если у вас... у Пола... я хочу сказать, если я почему-то не... если есть какая-то причина... понимаете... то мы можем оставить это дело.

Улыбка, не имевшая ничего общего с весельем, опять приподняла уголки рта Неда Бимона, и его глаза заблестели сквозь дым сигары. Он медленно покачал головой и медленно, подчеркнуто мягким тоном ответил:

— Нет, Фарр, никакой причины, по крайней мере причины такого рода нет. Пол обещал вызволить Ивенса после выборов, но хотите верить, хотите нет, Пол никогда не стал бы никого убивать, и даже если бы он это делал, Ивенс слишком мелкая сошка, чтобы кого-либо убивать из-за него. Нет, Фарр, никакой причины нет, и мне не хотелось бы думать, что вы решили, будто она существует.

— Бога ради, Нед, поймите меня правильно, — возразил Фарр. — Вы отлично знаете, черт побери, что в городе никто не стоит за вас и Пола больше, чем я. Вы должны это знать. А то, что я сказал, — я не имел в виду ничего, кроме как... ну, что вы всегда можете на меня рассчитывать.

— Тогда все прекрасно, — сказал Бимон без особого восторга и встал.

Фарр тоже встал и обошел письменный стол с протянутой рыжеватой рукой.

— Куда вы спешите? — спросил он. — Почему бы вам не остаться и не посмотреть, как поведет себя этот Уэст, когда его приведут? Или... — он посмотрел на часы, — что вы делаете сегодня вечером? Не пойти ли нам куда-нибудь пообедать?

— Извините, но я не могу. Мне надо бежать.

Он позволил Фарру пожать ему руку, утвердительным бормотанием ответил на настойчивое приглашение окружного прокурора заходить, провести вместе вечер и вышел.

3

Уолтер Ивенс, рабочий тарной фабрики, в тот момент, когда вошел Нед Бимон, стоял возле человека, забивавшего машинкой гвозди. Он сразу увидел Бимона, махнул рукой в знак приветствия и пошел к Неду по центральному проходу, но в его голубых глазах и круглом светлом лице радости было несколько меньше, чем он пытался выказать.

— Привет, Уолт, — сказал Бимон и полуобернулся к двери, чтобы не пожимать протянутую руку этого низенького человека или незаметно избежать этого. — Пошли-ка подальше от этого тарарама.

Ивенс ответил что-то, слова потерялись в грохоте металла, вколачивающего в дерево гвозди, и они вышли в открытую дверь, в которую вошел Нед Бимон. За ней была широкая деревянная платформа, с которой на землю вела деревянная лестница футов двадцать высотой.

Они остались на платформе, и Бимон спросил:

— Ты знаешь, что одного из свидетелей против твоего брата убили вчера ночью?

— Д-д-да, я в-в-видел это в г-г-газетах.

— Ты знаешь, что другой свидетель уже не уверен в том, что опознает Тима?

— Н-н-нет, этого я н-н-не з-з-знал, Нед.

— Ты знаешь, что если он не опознает Тима, то Тим выйдет чистым?

— Д-д-да.

Нед Бимон сказал:

— Похоже, ты не так счастлив, как должен был бы быть.

Ивенс вытер лоб рукавом рубашки:

— Н-н-но я же с-с-счастлив, Нед, Бога р-р-ради, счастлив!

— Ты знал Уэста? Того, которого убили?

— Нет, я т-т-только х-ходил его п-п-просить, и-и чтобы он н-н-не обижал Т-т-тима.

— Что он сказал?

— Н-н-не согласился.

— Когда это было?

Ивенс переступил с ноги на ногу и опять вытер рукавом лицо.

— Д-д-два-три д-д-дня н-н-назад.

— Ты представляешь, кто мог его убить, Уолт? — мягко спросил Бимон.

Ивенс истово затряс головой.

— Ты имеешь представление о том, кому это могло быть на руку, Уолт?

Ивенс покачал головой.

Нед Бимон с минуту задумчиво смотрел через плечо Ивенса. Из дверей, находившихся в десяти футах от них, доносился грохот пистолета, забивающего гвозди, и где-то визжали свиньи. Ивенс глубоко вдохнул и выдохнул.

Тогда Нед Бимон снова сочувственно заглянул в его голубые глаза. Слегка наклонясь вперед, он спросил:

— С тобой все в порядке, Уолт? Я хочу сказать — наверняка найдутся люди, которые будут считать, что, возможно, это ты для спасения брата застрелил Уэста. У тебя есть?..

— Я в-ч-ч-чера в-в-вечером с в-в-восемью ч-ч-часов был в к-к-клубе и ушел т-т-только п-п-после двух, — ответил Уолтер так быстро, как только позволяло ему заикание. — Г-г-гарри Слосс и Б-б-бен Феррис и Брагер м-могут тебе это п-п-подтвердить.

— Тогда тебе повезло, Уолт, — рассмеялся добродушно Бимон.

Он повернулся спиной к Уолтеру Ивенсу и спустился по деревянной лестнице на улицу. И даже не обратил внимания на очень приветливое «до свидания, Нед» Уолтера Ивенса.

4

От тарной фабрики Нед Бимон прошел пешком четыре квартала до ресторана, откуда он позвонил. Он попробовал те же четыре номера, что и раньше, опять спрашивал Пола Мэдвига, не смог связаться с ним и попросил передать, что ждет его звонка. Потом взял такси и двинул домой.

На столике у двери почты прибавилось. Он повесил шляпу и пальто на вешалку, зажег сигару и сел в самое большое кресло, обитое красным плюшем, читать письма. Четвертый конверт, который он вскрыл, был похож

на тот, который показал ему окружной прокурор. В нем оказался один-единственный листок бумаги, на котором было напечатано на машинке три фразы без обращения и подписи:

Вы нашли труп Тейлора Генри, когда он был уже мертв, или присутствовали при том, как его убили?

Почему вы не сообщили о смерти прежде, чем полиция обнаружила труп?

Вы считаете, что сфабрикованное обвинение против честного человека позволит вам спасти преступника?

Дочитав письмо, Нед посмотрел вверх, наморщил лоб и выпустил целый клуб сигарного дыма. Он сравнил письмо с тем, которое получил от окружного прокурора. Бумага и шрифт были похожи, как и расположение трех фраз на бумаге. Совпадало и время отправки на штемпелях.

Насупившись, он сунул письма обратно в конверты, а конверты — в карман, но тут же снова достал их, чтобы снова прочесть, углубиться в их содержание. Из-за слишком нервного курения один край его сигары обгорел гораздо больше. С гримасой отвращения он положил сигару на край стола и в волнении стал пощипывать усы. Снова убрал письма, откинулся на спинку кресла, уставился в потолок, грызя ноготь. Запустил пальцы в волосы. Сунул палец между шеей и воротником. Выпрямился, опять достал конверты из кармана, но, не взглянув на них, снова спрятал. Покусал нижнюю губу. Наконец нетерпеливо встряхнулся и принялся за чтение остальных писем. Он читал, когда зазвонил телефон.

Он подошел к аппарату:

— Алло... А, привет, Пол, ты где?... Долго еще будешь там?... Да, отлично, будешь проходить мимо — зайти... Хорошо, я дома.

Нед вернулся к своей почте.

5

Пол Мэдвиг появился в квартире Неда Бимона, когда колокола серой церкви по ту сторону улицы созывали на вечернюю молитву.

— Добрый вечер, Нед, — приветливо сказал он. — Когда ты приехал? — Его большое тело скрывал серый твидовый костюм.

— Сегодня утром, — ответил Бимон, после того как они обменялись рукопожатием.

— Ну, как съездил?

Нед обнажил зубы в удовлетворенной улыбке.

— Я добился, чего хотел, — всей суммы.

— Чудесно. — Мэдвиг бросил шляпу на стул и уселся возле камина.

Бимон вернулся в свое кресло.

— Пока меня не было, что-то случилось? — спросил он, взяв наполовину пустой бокал с коктейлем, стоявший на столе рядом с серебряным шейкером.

— Мы выяснили отношения и заключили договор на канализацию.

Нед Бимон отхлебнул коктейль:

— Сделали большую скидку?

— Слишком большую. Прибыль не будет такой, какая намечалась, но лучше так, чем посеять тревогу накануне выборов. В будущем году сквитаемся на дорожных работах, когда начнут строить развилку на Салем и Честнат.

Нед кивнул.

— Не надо бы тебе носить шелковые носки к твидовому костюму, — сказал он, разглядывая вытянутые и скрещенные ноги собеседника.

— Да? — Мэдвиг поднял ногу, чтобы посмотреть на носки. — А мне нравится ощущать на ногах шелковые носки.

— Тогда не носи твидовый костюм. Тейлора Генри похоронили?

— В пятницу.

— Ты был на похоронах?

— Да, — ответил Мэдвиг и смущенно добавил: — Сенатор пригласил.

Бимон поставил стакан на стол и коснулся губ белым платком, который достал из нагрудного кармана пиджака.

— Как дела у сенатора? — Он покосился на собеседника, не скрывая веселья во взгляде.

— Хорошо, — ответил Мэдвиг все еще несколько смущенно. — Сегодня после обеда я большую часть времени провел у него.

— У него дома?

— Угу.

— Эта беловолосая опасность тоже была там?

Мэдвиг только что не нахмурился.

— Дженет была там.

Пристраивая платок обратно, Бимон издал невнятный горловой звук:

— М-гм. Так, значит, она уже Дженет. Далеко ли вы уже зашли?

Самообладание вернулось к Мэдвигу.

— Я все еще думаю, что женюсь на ней, — ответил он довольно спокойно.

— А она уже знает, что... ты с честными намерениями?

— Ради Бога, Нед, — возразил Мэдвиг. — Долго ты собираешься держать меня на скамье подсудимых?

Бимон засмеялся, взял свой шейкер, потряс его и налил себе новую порцию.

— Как тебе нравится убийство Френсиса Уэста? — спросил он, взял бокал и откинулся на спинку кресла.

Мгновение Мэдвиг казался ошеломленным. Потом лицо его прояснилось:

— А-а, это тот человек, которого вчера ночью застрелили на Оклэнд-авеню...

— Тот самый.

В голубых глазах Мэдвига снова появилось некоторое удивление.

— Но мы не были знакомы.

— Это был один из свидетелей против брата Уолтера Ивенса, — сказал Бимон. — Второй свидетель, Бойд Уэст, теперь боится давать показания, так что обвинение разваливается.

— Это же здорово, — сказал Мэдвиг, но, прежде чем последнее слово вылетело у него изо рта, в его глазах появилось сомнение. Он подобрал ноги и наклонился вперед. — Ты опасаясь?

— Да, если слово «боишься» тебе нравится меньше.

Лицо Мэдвига застыло в настороженном внимании, а его зрачки теперь стали похожи на голубые камешки.

— Куда ты метишь, Нед? — спросил он резко.

Бимон допил бокал и поставил его на стол.

— После того как ты сказал Уолту Ивенсу, что не можешь выволить Тима до выборов, он пошел со своим горем к Шеду О'Рори, — начал Нед взвешенно-монотонным голосом, словно отвечая урок. — Шед послал пару своих горилл припугнуть Уэстов, чтобы они отказались давать показания против Тима. Один из братьев оказался не робкого десятка, и его уколошили.

Мэдвиг сдвинул
— Какое д
— Ладно,
Нед раздраже
— Переста
жения мне в
давай выклад
Нед Бимон
не налив из не
— Это и п
моему, дело о
Ивенс работа
так далее и
сделал бы для
все или по ме
дать так — а
других свидет
ход мыслей по
начал так сил
рядочные грах
части один че
что-нибудь бл
твоих парней
чтобы тот устр
или ты полага
вырыть тебе я
— Проклят
Я прекрасно
установился на
ногами.
Бимон про
должил:
— У этого
не относящаяс
ее использоват
Мэдвиг под
— Что это?
— Вчера в
в клубе — на
дни выборов
алиби в нашем
голос, его тем
ными, — что
будут свидете

Мэдвиг сдвинул брови:

— Какое дело Шеду до забот Тима Ивенса?

— Ладно, это всего лишь предположение, — ответил Нед раздраженно и протянул руку за шейкером. — Забудь о нем.

— Перестань, Нед. Ты знаешь, что твои предположения мне всегда интересны. Если ты что-то задумал, давай выкладывай.

Нед Бимон поставил шейкер обратно на стол, так и не налив из него:

— Это и правда только предположение, Пол, но, по моему, дело обстоит именно так. Все знают, что Уолт Ивенс работает на тебя, что он член твоего клуба и так далее и что, если бы он попросил тебя, ты сделал бы для спасения его брата все, что можно. И вот все или по меньшей мере очень многие начнут рассуждать так — а не ты ли велел убрать одних и запугать других свидетелей преступления его брата? Это будет ход мыслей посторонних — женские клубы, которых ты начал так сильно опасаться в последнее время, и порядочные граждане. Посвященные — им по большей части один черт, сделал ты это или нет, — они узнают что-нибудь близкое к истине. Они выяснят, что один из твоих парней был вынужден искать помощи у Шеда, чтобы тот устроил его дела. Шед выкопал тебе яму — или ты полагаешь, что он не зашел так далеко, чтобы вырыть тебе яму?

— Проклятье, — бормотнул Мэдвиг сквозь зубы. — Я прекрасно знаю, на что эта гнида способна. — Он уставился на зеленый лист в узоре ковра у себя под ногами.

Бимон проницательно посмотрел на него и продолжил:

— У этого дела есть еще одна сторона. Возможно, не относящаяся к игре, но если Шед захочет, он сможет ее использовать.

Мэдвиг поднял взгляд и спросил:

— Что это?

— Вчера вечером Уолт Ивенс до двух часов торчал в клубе — на три часа дольше обычного, если не считать дни выборов и банкетов. Понимаешь? Он делал себе алиби в нашем клубе. Допустим, — Нед Бимон понизил голос, его темные глаза сделались круглыми и серьезными, — что Шед сфабрикует доказательства, которые будут свидетельствовать, что Уолт убил Уэста. Твои

женские клубы и вся публика, которую хлебом не корми, дай только пошуметь по поводу таких дел, будут считать, что алиби Уолта подстроено, что его подделали, дабы спасти этого человека.

— Гнида поганая. — Мэдвиг встал и сунул руки в карманы брюк. — Хотел бы я, чтобы выборы были уже позади или далеко впереди.

— Тогда бы ничего подобного не произошло.

Сделав два шага к центру комнаты, Пол пробормотал:

— Будь он проклят. — Сдвинул брови, посмотрел на телефонный аппарат у двери в спальню. Не глядя на Бимона, процедил краем рта: — Придумай что-нибудь, надо помешать этому. — Он шагнул к телефону и остановился. — Неважно, — сказал он, повернувшись к Неду Бимону. — Я сделаю так, что в нашем городке у Шеда земля будет гореть под ногами. Он мне надоел.

— Каким же это образом?

— А таким, например, — Мэдвиг усмехнулся, — что велю Рейни закрыть «Собачью конуру» и «Райский сад» и каждый второй кабак, которые «опекает» Шед или кто-то из его приятелей, известных нам. Я думаю, что велю Рейни сегодня же вечером перекрыть кислород им всем, одному за другим.

— Ты поставишь Рейни в тяжелое положение, — уклончиво заметил Нед. — Наши полицейские не привыкли заботиться об исполнении запретов. Это им не очень понравится.

— Один раз они могут это сделать для меня, — сказал Мэдвиг, — и чтобы не думали при этом, будто они заплатили уже все свои долги.

— Возможно. — На лице и в голосе Неда Бимона все еще было сомнение. — Но эта массовая акция будет похожа на вскрытие сейфа с помощью взрывчатки, тогда как отмычкой его можно было бы открыть без шума.

— Ты что-нибудь припас, Нед?

Нед Бимон покачал головой.

— Ничего, в чем я был бы уверен, но хорошо бы подождать пару дней, пока...

На это замотал головой Пол.

— Нет, — сказал он. — Я хочу действовать. Я ни черта не смыслю в открывании сейфов, Нед, но драться умею — по-своему, обоими кулаками. Я не сумел на-

учиться боксу, и в те немногие разы, когда я пробовал боксировать, меня колотили. Мистер О'Рори получит свой взрыв.

6

— Так что тебе не о чем беспокоиться, — сказал жилистый мужчина в роговых очках. Довольный собой, он привалился к спинке стула.

Сидящий от него слева тощий человек с пышными каштановыми усами и редкими волосами заметил своему соседу слева:

— По мне, это звучит вовсе не так уж прекрасно.

— Вот как? — Жилистый повернулся, чтобы поглядеть на тощего через свои очки. — Ну, Полу больше никогда не нужно будет приходить в мой район, чтобы...

— А, чепуха! — бросил тощий.

Мэдвиг повернулся к нему:

— Ты говорил с Паркером, Брин?

— Да, я говорил с ним, и он предлагает пять, но я думаю, что из него можно выжать еще два.

— Ну, это можно было предполагать! — презрительно заметил человек в очках.

— Да? — Брин посмотрел на него краем глаза и съязвил: — А из кого ты когда-нибудь выжал столько?

В широкую дубовую дверь постучали три раза.

Бимон встал со стула, на котором он сидел верхом, и пошел к двери. Он приоткрыл ее не больше чем на фут.

Стучался темноволосый человек с низким лбом, чей синий костюм давно нуждался в утюжке. Он не пытался войти и пытался говорить тихо, но возбужденно, и его слова были слышны всем находящимся в комнате.

— Шед О'Рори внизу. Он хочет поговорить с Полом.

Закрыв дверь, Бимон повернулся к ней спиной, чтобы посмотреть на Пола Мэдвига. Казалось, что из десятка присутствующих только этих двоих нисколько не смутило это сообщение. Остальные не выказали своего волнения открыто, но лица кое у кого неожиданно застыли, — однако ни один уже не дышал так, как прежде.

Нед Бимон сделал вид, будто не понимает, в чем, собственно, дело, и сказал, всем своим видом выражая живой интерес:

— О'Рори хочет с тобой поговорить. Он внизу.

Мэдвиг посмотрел на часы.

— Вели передать ему, что сейчас я занят, но, если он согласен немного подождать, я с ним поговорю.

Нед Бимон кивнул и снова открыл дверь.

— Скажи ему, что у Пола сейчас совещание, но если у него есть время немного подождать, то Пол поговорит с ним. — Он закрыл дверь.

Мэдвиг спросил человека с желтоватым квадратным лицом, возможно ли получить побольше голосов с Честнат-стрит. Тот ответил, что голосов, по его мнению, будет «куда больше», чем в прошлый раз, и все-таки недостаточно, чтобы у оппозиции болела об этом голова. Говоря это, он краем глаза все время косился на дверь.

Бимон снова «оседлал» свой стул у окна и закурил сигару.

Мэдвиг повернулся к следующему и спросил, какие жертвования на благо избирательной кампании можно будет получить от Хартвика. Человек, которого он спросил, отвел взгляд от двери, но ответил невпопад.

Спокойствие на лицах Неда Бимона и Мэдвига, их сосредоточенность на проблемах избирательной кампании не могли разрядить напряжения, воцарившегося в комнате.

По истечении пятнадцати минут Мэдвиг встал и сказал:

— Ну, наши заботы еще не изжиты, но дело подвигается. Если вы не дадите себе расслабиться, мы своего добьемся. — Он подошел к двери, чтобы пожать каждому руку. Выходящие заторопились.

Только Бимон так и не встал со стула. Оставшись наедине с Мэдвигом, он спросил:

— Мне оставаться или исчезнуть?

— Остайся. — Пол подошел к окну и посмотрел вниз на солнечную Чайна-стрит.

— Заработали оба кулака? — спросил Нед Бимон после короткой паузы.

Мэдвиг отвернулся от окна и кивнул.

— Я по-другому не умею, — он посмотрел на сидевшего на стуле Неда с мальчишеской улыбкой, — может быть, не считая работы ногами.

Нед Бимон собрался что-то сказать, но его прервало бряканье дверной ручки.

Человек, который открыл дверь и вошел, был чуть выше среднего роста, и его худощавость оставляла обманчивое впечатление хрупкости. Гладкие волосы были совершенно седыми, но ему, по всей видимости, было

не больше 35 лет. Его замечательно ясные серо-голубые глаза глядели с чуть удлиненного, узковатого, но тонко очерченного лица. На нем было темно-синее пальто, а под ним темно-синий костюм, рука в черной перчатке держала черный котелок.

За ним вошел смуглый кривоногий жлоб того же роста, покатые плечи, длинные ручищи и плоская физиономия роднили его с обезьяной. К серой своей шляпе он даже не притронулся. Закрыв дверь, он прислонился к ней и сунул руки в карманы клетчатого пальто.

К этому времени первый успел сделать три-четыре шага. Он положил шляпу на стул и стал стягивать перчатки.

Мэдвиг, держа руки в карманах, осведомился с любезной улыбкой:

— Как дела, Шед?

— Хорошо, Пол. Как ты поживаешь? — У этого человека был мелодичный баритон. В нем слышался едва различимый ирландский акцент.

Легким кивком головы Мэдвиг указал на сидящего на стуле и спросил:

— Вы знакомы с Недом Бимоном?

— Да, — ответил О'Рори.

— Да, — ответил Бимон.

Ни один из них не кивнул, и Нед Бимон не поднялся со стула.

Шед О'Рори снял-таки перчатки. Положил их в карман пальто и сказал:

— Политика — это политика, а бизнес — это бизнес. Я заплатил и ничего не имею против того, чтобы платить дальше; но я хочу получать то, за что плачу. — Его колоритный голос не выражал ничего, кроме приветливой серьезности.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Пол так, словно ответ был не очень ему важен.

— Хочу сказать, что половина полицейских нашего города покупают себе пиво и пирожки на те деньги, которые получают от меня и кое-кого из моих друзей.

Мэдвиг сел на край стола.

— И что же? — спросил он так же беззаботно, как и прежде.

— Я хочу того, за что плачу. Я плачу, чтобы мне не мешали. Я требую, чтобы мне не мешали.

— Что же это означает, Шед, — усмехнулся Мэд-

виг, — ты что, жалуешься мне на то, что подкупленные полицейские тебя обманывают?

— Это значит, что, как сказал мне вчера вечером Дулан, приказ о закрытии моих заведений исходит прямо от тебя.

Мэдвиг опять усмехнулся и повернулся, чтобы спросить Неда Бимона:

— Что ты об этом думаешь, Нед?

Бимон едва заметно улыбнулся, но не сказал ни слова.

— Знаешь, что я думаю об этом деле? — продолжал Мэдвиг. — Я думаю, что капитан Дулан перетрудился. Я думаю, что капитану Дулану кто-то должен предоставить очень долгий отпуск. Напомни мне об этом.

— Я платил за защиту, Пол, и я требую защиты. Дело есть дело, а политика есть политика. Давай не путать эти вещи.

— Нет, — ответил Мэдвиг.

Голубые глаза Шеда О'Рори мечтательно смотрели вдаль. Он грустновато улыбнулся, и в его мелодичном, звучащем по-ирландски голосе обнаружилась печальная нотка, когда он обронил:

— Тогда дойдет до драки.

Голубые глаза Мэдвига были непроницаемы, а в его голосе было так же трудно вычитать что-нибудь, как и в глазах. Он сказал:

— Если ты будешь поступать так, то дойдет до драки.

Человек с белыми волосами кивнул.

— Надо идти, — сказал он все так же печально. — Я уже не мальчик, чтобы получать от тебя ногой под зад.

Мэдвиг откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу. Его вид говорил о том, что он не придает особого значения словам:

— Может быть, ты и не мальчик, но все равно получишь. — Он сделал губы трубочкой и добавил, будто только что вспомнил: — Уже сейчас получаешь.

Мечтательная печаль улетучилась — Шед О'Рори надел свою черную шляпу. Поправил воротник пальто у шеи. Длинным белым пальцем он указал на Мэдвига и сказал:

— Сегодня вечером я снова открою «Собачью кону-

ру». Я не хочу, чтобы меня беспокоили. Тронь меня, и я трону тебя.

Мэдвиг снял ногу с ноги и протянул руку к телефонному аппарату на столе. Он позвонил в управление полиции, попросил начальника полиции:

— Алло, Рейни... Да, хорошо. Как семья?... Это престительно. Знаете, Рейни, я слышал, что Шед собирается сегодня вечером снова открыть «Собачью конуру»... Да... Да, прихлопните крышку, так чтобы пар пошел... Верно... Да уж. Всего доброго. — Он отодвинул телефонный аппарат и обратился к О'Рори: — Теперь ты понимаешь свое положение? Ты пропал, Шед. В этом городе ты окончательно пропал.

— Я понимаю, — мягко сказал О'Рори, повернулся, открыл дверь и вышел.

Кривоногий ублюдок помедлил, плюнул — расчетливо — перед собой на ковер и нагло, вызывающе глянул на Мэдвига и Неда Бимона. Потом удалился и он.

Бимон вытер ладони носовым платком. Он так ничего и не сказал Мэдвигу, который смотрел на него вопросительно. Глаза у Неда погрустнели.

Мгновенье спустя Мэдвиг спросил:

— Ну?

— Неверно, Пол.

Мэдвиг встал и пошел к окну.

— Господи Иисусе! — протянул он жалобно, не поворачиваясь. — Ты бываешь когда-нибудь хоть чем-нибудь доволен?

Нед Бимон встал со своего стула и направился к двери.

Мэдвиг отвернулся от окна и сердито спросил:

— Опять какая-то твоя проклятая блажь?

— Да, — ответил Нед и вышел. Он спустился по лестнице, взял шляпу и покинул «Сруб». Пешком пошел на вокзал, который находился в семи кварталах, купил билет до Нью-Йорка в ночном поезде. Домой он поехал на такси.

Грузная бесформенная женщина в сером платье и толстощекий паренек под присмотром Неда Бимона упаковывали его чемодан и три кожаные дорожные сумки, когда зазвенел звонок.

Женщина, отдуваясь, встала с колен и пошла к двери. Широко распахнула ее.

— Матерь Божья, мистер Мэдвиг, — прокудахтала она. — Заходите, заходите.

Мэдвиг вошел и сказал:

— Как дела, миссис Дювин? Вы с каждым днем все молодеете. — Скользя взглядом по чемодану и сумкам, он обратился к пареньку: — Привет, Чарли. Ты уже готов работать на бетономешалке?

— Добрый день, мистер Мэдвиг, — юноша смущенно улыбнулся.

Улыбка Мэдвига настигла и Неда Бимона:

— Ты куда-то едешь?

— Да, — Нед вежливо улыбнулся.

Гость огляделся, снова бросил взгляд на сумки и чемодан и засмотрелся на сваленную одежду и открытые ящики. Паренек и женщина вернулись к своей работе. Бимон отыскал в куче на стуле две полинявшие рубашки и отложил их в сторону.

— У тебя есть полчаса времени, Нед?

— Времени у меня навалом.

— Возьми шляпу, — попросил Мэдвиг.

Бимон взял шляпу и пальто.

— Пакуйте все, что влезет, — сказал он женщине, идя с Мэдвигом к двери. — А что останется, пошлите вместе с другим моим барахлом.

Они спустились по лестнице на улицу и прошли квартал к югу. Потом Мэдвиг спросил:

— Куда ты едешь, Нед?

— В Нью-Йорк.

Они свернули на соседнюю улицу.

— Навсегда?

Нед Бимон пожал плечами:

— Отсюда я уезжаю навсегда.

Они открыли зеленую дверь в задней стене красного кирпичного дома, прошли коридор и через другую дверь вошли в бар, где выпивали с полдюжины мужчин. Обменявшись приветствиями с барменом и еще тремя посетителями, они прошли через бар в маленькую комнату с четырьмя столами. Никого, кроме них, там не было. Они сели за столик.

Бармен сунул голову в дверь и спросил:

— Пиво, как обычно, джентльмены?

— Да, — кивнул Мэдвиг и после ухода бармена спросил: — Почему?

— Мне надоел этот провинциальный вздор.

— Ты имеешь в виду меня?

Нед промолчал.

Мэдвиг тоже умолк на какое-то время. Потом он вздохнул и добавил:

— Нечего сказать, хорошенькое времечко ты выбрал, чтобы бросить меня.

Бармен принес две кружки светлого пива и вазочку соленого печенья. Когда он вышел и закрыл за собой дверь, Мэдвиг воскликнул:

— Господи, до чего трудно с тобой поладить, Нед!

— Разве я когда-нибудь возражал? — пожал плечами Бимон, поднял кружку и выпил.

Мэдвиг отламывал от соленого печенья маленькие кусочки.

— Ты в самом деле хочешь уехать, Нед?

— Я уеду.

Мэдвиг бросил кусочки печенья на стол, достал из кармана чековую книжку. Он вырвал чек, вынул из другого кармана ручку и заполнил чек. Потом помахал им, пока высыхали чернила, и отпустил, чтобы он спланировал на стол перед Бимоном.

Нед Бимон посмотрел на чек, покачал головой и сказал:

— Мне не нужны деньги, и ты мне ничего не должен.

— Должен. Я должен тебе гораздо больше этой суммы, Нед. Я хочу, чтобы ты взял ее.

— Хорошо, спасибо, — сказал Бимон и сунул чек в карман.

Мэдвиг отхлебнул пива, заел печеньем и собрался было отхлебнуть еще раз, но отставил кружку и сказал:

— После того, что случилось сегодня в клубе после обеда, ты еще чем-то недоволен?

— Со мной ты так не будешь говорить. — Бимон покачал головой. — Никто не будет.

— Дьявол побери, Нед, я же ничего не сказал.

Нед Бимон промолчал.

Мэдвиг опять выпил.

— Можешь ты мне сказать, почему я, по-твоему, неверно вел себя с О'Рори?

— Это ничего не даст.

— А ты попробуй.

— Хорошо, но пользы от этого все равно не будет. — Бимон поставил свой стул на задние ножки, держа кружку с пивом в одной, а соленое печенье в другой

руке. — Шед будет бороться против тебя. Он вынужден это делать. Ты загнал его в угол. Ты сказал, что в этом городе ему крышка. Значит, ему ничего не остается, как поставить на карту все. Если ему удастся оттеснить тебя до выборов, то он сможет устроить так, чтобы победить. Если на выборах победишь ты, ему все равно придется исчезнуть. Ты используешь против него полицию. Вынуждаешь его бороться с полицией, и он будет это делать. Следовательно, создается ситуация, которая может принять облик волны преступности. Ты пытаешься добиться переизбрания всей городской управы. Но волна преступности накануне выборов, да к тому же такая волна, которая, возможно, окажется не под силу полиции, — никак не произведет хорошего впечатления... Это...

— Ты думаешь, я должен был уступить ему? — спросил Мэдвиг, нахмурившись.

— Этого я не думаю. Я думаю, ты должен был оставить ему какой-нибудь выход, какой-то путь к отступлению. Ты не должен был припирать его к стене.

Мэдвиг нахмурился еще больше.

— Я ничего не знаю о твоих методах борьбы. Он же сам начал. Я знаю только, что если кого-то загнали в угол, то надо идти и кончать с ним. До сих пор эта система меня не подводила. — Мэдвиг слегка покраснел. — Я не хочу сказать, что я Наполеон или что-нибудь вроде того, Нед, но я начал рассыльным, и вот я таков, каков я есть.

Нед Бимон допил свою кружку пива и опустил передние ножки стула на пол.

— Я сказал тебе, что проку не будет, — произнес он. — Пусть будет так, как тебе нравится. Продолжай считать, что средства, которые годились там, где ты начинал рассыльным, годятся повсюду.

В голосе Мэдвига прозвучало и недовольство и покорность, когда он спросил:

— Ты не слишком высокого мнения обо мне как о политике, да, Нед?

Теперь покраснел Нед Бимон:

— Я не говорил этого, Пол.

— Но подумал, разве нет? — настаивал Мэдвиг.

— Нет, но я полагаю, что на этот раз ты позволил себя перехитрить. Сначала Генри заманил тебя поддерживать сенатора. У тебя была возможность пойти и покончить с врагом, загнанным в угол, но так как у

этого врага случайно оказались дочка и положение в обществе и так далее, то...

— Прекрати, Нед, — взрычал Мэдвиг.

Лицо Неда Бимона сделалось бесстрастным. Он встал, сказал:

— Ладно, мне пора, — и повернулся к двери.

Мэдвиг тут же оказался у него за спиной, положил руку ему на плечо:

— погоди, Нед.

— Убери руку, — не оборачиваясь, потребовал Бимон.

Мэдвиг другой рукой схватил Бимона за руку и развернул его:

— Послушай, Нед...

— Отпусти, — повторил Бимон. Его сжатые губы побледнели.

Мэдвиг потряс его и сказал:

— Не будь ты таким кретином. Нам обоим...

Левым кулаком Бимон ударил Мэдвига в зубы.

Мэдвиг отпустил его и отступил на два шага. На протяжении примерно трех ударов пульса рот у него был открыт, а на лице застыло удивление. Потом лицо налилось гневом, и он крепко сжал губы, так что подбородок сделался каменным и бугристым. Сжав кулаки, он набычился и подался вперед.

Нед Бимон протянул руку в сторону и схватил стоявшую на столе тяжелую стеклянную кружку, но не поднял ее. Если не считать слегка наклоненного к столу корпуса, он стоял прямо против Мэдвига. Лицо — худощавое и суровое, рот окружают белые от напряжения складки. Его темные глаза разъяренно смотрели в голубые глаза Мэдвига.

Так они стояли друг против друга меньше чем на расстоянии одного ярда — один светловолосый, высокого роста и мощного телосложения, подавшийся вперед, приподнявший широкие плечи с кулаками наготове, другой — темноглазый брюнет, высокий и худой, чуть склонившийся набок, с тяжелой стеклянной кружкой в руке — и кроме их дыхания, в комнате ничего не было слышно. И из бара, по ту сторону тонкой двери, не доносилось ни звука, ни звона посуды, ни гула разговоров, ни плеска воды.

Прошло две минуты, Нед Бимон отпустил ручку кружки и повернулся к Мэдвигу спиной. Ничего не изменилось в его лице, кроме того, что из его глаз, кото-

рые больше не смотрели в глаза Мэдвига, пропала ярость, и они стали суровыми и холодными. Он не спеша шагнул к двери.

Мэдвиг хриплым грудным голосом крикнул:

— Нед!

Бимон остановился. Лицо его побледнело еще больше. Но он не обернулся.

— Сукин сын ты ненормальный, — сказал Мэдвиг. Тут Бимон медленно повернулся.

Мэдвиг вытянул руку и ладонью толкнул его в лицо сбоку так, что Нед потерял равновесие и был вынужден резко отставить ногу и схватиться за стул, стоявший у стола.

— Надо бы сделать из тебя отбивную, — не унимался Мэдвиг.

Нед застенчиво ухмыльнулся и сел на стул, о который опирался. Мэдвиг сел напротив и постучал своей кружкой о стол.

Бармен открыл дверь и просунул голову.

— Еще пива, — сказал Мэдвиг.

В открытую дверь из бара донеслись голоса, звон посуды и стук кружек о дерево.

ГЛАВА IV

«СОБАЧЬЯ КОНУРА»

1

— Войдите, — крикнул завтракавший в постели Нед и после того, как открылась и закрылась входная дверь, сказал: — Да?

Из комнаты донесся низкий хриловатый голос:

— Ты где, Нед? — Прежде чем Бимон успел ответить, обладатель этого голоса показался в дверях спальни и вслух удивился: — Смотри-ка, до чего уютно. — Это был молодой человек крепкого сложения, с бледным угловатым лицом и веселыми темными, чуть косящими глазами, в углу его широкого толстогубого рта висела сигарета.

— Привет, Виски, — встретил его Бимон. — Найди себе стул.

— Неплохо ты устроился, — заметил Виски, оглядываясь. Вытащил сигарету изо рта и, не поворачивая

головы, показал ею через плечо в сторону гостиной: — А эти узлы зачем? Переезжаешь?

Бимон как следует прожевал манную кашу, проглотил ее и только потом ответил:

— Есть у меня такой план.

— Да? — сказал Виски, направляясь к столу, стоящему возле кровати. Он уселся. — И куда же?

— Может быть, в Нью-Йорк.

— В каком смысле «может быть»?

— В том смысле, что билет у меня уже в кармане.

Виски стряхнул сигаретный пепел на пол и сунул сигарету обратно в левый угол рта. Сопя, втянул ноздрями воздух.

— Надолго уезжаешь?

Нед Бимон задержал чашку с кофе на полпути между подносом и ртом. Задумчиво оглядел молодого человека с бледным лицом. Наконец сказал:

— У меня билет в один конец, — и отпил кофе.

При взгляде на Неда темные глаза Виски скашивались все больше, пока один из них не закрылся полностью, а от второго осталась только узкая черная щель. Он вынул сигарету изо рта и снова стряхнул пепел на пол.

— До отъезда ты мог бы поговорить с Шедом, — посоветовал он.

Нед поставил чашку на поднос и улыбнулся.

— Мы не такие добрые друзья, чтобы Шед обиделся, если я уеду, не попрощавшись...

— Не в этом дело.

Бимон переместил поднос на ночной столик. Повернулся на бок и уперся локтем в подушку. Подтянул одеяло повыше. И только после этого спросил:

— А в чем же?

— Дело в том, что ты мог бы заключить с Шедом сделку.

Нед Бимон покачал головой:

— По-моему, не мог бы.

— А вдруг ты ошибаешься? — спросил Виски.

— Возможно. Как-то раз, в тысяча девятьсот двенадцатом году, я ошибся. Уже не помню, в чем.

Виски поднялся, чтобы погасить свою сигарету в стоявшей на подносе тарелочке. Стоя у столика возле постели, он сказал:

— Почему бы тебе не попробовать, Нед?

Бимон насупился.

— Мне кажется, это было бы пустой тратой времени, Виски. Не думаю, чтобы мы с Шедом поладили.

Виски звучно цыкнул зубом. Его толстые, изогнутые книзу губы придали этому звуку презрительную окраску.

— А Шед полагает, что вы бы поладили, — сказал он.

— Да? — спросил Нед, открыв глаза. — Это он тебя прислал?

— Черт возьми, разумеется, — возмутился Виски. — Не думаешь же ты, что я сидел бы здесь и базарил, если б он не послал меня?

Бимон снова прищурился:

— Но почему?

— Он считает, что вдвоем вы могли бы сделать бизнес.

— Я хочу сказать, — объяснил Нед Бимон, — почему он думает, что я хочу сделать с ним бизнес?

— Ты шутишь, Нед? — изобразил возмущение Виски.

— Нет.

— Бога ради, ты что, думаешь, что в этом городке ни одна собака не знает, как вы с Полом разругались вчера у Пипа Карсона?

Нед кивнул.

— А, вот оно что, — пробормотал он будто про себя.

— Да уж, — подтвердил человек с хриплым голосом, — и, как случайно удалось узнать Шеду, ссора началась с того, что, по-твоему, Пол не должен был закрывать кабаки Шеда. Так что если ты хоть чуть-чуть соображаешь, то сейчас вполне можешь поладить с Шедом.

— Не знаю, — задумчиво протянул Бимон. — Мне хочется уехать отсюда, обратно в большой город.

— Ты подумай своей башкой, — прохрипел Виски. — После выборов большой город со своего места никуда не денется. Оставайся. Ты знаешь, что у Шеда денег навалом, и он щедро ими поделится, чтобы свалить Мэдвига. Оставайся и возьми свою долю.

— Ладно, — ответил Бимон не совсем уверенно, — может, и правда поговорить, хуже не будет.

— Не повредит, ты прав на все сто, — удовлетворенно заметил Виски. — Увязывай свои пеленки, и пошли.

— Хорошо. — И Нед Бимон встал с кровати.

— Рад вас видеть, Бимон, — Шед О'Рори встал и поклонился. — Положите куда-нибудь шляпу и плащ. — Руки он не подал.

— Доброе утро, — ответил Нед и стал снимать плащ.

— Ладно, ребята, я потопал, — сказал Виски с порога.

— Давай, — бросил О'Рори, и Виски вышел, прикрыв за собой дверь.

Нед Бимон бросил плащ на край дивана, шляпу пристроил сверху плаща и сел рядом. Без всякого любопытства он смотрел на О'Рори.

Тот вернулся к своему низкому, обтянутому алым с золотом креслу и сел. Он положил ногу на ногу и сверху сложил руки. Изящная голова склонилась на грудь, так что серовато-синие глаза глядели на Бимона исподлобья. Приятно звучащим голосом с ирландским акцентом он сказал:

— Я должен вам за то, что вы пытались убедить Пола...

— Нисколько.

— Разве?

— Тогда я был его человеком. То, что я предлагал ему, говорилось в его собственных интересах. Я считал, что он совершает ошибку.

— И прежде, чем игра кончится, он это поймет, — О'Рори мягко улыбнулся.

После этого некоторое время стояла тишина. О'Рори уселся поглубже и с улыбкой посмотрел на Бимона. Нед сидел на диване и так глядел на О'Рори, что понять, о чем он думает, было невозможно.

Молчание прервал О'Рори, который спросил:

— Что рассказал вам Виски?

— Да, в общем-то, ничего. Сказал, что вы хотите меня видеть.

— И он был прав. — О'Рори развел пальцы и ладонью одной руки похлопал тыльную сторону другой. — Вы с Полом разошлись окончательно?

— Я думал, вам это известно, — ответил Бимон. — Я полагал, что поэтому вы и послали за мной.

— Я слышал об этом, — сказал О'Рори, — но только слышать иной раз бывает недостаточно. Какие же теперь у вас планы?

— У меня в кармане билет в Нью-Йорк, и вещи упакованы.

О'Рори поднял руку и провел ладонью по своим гладким белым волосам.

— Вы ведь приехали сюда из Нью-Йорка?

— Я никому не говорил, откуда приехал.

О'Рори убрал руку с волос, изобразив едва заметный протестующий жест:

— Не думаете же вы, что меня очень сильно волнует, откуда кто приехал? — спросил он.

Бимон не проронил ни слова.

Человек с белыми волосами продолжил:

— Но мне не безразлично, куда собираетесь ехать вы, и если бы мои слова значили что-то для вас, то пока вы не уезжали бы в Нью-Йорк. Вам не приходило в голову, что и здесь ваши дела могут пойти в гору?

— Нет, — сказал Нед Бимон, — то есть до того, как у меня появился Виски.

— И что вы думаете теперь?

— Понятия не имею. Жду, что вы мне скажете.

О'Рори снова положил руку на волосы. Его сероватосиние глаза были приветливы и хитры. Он спросил:

— Сколько вы здесь пробыли?

— Пятнадцать месяцев.

— А сколько вы с Полом были не разлей вода?

— Год.

О'Рори кивнул:

— И вы должны знать довольно много, — сказал он.

— Естественно.

— Вы должны знать довольно много вещей, которые мне бы оченьгодились.

— Что вы предлагаете? — спокойно сказал Бимон.

О'Рори выбрался из недр своего кресла и подошел к двери, которая находилась напротив входной. Когда он открыл ее, в комнату вступил английский бульдог невероятных размеров. О'Рори снова сел. Собака улеглась на ковер перед ало-золотым креслом и мрачно воззрилась на хозяина.

— Одна вещь, которую я могу вам предложить, — ответил наконец О'Рори, — это возможность как следует отомстить Полу.

— Мне это совершенно неинтересно.

— Совсем?

— Что касается меня, то мы квиты.

О'Рори поднял голову, вкрадчиво спросил:

— И вы не хотите ничего предпринять, чтобы навредить ему?

— Этого я не говорил, — несколько раздраженно отозвался Нед Бимон. — Я ничего не имею против того, чтобы навредить ему, но это я могу сделать и сам в любое удобное время, и я не хочу, чтобы вы думали, будто одарите меня, предоставляя подобную возможность.

— Это мне подходит. — О'Рори благожелательно кивнул. — Главное, насолить Полу. Почему он прикончил молодого Генри?

— Время есть, — Бимон рассмеялся. — Вы еще не сделали своего предложения. Милая собачка, сколько ей лет?

— Семь, почти старик. — О'Рори вытянул ногу и концом башмака погладил собачью морду. Собака лениво повела хвостом. — Что вы думаете о таком варианте: после выборов я предоставляю в ваше распоряжение лучший игорный притон, какой только есть в нашем штате, и возглавляйте его по своему усмотрению под самой сильной охраной, о какой вы когда-нибудь слышали.

— В этом предложении имеется «если», — сказал Нед Бимон чуть утомленно. — Если вы выиграете. И кроме того, я вовсе не уверен, что после выборов захочу здесь остаться — или даже до выборов.

О'Рори перестал заниматься собачьей мордой. Он опять посмотрел на Неда Бимона и мечтательно улыбнулся:

— Вы не верите, что мы выиграем на выборах?

Нед Бимон улыбнулся в ответ:

— Вряд ли вы сейчас будете держать на это пари один к одному.

Все еще мечтательно улыбаясь, О'Рори задал следующий вопрос:

— Я вижу, вы не горите желанием объединиться со мной?

— Нет. — Бимон встал и надел шляпу. — Это была не моя идея. — Он говорил раскованно, лицо его было бесстрастно. — Я сказал Виски, что это будет напрасная трата времени. — Он протянул руку, чтобы взять плащ.

— Сядьте, — остановил его Шед. — Поговорить-то мы можем, а? И в конце концов, глядишь, куда-нибудь да выйдем.

Бимон колебался, пожал плечами, снял шляпу,

положил ее вместе с плащом обратно на диван и там же сел.

— Если вы присоединитесь ко мне, — продолжал О'Рори, — я тут же отстегиваю вам десять тысяч наличными и вечером в день выборов, после поражения Пола, еще столько же, при этом предложение об игорном доме остается в силе.

Нед Бимон вытянул губы трубочкой и из-под нахмуренных бровей мрачно разглядывал О'Рори.

— Вы, конечно, хотите, чтобы я его подставил?

— Я хочу, чтобы вы рассказали «Обсерверу» обо всем, что вы знаете про Пола — о договоре на канализацию, об убийстве Тейлора Генри, об истории, случившейся прошлой зимой с Шумакером, и о том, как он правит городом.

— Дело о канализации уже уплыло, — начал Бимон так, будто голова его была занята чем-то иным. — Чтобы избежать скандала, Пол отказался от прибыли.

— Ладно, — мягко, но самоуверенно согласился О'Рори, — зато у нас есть Тейлор Генри.

— Да, тут он был бы у нас в руках, — ответил Нед насупившись, — но я не знаю, удастся ли нам использовать историю Шумакера, — он колебался, — без того, чтобы мне грозили неприятности.

— Дьявол побери, этого нам не надо, — живо откликнулся О'Рори. — Это отпадает. Что у нас есть еще?

— Может быть, что-то даст расширение прав на открытие трамвайных линий и прошлогодние неприятности по этому поводу в уездной управе. Но сначала придется произвести небольшие раскопки.

— Это все окупится, — сказал О'Рори. — Я велю Хинкли — человеку из «Обсервера» — все разложить по полочкам. Вы только дайте данные, и пусть он строит. Начать мы могли бы с истории Тейлора Генри. Тут только кран отверни.

Нед Бимон пригладил ногтем большого пальца усы и пробормотал:

— Возможно.

— Вы хотите сказать, что начать следует с десяти тысяч долларов? — рассмеялся ирландец. — Это не лишено смысла. — Он встал и прошел через комнату к двери, в которую впустил собаку. Открыл ее, вышел и закрыл за собой. Собака не шелохнулась.

Нед раскурил сигару. Собака повернула голову и уставилась на него.

О'Рори вернулся с толстой пачкой зеленых стодолларовых банкнот. На бумаге, которой была оклеена пачка, синими чернилами было написано: «10 000 долларов». Он постучал пачкой по ладони и сказал:

— Хинкли сейчас тут. Я сказал ему, чтобы он вошел. Бимон нахмурился:

— Мне бы надо немного собраться с мыслями.

— Расскажите Хинкли все так, как вам придет в голову. Он уж расставит все по местам.

— Да, — кивнул Бимон и выпустил дым. — Это я могу.

О'Рори протянул ему пачку.

Бимон принял ее с благодарностью и сунул в нагрудный карман пиджака, который сразу вздулся над его плоской грудью.

— Взаимно признателен, — сказал Шед и направился назад к своему креслу.

Нед вынул сигару изо рта.

— Есть одно обстоятельство, о котором я хочу сказать вам, пока не забыл. Разыгранное лжеобвинение против Уолта Ивенса в деле убийства Уэста не так тревожит Пола, как то, что положение может остаться прежним.

Шед О'Рори мгновение с любопытством разглядывал Неда, потом спросил:

— Почему?

— Пол замажет ему алиби в клубе.

— Вы хотите сказать — он прикажет полиции забыть о том, что Ивенс торчал там?

— Именно.

Ирландец прищелкнул языком.

— Как он догадался, что я буду выкидывать фокусы с Ивенсом?

— О, вдвоем мы до этого дошли быстро.

— Хотите сказать, что это сделали вы, — улыбнулся О'Рори. — Полу до этого не дойти.

Нед Бимон изобразил скромное достоинство и спросил:

— Как же вы подвели Уолта?

О'Рори захихикал:

— Мы послали этого клоуна в Брейвуд покупать пистолеты, которые тогда использовали. — Его серовато-синие глаза вдруг сделались суровыми и колкими. Потом к нему опять вернулась веселость, и он сказал: — А, ладно, теперь, когда Пол всенепременно хочет раз-

дуть свару, все это уже не имеет никакого значения. Но все пошло именно оттуда, так?

— Да, — ответил Нед, — хотя раньше или позже ссора, по всей видимости, произошла бы все равно. Пол считает, что он помог вам встать здесь на ноги и вы должны были бы оставаться под его крылом, а не вырастать так, чтобы спихивать его с седла.

— И я буду тем человеком, который заставит его пожалеть, что он помог мне встать на ноги, — усмехнулся О'Рори. — Пол может...

Открылась дверь, и кто-то вошел. Это был молодой мужчина в обвислом сером костюме. У него были очень большие уши и нос. Неопределенного цвета волосы давно нуждались в стрижке, а морщины на довольно неопрятном лице казались чересчур глубокими для его возраста.

— Идите сюда, Хинкли, — пригласил О'Рори. — Это Бимон. Он даст вам данные. Когда напишете, покажете все это мне, и мы начнем публикации в завтрашнем номере.

Хинкли улыбнулся, показав гнилые зубы, и пробормотал Неду Бимону несколько невнятных вежливых слов.

— Отлично. — Бимон встал. — Пойдемте ко мне домой и примемся за работу.

О'Рори покачал головой:

— Будет лучше, если вы сделаете это здесь, — сказал он.

Бимон улыбнулся, беря с дивана шляпу и плащ:

— Извините, но я жду двух звонков и прочее. Несите свою шляпу, Хинкли. — Тот, похоже, боялся и стоял не двигаясь.

— Вам придется остаться здесь, Бимон. Мы не можем допустить, чтобы с вами что-нибудь случилось. Здесь вы достаточно защищены, — сказал О'Рори.

— Если вы беспокоитесь из-за денег, — Бимон улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок, сунул руку за пазуху и вытащил пачку банкнот, — можете держать их у себя до тех пор, пока я не кончу свое повествование.

— Я ни о чем не беспокоюсь, — спокойно возразил О'Рори. — Но у вас возникнут трудности, когда Пол узнает, что вы перешли на мою сторону, а я не хочу рисковать вашей жизнью.

— Вам придется рискнуть ею, — сказал Нед Бимон, — я пойду.

— Нет.

— Да.

Хинкли быстро повернулся и вышел из комнаты.

Нед Бимон тоже повернулся и не спеша, держась очень прямо, пошел к двери, в которую вошел.

О'Рори что-то сказал бульдогу, лежащему у его ног. Собака с трудом, но поспешно поднялась и прошествовала мимо Бимона к двери. Перед дверью она расставила лапы и угрюмо уставилась на Неда Бимона.

Бимон криво улыбнулся напряженными губами и снова повернулся к О'Рори. В руке у него была пачка долларов в банковской упаковке. Он поднял руку:

— Засуньте их себе сами знаете куда... — и бросил деньги в О'Рори.

Когда Нед Бимон опустил руку, бульдог неуклюже прыгнул. Его челюсти сомкнулись вокруг запястья Неда Бимона. Удар от столкновения отбросил Неда Бимона влево, он упал на одно колено и опустил запястье к самому полу, чтобы освободить руку от тяжести собаки.

Шед О'Рори встал со своего места и подошел к той двери, за которой скрылся Хинкли. Открыв ее, он сказал:

— Зайдите на минутку. — Потом он подошел к Бимону, который, все еще стоя на коленях, пытался освободить зажатую собакой руку. Та держала его запястье, почти опустив живот на пол, упершись всеми четырьмя лапами.

Виски и еще двое мужчин вошли в комнату. Один из них был той кривоногой обезьяной, с которой О'Рори был в «Срубе». Другой — кряжистый румяный молодой человек лет девятнадцати-двадцати, с песочного цвета волосами и мрачным выражением лица. Мрачный юноша обошел Бимона со спины и остановился между ним и дверью. Кривоногий ублюдок взял правой рукой левую руку Бимона. Виски занял позицию на полпути между Бимоном и другой дверью.

Тогда О'Рори скомандовал собаке:

— Пэтти.

Собака отпустила запястье Неда и побрела к хозяину.

Бимон встал. Он был бледен и покрылся потом. Он разглядывал рваный рукав пиджака, запястье и кровь, стекающую по руке, которая дрожала.

— Вы сами этого хотели, — сказал О'Рори своим мелодичным ирландским голосом.

Нед перевел взгляд со своего запястья на ирландца.

— Да, — ответил он, — но этого мало, чтобы помешать мне уйти.

3

Бимон открыл глаза и застонал.

Румяный юноша с волосами песочного цвета повернул голову и бросил через плечо:

— Заткнись, ублюдок.

— Оставь его в покое, Расти, — вмешался гориллообразный напарник. — Может, он еще раз попытается выбраться отсюда, и мы опять повеселимся. — Он с усмешкой посмотрел на распухшие суставы пальцев. — Раздавай карты.

Нед Бимон пробормотал что-то о Фединки и сел. Он сидел на узкой кровати без простыни и одеяла. На голом матрасе — пятна крови. Лицо, в крови и ссадинах, распухло. Запекшаяся кровь приклеила рукав его рубашки к запястью, которое прокусила собака, пятна засохшей крови покрывали и тыльную сторону руки. Он находился в небольшой спальне, выкрашенной в желтый и белый цвета, где, кроме кровати, стояли еще два стула, стол и комод, на стенах — зеркало и три французские гравюры в белых рамках. В открытую дверь за изножьем кровати виднелась часть ванной комнаты с кафельными стенами. Была и еще одна дверь, закрытая. А окон не было.

Два уже знакомых молодых человека сидели на стульях и резались в карты. На столе бумажками и монетами лежало долларов двадцать.

Нед Бимон посмотрел на игроков карими глазами, в которых глубоко, как тлеющий огонек под пеплом, сверкала ненависть, и начал вставать с кровати. Задача оказалась не из легких. Правая рука висела плетью. Ему пришлось одну за другой перекинуть левой рукой ноги через край кровати, дважды он падал в кровать на бок, приходилось снова выпрямляться с помощью левой руки.

Гориллоподобный скосился на него, оторвав взгляд от своих карт, и спросил не без иронии:

— Ну, как успехи, братец? — Больше сидевшие за столом его не беспокоили.

В итоге, сотрясаемый дрожью, он встал. Левой рукой опираясь на кровать, он добрался до ее спинки. Там он выпрямился и, неотрывно глядя на свою цель, заковылял к закрытой двери. Возле нее он поскользнулся, упал на колени, но выброшенная в отчаянии левая рука ухватила за ручку двери, и он снова поднялся на ноги.

Тут горилла аккуратно положил карты на стол и сказал:

— Теперь пора. — Его оскал, показавший замечательно красивые белые зубы, был достаточно широк, чтобы убедиться — зубы ненастоящие. Он подошел и остановился рядом с Бимоном.

Нед подергал ручку двери.

— Послушай-ка, Гудини*, — произнес горилла и правым кулаком нанес Бимону удар в лицо, вложив в него всю тяжесть тела.

Бедолага отлетел к стене. Сначала о стену ударился его затылок, потом корпус, и весь он осел на пол.

Румяный Расти, который все еще сидел за столом с картами в руках, мрачно, но хладнокровно сказал:

— Господи, Джеф, ты вышибешь из него дух.

— Из него? — Джеф показал на человека у своих ног, не очень сильно стукнув его носком башмака по ляжке. — Из него дух не вышибешь. Он жилистый. Он жилистый парень. Ему это нравится. — Джеф наклонился, обеими руками схватил человека, лежащего без сознания, за лацканы и поставил его на колени. — Разве тебе не нравится, малыш? — спросил он, одной рукой держа Бимона на коленях, а другой ударяя его кулаком в лицо.

Снаружи погромыхали ручкой двери.

— Кто там? — крикнул Джеф.

— Я, — ответил приятный голос Шеда О'Рори.

Джеф оттащил Бимона от двери настолько, чтобы можно было ее открыть, бросил его, достал из кармана ключ и отпер дверь.

Вошли О'Рори и Виски. О'Рори поглядел на лежащего на полу, потом на Джефа и наконец на Расти. Взгляд его серовато-синих глаз был невесел. Он заговорил, обращаясь к Расти:

— Джеф колошматил его ради удовольствия?

* Гарри Гудини, настоящее имя Эрих Вайс (1874—1929) — американский фокусник, прославившийся тем, что умел высвобождаться из кандалов, цепей, закрытых сундуков и т. п.

Румяный юноша покачал головой:

— Этот Бимон — дьявол, — угрюмо ответил он. — Всякий раз, стоит ему разлепить глаза, он поднимается и что-нибудь предпринимает.

— Я не хочу, чтобы его убили. Пока не хочу, — уточнил О'Рори. Он взглянул на Неда Бимона. — Посмотрите, нельзя ли привести его в чувство. Я хочу с ним потолковать.

— Я не знаю. — Расти встал из-за стола. — Он почти готов.

Джеф был настроен оптимистичней.

— Конечно, можно, — сказал он. — Я покажу вам. Бери за ноги, Расти. — Сам он подхватил Бимона под мышки.

Они отнесли пребывающего в бессознательном состоянии Неда в ванную комнату и положили его в ванну. Джеф заткнул ее пробкой и открыл холодные краны душа и ванны.

— Скоро запоем, — предсказал он.

Пять минут спустя, когда они вытащили из ванны Бимона, с которого стекали струйки воды, и поставили на ноги, он уже мог стоять. Они отвели его обратно в спальню. О'Рори сидел на стуле и курил сигарету. Виски ушел.

— Положите его на кровать, — распорядился О'Рори.

Джеф и Расти довели своего подопечного до кровати, повернули его и усадили. Как только они отпустили его, он повалился на спину. Они снова усадили его. Джеф, не сжимая кулака, двинул его по избитому лицу:

— Эй, Рип Ван Винкль *, просыпайся...

— Вряд ли он очухается, — угрюмо проворчал Расти.

— Думаешь, не очухается? — радостно спросил Джеф и снова отвесил Бимону оплеуху.

Тот открыл один глаз, — тот, что не так распух и мог открываться.

— Бимон, — позвал О'Рори.

Нед приподнял голову и попытался оглядеться, но видел он Неда О'Рори или нет, было непонятно.

О'Рори встал со своего стула, подошел к Неду Бимо-

* Рип Ван Винкль — главный герой одноименного рассказа американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783—1859), который проспал 20 лет.

ну и наклонялся, пока его лицо не оказалось в нескольких дюймах от лица Бимона.

— Вы слышите меня, Бимон?

Открытый глаз Неда с тупой ненавистью смотрел в глаза О'Рори.

— Это говорит О'Рори, Бимон. Вы слышите меня?

— Да, — пробормотал Нед, едва шевеля вспухшими губами.

— Отлично. Теперь послушайте, что я вам скажу. Вы дадите мне все данные на Пола. — Он говорил очень четко, не повышая голоса, который звучал так же мелодично, как всегда. — Вы, возможно, думаете, что не дадите, но вы дадите. Я велю обрабатывать вас до тех пор, пока вы этого не сделаете. Вы поняли меня?

Нед Бимон улыбнулся. Состояние его лица сделало эту улыбку ужасающей.

— Не дам.

О'Рори отступил и сказал:

— Обработайте его.

Пока Расти колебался, горилла Джеф отбросил поднятую руку Бимона и повалил его на кровать.

— Я хочу попробовать одну вещь. — Он схватил Неда Бимона за ноги и поднял их на кровать. Он склонился над Бимоном, и его руки заработали над его телом.

Тело, руки и ноги Неда Бимона судорожно дернулись, и он простонал три раза. После чего перестал шевелиться.

Джеф выпрямился и убрал руки. Он тяжело дышал своим обезьяньим ртом. Полужалобно, полуиздеваясь, он проворчал:

— Теперь это уже не поможет, опять брякнулся в обморок.

4

Когда Бимон пришел в себя, он был в комнате один. Горел свет. Точно так же мучительно, как и прежде, он поднялся с кровати и проковылял через комнату к двери. Она была заперта. Он возился с ручкой, когда дверь открылась, прижав его к стене.

Вошел Джеф, в нижнем белье, босой.

— Ну, ты хорош, — сказал он. — Только и знаешь фокусничать. Тебе не надоедает летать на пол? — Левой рукой он взял Бимона за горло, а правой дважды ударил его по лицу, но не так сильно, как прежде. Потом он

толкнул Бимона к кровати и бросил его на матрац. — Теперь ты поуспокоишься, — проворчал он.

Бимон лежал неподвижно, с закрытыми глазами.

Джеф вышел и закрыл за собой дверь.

С огромным трудом Нед поднялся и заковылял к двери. Попробовал ее открыть. Потом отступил на два шага и попытался набежать на нее, но ему удалось только добрести до нее. Он продолжал свои попытки до тех пор, пока Джеф опять не открыл дверь.

— Никогда не видел человека, которому бы так нравилось быть битым и которого мне так нравится бить. — Он сильно отклонился вбок и снизу, от колена размахнулся для удара кулаком.

Нед, как слепой, стоял прямо перед нацеленным кулаком. Удар попал ему в щеку и заставил отлететь. Он упал и остался лежать неподвижно. Там он лежал и два часа спустя, когда в комнату вошел Виски.

Виски привел его в сознание водой, принесенной из ванной комнаты, и помог добраться до кровати.

— Ты подумай своей башкой, — увещевал его Виски. — Эти мордовороты тебя убьют. У них разума нету.

Нед посмотрел на Виски мутным взглядом налившихся кровью глаз.

— Пускай убьют, — только и выговорил он.

Потом он спал, пока О'Рори, Джеф и Расти не растолкали его. Он отказался что-либо говорить о делах Пола. Его вытащили из кровати, избили до бесчувствия и бросили обратно в кровать.

То же самое повторилось через пару часов. Есть ему не давали.

Придя в себя после очередного избиения и ползком добравшись до ванной, он увидел на полу за шкафчиком под раковиной лезвие, покрытое многомесячным слоем ржавчины. Достать его из-за шкафчика было задачей, на решение которой у него ушло минут десять, а его бесчувственные пальцы больше десяти раз пробовали поднять лезвие с пола, прежде чем это удалось. Он попытался перерезать себе горло, но лезвие выпадало из руки, и он сумел только в трех местах поцарапать подбородок. Он опустился в ванной на пол и, всхлипывая, уснул.

Проснувшись, он уже был в состоянии встать. Он поднялся, поставил голову под холодную воду и выпил четыре стакана воды. От воды его стошнило, и он задрожал от холода. Он пошел в спальню и бросился на

голый окровавленный матрац, но почти тут же встал, спотыкаясь и шатаясь, поспешил обратно в ванную комнату, опустился на четвереньки и поискал на полу ржавое лезвие. Сидя на полу, он сунул лезвие в карман жилета. При этом его пальцы наткнулись на зажигалку. Он достал зажигалку и уставился на нее. Его единственный открытый глаз хитро засверкал, когда он смотрел на зажигалку. Но это не был взгляд человека в полном рассудке.

Стуча зубами, он поднялся с пола ванной и вернулся в спальню. Углядев под карточным столом газету, он хрипло рассмеялся. Разорвав и смяв газету, он отнес ее к двери и положил на пол. В комод он отыскал по куску упаковочной бумаги, положенной на дно каждого ящика. Лезвием он сделал длинный надрез на матраце, вытащил оттуда большие пригоршни серой ваты, которой был набит матрац, и отнес их под дверь. Он больше не дрожал и не спотыкался, ловко пользовался обеими руками, но вскоре ему надоело лазить во внутренности матраца, и он отволок все, что оставалось — вместе с чехлом — под дверь.

Тут он улыбнулся и с третьей попытки зажег-таки зажигалку. Он подпалил нижний край бесформенной кучи. Вначале он стоял, склонившись над кучей, но когда сгустился дым, ему пришлось с кашлем отступить шаг за шагом. Вскоре он перешел в ванную комнату, намочил полотенце и обернул им голову, закрыв глаза и рот. Поковылял обратно в спальню, в дымной комнате неясно маячила его фигура. Он наткнулся на кровать и сел на пол рядом с ней.

Там его и нашел Джеф, когда вошел в комнату.

Джеф появился, матерясь и кашляя в тряпку, которую прижимал ко рту и носу. Отворив дверь, он сдвинул тлеющую кучу. Часть ее отбросил ногой в сторону, по остальному протопал, чтобы добраться до Бимона. Он схватил его за шиворот и выволок из комнаты.

Вытащив его и все еще держа за шиворот, Джеф ударом ноги заставил Бимона подняться и повел перед собой в дальний конец коридора. Там он втолкнул его в открытую дверь, прорычал:

— Я тебе ухо откушу, ублюдок, когда вернусь, — еще раз поддал ему ногой, ушел в коридор, захлопнул дверь, повернул в замочной скважине ключ и удалился.

Получившего удар Неда спасло от падения то, что он ухватился за стол. Кое-как он выпрямился и огляделся.

Полотенце спустилось как шарф ему на шею и плечи. В комнате было два окна. Он подошел к ближнему и попытался его открыть. Оно было на запоре. Он повернул шпингалет и отворил окно. За окном была ночь. Он перебросил через подоконник сначала одну, потом другую ногу, повернулся на живот, повис на руках, отыскивая ногой опору, не нашел ее и разжал пальцы.

ГЛАВА V

БОЛЬНИЦА

1

Сестра колдовала над лицом Неда Бимона.

— Где я? — спросил он.

— В больнице Святого Луки. — Сестра была маленького роста, с большими орехового цвета глазами, она говорила тихим с придыханием голосом и источала запах мимозы.

— Какой сегодня день?

— Понедельник.

— А месяц и год? — спросил Нед Бимон. Когда сестра, нахмурившись, посмотрела на него, он сказал: — Ладно, это неважно. Давно я тут?

— Третий день.

— Где здесь телефон? — Он попытался встать.

— Оставьте, — сказала она. — Вам нельзя звонить, нельзя волноваться.

— Тогда позвоните вы. Хартфорд шесть-один-один-шесть. Скажите мистеру Мэдвигу, что мне необходимо немедленно с ним поговорить.

— Мистер Мэдвиг бывает здесь каждый день после обеда, — сказала сестра, — но я не думаю, что доктор Тейт разрешит вам с кем-либо разговаривать. На самом деле вы и сейчас сказали куда больше, чем вам можно.

— А что сейчас? Утро или день?

— Утро.

— Слишком долго ждать, — сказал Нед Бимон. — Позвоните сейчас.

— Доктор Тейт скоро придет.

— Не нужен мне никакой доктор Тейт, — сказал Нед Бимон. — Мне нужен Пол Мэдвиг.

— Вы будете делать то, что вам скажут, — ответила сестра. — Вы будете лежать спокойно до тех пор, пока не придет доктор Тейт.

— Какая же вы сестра! — Бимон посмотрел на нее, сдвинув брови. — Вам никто никогда не говорил, что возражать пациенту — вредно для него?

Сестра оставила этот вопрос без внимания.

— К тому же вы причиняете боль моему подбородку.

Сестра сказала:

— Если вы не будете дергать подбородком, вам не будет больно.

После минутной паузы Нед спросил:

— Что, по-вашему, со мной случилось? Или вы не так далеко продвинулись в своем образовании, чтобы это знать?

— По всей видимости, вы подрались на пьяную голову, — ответила сестра, но, так и не сумев сдержаться, рассмеялась и добавила: — Но право слово, вам нельзя столько разговаривать и нельзя никого видеть до тех пор, пока не разрешит доктор.

2

Пол Мэдвиг появился сразу после обеда.

— Господи, до чего приятно видеть тебя снова живым! — обрадовался он и обеими руками взял незабинтованную левую руку Неда.

— Ничего со мной не стряслось. Но есть одно срочное дело: нужно найти Уолта Ивенса, отвезти его в Брейвуд и показать тамошним продавцам оружия. Он...

— Все это ты мне уже объяснил, — сказал Мэдвиг. — И это сделано.

— Уже объяснил? — нахмурился Нед.

— Ну да. После того, как тебя подобрали. Тебя отвезли в скорую помощь, и ты никого не подпускал, пока не повидался со мной. Я приехал, и ты рассказал мне про Ивенса и Брейвуд, а потом потерял сознание.

— Ничего этого я не помню, — сказал Нед Бимон. — Это удалось?

— С Ивенсом да, он разинул рот, когда его опознали в Брейвуде и выдвинули на предварительном суде обвинение против Джефа Гарднера и еще двух незнакомых лиц, но Шеда мы этим не подцепим. Чело-

век, с которым имел дело Ивенс, — Джеф Гарднер, и все знают, что без согласия Шеда он не сделает и шага, но доказать это — совсем другое дело.

— Джеф — это тот, что похож на обезьяну, да? Вы его уже поймали?

— Нет. Видимо, Шед упрятал его, когда ты от них ушел. Ты ведь побывал у них в лапах, так?

— Угу. В «Собачьей конуре», на втором этаже. Я пошел туда, чтобы расставить этому человеку ловушку, а угодил в нее сам. — Он нахмурился. — Я помню, что пошел туда вместе с Виски Вассосом и меня искусила собака, а Джеф и еще один блондин меня колошматили. Потом возник какой-то пожар, вот более или менее все. Кто меня нашел? И где?

— Полицейский увидел тебя в три часа ночи, ты полз по Колман-стрит, а за тобой тянулась кровавая дорожка.

— Ох, и мастер же я придумывать развлечения, — констатировал Бимон.

3

Маленькая большеглазая сестра осторожно приоткрыла дверь и просунула в нее голову.

— Ладно — у-у-у! — устало сказал Бимон. — Но не кажется ли вам, что для игры в прятки вы староваты?

Сестра открыла дверь пошире и встала на пороге, держась одной рукой за ее край.

— Не удивительно, что вас бьют, — заметила она. — Я хотела посмотреть, проснулись ли вы. Пришел мистер Мэдвиг и... — ее голос сделался еще более задышливым, а глаза засверкали, — одна дама.

Бимон с любопытством и чуть насмешливо посмотрел на нее.

— Какая дама?

— Мисс Дженет Генри, — ответила сестра, будто сообщая невесть какую приятную новость.

Нед Бимон повернулся на бок спиной к ней и закрыл глаза. Уголок его рта дрогнул, но в голосе не было никаких эмоций.

— Скажите им, что я еще сплю.

— Не пройдет, — ответила сестра. — Они знают, что не спите — даже если не слышат ваш голос, — иначе я бы не задержалась здесь.

Бимон издал трагический стон, оперся на локоть и проворчал:

— Верно, иначе она придет сюда в другой раз. Лучше уж покончить с этим сразу.

Презрительно глянув на него, сестра саркастически сказала:

— Нам пришлось вызывать полицейских, чтобы они охраняли дверь больницы от всех женщин, которые к вам рвались.

— Вам-то можно так говорить, — объяснил Бимон. — Вероятно, на вас производят глубокое впечатление дочери сенаторов, чьи фотографии все время печатают в газетах, но за вами они никогда так не гонялись, как за мной. Я вам скажу, своими снимками в газетах они испортили всю мою жизнь. Дочери сенаторов, сплошные сенаторские дочери, хотя бы одна дочурка какого-нибудь члена Палаты представителей для разнообразия, или министра, или городского советника... сплошь и рядом... Как вы полагаете, у сенаторов больше дочерей, чем...

— Сами-то вы совсем не смешной, — сказала сестра. — Смешно, как вы причесываетесь. Я приведу их. — Она вышла.

Нед Бимон глубоко вздохнул. Его глаза сияли. Он облизал губы и потом таинственно улыбнулся, но, когда Дженет Тейлор вошла в палату, лицо его не выражало ничего, кроме обычной вежливости.

Дженет Тейлор подошла прямо к его кровати:

— О, мистер Бимон, когда я услышала, что вы поправляетесь, я так обрадовалась, что просто не могла не прийти. — Она с улыбкой протянула руку Бимону. Хотя глаза ее не были карими, она была такой светловолосой, что по контрасту казалась кареглазой. — Так что если вам неприятен мой визит, не вините Пола. Это я настояла, чтобы он взял меня с собой.

— Мне очень приятно, — улыбнулся в ответ Бимон, — что вы это сделали. Это ужасно мило с вашей стороны.

Мэдвиг вошел в палату следом за Дженет Генри и подошел к кровати с другой стороны. С добродушной усмешкой он смотрел то на Дженет, то на Неда, а потом сказал:

— Я знал, что тебе будет приятно, Нед. Это я ей сказал. Как ты сегодня себя чувствуешь?

— Замечательно. Придвигайте стулья к кровати.

— Я ненадолго, — сказал Мэдвиг. — Мне надо встретиться в Грандюре с Мак-Лафлином.

— А мне не надо, — вставила Дженет Генри. — Могу я остаться здесь ненадолго?

— Мне это было бы очень приятно, — заверил ее Нед Бимон. Мэдвиг обогнул кровать, пододвинул Дженет стул, посмотрел по очереди на обоих сияющим от удовольствия лицом и сказал:

— Ну и чудесно!

Когда девушка села возле кровати, Мэдвиг взглянул на часы и пробормотал:

— Мне надо бежать. — Он тряхнул руку Неда. — Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо, Пол.

— Ну, будь молодцом. — Мэдвиг обернулся к Дженет Генри, остановился и спросил Неда: — Как ты думаешь, далеко ли я могу зайти с Мак-Лафлином на первый раз?

— Насколько хочешь, — Бимон пожал плечами, — настолько и зайдешь. Главное, ничего не говорить прямо. Это его пугает. А действуя окольными путями, ты можешь нанять его хоть на мокрое дело. Ну, например, так. Если бы был такой человек по имени Смит, который живет там-то и там-то, и если бы этот человек вдруг заболел, или что-нибудь вроде этого, и больше не выздоровел, и если бы вы при этом как-нибудь заглянули ко мне лично, а у меня как раз находился бы адресованный вам конверт, то откуда мне знать, что в этом конверте лежат пятьсот долларов?

Мэдвиг кивнул.

— Убийство мне ни к чему, — сказал он, — а вот голоса железнодорожников будут очень кстати. — Он нахмурился. — Я бы хотел, чтоб ты уже был на ногах, Нед.

— Через пару дней буду. Ты видел сегодня утром «Обсервер»?

— Нет.

Бимон оглядел палату:

— Кто-то очень усердствует. Вся грязь в центре первой полосы — это передовая, обведенная черным. «Что намерены предпринять в связи с этим наши городские власти?» Список преступлений, совершенных за шесть недель, чтобы показать, как поднялась волна преступности. Гораздо более короткий список задержанных,

чтобы доказать, что полиция не в состоянии сделать что-либо существенное. И больше всего разговоров об убийстве Тейлора Генри.

Услышав имя брата, Дженет вздрогнула, губы ее приоткрылись, и она беззвучно, жадно вдохнула. Мэдвиг взглянул на нее, потом быстро — на Неда и предупредительно кивнул головой.

Нед, сделав вид, что не заметил, какое впечатление произвели его слова, продолжал:

— Тут они жестоки. Обвиняют полицию, что та неделю целенаправленно устранялась от расследования обстоятельств и позволила одному любителю азартных игр, занимающему высокое положение в политических кругах, использовать это время для сведения счетов с другим — это они намекают на то, что я ездил отбирать свои деньги у Деспейна. Они спрашивают, что думает сенатор Генри о том, что его новые политические союзники использовали с такой целью убийство его сына.

Мэдвиг вспыхнул. Он на ощупь достал из кармана часы и возбужденно заявил:

— Я добуду газету и прочту это. Я должен...

— Одновременно, — спокойно продолжал Бимон, — они обвиняют полицию в том, что она — много лет покровительствуя кабакам — закрыла те из них, владельцы которых не согласились делать огромные пожертвования в пользу избирательной кампании. Такова их трактовка твоей стычки с Шедом О'Рори. И они обещают опубликовать список заведений, которые еще работают — их владельцы сделали пожертвования.

— Ладно, ладно, — забормотал Мэдвиг с чувством неловкости. Сказал Дженет Генри «Счастливо оставаться», «До свидания» — Неду и был таков.

Дженет Генри подалась на своем стуле вперед.

— Почему я вам так не нравлюсь? — спросила она Неда Бимона.

— Я думаю, что, возможно, понравитесь, — сказал Нед Бимон.

— Не нравлюсь. — Дженет Генри покачала головой. — Я знаю.

— Нельзя судить об этом по моему поведению, — сказал Нед Бимон, — я всегда веду себя из рук вон плохо.

— Я не нравлюсь вам, — повторила Дженет Генри, не ответив на улыбку Бимона, — но я хочу вам понравиться.

— Зачем? — Нед Бимон был сама скромность.

— Потому что вы лучший друг Пола, — ответила она.

— У Пола, — сказал Нед Бимон, искоса глядя на собеседницу, — много друзей: он политик.

Девушка нетерпеливо тряхнула головой:

— Вы его лучший друг. — Она сделала паузу и добавила: — Он сам так считает.

— А вы как считаете? — поинтересовался Бимон не очень серьезно.

— И я так считаю, — убежденно ответила Дженет, — иначе вы не были бы сейчас здесь. Вы бы не сделали все это ради него.

Губы Неда искривились в короткой усмешке. Он промолчал.

Когда стало ясно, что он ничего не скажет, Дженет Генри серьезно произнесла:

— Я бы хотела, если бы это было возможно, понравиться вам.

— Я думаю, что вы, возможно, мне понравитесь, — повторил Бимон.

Дженет Генри покачала головой:

— Не понравлюсь.

Нед посмотрел на нее с улыбкой. Это была улыбка очень молодого обворожительного человека, взгляд робкий, а голос юношески застенчив и доверителен:

— Я скажу, что заставляет вас так считать, мисс Генри. Это... понимаете, Пол подобрал меня год назад, так сказать, в канаве, вот почему я как-то неловок и неуклюж, когда сталкиваюсь с людьми вроде вас, которые принадлежат совсем к другому миру — светскому обществу, газетным снимкам и так далее, — и вы считаете эту... э... неуклюжесть враждебной, хотя на самом деле это просто неотесанность.

Дженет Генри встала и сказала без тени негодования:

— Вы смеетесь надо мной.

Когда она ушла, Нед опустил на подушку и сверкающими глазами буравил потолок до тех пор, пока не вошла сестра.

— Что вы опять натворили?

Нед Бимон поднял голову, мрачно посмотрел на нее и ничего не ответил.

Сестра сказала:

— Она уходила отсюда, чуть не рыдая.

Нед Бимон
— Кажется,
Обычно мне уда
слез.

Молодой бод
смуглым и дово
лату.

— Привет,
— Ты выгляди

с порога заявил
— Я все еще

Джек сел на
— У меня е

Бимон сунул ру
верт.

Джек закури
белый конверт,
Св. Луки с

В конверте бы
торый Джек в
машинке.

Вы зн
очень интер

Связан
Если н

лий, чтобы

Джек слож
поднял голову

— Это имее
— Нет, нас

ты выяснил, кт
Джек кивну

— Я остав
— Да.

— Ты дога
спросил Джек

— Понятия
— Знаешь,

— Да, —
жженной сига

Нед Бимон снова опустил голову на подушку.
— Кажется, я выхожу из формы, — сказал он. —
Обычно мне удается доводить сенаторских дочек до
слез.

4

Молодой бодрый мужчина среднего роста, с гладким, смуглым и довольно миловидным лицом вошел в палату.

— Привет, Джек, — сказал Бимон и сел в кровати.

— Ты выглядишь не так плохо, как я думал, — с порога заявил Джек и подошел к кровати.

— Я все еще цел. Садись.

Джек сел на стул и вытащил пачку сигарет.

— У меня есть для тебя еще одна работенка. — Бимон сунул руку под подушку и вытащил оттуда конверт.

Джек закурил, потом взял конверт. Это был обычный белый конверт, адресованный Неду Бимону в больницу Св. Луки с позавчерашним почтовым штемпелем. В конверте был один-единственный листок бумаги, который Джек вынул и прочел текст, отпечатанный на машинке.

Вы знаете о Поле Мэдвиге нечто такое, что очень интересует Шеда О'Рори.

Связано ли это с убийством Тейлора Генри?

Если нет, то почему вы прилагаете столько усилий, чтобы удержать это в тайне?

Джек сложил листок, сунул его обратно в конверт, поднял голову и спросил:

— Это имеет какой-то смысл?

— Нет, насколько мне известно. Но я хочу, чтобы ты выяснил, кто это написал.

Джек кивнул.

— Я оставляю это у себя?

— Да.

— Ты догадываешься, кто мог бы это сделать? — спросил Джек, опуская конверт в карман.

— Понятия не имею.

— Знаешь, — Джек рассматривал кончик своей зажженной сигареты, — тут придется попотеть.

— Да, — согласился Бимон. — За последнюю не-

делю таких писем послано много — или, во всяком случае, несколько. У меня это третье. По меньшей мере одно получил Фарр. Не знаю, кому еще их отправили, — вот все, что я могу тебе сказать об этом.

— Можно увидеть какое-нибудь?

— Это единственное, которое у меня сохранилось. Но все они примерно одинаковые — та же бумага, тот же шрифт, в каждом три вопроса, все на одну и ту же тему.

— Но вопросы не одни и те же? — Джек с любопытством посмотрел на Неда.

— Не совсем, но целят в одну точку.

Джек кивнул и продолжал курить.

— Ты понимаешь, что это дело надо вести осторожно?

— Разумеется, — Джек вытащил сигарету изо рта. — «Одна точка», о которой ты упомянул, — это связь Мэдвига с убийством?

— Да, — ответил Бимон, твердо глядя на молодого человека, — но никакой такой связи не существует.

Смуглое лицо Джека было непроницаемо.

— Я не вижу, какая могла бы тут быть связь, — сказал он, вставая.

5

Вошла сестра с большой корзиной фруктов.

— Правда мило? — проворковала она, ставя корзину на стол.

Бимон осторожно кивнул.

Сестра достала из корзины маленький твердый конверт.

— Спорим, что это от нее? — сказала она, протягивая конверт.

— На что?

— На что хотите.

— Вы подглядели, — Нед кивнул, словно подтвердилось какое-то дурное подозрение.

— Ну знаете, вы... — Сестра остановилась, когда Бимон прыснул, однако возмущение так и осталось на ее лице.

Бимон достал из конверта карточку Дженет Генри. На ней было написано одно-единственное слово: «Пожалуйста!» Нахмурясь, он еще раз взглянул на карточку,

буркнул сестре: «Ваша взяла» — и постучал по карточке ногтем большого пальца.

— Угощайтесь, возьмите столько, чтобы казалось, будто я это ел.

Позже, во второй половине дня, он написал:

Дорогая мисс Генри!

Вы потрясли меня своей добротой — сначала визитом, а потом фруктами. Не знаю, как Вас благодарить, но надеюсь, что мне представится возможность когда-нибудь на деле выразить Вам свою признательность.

Искренне Ваш

Нед Бимон.

Кончив писать, он перечитал написанное, разорвал бумагу и написал на другом листе новое письмо, с теми же словами, но переставив их, так что конец второй фразы звучал теперь так: «...когда-нибудь мне представится возможность на деле выразить мою благодарность».

6

В халате и домашних туфлях Нед Бимон сидел за столом у окна палаты, завтракал и читал «Обсервер», когда открылась дверь — он увидел Оупэл Мэдвиг. Сложив газету, он пристроил ее на комодке рядом с подносом и приветливо сказал:

— Привет, щебетунья.

— Почему ты не позвонил мне, когда вернулся из Нью-Йорка? — спросила Оупэл тоном обвинителя. Бледность подчеркивала детскую нежность ее кожи, но лицо делала старше. Ее распахнутые голубые глаза были темны от волнения, но прочесть в них еще что-либо было нелегко. Она стояла прямо, но естественно прямо, как человек, который больше уверен в чувстве собственного равновесия, нежели в надежности почвы под ногами. Не обращая внимания на стул, который Нед Бимон пододвинул ей, она с той же настойчивостью повторила:

— Почему ты не позвонил?

Нед Бимон нежно посмотрел на нее и, смеясь, ответил:

— Этот коричневый цвет тебе очень к лицу.

— О, Нед, прошу...

— Вот так уже лучше, — перебил ее Бимон. — Я собирался к вам прийти, но... да... когда я вернулся, нагромоздилась куча событий, да еще события, которые произошли за время моего отсутствия, породили так много вопросов, что когда я стал выяснять их, то столкнулся с Шедом О'Рори и ...меня привезли сюда. — Он жестом обвел палату.

Легкость его тона не уменьшила серьезности Оупэл Мэдвиг.

— Этого Деспейна повесят? — с прежней интонацией спросила Оупэл.

Нед Бимон опять засмеялся:

— Если мы и дальше будем разговаривать в таком тоне, то далеко не уйдем.

Оупэл насупилась, но спросила уже не так сухо:

— Повесят, Нед?

— Не думаю, — ответил Бимон, легко покачав головой. — Возможно, он и не убивал Тейлора.

Казалось, Оупэл не удивил его ответ:

— Ты знал это, когда просил, чтобы... чтобы я помогла тебе добыть против него доказательства... или подтасовать?

— Конечно же, нет, щебетунья, — Бимон укоризненно улыбнулся. — За кого ты меня принимаешь?

— Ты знал это. — Ее голос стал так же холоден и презрителен, как взгляд голубых глаз. — Тебе нужны были только деньги, которые он тебе задолжал, и ты заставил меня помочь тебе получить их, используя убийство Тейлора.

— Пусть будет так, как ты хочешь, — равнодушно протянул Нед.

Оупэл Мэдвиг подошла на шаг ближе. Подбородок ее еле заметно дрогнул, потом ее юное лицо снова сделалось уверенным и смелым.

— Ты знаешь, кто убил Тейлора? — спросила она, пристально глядя на собеседника.

Тот отрицательно покачал головой.

— Отец?

— Ты имеешь в виду, — тут Бимон подмигнул ей, — знает ли Пол, кто убил Тейлора?

Оупэл топнула.

— Я имею в виду, не отец ли убил его?

Бимон рукой зажал ей рот. Его взгляд был прикован к закрытой двери.

— Замолчи, — прошипел он.

Оупэл оттолкнула его руку и отступила.

— Кто убил? — настаивала она.

— Если уж тебе приспичило валять дурака, — сердитым полусшепотом сказал Нед, — то по крайней мере не ори, как мегафон. Никто не узнает, какие бредовые мысли шевелятся в твоей головке, пока ты держишь их при себе, а тебе нужно держать их при себе.

Глаза Оупэл расширились и потемнели.

— Значит, все-таки это он убил Тейлора, — тихо и невыразительно уточнила она, однако вполне убежденно.

Бимон приблизил лицо Оупэл к своему.

— Нет, моя милая, — сказал он в ярости. — Пол не убивал Тейлора. — Он не отодвигался. Черты его лица исказила злобная улыбка.

Оупэл тоже не отступала:

— Если он не делал этого, то я не понимаю, какое значение имеет, что я говорю и как громко я это говорю.

Уголок рта Неда Бимона приподнялся в усмешке.

— Ты очень многих вещей не понимаешь, — ответил он сердито, — и никогда не поймешь, если будешь продолжать в том же духе. — Он сделал большой шаг, отступая от Оупэл, и засунул руки в карманы халата. Теперь оба уголка его рта опустились, и он наморщил лоб. Прищурившись, он смотрел на пол у ног Оупэл Мэдвиг.

— Откуда пришла тебе в голову эта дурацкая мысль?

— Это не дурацкая мысль. Ты знаешь, что не дурацкая.

— Так откуда же? — нетерпеливо повел плечами Нед.

— Ниоткуда. — Оупэл тоже повела плечами. — Мне... мне вдруг это стало ясно.

— Глупости, — резко сказал Нед Бимон, исподлобья глядя на Оупэл Мэдвиг. — Ты сегодня утром видела «Обсервер»?

— Нет.

Бимон посмотрел на Оупэл Мэдвиг скептически.

— Не видела, — повторила она. — Почему ты об этом спрашиваешь? — От досады в лице Оупэл прибавилось краски.

— Значит, видела? — переспросил Бимон тоном, не вызывавшим сомнения в том, что он не верит Оупэл, но скептицизм исчез из его взгляда. Лицо его оживилось.

Он вытащил правую руку из кармана халата и протянул Оупэл открытую ладонь.

— Покажи мне это письмо, — сказал он.

Оупэл смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Что-что?

— Письмо, — повторил Бимон. — Отпечатанное на машинке письмо. Три вопроса без подписи.

Оупэл Мэдвиг опустила глаза в легком замешательстве.

— Откуда ты знаешь? — спросила она после минутного молчания и открыла свою коричневую сумочку.

— Каждый житель нашего городка получил по крайней мере одно такое письмо, — ответил Бимон. — У тебя это первое?

— Да. — Оупэл протянула ему смятый лист бумаги. Нед Бимон расправил его и прочел:

Неужели вы действительно настолько глупы — не знаете, что ваш отец убил вашего любовника?

Если вы этого не знаете, то зачем вы помогали ему и Неду Бимону, когда они пытались свалить преступление на невинного человека?

Знаете ли вы, что, помогая своему отцу избежать суда, вы становитесь соучастницей преступления?

— Они все примерно одинаковые, — кивнул с улыбкой Нед. Он скомкал письмо и бросил его в корзину, стоявшую возле стола. — Ты, надо думать, получишь еще, раз уж попала в список адресатов.

Оупэл прикусила нижнюю губу. Ее голубые глаза холодно сверкали; она изучала спокойное лицо Бимона.

— О'Рори пытается использовать это в предвыборной кампании. Ты знаешь, что у меня с ним вышла стычка. Он считал так, что раз я порвал с твоим отцом, то мне можно заплатить, чтобы я помог сфабриковать против него обвинение в убийстве — во всяком случае, это помогло бы О'Рори провалить кандидатов Пола на выборах, но я с этим не согласился.

Взгляд Оупэл Мэдвиг не изменился.

— Из-за чего вы с отцом поссорились?

— Если мы поссорились, щебетунья, — мягко ответил Бимон, — то это никого, кроме нас двоих, не касается.

— Вы поссорились в баре Карсона, — сказала

Оупэл. Она скрипнула зубами и резко добавила: — Вы поссорились, когда ты узнал, что он... что он в самом деле убил Тейлора.

Бимон засмеялся и спросил не без насмешки: — Разве я не знал этого с самого начала?

Его шутка не изменила выражения лица девушки.

— Почему ты спросил, видела ли я «Обсервер»? — спросила она. — Что там такое?

— Чушь того же разлива, — взвешенно ответил Нед. — Газета на столе, если хочешь, взгляни. Подобных пакостей, пока не кончится избирательная кампания, будет еще много: такова игра. И ты очень поможешь своему отцу, если будешь ему верить... — Нед Бимон прервался, сделал нетерпеливый жест, потому что Оупэл уже не слушала его.

Она подошла к столу, чтобы взять газету, которую Нед отложил, когда она пришла.

Нед Бимон приветливо улыбнулся и сказал ей в спину:

— Это на первой странице: «Открытое письмо мэру города».

По мере того как Оупэл читала, ее колени, руки, губы дрожали так, что нахмурившийся Бимон смотрел на нее уже озабоченно, но когда она закончила, бросила газету на стол и повернулась к Неду, ее рослое тело и красивое лицо были тверды, как изваяние. Низким голосом, почти не шевеля губами, она процедила:

— Они не посмели бы написать такое, не будь это правдой.

— Это пустяки по сравнению с тем, что они наваляют еще до конца кампании, — лениво протянул Бимон. Похоже было, что все это его забавляет, хотя глаза его поблескивали — верный признак того, что он с трудом скрывает недовольство.

Посмотрев на него долгим взглядом, Оупэл молча направилась к двери.

— погоди, — сказал Бимон.

Оупэл остановилась и снова обернулась к нему. Теперь улыбка Неда была приветливой и дружеской. Лицо Оупэл напоминало изваяние нежного розового цвета.

— Политика, щебетунья, в том виде, в каком играют здесь, — это жестокая игра. «Обсервер» — в руках противников, и, если можно поддеть Пола, они не слишком заботятся об истине. Они...

— Я не верю этому, — сказала Оупэл Мэдвиг. — Я знаю мистера Метью — его жена училась в нашей школе всего несколькими классами раньше меня, и мы с ней дружили. Я не верю, что он написал бы нечто подобное об отце, не будь это правдой или если бы у него не было весомых причин считать это правдой.

— Много ты в этом понимаешь, — усмехнулся Нед. — Мистер Метью по уши в долгах. У Стейт Сентрал Траст Компани две закладные на его фирму и одна — на его дом. Стейт Сентрал принадлежит Биллу Розну. На выборах в сенат Розн конкурирует с Генри. Метью будет делать то, что ему прикажут, и печатать то, что ему велют напечатать.

Оупэл не проронила ни слова. Ничто не говорило о том, что аргументы Бимона убедили ее хоть в какой-то мере.

Нед Бимон продолжал дружески увещевать:

— Это, — он ткнул пальцем в лежавшую на столе газету, — ничто по сравнению с тем, что еще будет. Они будут греметь костями Тейлора Генри до тех пор, пока им не придет в голову что-нибудь похлестче, и нам никуда не деться от этого чтива до самого конца выборов. Лучше всего привыкнуть к этому, и именно ты не должна из-за этого тревожиться. Пол не делает из этого проблемы, он политик и...

— Он — убийца, — произнесла Оупэл негромко и отчетливо.

— А его дочь — дурочка! — раздраженно воскликнул Нед Бимон. — Ты прекратишь эти глупости?

— Мой отец — убийца, — повторила Оупэл.

— Ты рехнулась. Послушай, щебетунья. Твой отец не имеет абсолютно никакого отношения к убийству Тейлора Генри. Он...

— Я не верю тебе, — заявила Оупэл. — Я больше никогда не поверю тебе.

Нед впился в нее взглядом.

Она повернулась и направилась к двери.

— Подожди, — сказал Нед Бимон. — Давай я...

Оупэл Мэдвиг вышла и закрыла за собой дверь.

Гримаса ярости, адресованная закрытой двери, сменилась на лице Бимона выражением глубокой задумчивости. На лбу собрались морщины. Темные глаза при-

щурились и, казалось, повернулись зрачками внутрь. Он кривил губы под усами. Потом он сунул палец в рот и стал грызть ноготь. Он дышал размеренно, но глубже обычного.

За дверью слышались шаги. Задумчивое выражение исчезло с его лица, и он, напевая песенку, побрел к окну. Шум шагов удалился. Он перестал напевать, наклонился и достал из корзины для мусора письмо с тремя вопросами, адресованными Оупэл Мэдвиг. Не разглаживая письмо, он сунул его в карман халата.

Потом он отыскал сигару, зажег ее и с горящей сигарой во рту замер у стола, сквозь дым искоса глядя на первую страницу «Обсервера».

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МЭРУ ГОРОДА

Сэр!

«Обсервер» располагает информацией, которая, по его мнению, может сыграть очень важную роль в разрешении загадки, окружающей недавнее убийство Тейлора Генри.

Эта информация содержится в нескольких письменных свидетельских показаниях, которые помещены в банковском сейфе «Обсервера». Из этих показаний следует:

1. Что несколько месяцев назад Пол Мэдвиг поскандальил с Тейлором Генри — молодой человек оказывал слишком настойчивое внимание его дочери, а ей запретил встречаться с Генри.

2. Что дочь Пола Мэдвига, несмотря на запрет, продолжала встречаться с Тейлором Генри в меблированной комнате, которую он снял с этой целью.

3. Что в этой меблированной комнате они были после обеда в день убийства Генри.

4. Что в тот вечер Пол Мэдвиг был дома у сенатора Генри, по-видимому, для того, чтобы в очередной раз высказать возмущение молодому человеку или его отцу.

5. Что Пол Мэдвиг, уходя из дома сенатора за несколько минут до того, как Тейлор Генри был убит, выглядел взбешенным.

6. Что Пола Мэдвига и Тейлора Генри видели на расстоянии в полквартила друг от друга, причем менее чем в квартале от того места, где был найден труп молодого человека, и не более чем за четверть часа до момента обнаружения трупа.

7. Что в полицейском управлении сейчас ни один детектив не занят поисками убийцы Тейлора Генри.

«Обсервер» считает, что все это Вам следует знать и что это следует знать также избирателям и налогоплательщикам. У «Обсервера» нет никаких других интересов и мотивов, кроме стремления установить истину. «Обсервер» охотно предоставит эти показания и всю остальную имеющуюся информацию в Ваше распоряжение или любого другого на это уполномоченного чиновника города или штата и, если это окажется необходимым для восстановления справедливости, частично или полностью откажется от публикации подробностей этих показаний.

Однако «Обсервер» не допустит полного игнорирования информации, содержащейся в этих показаниях. Если чиновники, избранные и призванные обеспечивать в нашем городе и штате соблюдение закона и порядка, сочтут эти показания недостаточно важными, чтобы предпринять что-либо на их основе, «Обсервер» предоставит это дело компетенции высшего суда — граждан нашего города — и полностью опубликует все показания.

Х. К. Метью, редактор

Нед Бимон презрительно хмыкнул и обдал эту декларацию струей сигарного дыма, но взгляд его оставался мрачным.

8

В этот день сразу после обеда в гости к Бимону пришла мать Пола Мэдвига.

Нед обнял ее и целовал в обе щеки до тех пор, пока она не оттолкнула его и не сказала с деланной строгостью:

— Перестань. Ты хуже, чем тот терьер, что когда-то был у Пола.

— Я и есть наполовину терьер — по отцу, — сказал Нед Бимон и зашел сзади, чтобы помочь миссис Мэдвиг снять шубу.

Миссис Мэдвиг, оглаживая свое черное платье, подошла к кровати и села на нее.

Нед положил шубу на спинку стула и, расставив ноги, руки в карманах халата, встал перед миссис Мэдвиг.

Миссис Мэдвиг критически оглядела его.

— Ты не плачь.
— но и не х
— Замечатель
— Я бы и эт
сис Мэдвиг. Это
на мышшь. Это
по кровати ряд
— Похоже,
кое и благодар
не говори мне
дует, с тобой
ность, что бы
— Ох, мам
Миссис Мэ
глаза, такие
смотрели в ка
— Послуш
чишку?
От удивле
крылись глаз
— Нет.
— Так я
Пол всегда б
ходят какие-
рится в этой
не имею.
Изумлени
рел на худо
— Хорош
знать, что у
с бухты-бар
дения, я
делах.
— Маму
хлопал ее п
Подавш
рела на не
— Если
Нед Би
— Как
лал?
— А та
бы он это
бы после
если бы о

— Ты неплохо выглядишь, — сказала она чуть погодя, — но и не хорошо. Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно. Я торчу здесь только из-за сестер.

— Я бы и этому не очень удивилась, — сказала миссис Мэдвиг. — Но не стой и не пялься на меня, как кот на мышь. Это меня нервирует. Сядь. — Она похлопала по кровати рядом с собой.

— Похоже, Пол считает, что ты совершил нечто великое и благородное, когда ты что-то там сделал, только не говори мне, что, даже если бы ты вел себя как следует, с тобой все равно приключилась бы эта неприятность, что бы это ни было.

— Ох, мамуля, — начал Нед Бимон.

Миссис Мэдвиг не дала ему продолжить. Ее голубые глаза, такие же молодые, как у сына, пронзительно смотрели в карие глаза Неда Бимона.

— Послушай, Нед, ведь Пол не убивал этого мальчишку?

От удивления у него отвисла челюсть и широко открылись глаза:

— Нет.

— Так я и думала, — сказала старая женщина. — Пол всегда был хорошим мальчиком, но я слышала, что ходят какие-то мерзкие слухи, один бог знает, что творится в этой политике. Я ведь об этом представления не имею.

Изумление светилось в глазах Неда, когда он смотрел на худощавое лицо этой старой женщины.

— Хорошо, можешь на меня пялиться, но откуда мне знать, что у вас, мужчин, в голове или что вы делаете с бухты-баракты. Давно это было, еще до твоего рождения, я отказалась от попыток разбираться в их делах.

— Мамуля, ты чудо, — сказал Нед и любовно похлопал ее по плечу.

Подавшись в сторону, миссис Мэдвиг опять посмотрела на него строгим пронзительным взглядом.

— Если бы он убил Генри, ты бы мне сказал?

Нед Бимон покачал головой.

— Как же мне быть уверенной, что он этого не делал?

— А так, — объяснил Нед, засмеявшись, — что, если бы он это сделал, я бы все равно сказал «нет», но если бы после этого ты у меня спросила, сказал бы я тебе, если бы он это сделал, я ответил бы — «да». — Он стал

серьезным. — Пол не делал этого, мамуля. — Он снова улыбнулся миссис Мэдвиг. Улыбнулся одними сжатыми губами. — Хорошо бы в этом городе кто-нибудь, кроме меня, верил в то, что он не делал этого, и было бы просто здорово, если б этим кем-то была его мать.

9

Через час после ухода миссис Мэдвиг Нед Бимон получил пакет, в котором было четыре книги и визитная карточка Дженет Генри. Когда пришел Джек, он как раз писал благодарственное письмо.

Выдыхая сигаретный дым, Джек заговорил:

— Кажется, я кое-что откопал, но не знаю, как это тебе понравится.

Нед Бимон бросил на молодого человека задумчивый взгляд и указательным пальцем пригладил левый ус.

— Если речь идет о том, для чего я тебя нанял, то мне это понравится в любом случае. — Голос у него был такой же деловой, как у Джека. — Садись и рассказывай.

Джек осторожно присел, закинул ногу на ногу, положил шляпу на пол и перевел взгляд со своей сигареты на Бимона:

— Должно быть, эти письма писала дочка Мэдвига.

Глаза Бимона слегка расширились, но только на мгновение. Краска сошла с его лица, дыхание сбилось. Голос, правда, не изменился.

— Почему же это должно быть?

Джек достал из внутреннего нагрудного кармана два одинаковых и одинаково сложенных листа бумаги. Протянул их Неду, который, развернув их, увидел, что на обоих листах были напечатаны на машинке одни и те же вопросы, похожие как две капли воды.

— Один из них я вчера получил от тебя, — сказал Джек. — Ты можешь сказать, какой?

Нед Бимон медленно покачал головой.

— Никакой разницы, — подтвердил Джек. — Вторым напечатал я, на Чартер-стрит, где у Тейлора Генри была комната, в которой он встречался с дочкой Мэдвига. Я печатал на машинке «Корона», которая там стояла, и на бумаге, которая тоже была там. Известно, что от той комнаты было только два ключа. Один — у Тейлора Генри, другой — у Оупэл Мэдвиг. После того как Тейлора убили, Оупэл была там по крайней мере дважды.

Нед, насупившись, разглядывал оба листа, которые держал в руке, и кивнул, не поднимая глаз.

Джек от окурка предыдущей зажег новую сигарету, встал, подошел к столу, чтобы погасить окурки в пепельнице, и повернул к своему стулу. Ничто ни в его лице, ни в его поведении не говорило о том, что реакция Бимона представляла для него какой-либо интерес.

После того как молчание продлилось еще несколько минут, Нед приподнял голову и спросил:

— Как ты догадался?

Джек сунул сигарету в угол рта, где она задвигалась в такт его словам:

— Идею подало сообщение в утреннем «Обсервере». И полицейским тоже, они прибыли на место еще до меня. Мне все же повезло: человек, которого оставили охранять это место, мой приятель — Фред Ферли, и за десятку он позволил мне облазить все помещение.

— Полицейские что-нибудь знают об этом? — спросил Бимон, потрясая листами, которые держал в руке.

Джек пожал плечами.

— Я им не говорил. Я попытался кое-что выудить из Ферли, но он ничего не знал — его просто поставили туда охранять, пока они решат, что предпринять. Может быть, они знают, может быть, нет. — Он стряхнул пепел на пол. — Я могу выяснить.

— Бог с ними. Что ты еще отыскал?

— Ничего больше я не искал.

Взглянув в непроницаемое лицо смуглого молодого человека, Нед опять перевел глаза на листы бумаги.

— Что это за дом?

— Номер 1324. У них там на имя Френча была комната и ванная. Хозяйка дома утверждает, что прежде, чем сегодня появилась полиция, она не знала, кто они были на самом деле. Возможно, и правда не знала. Это такое место, где много вопросов не задают. Говорит, что они бывали там довольно часто, главным образом вечерами, и что в последнюю неделю девушка была там два раза — по крайней мере насколько ей известно, потому что там довольно легко войти и выйти так, чтобы никто не заметил.

— А она уверена, что это была Оупэл Мэдвиг?

Джек сделал неопределенный жест.

— Описание сходится. — Он немного помолчал и

небрежно добавил, выдыхая дым: — После убийства Тейлора Генри хозяйка видела только ее.

Нед Бимон опять поднял голову. Взгляд его был суров.

— То есть у Тейлора там бывали и другие?

Джек опять сделал неопределенный жест.

— Этого хозяйка не говорит. Дескать, она не знает, но, судя по тому, как она это сказала, можно пари держать, что врала.

— А по вещам, что были в комнате, можно о чем-то догадаться?

Джек покачал головой.

— Нет. Женских вещей там немного — кимоно, туалетные принадлежности, пижамы и прочее такое же добро.

— А вещей Тейлора там много?

— Костюм, пара башмаков, нижнее белье, пижамы, носки и так далее.

— Шляпы были?

Джек улыбнулся.

— Шляп не было.

Бимон встал и подошел к окну. Снаружи было совсем темно. Дюжина дождевых капель прибилась к оконному стеклу и почти столько же ткнулось в стекло, пока Нед стоял у окна. Он снова обернулся к Джеку.

— Большое спасибо, Джек, — медленно сказал он. Его глаза смотрели на собеседника равнодушно и рассеянно. — Я думаю, скоро у меня будет еще одна работа для тебя — может быть, сегодня вечером. Я позволю тебе.

— Хорошо, — ответил Джек, встал и вышел.

Достав из шкафа свою одежду, Бимон отнес ее в ванную комнату и переоделся. Когда он вышел из ванной, в палате оказалась сестра — высокая и полная женщина с лоснящимся бледным лицом.

— О, вы оделись! — вскрикнула она.

— Да, мне надо выйти.

Удивление на лице сестры сменилось тревогой.

— Но этого нельзя делать, мистер Бимон, — запротестовала она. — Сейчас вечер, и начинается дождь, а доктор Тейлор...

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Нед Бимон и, обойдя сестру, пошел к двери.

ГЛАВА VI

«ОБСЕРВЕР»

1

Миссис Мэдвиг открыла дверь.

— Нед! — воскликнула она. — Ты с ума сошел! Разгуливаешь в такой вечер, а сам только что из больницы.

— Такси не протекают, — ответил Бимон, но его улыбку нельзя было назвать мужественной. — Пол дома?

— Ушел с полчаса назад, кажется, в клуб. Да ты заходи, заходи.

— А Оупэл? — спросил Нед Бимон, закрывая дверь и следуя за миссис Мэдвиг через холл.

— Ее тоже нет. Ходит где-то с самого утра.

Нед Бимон остановился на пороге гостиной.

— Я не могу здесь оставаться, — сказал он. — Я забегу в клуб и там поговорю с Полом. — В голосе его не было уверенности.

Старая женщина живо повернулась к нему.

— И думать не смей, — сварливым тоном сказала она. — Ты посмотри на себя: ты же схватишь простуду. Немедленно садись к камину, а я принесу тебе выпить чего-нибудь горяченького.

— Не могу, мамуля. Мне надо идти.

Голубые глаза миссис Мэдвиг, в которых не было никаких признаков старости, засверкали стальным блеском.

— Когда ты вышел из больницы?

— Только что.

Миссис Мэдвиг крепко сжала губы, потом чуть приоткрыла их, чтобы укорить его:

— Ты удрал оттуда. — Ясную голубизну ее глаз омрачила тень. Она подошла и встала лицом к лицу с Недом: они были почти одного роста. Теперь голос ее стал хриловатым, словно исходил из пересохшего горла:

— Это касается Пола? — Тень в ее глазах казалась затаенным страхом. — И Оупэл?

— Это то, о чем я должен поговорить с ними, — едва слышно ответил Нед.

Старческими пальцами миссис Мэдвиг робко коснулась его щеки:

— Ты хороший мальчик, Нед.

Нед Бимон обнял ее.

— Не волнуйся, мамуля. Дело не так худо, как могло бы быть. Только... когда Оупэл придет домой, поставь ее остаться здесь... если сумеешь.

— Это что-то такое, о чем ты не можешь рассказать мне, Нед? — спросила миссис Мэдвиг.

— Не сейчас и... и вот что... может быть, будет лучше, если ты никому из них не дашь понять, будто, по-твоему, что-то неладно.

2

Нед Бимон прошел пешком по дождю пять кварталов, прежде чем добрался до аптеки. Сначала он вызвал по тамошнему телефону такси, потом позвонил в два места и спросил мистера Метью. С мистером Метью связаться не удалось.

Он позвонил еще раз и спросил мистера Рамсена. Мгновенье спустя он сказал:

— Алло, Джек, это Нед Бимон. Ты занят?.. Прекрасно. Дело такое. Я хочу знать, была ли девушка, о которой мы говорили, сегодня у редактора «Обсервера» Метью и что она делала после того, как... Да-да, Хэл Метью. Я пробовал звонить ему домой и в редакцию, но не удалось... Ну, сделай, если сможешь, тихо, но раздобудь мне эти данные, и поспеши... Нет, я вышел из больницы. Я буду дома и жду. Мой номер ты знаешь... Да, Джек. Спасибо, хорошо, и звони мне как можно чаще... До свиданья.

Он подошел к ожидавшему его такси, сел в машину и дал водителю свой адрес, но, проехав полдюжины кварталов, постучал в разделявшее их стекло и назвал новый адрес.

Вскоре такси остановилось у низкого серого дома, стоявшего на ровной лужайке, которая дробила крутой склон.

— Подождите, — попросил Бимон водителя, выходя из машины.

Дверь серого дома открыла рыжая служанка.

— Мистер Фарр дома? — спросил Нед Бимон.

— Я посмотрю. Кто его спрашивает?

— Мистер Бимон.

Окружной прокурор вышел в прихожую и протянул гостью руки. Его красноватое сварливое лицо сияло.

— Прекрасно, прекрасно, Бимон, вот уж порадовали, — сказал он, торопливо идя навстречу. — Давайте свой плащ и шляпу.

— Я не могу задерживаться, — Бимон улыбнулся и покачал головой. — Заглянул на минутку по пути из больницы домой.

— Снова здоров? Замечательно!

— На здоровье не жалуюсь, — сказал Нед Бимон. — Есть новости?

— Ничего особенно важного. Типы, которые так обошлись с вами, все еще на свободе — где-то прячутся, — но мы их поймаем.

Нед Бимон осуждающе двинул губами.

— Я не умер, и они не пытались меня убить: вы сможете обвинить их не более чем в нападении. — Он посмотрел на Фарра полусонным взглядом. — Вы не получали больше эпистол из трех вопросов?

— Э... — прокурор откашлялся, — да, если подумать, то поступила еще парочка.

— Сколько? — переспросил Бимон. Его голос звучал вежливо и непринужденно. Короткая улыбка чуть приподняла уголки его губ. Глаза весело блестели, но он зорко смотрел на Фарра.

Окружной прокурор опять откашлялся.

— Три, — ответил он нехотя. Потом его взгляд оживился. — Вы слышали о великолепном собрании, которое у нас...

— И все в том же духе? — прервал его Бимон.

— Гм-м... более или менее. — Прокурор облизал губы, а в его глазах появился просительный оттенок.

— Несколько более... или менее?

Фарр перевел взгляд с глаз Неда Бимона на его галстук и левое плечо. Он неопределенно ухмыльнулся, но не издал ни звука.

Теперь улыбка Неда Бимона была откровенно злобной.

— И все говорят, что Пол убил Тейлора Генри? — спросил он приторно сладким голосом.

Фарр вздрогнул, лицо его побледнело, стало бледно-оранжевым, а волнение заставило его снова испуганно взглянуть в глаза Бимону.

— Господи, Нед! — он жадно дышал.

— Вы начинаете нервничать, Фарр, — сказал Нед

смеясь и все тем же сладким голосом. — Будьте внимательны, не то сорветесь. — Он посерьезнел. — Пол говорил вам об этом что-нибудь? Я имею в виду ваши нервы.

— Н-нет...

Нед Бимон опять улыбнулся.

— Может быть, он не обратил на это внимания — пока. — Он поднял руку, взглянул на свои часы, потом на Фарра. — Вы уже выяснили, кто писал эти письма? — спросил он резко.

— Послушайте, Нед... я не... — заикнулся прокурор. — Знаете... это не... — Он запнулся и умолк.

— Ну-ну...

Окружной прокурор сглотнул и в отчаянии произнес:

— У нас кое-что есть, Нед, но пока еще рано говорить. Может быть, это пустое. Вы же знаете эти дела.

Бимон кивнул. Теперь в его лице не было ничего, кроме приветливости. Голос его звучал размеренно и прохладно, но не холодно:

— Вы узнали, где писались эти письма, и нашли машинку, на которой их печатали, но дальше вы пока не продвинулись. У вас нет достаточных оснований, чтобы хотя бы предполагать, кто писал письма.

— Это правда, Нед, — выпалил Фарр с нескрываемым облегчением.

— Все верно, — сказал Бимон и сердечно пожал руку Фарру. — Ну, мне пора бежать. Вы не ошибетесь, если не станете форсировать события, будьте абсолютно уверены, что вы правы, прежде чем двинуться вперед. В этом отношении можете поверить мне на слово.

— Спасибо, Нед, спасибо! — Лицо и тон растроганного прокурора лучились теплом.

3

Тем же вечером в десять минут десятого в комнате у Неда Бимона зазвонил телефон. Он быстро подошел к аппарату.

— Алло... Да, Джек... Да... Да... Куда?... Да, отлично... На сегодня все. Большое спасибо.

Отходя от телефона, он улыбнулся бледными губами. Глаза у него сияли. Руки подрагивали.

Прежде чем он успел сделать третий шаг, телефон зазвонил снова. Он поколебался и вернулся к аппарату.

— Алло... О, привет, Пол... Да, мне надоело разыг-
рывать из себя инвалида... Ничего особенного — я про-
сто подумал, загляну-ка на минутку к тебе... Нет, боюсь,
что не смогу. Я еще не так крепок, как я полагал, и,
пожалуй, будет лучше, если я прилягу... Да, завтра,
обязательно... До свидания.

На ходу он надел плащ и шляпу. Ветер обдал его
дождем, когда он открыл входную дверь, бросал ему
в лицо капли, когда он шел к угловому гаражу в полу-
квартале от дома.

В конторе стеклянного гаража сидел стройный темно-
волосый мужчина на стуле, поставленном на две задние
ножки, и читал газету. Он был в комбинезоне, когда-то
белом, а его ноги были задраны на полку над электро-
нагревателем. Он опустил газету, когда услышал:

— Привет, Томми.

На испачканном лице Томми зубы казались белее,
чем были на самом деле. Улыбнувшись, он продемонст-
рировал их количество и сказал:

— Хороша погода.

— Верно. А не найдется ли у тебя какой-нибудь
тачки? Такой, чтобы сегодня можно было покататься по
деревенским дорогам?

— Господи! — ответил Томми. — И повезло же тебе
с погодой. А могла бы ведь совсем испортиться. Ну, есть
тут один «бьюик», который мне не очень жалко.

— Он меня довезет?

— С той же вероятностью, что и любая другая ма-
шина, — сказал Томми. — Сегодня.

— Хорошо. Налей полный бак. По какой дороге в
такой вечер лучше ехать вверх по Лейзи-Крик?

— Далеко вверх?

— Примерно туда, — Бимон задумчиво посмотрел
на него, — где этот ручей впадает в реку.

Томми кивнул.

— К Метью?

Бимон ничего не ответил.

— Зависит от того, куда поедешь, — сказал Томми.

— Да? К Метью. — Бимон нахмурился. — Но это
тайна, Томми.

— Ты пришел ко мне, потому что думал, что я буду
болтать, или потому что знаешь, что я не буду бол-
тать? — запальчиво спросил Томми.

— Я спешу, — ответил Бимон.

— Тогда поезжай вдоль по Нью-Ривер-роуд до Бар-

тона, там повернешь за мостом на грунтовую дорогу — если по ней вообще можно проехать, а на первом перекрестке обратно на восток. Так ты скорее всего доберешься до вершины холма за домом Метью. Если грунтовая дорога непроходима, тебе придется ехать по Нью-Ривер-роуд до того места, где новая дорога перекрещивается со старой, и по старой дороге обратно.

— Спасибо.

Когда Бимон уже сел в «бьюик», Томми подчеркнуто непринужденно заметил:

— В кармане дверцы еще один пистолет.

Бимон посмотрел на долговязого.

— Еще один? — спросил он без всякого выражения.

— Счастливого пути, — ответил Томми.

Нед захлопнул дверцу и поехал.

4

Часы на приборной доске показывали десять тридцать две. Бимон выключил фары и несколько неловко вылез из «бьюика». Дождь, погоняемый ветром, долбил деревья, кусты, землю, человека и машину непрерывающимися мокрыми ударами. Внизу, на склоне холма, сквозь дождь и листву смутно проглядывали беспорядочные пятна желтого света. Бимон передернул плечами, попытался поплотнее закутаться в плащ и поковылял через мокрый кустарник по направлению к свету.

Ветер и дождь толкали его со склона холма вниз, к этим желтым пятнам. Пока он спускался, тело его мало-помалу отмякало, и хотя он частенько спотыкался о всякие препятствия у себя под ногами и пошатывался, но все-таки не падал и сравнительно быстро, хотя и неуверенно, приближался к цели.

Через некоторое время он почувствовал под ногами дорожку. Он свернул на эту дорожку, удерживаться на которой ему помогало не столько зрение, сколько нечто скользкое под ногами да хлещущие по лицу с обеих сторон кусты. Дорожка сначала повела его немного влево, потом по широкой дуге на край небольшого обрыва. В ущелье шумела вода. Дальше дорога делала еще один поворот и заканчивалась у двери дома, отбрасывавшего желтый свет.

Бимон подошел прямо к двери и постучал.

Открыл седой мужчина в очках. У него было мягкое серовато-невыразительное лицо, даже его глаза, которые

озабоченно смотрели через очки в черепаховой оправе, тоже были серые. Коричневый костюм был хорош, из отменной ткани, но старомоден. На краешек его довольно высокого белого воротничка, сильно накрахмаленного, в четырех местах упали капли воды. Держа дверь открытой, он отошел в сторону и сказал приветливо, но без всякой сердечности в голосе:

— Входите, сэр, укройтесь от дождя. Сегодня погода не для прогулок.

Опустив голову в поклоне не больше чем на два дюйма, Бимон вошел. Комната оказалась очень большой — занимала весь нижний этаж. Простота и скромность обстановки производили впечатление примитивности, без всякого намека на щегольство. Это была кухня, столовая и гостиная одновременно.

Со скамеечки у камина поднялась Оупэл Мэдвиг, выпрямилась и уставилась на Неда холодным враждебным взглядом.

Бимон снял шляпу и начал расстегивать пуговицы плаща. Тут его узнали и остальные.

Человек, который открыл дверь, не веря своим глазам, сказал:

— Ох, это же Бимон, — и широко раскрытыми глазами посмотрел на Шеда О'Рори.

Тот сидел посреди комнаты на стуле, повернутом к камину. Он мечтательно улыбнулся Неду Бимону и своим мелодичным, чуть ирландским выговором произнес:

— Он самый. Как рука, Нед?

На обезьяньем лице Джефа Гарднера появилась широкая ухмылка, показавшая его искусственные зубы и почти закрывшая его маленькие красные глазки.

— Господи, Расти, — обратился он к угрюмому юноше с румянцем, который располагался рядом. — Резиновый мячик прикатился обратно. Я говорил тебе, ему нравилось, как мы его лупили.

Расти выпятился на Неда Бимона мрачным взглядом и неслышно проворчал что-то невнятное.

Стройная молодая женщина в красном платье, сидевшая рядом с Оупэл Мэдвиг, с интересом смотрела на Неда Бимона своими сияющими темными глазами.

Бимон снял плащ. Его худощавое лицо, на котором еще сохранились следы кулаков Джефа и Расти, было спокойно, если не считать блеска бесперемонности в глазах. Он положил плащ и шляпу на длинный некрашеный

сундук, стоящий у стены возле двери. Вежливо улыбнулся человеку, который его впустил, и сказал:

— У меня сломалась машина, когда я ехал мимо. Очень любезно с вашей стороны предоставить мне кров, мистер Метью.

— Не стоит благодарности, — несколько неопределенно протянул Метью. — Рад помочь. — Он опять испуганно-просительно посмотрел на О'Рори.

Тот скользнул бледной рукой по своим гладким волосам и дружелюбно улыбнулся Бимону, не сказав, однако, ни слова.

Нед Бимон подошел к камину.

— Привет, щебетунья, — сказал он Оупэл Мэдвиг.

Та не ответила на приветствие. Она стояла и сверлила Неда холодным и враждебным взглядом.

Нед Бимон улыбнулся молодой женщине в красном платье:

— Вы ведь миссис Метью, не так ли?

Женщина ответила мягко, почти воркующе:

— Да, — и протянула руку.

— Оупэл говорила мне, что вы однокашницы, — сказал Нед Бимон, пожимая руку. Он повернулся к Джефу и Расти.

— Привет, ребята, — произнес он беззаботно. — Я так и думал, что скоро снова вас увижу.

Расти промолчал.

Физиономия Джефа превратилась в безобразную маску, выражающую откровенное злорадство.

— Мы оба надеялись, — приветливо сказал он, — теперь, когда костяшки у меня на пальцах опять зажили. Как ты думаешь, почему мне доставляет такое огромное удовольствие давать тебе в морду?

Шед О'Рори мягко, не поворачивая головы, бросил горилле:

— Ты слишком много болтаешь, Джеф. Если бы ты этого не делал, может быть, у тебя во рту были бы еще свои зубы.

Миссис Метью что-то сказала Оупэл сдавленным голосом. Оупэл покачала головой и снова села на свою скамеечку.

Метью указал на стул, стоящий по другую сторону камина, и нервно сказал:

— Присаживайтесь, мистер Бимон, погрейте ноги и... обсохните.

— Благодарю. — Нед пододвинул стул поближе к огню и сел.

Шед О'Рори закуривал сигарету. Закурив, он вынул ее изо рта и спросил:

— Как самочувствие, Нед?

— Довольно неплохо, Шед.

— Это приятно. — О'Рори слегка повернул голову и сказал сидевшим на скамейке: — Завтра можете возвращаться в город, мальчики. — Он повернулся обратно к Бимону и любезно объяснил: — Мы не хотели рисковать — надо было выяснить, что вы не умрете, но мы ничего не имеем против обвинения в нападении.

Нед Бимон кивнул.

— Может быть, я вообще не стану заниматься представлением на вас жалобы, но не забывайте, что моего друга Джефа разыскивают по делу об убийстве Уэста. — В его голосе была непринужденность, но в глазах, которые смотрели на горящие в камине поленья, появился мимолетный злой блеск. Когда он посмотрел влево, на Метью, в его взгляде не было ничего, кроме насмешки. — Хотя я могу, конечно, доставить Метью неприятности за ваше укрывательство.

— Я не укрывал их, мистер Бимон, — торопливо сказал Метью. — Я даже не знал, что они здесь, пока мы не приехали сюда, и я был так же поражен, как... — Он замолчал, в лице его был панический страх, он визгливо обратился к Шеду О'Рори: — Ты знаешь, что тебе здесь рады. Ты это знаешь, но я хочу сказать, — его лицо осветилось внезапной радостной улыбкой, — что, помогая тебе, но не зная об этом, я не сделал ничего такого, за что меня можно было бы привлечь к юридической ответственности.

— Да, ты помог мне, не зная этого, — мягко отозвался О'Рори и без всякого выражения посмотрел на редактора газеты своими замечательно ясными серовато-голубыми глазами.

Улыбка Метью сделалась безрадостной и погасла. Он нервно перебирал пальцами свой галстук и избегал взгляда О'Рори.

Миссис Метью сладким голосом обратилась к Неду Бимону:

— Сегодня вечером все были такими скучными. Было просто противно, пока не пришли вы.

Бимон бросил на нее любопытный взгляд. Ее темные бархатные глаза зовуще сияли. Под оценивающим взгля-

дом Бимона она полусклонила голову и кокетливо изогнула губки. Губы у нее были тонкие, покрашенные темной помадой, но красивой формы. Нед Бимон улыбнулся, встал и подошел к ней.

Оупэл Мэдвиг пристально смотрела в пол перед собой. Метью, О'Рори и двое мужчин на скамейке наблюдали за Бимоном и женой Метью.

— Почему же они сегодня такие скучные? — спросил Бимон. Он сел боком к миссис Метью на пол, спиной к огню, скрестил ноги, оперся одной рукой за спиной и повернул голову к миссис Метью.

— Вот этого я не знаю, — ответила она, надувшись. — Я думала, здесь будет весело, когда Хэл спросил, не хочу ли я прокатиться сюда с ним и с Оупэл. А потом, когда мы сюда добрались, то обнаружили тут этих... — она сделала краткую паузу, с плохо скрываемым сомнением сказала «друзей Хэла» и продолжила: — А потом они все только сидели и намекали на какую-то тайну, которая у них есть, но о которой я ничего не знаю, и это было невыносимо глупо. Оупэл тоже оказалась не лучше других. Она...

Расстроенный Метью произнес твердо:

— Ну, послушай, Элоиза, — однако, когда женщина посмотрела на него, в его взгляде появилась скорее неловкость, чем твердость.

— Мне все равно, — с обидой произнесла она. — Это правда, и Оупэл ничуть не лучше всех вас. Ты ведь с ней даже не поговорил о том деле, которое вы приехали обсудить. Не думай, что я торчала бы здесь так долго, если б не эта буря. Ни минуты бы не осталась.

Оупэл Мэдвиг покраснела, но так и не подняла глаз.

Элоиза снова склонила голову вниз, к Неду Бимону, и ее обидчивость перешла в игривость.

— Придется вам это искупить, — сказала она, — вот почему мне так приятно было вас увидеть, а не потому, что вы красивый мужчина.

Нед Бимон посмотрел на нее в притворном возмущении.

Элоиза Метью тоже нахмурилась. Но она хмурилась по-настоящему.

— А ваша машина в самом деле сломалась, — спросила она, — или вы приехали сюда по тому же скучному делу, из-за которого они все так глупо секретничают? Ну, да. Вы один из них.

Нед Бимон засмеялся:

— Какая разница, зачем я приехал, если, увидев вас, я изменю свои намерения.

— Не-ет, — в голосе ее прозвучало сомнение, — но у меня не должно быть сомнений в том, что вы действительно переменили намерения.

— К тому же, — с легкостью пообещал Бимон, — я ни в коей мере не собираюсь изображать таинственность. Вы действительно понятия не имеете, из-за чего они так беспокоятся?

— Ни малейшего, — жестко ответила Элоиза. — Но я больше чем уверена, что это какая-нибудь глупость, и, по всей видимости, политическая.

Свободной рукой Нед похлопал Элоизу по руке.

— Смышленая девочка, вы правы и в том, и в другом. — Он обернулся, чтобы глянуть на О'Рори и Метью. Когда он снова посмотрел на миссис Метью, его глаза искрились весельем. — Хотите, я вам скажу?

— Нет.

— Во-первых, — начал Нед Бимон, — Оупэл считает, что ее отец убил Тейлора Генри.

Оупэл Мэдвиг издала жуткий горловой звук, словно ее душили, и вскочила со своей скамеечки. Тыльной стороной руки она прикрывала рот. Глаза ее чуть не вылезали из орбит, остекленелый взгляд был ужасен.

Расти вскочил, багровый от гнева, но ослабившийся Джеф ухватил его за руку.

— Оставь его в покое, — добродушно прокаркал Джеф. — Он молодчина. — Напряженный юноша стоял, крепко схваченный гориллой, но не пытался высвободиться.

Элоиза Метью сидела на своем стуле будто приклеенная и непонимающе пялилась на Оупэл.

Метью дрожал. Это был больной человек с серым морщинистым лицом, отвислой нижней губой и мешками под глазами.

Шед О'Рори подался вперед, его удлиненное, с тонкими чертами лицо было бледным и суровым, глаза — серовато-синий лед, руки сжимали подлокотники кресла, а ноги были крепко прижаты к полу.

— Во-вторых, — продолжал Бимон, не давая себя сбить всеобщему волнению, — она...

— Нед, прекрати! — вскрикнула Оупэл Мэдвиг.

Бимон, по-прежнему не меняя положения, обернулся, чтобы посмотреть на нее.

Она прижала руки к груди. Взгляд потрясенного человека, все ее измученное лицо молило Бимона о пощаде.

Какое-то время Нед серьезно разглядывал ее. Сквозь стекла и стены бешеные порывы доносили шум дождя, бьющего в дом, а в промежутки между порывами слышалось, как бурлит неподалеку река. Бимон изучал Оупэл прохладным взвешивающим взглядом. Выдержав паузу, он спросил с любезным безразличием:

— Разве не для этого ты пришла сюда?

— Перестань, пожалуйста, — хрипло повторила Оупэл.

На губах Бимона заиграла слабая улыбка, которая никак не вязалась с его взглядом:

— Разве, кроме тебя и других врагов твоего отца, никому не позволено трепать об этом?

Оупэл прижала руки-кулаки к телу, гневно вскинула голову и суровым громким голосом объявила:

— Он убил Тейлора.

Нед Бимон опять перенес тяжесть тела на руку и посмотрел на Элоизу Метью.

— Именно это я вам и сказал, — протянул он. — С этим мнением Оупэл пошла к вашему мужу, когда прочла всю ту чушь, которая сегодня появилась в газете. Мистер Метью, конечно, не верил, что Пол кого-то убил: он просто находится в тяжелом положении — его закладными располагает Стейт Сентрал, принадлежащая кандидату в сенат, которого поддерживает Шед, — и ему приходится делать то, что велят. Что Оупэл...

Его прервал Метью. Слабый голос редактора был полон отчаяния.

— Прекратите, Бимон. Вы...

Тут вмешался О'Рори. Он заговорил ровно и спокойно.

— Пускай выскажется, Метью, — произнес он. — Пускай скажет все, что может.

— Спасибо, Шед, — беззаботно бросил Бимон, не оглядываясь, и продолжил: — Она пошла к вашему мужу, чтобы найти подтверждение своим сомнениям, но мистер Метью, не солгав, не мог ничем их подтвердить. Он ничего не знает. Он просто кидает грязь туда, куда укажет Шед. Но есть одно дело, которое он может сделать, и он его сделает. В завтрашней газете он сможет опубликовать заметку о том, как Оупэл Мэдвиг

пришла к нему и заявила, что считает отца убийцей своего любовника. Это будет мощный залп: «Оупэл Мэдвиг обвиняет отца в убийстве! Дочка политического босса утверждает, что босс убил сына сенатора!» Вы представляете себе, как это будет выглядеть на первой полосе «Обсервера»?

У Элоизы Метью сделались большие глаза, она слушала затаив дыхание, подавшись вперед, нависнув своим белым лицом над лицом Неда Бимона. Дождь, подгоняемый ветром, хлестал по окнам и стенам. Расти глубоко вдохнул и выдохнул, издав нечто вроде стога.

Бимон с улыбкой облизнул губы и сказал:

— И вот он привез Оупэл сюда, чтобы спрятать ее до опубликования этой истории. Возможно, он знал, что здесь Шед со своими ребятами, возможно, нет. Это не имеет значения. Его цель состояла в том, чтобы никто до появления газеты не узнал, что наделала Оупэл. Я не хочу сказать, что он доставил Оупэл насильно или стал бы удерживать ее здесь — это будет не слишком разумно в нынешней ситуации, — но ничего такого вообще не потребовалось. Чтобы уничтожить своего отца, Оупэл готова пойти на что угодно.

Оупэл Мэдвиг шепотом, но вполне внятно повторила:

— Он убил Тейлора.

Нед было выпрямился. Бросил на Оупэл непередаваемо серьезный взгляд, потом улыбнулся, весело и устало покачал головой и снова опустился на локоть.

Жена Метью взирала на своего супруга, в ее темных глазах отражалось в основном удивление. Мистер Метью сидел на стуле с опущенной головой. Лицо он прикрывал рукой.

Шед О'Рори поменял ноги местами и достал сигарету.

— Точка? — мягко спросил он.

Нед Бимон так и сидел спиной к О'Рори. Не оборачиваясь, он ответил:

— Вы себе даже не представляете, какая жирная точка. — Голос его звучал уверенно, но лицо вдруг сделалось усталым, измученным.

— Ладно, — сказал О'Рори, закуривая, — что же это, дьявол побери, означает? Теперь наша очередь подставить вам ножку, и мы это сделаем. Девушка сама явилась с этим. Она пришла сюда, она хотела прийти. Вы сделали то же самое. Всякий — она, вы, кто угод-

но — может идти куда хочет и когда захочет. — Он встал. — Лично я хочу пойти в кровать. Где я буду спать, Метью?

Элоиза Метью обратилась к мужу:

— Это неправда, Хэл. — Это прозвучало вопросом.

Мистер Метью медленно отнял руки от лица. Стараюсь сохранить достоинство, он сказал:

— Дорогая, против Мэдвига есть доказательства, которые десятикратно оправдывают наше требование, чтобы полиция по меньшей мере расспросила его. Ничего большего мы не сделали.

— Я не это имела в виду.

— Но, дорогая, если уж мисс Мэдвиг пришла... — Он запнулся. Под взглядом жены он снова закрыл лицо руками.

5

Элоиза Метью и Нед Бимон остались вдвоем в комнате нижнего этажа. Они сидели у камина на стульях, которые стояли на расстоянии фута один от другого. Женщина наклонилась вперед и печально смотрела на последнее догорающее полено. Бимон закинул ногу на ногу. Его рука свисала со спинки стула. Он курил сигару и украдкой наблюдал за женщиной.

Скрипнули ступеньки, и мистер Метью спустился до половины лестницы. Он был одет, как прежде, за исключением воротничка. Спущенный галстук висел на жилете.

— Дорогая, ты не пойдешь спать? Уже полночь.

Женщина не шевельнулась. Тогда он зашел с другого конца:

— Мистер Бимон, вы...

Услыхав свое имя, Нед обернулся к человеку, стоявшему на лестнице, лицо его было жестоко и бесстрастно. Когда голос Метью сбился, он вновь сосредоточил внимание на своей сигаре и жене хозяина дома.

Некоторое время спустя Метью ушел обратно.

— В сундуке есть виски, — сказала Элоиза, не сводя глаз с огня. — Вы не могли бы...

— Отчего же, — Бимон нашел бутылку, принес ее к камину, нашел и бокалы. — Вам не разбавлять? — спросил он.

Женщина кивнула. Ее округлая грудь тяжело вздымалась под красным шелком платья, когда она дышала.

Бимон налил в
Элоиза не отрывая
Нед не сунул бокал
улыбнулась, скривив гу
но блестя.
Бимон, улыбаясь,
Приподняв бокал,
— За моего мужа
Непринужденное с
камин содержащими
нялось танцующими
Женщина восторж
— Налейте новый
Нед взял с пола
Элоиза Метью по
— Ваше здоровье
Они выпили. Же
— Вы могли бы
пить, — посоветовал
Она покачала го
— Я хочу пить т
Неда, стоя совсем
огню. — Давайте
— Отличная м
Они отодвинули
несли скамейку, д
была широкая, ни
— Теперь пога
Когда он верн
ней и наливала в
— На этот р
Нед, они выпили
чами.
Бимон сел ря
отбрасывал на н
Заскрипели
Он остановился
— Ну, пожа
Элоиза свис
— Запустит
Нед усмехн
Она взяла в
— Где ваш

Бимон налил в два больших бокала.

Элоиза не отрывала глаз от огня до тех пор, пока Нед не сунул бокал ей в руку. Посмотрев вверх, она улыбнулась, скривив густо накрашенные красивые губы. Глаза, в которых отражалось пламя камина, лихорадочно блестели.

Бимон, улыбаясь, смотрел на нее сверху вниз.

Приподняв бокал, Элоиза проворковала:

— За моего мужа!

Непринужденно сказав «нет», Бимон выплеснул в камин содержимое своего бокала, которое тут же поднялось танцующими языками пламени.

Женщина восторженно засмеялась и вскочила.

— Налейте новый, — распорядилась она.

Нед взял с пола бутылку и наполнил свой бокал.

Элоиза Метью подняла бокал высоко над головой:

— Ваше здоровье!

Они выпили. Женщина передернула плечами.

— Вы могли бы развести виски или чем-нибудь запить, — посоветовал ей Бимон.

Она покачала головой.

— Я хочу пить так, — и положила свою руку на руку Неда, стоя совсем близко к нему, повернулась спиной к огню. — Давайте принесем сюда ту скамейку.

— Отличная мысль, — похвалил Бимон.

Они отодвинули от камина стулья и вместо них принесли скамейку, держа ее каждый за свой конец. Это была широкая, низкая скамейка без спинки.

— Теперь погасите свет, — велела Элоиза.

Когда он вернулся к скамейке, женщина сидела на ней и наливала в бокалы виски.

— На этот раз — ваше здоровье, — провозгласил Нед, они выпили, и женщина опять передернула плечами.

Бимон сел рядом с ней. Пылающий в камине огонь отбрасывал на них розовый свет.

Заскрипели ступеньки — спустился мистер Метью. Он остановился на последней ступеньке и пролепетал:

— Ну, пожалуйста, дорогая!

Элоиза свистящим шепотом сказала на ухо Бимону:

— Запустите в него чем-нибудь.

Нед усмехнулся.

Она взяла в руки бутылку и спросила:

— Где ваш бокал?

Пока она наполняла бокалы, Метью поднялся по лестнице.

Элоиза протянула Бимону бокал и чокнулась с ним. Алые отблески пламени делали ее взгляд диким. Темный локон выбился у нее из прически и упал на лоб. Она хватала воздух ртом, с легким придыханием.

— За наше здоровье! — сказала она.

Они выпили. Элоиза Метью выронила свой пустой бокал и упала в объятия к Неде. Ее рот был прямо напротив его губ, но тут ее снова передернуло. Со звоном разбился упавший на пол бокал. Бимон оценивающе прищурился. Ее глаза были крепко закрыты.

Они замерли, когда скрипнули ступени. Не пошевелился Нед и в этот миг. Женщина сильнее обняла его своими худыми руками. Бимон не видел лестницу. Теперь оба тяжело дышали.

Опять заскрипели ступеньки, и вскоре после этого они перестали целоваться, хотя остались друг у друга в объятиях. Бимон глянул на лестницу. Там никого не было.

Элоиза Метью подняла руку к затылку Неда, скользнула пальцами по его волосам и впиалась ногтями в кожу. Теперь глаза ее открылись. Они были темными смеющимися щелками.

— Такова жизнь, — тихо сказала она горько-насмешливым тоном, опустилась на скамейку и увлекла за собой Неда Бимона, прижав губы к его губам.

Они находились в этом положении, когда грохнул выстрел.

Бимон тут же высвободился из ее объятий и вскочил.

— Где его комната? — резко спросил он.

Женщина смотрела на него в немом паническом страхе и моргала.

— Где его комната? — повторил он.

Элоиза Метью сделала бессильный жест.

— С фасадной стороны, — тускло пробормотала она.

Бимон взлетел наверх. Тут он столкнулся с гориллой Джефом, тот был уже одет, только без башмаков, и, отгоняя сон, моргал припухшими глазками. Подбоченясь одной рукой, Джеф вытянул вторую, чтобы остановить Бимона, и проворчал:

— Что все это значит?

Отбросив протянутую руку, Бимон левым кулаком

ударил гориллу по морде и проскочил мимо. Из какой-то комнаты выскочил О'Рори.

С нижнего этажа донесся крик миссис Метью.

Нед Бимон распахнул дверь и остановился. Метью лежал на полу спальни под лампой. Его рот был открыт, из него струилась кровь. Одна рука была вытянута на полу. Другая лежала на груди. На полу возле стены лежал черный револьвер, на который, казалось, указывает вытянутая рука. На столе у окна стояла чернильница, рядом с ней — ручка и лист бумаги. К столу вплотную был придвинут стул.

Шед О'Рори протиснулся мимо Бимона и опустился на колени перед распростертым телом. Тем временем у него за спиной Бимон быстро взглянул на бумагу и сунул ее в карман.

Ввалился Джеф, за ним полуголый Расти.

О'Рори встал и развел руками, изображая конец.

— Выстрелил прямо в рот, — сказал он. — Все, точка.

Бимон повернулся и вышел из комнаты. В коридоре он встретил Оупэл Мэдвиг.

— Что случилось, Нед? — спросила она испуганно.

— Метью застрелился. Я пойду вниз и останусь с миссис Метью, пока ты оденешься. Туда неходи. Ничего не увидишь. — Он спустился по лестнице.

Элоиза Метью лежала на полу возле скамейки.

Нед Бимон шагнул к ней, остановился и хитрым, холодным взглядом осмотрелся. Потом опустился на одно колено и попробовал ее пульс. Он разглядывал женщину так внимательно, как только было возможно в сумеречном свете догорающего огня. Элоиза была без сознания. Нед вытащил из кармана бумагу, взятую со стола Метью, на коленях пододвинулся к камину и в красноватом свете пламени прочел:

Я, Говард Кейт Метью, находясь в здравом уме и трезвой памяти, настоящим составляю свое завещание.

Все свое движимое и недвижимое имущество без исключения завещаю своей возлюбленной жене Элоизе Брейден Метью, ее наследникам и правопреемникам.

Единственным душеприказчиком назначаю Стейт Сентрал Траст Компани.

Вышеизложенное заверяю своей подписью...

Дочитав до конца, Нед сурово улыбнулся и порвал завешание в клочья. Он встал, протянул руку над каминной решеткой и бросил клочки бумаги в пышущие жаром угли. Бумага занялась ярким пламенем и обуглилась. Он взял кованый совок, стоявший рядом с камином, и смешал бумажный пепел с древесными углями.

Потом вернулся к миссис Метью, плеснул виски в бокал, из которого пил, приподнял ее голову, разжал губы и влил ей в рот несколько капель. Элоиза почти уже пришла в себя и кашляла, когда спустилась Оупэл Мэдвиг.

6

На лестнице появился Шед О'Рори. Джеф и Расти шли за ним. Все они были одеты. Бимон стоял возле двери, в плаще и шляпе.

— Вы куда, Нед? — спросил ирландец.

— Искать телефон.

— Неплохая мысль, — кивнул О'Рори, — но прежде я хочу кое о чем спросить вас. — Он одолел оставшиеся ступеньки, подручные шли за ним по пятам.

— Да? — Бимон вытащил руку из кармана. О'Рори и мужчины за его спиной смотрели на эту руку, но на скамейке, где сидела Оупэл Мэдвиг и держала Элоизу Метью, она не была видна, ее скрывал корпус Неда. В руке был пистолет. — Чтобы никто не вздумал делать глупости. Я спешу.

О'Рори, казалось, не увидел пистолета, хотя ближе не подходил. Он сказал задумчиво:

— Я подумал, что, если на столе стоит раскрытая чернильница, лежит ручка, а возле стола стоит стул, немножко странно, что там нет никакого письма.

Бимон улыбнулся с хорошо разыгранным удивлением:

— Как, разве письма не было? — Он отступил на шаг к двери. — Это действительно странно. Когда я позвоню и вернусь, я согласен обсуждать с вами этот вопрос часами.

— Лучше бы сейчас, — сказал О'Рори.

— Извините, — Бимон быстро отступил к двери, нащупал за спиной ручку и открыл дверь. — Я ненадолго. — Он выскочил и захлопнул дверь.

Дождь кончился. Он свернул с дорожки и побежал по высокой траве за угол дома. С задней стороны дома слышался стук второй двери. Слева был слышен довольно близкий шум реки. Сквозь кусты Нед продирался в сторону реки.

Где-то позади него слышался негромкий, но высокий и резкий свист. Он брел по слякоти через какой-то подлесок, петляя меж деревьев, он взял в сторону от реки. Опять раздался свист, на этот раз справа. За деревьями были кусты, доходившие ему до плеч. Он пригнулся, чтобы скрыться, хотя ночная тьма была почти кромешной.

Он поднимался вверх по склону холма, ноги то и дело оскальзывались на неровностях. Ветки кустарника царапали лицо и руки, рвали одежду. Свист не повторялся. «Бьюик» он не нашел. Не нашел и дорожки, по которой пришел сюда.

Он волочил ноги и спотыкался даже на ровном месте, пока в конце концов не вылез на гребень холма и не начал спускаться по другому склону, теперь он падал все чаще. У подножья холма он выбрался на дорогу и повернул по ней вправо. Дорога была глинистая, и ему время от времени приходилось останавливаться, чтобы соскрести глину со своих башмаков. Тут ему опять пригодился пистолет.

Услыхав за спиной собачий лай, он остановился и, пошатываясь, как пьяный, обернулся. Сзади футах в пятидесяти рядом с дорогой смутно вырисовывался дом, мимо которого он прошел. Повернув к дому, он дошел до высоких ворот. Собака — в ночной тьме она выглядела бесформенным чудовищем — всем телом бросалась на ворота и лаяла как сумасшедшая.

Бимон на ощупь нашел край калитки, нащупал крючок, откинул его и, шатаясь, вошел. Собака отступила, вертясь вокруг него, делала обманные прыжки и надрылась от лая.

Скрипнуло окно, и чей-то внушительный голос крикнул:

— Какого дьявола вы делаете с собакой?

Бимон попытался рассмеяться. Потом встряхнулся и ответил не слишком звучным голосом:

— Я Нед Бимон из окружной прокуратуры. Мне нужно воспользоваться вашим телефоном. Здесь неподалеку есть убитый.

Все тот же внушительный голос взревел:

— Я не слышу, что вы говорите. Заткнись, Дженни! — Собака тявкнула раза три еще более энергично и умолкла. — Теперь снова скажите, в чем дело.

— Я хочу позвонить. В окружную прокуратуру. Здесь неподалеку труп.

Собака опять принялась гавкать, крутиться, прыгать. Нед Бимон швырнул в нее пистолет, вымазанный в глине. Собака повернулась и убежала за дом.

Дверь открыл приземистый мужчина, краснолицый, похожий на бочку, в длинной синей ночной рубаше.

— Мать Божья, как вы выглядите! — Он жадно вдыхал свежий воздух, когда Бимон появился в пятне света от двери.

— Телефон, — выдохнул Нед.

Человек с красным лицом подхватил непрошеного гостя, когда его шатнуло.

— Послушайте, — строго обратился он к Неду, — скажите, кому звонить и что сказать — сами вы ничего не сможете сделать.

— Телефон, — повторил Бимон.

Хозяин провел его по коридору, открыл дверь и показал:

— Вот там, и вам чертовски повезло, что моей старухи нет дома — в таком виде, со всей этой грязью вы никогда не вошли бы сюда.

Бимон сел на стул перед телефонным аппаратом, но не потянулся за трубкой. Он исподлобья посмотрел на человека в ночной рубаше и бесцветным голосом сказал:

— Выйдите и закройте дверь.

Хозяин, не успев даже войти в комнату, закрыл дверь.

Нед взял трубку, привалился к столу, положил на него локти и позвонил Полу Мэдвигу. Пока он ждал ответа, его глаза закрывались не меньше шести раз, но вновь и вновь он с усилием открывал их, и, когда наконец начал говорить в трубку, голос его был отчетлив.

— Алло, Пол, Нед... Неважно. Слушай меня. Метью застрелился у себя в доме на берегу реки, не оставив завещания... Слушай меня. Это важно. Так как у него куча долгов и нет душеприказчика, суду придется назначить кого-то опекуном наследства. Доходит?.. Да. Позаботься, чтобы решение принимал толковый су-

дья — скажем, Фелпс, — и мы до самых выборов выведем «Обсервер» из игры, если он не будет принимать участие в борьбе на нашей стороне. Понял?.. Ладно, ладно, слушай дальше. Это не все. Нужно еще кое-что сделать. В утреннем «Обсервере» полно взрывоопасного материала. Тебе нужно его остановить. Ты мог бы поднять Фелпса с постели и добыть у него какой-либо документ, чтобы остановить выпуск газеты до тех пор, пока ты не разъяснишь людям из «Обсервера», что примерно месяц их газета будет находиться во власти наших друзей... Я сейчас ничего не могу тебе сказать, Пол, но там — динамит, и тебе надо не допустить газету до продажи. Вытащи Фелпса из кровати, и пойдите посмотрите сами. У тебя, наверное, есть часа три до того, как газета попадет на улицы... Да-да... Что?.. Оупэл? О, с ней все в порядке. Она со мной... Да, я привезу ее домой... И, пожалуйста, сообщи в уездное управление о смерти Метью. А я теперь пошел обратно. Привет.

Он положил трубку на стол, встал, шатаясь, дотащился до двери, со второй попытки открыл ее и вывалился в коридор, где только стена помешала ему брякнуться на пол.

Человек с апоплексическим лицом поспешил к нему.

— Обопритесь о меня, приятель, и я удобно устрою вас. Я открыл диван покрывалом, так что можно не заботиться о грязи...

— Я хочу одолжить машину, — сказал Бимон. — Мне нужно вернуться обратно к Метью.

— Так это он?

— Да.

Человек с красным лицом поднял брови, издал звук, напоминающий свист.

— Вы одолжите мне машину? — требовательно спросил Нед Бимон.

— Святой Боже, будьте разумны, приятель! Как вы поведете машину?

Нед Бимон пошел на нетвердых ногах.

— Я пойду пешком.

Хозяин уставился на него:

— Этого вы тоже не сделаете. Если у вас хватит терпения подождать, пока я натяну брюки, то я доведу вас туда, хотя, похоже, вы скончаетесь прежде, чем мы доедем до места.

Оупэл Мэдвиг и Элоиза Метью были вдвоем в большой комнате нижнего этажа, когда человек с апоплексическим

ческим лицом скорее внес, чем ввел туда Неда Бимона. Они появились без стука. Женщины стояли друг подле друга с широко раскрытыми глазами, они были напуганы.

Нед выпутался из рук своего спутника и мутным взглядом обвел комнату.

— Где Шед? — пробормотал он.

— Ушел. Они все ушли, — ответила Оупэл.

— Хорошо, — с трудом произнес Нед Бимон. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

Элоиза Метью подбежала к нему:

— Вы убили его! — взвизгнула она.

Бимон идиотски захихикал и попытался ее обнять. Она вскрикнула и ударила его по лицу.

Нед упал во всю длину тела навзничь. Краснолицый хотел было подхватить его, но это ему не удалось. Хлопнувшись на пол, Бимон больше не шевелился.

ГЛАВА VII

ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ

I

Сенатор Генри положил салфетку на стол и встал. Стоя он казался выше, чем был на самом деле, и моложе. Его небольшая голова, покрытая редкими седыми волосами, была замечательно симметрична. Стареющая кожа его лица патриция обвисла, подчеркивая вертикальные черты, но обвислость еще не коснулась губ, и годы ни в малейшей степени не повлияли на его глаза: серо-зеленые, глубоко посаженные, не очень большие, но блестящие и с эластичными веками. С вежливым достоинством, сквозившим во всех его движениях, он сказал:

— Вы простите меня, если я на минутку уведу Пола наверх?

— Да, если ты оставишь мне мистера Бимона и обещаешь, что вы не застрянете там на весь вечер, — ответила его дочь.

Бимон вежливо улыбнулся ей и кивнул.

Вместе с Дженет Генри он перешел в комнату с белыми стенами, где под белой каминной полкой лениво

горел каменный уголь, отбрасывая красноватые отблески на мебель красного дерева.

Девушка зажгла лампу над роялем и села спиной к клавиатуре, между Недом Бимоном и лампой. Ее белые волосы попали в свет лампы, поэтому вокруг ее головы засиял нимб. Ее матово-черное платье не отражало света, и на ней не было никаких украшений.

Нед наклонился, чтобы стряхнуть пепел сигареты на горящие угли. От этого движения на груди его рубашки блеснула темная жемчужина, которая в отсвете каминного огня показалась мигающим красным глазом. Выпрямившись, он спросил:

— Сыграете что-нибудь?

— Да, если хотите, хотя я не очень хорошо играю, но попозже. Сейчас, когда мне представилась возможность, я хочу поговорить с вами. — Девушка сложила руки на коленях. Она держала их так прямо, что плечи ее приподнялись.

Нед вежливо кивнул, но ничего не сказал. Он отошел от камина и сел возле Дженет Генри на диванчик в форме лиры. Хотя он был внимателен, на его лице не было никакого любопытства.

Девушка повернулась на своей скамеечке, посмотрела на него и спросила:

— Как здоровье Оупэл? — Голос у нее был низкий и доверительный.

Бимон непринужденно ответил:

— Вполне нормально, насколько мне известно, хотя я не видел ее с прошлой недели. — Он приподнял свою сигару, снова опустил ее и добавил, словно это только что пришло ему на ум: — А почему вы об этом спрашиваете?

— Разве она не лежит в постели с нервным потрясением? — Карие глаза Дженет Генри расширились.

— Ах, это! — Бимон беззаботно улыбнулся... — Разве Пол не говорил вам?

— Да, он сказал мне, что Оупэл лежит в постели с нервным расстройством. — Девушка посмотрела на Неда пристальным взглядом, полным удивления. — Именно так он и сказал.

Улыбка Неда сделалась мягче.

— Очевидно, Пол слишком чувствителен в этих делах, — медленно сказал он, разглядывая свою сигару. Потом посмотрел на Дженет Генри и слегка пожал плечами. — Ничего такого у Оупэл нет. Она просто

утвердилась в глупой мысли, что Пол убил вашего брата, и — что еще глупее — заявляла об этом. Ну и Пол не мог позволить своей дочери разгуливать и обвинять его в убийстве направо и налево. Поэтому и пришлось оставить ее дома, пока эта мысль не выветрится у нее из головы.

— Вы хотите сказать, что Оупэл... — Дженет Генри заколебалась, ее глаза загорелись, — что Оупэл... ну да... что она пленница?

— Когда вы так это говорите, это звучит мелодраматически, — небрежно возразил Бимон. — Оупэл еще совсем ребенок. Посудите сами — ребенка заперли в его комнате, разве это не обычная мера наказания?

— О да! Только... — Девушка посмотрела на свои руки, потом перевела взгляд опять на Бимона. — Почему Оупэл так думала?

Голос Неда стал прохладным, как и его улыбка.

— А кто же этого не подумал бы? — спросил он.

Дженет Генри оперлась руками о скамеечку и подавалась вперед. Ее белое лицо было серьезно.

— Именно это я и хотела у вас спросить, мистер Бимон. Люди так думают?

Нед Бимон кивнул. Лицо его было спокойно.

Сгибы пальцев у Дженет Генри на краю скамеечки побелели. Голос, когда она спросила «Почему?», был беззвучен.

Бимон встал с диванчика и подошел к камину, чтобы выбросить окурки. Вернувшись, он скрестил свои длинные ноги и поудобнее привалился к спинке диванчика.

— Противная сторона полагает, что для их политики полезно заставить людей так думать, — ответил он. В его голосе, выражении лица, в манере поведения не было ничего такого, что позволило бы думать, будто тема разговора представляет для него какой бы то ни было личный интерес.

— Но, мистер Бимон, — Дженет Генри нахмурилась, — почему люди должны так думать, если нет никаких доказательств или чего-либо такого, что можно было бы преподнести как доказательства?

— Конечно, есть, — Нед Бимон с веселым любопытством взглянул на девушку. — Я полагал, вы это знаете. — Ногтем большого пальца он пригладил усы. — Разве вы не получили ни одного из анонимных писем?

Дженет вскочила. Волнение исказило черты ее лица.

— Да, сегодня! — воскликнула она. — Я хотела показать его вам, чтобы...

Тихо засмеявшись, Бимон поднял руку, вытянув ее в протестующем жесте. — Не трудитесь. Они все очень похожи, и я видел уже многие из них.

Дженет Генри медленно и как бы против воли опустилась на скамеечку.

— Да-да, эти письма, то, что опубликовал «Обсервер», прежде чем мы сумели вывести его из игры, слухи, которые ходят повсюду... — он опять пожал худыми плечами, — они взяли существующие факты и слепили из них довольно миленькое обвинение против Пола.

Дженет закусилла нижнюю губу, потом спросила:

— Он... он действительно в опасности?

Бимон кивнул и спокойно, убежденно ответил:

— Если он проиграет на выборах, если он потеряет влияние, которое имеет в городе и штате, то он пойдет на электрический стул.

Дженет Генри передернула плечами и неуверенно сказала:

— А если он выиграет, с ним ничего не случится?

— Именно так, — снова кивнул Бимон.

Дженет Генри перевела дыхание. Ее губы дрожали так, что слова вылетали изо рта скачками:

— А он победит?

— По-моему, да.

— И тогда будет неважно, сколько доказательств против него? Он... — голос девушки надломился, — тогда он будет в безопасности?

— Он не пойдет на стул, — ответил Бимон, неожиданно выпрямившись. Он прикрыл глаза, открыл их и устремил взгляд в напряженное, бледное лицо Дженет Генри. В его глазах заиграл веселый огонек, радость разлилась по его лицу. Он засмеялся — не громко, но абсолютно восторженно, встал и воскликнул: — Сама Юдифь!

Притихшая Дженет сидела и смотрела на него кариными глазами, на бесстрастном бледном лице читалось непонимание.

Бимон беспорядочно заходил по комнате и заговорил со счастливым видом — не с Дженет Генри, хотя время от времени он с улыбкой оборачивался к ней.

— Такой эта игра, конечно же, и была, — сказал он. — Эта девушка способна была выносить Пола, быть

с ним вежливой, чтобы обеспечить отцу необходимую политическую поддержку, правда, лишь до известных пределов. Или в той мере, в какой это вообще было нужно, потому что Пол был так влюблен в нее. Но когда она пришла к выводу, что Пол убил ее брата и мог спастись от наказания, буде он... Замечательно! И дочь и возлюбленная пытаются отправить Пола на электрический стул. Ох, и везет ему с женщинами. — Теперь в руке Бимона была тоненькая бледно-зеленая пятнистая сигара.

Он остановился перед Дженет Генри, отрезал кончик сигары и сказал не тоном обвинителя, но как бы делясь с ней своими мыслями:

— Это вы посылали анонимные письма. Конечно же, вы. Они были напечатаны на машинке в той комнате, где встречались ваш брат и Оупэл. У Тейлора был ключ, и у Оупэл был ключ. Оупэл не могла быть автором этих писем, потому что они вывели ее из себя. Их писали вы. Взяли ключ Тейлора, когда полиция передала его вместе со всеми остальными вещами вам и вашему отцу, прокрались в ту комнату и написали. Очень мило. — Он снова заходил по комнате. — Ладно, придется посоветовать сенатору пригласить нескольких медсестер поздравить и запереть вас с вашим нервным потрясением в вашу комнату. Это становится эпидемией среди дочерей наших политиков, но мы должны обеспечить благополучный исход выборов, даже если в каждом доме нашего города будет по пациентке. — Он обернулся и приветливо улыбнулся Дженет Генри.

Девушка поднесла руку к горлу. И замерла в оцепенении. Она не могла говорить.

— По счастью, с сенатором мудрить не придется. Его ничто и никто — ни вы, ни умерший сын — не интересует так, как возможность быть переизбранным, и он знает, что без Пола ему этой возможности не видать как своих ушей. — Бимон рассмеялся. — Именно это и заставило вас сыграть роль Юдифи, а? Вы знали, что ваш отец не откажется от Пола прежде, чем не добьется победы на выборах — даже если будет считать его виновным. Ну, это утешительные сведения для нас.

Когда Бимон прервался, чтобы зажечь сигару, заговорила Дженет Генри. Она сложила обе руки на коленях. Девушка сидела прямо, но вполне естественно. Она сказала:

— Я не умею
Эти письма писали
Нед вынул ли
чику в форме ли
был серьезен, но
— Вы ненавиди
ставил вам доказа
вы бы все равно не
— Да, — ответ
ми карими глаза
наверное, ненави
— Так и есть
не потому, что он
Вы думаете, что
ненавидите его.
— Нет, — Дж
Бимон скептич
— Вы говорил
Девушка заку
Нед опять улы
— И он сказа
Дженет Генри
было что-то ответ
— Если Пол
знает это.
Разглядывая
бесцветным несч
— Мой отец
хочет этому вер
— Да, долж
лись. — Пол в
и Оупэл?
Дженет Генри
— Разве вы
— Нет.
— Это не
Оупэл, — сказа
тыкались друг
дверь и резко
ный грудной ст
нет Генри сно
него и просите
Можем мы уви
— Да.
9*

— Я не умею лгать. Я знаю, что Пол убил Тейлора. Эти письма писала я.

Нед вынул сигару изо рта, снова подошел к диванчику в форме лиры и сел лицом к Дженет Генри. Он был серьезен, но невраждебен.

— Вы ненавидите Пола, так? Даже если бы я представил вам доказательства, что он не убивал Тейлора, вы бы все равно ненавидели его, так?

— Да, — ответила Дженет Генри, твердо глядя своими карими глазами в еще более темные глаза Бимона, — наверное, ненавидела бы.

— Так и есть, — сказал он. — Вы ненавидите его не потому, что он, как вы полагаете, убил вашего брата. Вы думаете, что он убил вашего брата, потому что вы ненавидите его.

— Нет, — Дженет Генри медленно покачала головой. Бимон скептически улыбнулся:

— Вы говорили об этом с отцом?

Девушка закусил губу и слегка покраснела.

Нед опять улыбнулся.

— И он сказал вам, что это смешно.

Дженет Генри покраснела еще больше. Она хотела было что-то ответить, но сдержалась.

— Если Пол убил вашего брата, то ваш отец знает это.

Разглядывая свои сложенные руки, Дженет сказала бесцветным несчастным голосом:

— Мой отец должен был бы это знать, но он не хочет этому верить.

— Да, должен был знать. — Глаза Бимона сузились. — Пол в тот вечер говорил что-нибудь о Тейлоре и Оупэл?

Дженет Генри удивленно вскинула голову:

— Разве вы не знаете, что случилось в тот вечер?

— Нет.

— Это не имело никакого отношения к Тейлору и Оупэл, — сказала девушка так горячо, что ее слова спотыкались друг за друга. — Это... — Она посмотрела на дверь и резко оборвала себя. Из-за двери донесся звонкий грудной смех и звук приближающихся шагов. Дженет Генри снова повернулась к Бимону, посмотрела на него и просительно подняла руки. — Мне надо поговорить с вами, — сказала она с отчаянной серьезностью. — Можем мы увидаться завтра?

— Да.

— Где?

— У меня? — предложил Нед Бимон.

Дженет быстро кивнула, Бимон успел пробормотать свой адрес, Дженет Генри — прошептать: «После десяти?», а Нед Бимон кивнуть, прежде чем сенатор Генри и Пол Мэдвиг вошли в комнату.

2

В половине одиннадцатого Пол Мэдвиг и Нед Бимон пожелали хозяевам доброй ночи и сели в коричневый седан, который Мэдвиг повел вниз по Чарльз-стрит. Проехав полтора квартала, Мэдвиг удовлетворенно выдохнул и сказал:

— Господи, Нед, до чего мне приятно, что вы так мило ладите с Дженет.

Бимон краем глаза посмотрел на приятеля в профиль и заметил:

— Я могу поладить с кем угодно.

Мэдвиг усмехнулся.

— Да уж, — сказал он примиряюще, — дьявольское умение.

Губы Бимона скривились в легкой загадочной улыбке:

— У меня есть дельце, о котором я хочу переговорить с тобой завтра. Где ты будешь после обеда?

— В конторе, — Мэдвиг свернул на Чарльз-стрит. — Завтра первое число. Почему бы тебе не сказать сейчас? Еще целый вечер впереди.

— Я еще не все знаю. Как дела у Оупэл?

— Нормально, — ответил Мэдвиг мрачно и воскликнул: — Господи! Как бы мне хотелось разозлиться на эту девчонку! И как бы это облегчило мне жизнь. — Они проехали мимо уличного фонаря. Мэдвиг выпалил: — Она не беременна.

Бимон ничего не ответил. Лицо его было бесстрастно.

Мэдвиг сбавил скорость, когда приблизился к «Срубу». Он вдруг покраснел и спросил хрипло:

— Как ты думаешь, Нед, Оупэл была, — он громко кашлянул, чтобы прочистить горло, — любовницей Тейлора? Или это просто поза и девчоночья игра?

— Я не знаю. Мне это безразлично. Не спрашивай ее об этом, Пол.

Мэдвиг остановил седан и, глядя перед собой, мгно-

зенье сидел за рулем молча. Потом опять кашлянул и ровным сиплым голосом сказал:

— В мире бывают люди и похуже тебя, Нед.

— Угу, — согласился Нед Бимон, когда они вылезли из машины.

Они вошли в клуб и под портретом губернатора на лестничной площадке второго этажа, коротко простившись, разошлись. Нед Бимон направился в маленькую комнату на задней части дома, где пятеро мужчин играли в покер, а трое наблюдали за игрой. Игроки освободили ему место за столом, и к трем часам, когда игра закончилась, он выиграл примерно четыреста долларов.

3

Был почти полдень, когда Дженет Генри пришла в квартиру Неда Бимона. Он уже больше часа мерял комнату шагами, по очереди кусая ногти и куря сигары. Когда Дженет Генри позвонила, он не спеша подошел к двери, открыл ее и сказал с улыбкой, выражающей легкое, но приятное удивление:

— Доброе утро!

— Мне страшно жаль, что я опоздала, — начала девушка, — но...

— Но вы же не опоздали, — успокоил ее Нед Бимон. — Вы должны были прийти в любое время после десяти.

Он проводил девушку в комнату.

— Мне здесь нравится, — сказала она, медленно поворачиваясь и разглядывая старомодную комнату, высокий потолок, широкие окна, большое зеркало над камином и мебель, обитую красным плюшем. — Это чудесно. — Она устремила глаза на полуприкрытую дверь. — А там ваша спальня?

— Да. Хотите взглянуть?

— С удовольствием.

Нед показал ей спальню, а потом кухню и ванную.

— Квартира само совершенство, — сказала Дженет, когда они вернулись в гостиную. — Я и не знала, что в городе, который стал таким до противного современным, как наш, еще бывает такое.

Бимон принял похвалу с легким поклоном.

— Я тоже думаю, что квартира довольно уютна, и, как видите, никто здесь не подслушивает, если не забрался в какой-нибудь шкаф, что мало вероятно.

Дженет выпрямилась и посмотрела в глаза Неду Бимону.

— Об этом я и не думала. У нас могут быть разногласия, мы даже можем стать врагами, но я знаю, что вы джентльмен, иначе я не пришла бы сюда.

— Вы хотите сказать, — весело спросил Бимон, — что я научился не надевать к синему костюму коричневые башмаки? Что-нибудь в этом роде?

— Я не хочу сказать ничего такого.

— Тогда вы ошибаетесь, — улыбнулся Бимон. — Я игрок и оруженосец политика.

— Я не ошибаюсь. — В глазах Дженет Генри появилось молящее выражение. — Пожалуйста, давайте не будем ссориться, по крайней мере, не раньше, чем нам придется это сделать.

— Простите. — Теперь он улыбнулся, извиняясь. — Вы не присядете?

Она села. Нед опустилсЯ напротив нее в другое красное кресло и сказал:

— Вы должны были рассказать мне, что случилось у вас дома в тот вечер, когда был убит ваш брат.

«Да», произнесенное Дженет Генри, было едва слышно. Она порозовела и уставилась в пол. Когда она снова подняла глаза, в них была робость. Ее голос прерывался от неловкости.

— Я хотела, чтоб вы знали. Вы друг Пола, и это... это может сделать вас моим врагом, но... я думаю, когда вы узнаете, что случилось... когда вы будете знать правду... тогда вы не будете... по крайней мере, моим врагом. Я не знаю. Может быть, вы... Но вы должны знать. Тогда вы сможете решить. А он ничего вам не рассказывал? — Дженет посмотрела на Неда Бимона так пристально, что даже робость вдруг исчезла из ее взгляда. — Или рассказывал?

— Я не знаю, что случилось у вас дома в тот вечер, — отчеканил Бимон. — Пол ничего не говорил мне.

Дженет легким движением наклонилась к нему и спросила:

— Разве это не доказывает — ему есть что скрывать, он должен что-то скрыть?

— Допустим, доказывает. — Бимон пожал плечами. В его голосе не было ни волнения, ни воодушевления.

— Но вы должны понять... — Дженет нахмурилась. — Ладно, оставим сейчас это. Я расскажу вам,

что случилось, и вы сами увидите. — Она все еще сидела, сильно наклонившись вперед, напряженный взгляд ее карих глаз был нацелен в лицо Неда Бимона. — Пол пришел на ужин. Это было первый раз, когда мы пригласили его на ужин.

— Это я знал, — сказал Нед Бимон, — а вашего брата там не было.

— Тейлора не было за столом, — невозмутимо поправила его девушка, — но он был наверху, у себя. Кроме отца, Пола и меня, за столом не было никого. Тейлор собирался уйти и поужинать вне дома. Он... он не хотел сидеть за одним столом с Полом, потому что они поссорились из-за Оупэл.

Нед кивнул со вниманием, без всякой теплоты.

— После ужина мы с Полом немного посидели вдвоем в той... той комнате, где я вчера вечером разговаривала с вами, и вдруг он обнял и поцеловал меня.

Бимон вдруг засмеялся — негромко, но с неудержимой веселостью.

Дженет Генри удивленно посмотрела на него.

Он умерил свой смех до улыбки и сказал:

— Извините. Рассказывайте дальше. Потом я скажу вам, что меня насмешило. — Но едва девушка собралась продолжить, он добавил: — Погодите. А Пол сказал что-нибудь, когда поцеловал вас?

— Нет. То есть, может быть, и сказал, но ничего такого, что я поняла бы. — Ошеломление все больше проявлялось на лице Дженет Генри. — Почему вы об этом спросили?

Неда снова одолел приступ смеха.

— Он должен был сказать что-нибудь о фунте человеческого мяса. Это, наверно, я виноват. Я пытался убедить его, чтобы он не поддерживал на выборах вашего отца, сказал ему, что ваш отец использует его как приманку, чтобы получить поддержку, и посоветовал ему, если он готов таким образом продаться, то ему нужно потребовать свой фунт человеческого мяса до выборов, иначе он останется с носом.

Глаза Дженет Генри увеличились, теперь ошеломления в них было меньше.

— Это было в тот самый день после обеда, хотя мне казалось, что мои слова не произвели на него особого впечатления. — Он наморщил лоб. — Что вы ему сделали? Он собирался жениться на вас, испытывал к вам глубочайшее уважение и прочее подобное. Вы долж-

ны были очень сильно погладить его против шерсти, чтобы заставить так наскочить на вас.

— Ничего я ему не сделала, — медленно ответила Дженет Генри, — но вечер был трудный. Никто из нас не чувствовал себя в своей тарелке. Я думала... я пыталась не показать ему, что... ну да... что мне не нравится его оболящать. Я знаю, что он не чувствовал себя свободно, и я думаю, что... его неловкость... и, возможно, подозрение, что вы были правы, заставили его... — Вместо того чтобы закончить фразу, она быстро и коротко развела руками.

Бимон кивнул.

— И что же случилось потом?

— Я, конечно, была в бешенстве и ушла.

— Вы ничего ему не сказали? — В глазах Неда сверкало недостаточно скрытое веселье.

— Нет, и он тоже не сказал ничего членораздельного. Я поднялась по лестнице и столкнулась с отцом, который как раз спускался. Пока я рассказывала ему, что случилось, — я была так же зла на отца, как на Пола, потому что это отец был виноват в том, что Пол оказался у нас, — мы услышали, как он выскочил из дома. А потом Тейлор вышел из своей комнаты. — Дженет побледнела, напряглась, голос ее от волнения охрип. — Он слышал, как я говорю с отцом, и спросил меня, что произошло, но я оставила их с отцом вдвоем и ушла к себе, потому что была слишком злой, чтобы продолжать говорить об этом деле. Больше я ни одного из них не увидела до тех пор, пока отец не появился у меня в комнате и не сказал, что Тейлора... убили. — Девушка кончила, лицо ее было белое, выгнув сплетенные пальцы, она смотрела на Бимона и ждала, как тот отреагирует на ее рассказ.

Он отреагировал спокойным вопросом:

— Ну и что?

— И что? — повторила ошеломленная Дженет Генри. — Вы что, не понимаете? Как я после этого могла не понять, что Тейлор кинулся за Мэдвигом и Пол убил его? Он был вне себя от ярости... — Лицо девушки ожило. — Вы знаете, что его шляпу не нашли. Он слишком спешил... и был слишком зол... чтобы надеть шляпу. Он...

Нед Бимон медленно покачал головой.

— Нет, — с непоколебимой уверенностью перебил он ее рассказ. — Тут не сходится. Полу не было нужды

убивать Тейлора, да он и никогда не сделал бы этого. Он мог бы одной левой побить Тейлора. Он не теряет голову в драке. Это я знаю. Я видел, как он дерется, и сам дрался с ним. Тут не сходится. — Взгляд Неда Бимона остановился, он сощурился. — Но допустим, что он убил Тейлора. Нечаянно, хотя я не могу и в это поверить. Вы смогли бы счесть это большим, нежели самооборона?

Дженет презрительно подняла голову.

— Если бы он только защищался, зачем ему надо было бы это скрывать?

На Бимона, казалось, этот вопрос не произвел никакого впечатления.

— Пол хочет жениться на вас, — объяснил он. — Ему не пошло бы на пользу признание, что он убил вашего брата, даже если... — Он усмехнулся. — Я уже начинаю думать, как вы. Пол не убивал его, мисс Генри.

Взгляд Дженет Генри был таким же холодным, как недавно у Неда Бимона... Она смотрела на него, не говоря ни слова.

На лице Неда появилось раздумье.

— То, что ваш брат бросился в тот вечер за Полом, ничего не говорит вам, — он пошевелил пальцами на руке, — кроме как два плюс два, которые вы по-своему сложили.

— Этого достаточно, — убежденно произнесла Дженет. — Он сделал это. Он должен был это сделать. Иначе... как бы он попал с непокрытой головой на Чайна-стрит?

— Ваш отец не видел, как он вышел?

— Нет. Отец и не знал об этом ничего до того, как мы встретились...

— Он думает так же, как вы? — перебил ее Бимон.

— Он должен так думать! — воскликнула Дженет Генри. — Это совершенно очевидно. Он должен так думать, что бы он ни говорил, и вы тоже должны так думать. — На глаза ее навернулись слезы. — И не заставляйте меня поверить в то, что вы так не думаете, мистер Бимон. Я не имею представления о том, что вы знали прежде. Вы нашли Тейлора мертвым. Я не знаю, что еще вы нашли, но теперь вы должны знать правду.

У Неда задрожали руки. Он откинулся настолько, чтобы сунуть их в карманы брюк. Лицо его оставалось спокойным, не считая бороздок, появившихся вокруг рта.

— Я нашел его мертвым. Никого и ничего больше там не было. Я ничего не обнаружил.

— Теперь обнаружили, — выдохнула Дженет Генри. Губы у Бимона под усами дрогнули. В глазах вспыхнул недобрый огонек. Низким, хриплым, намеренно горьким тоном он произнес:

— Я знаю, что тот, кто убил вашего брата, оказал миру услугу.

Дженет отодвинулась на своем сиденье назад и поднесла руку к шее, но почти тут же выражение ужаса исчезло с ее лица. Она выпрямилась и, сочувственно посмотрев на Бимона, мягко сказала:

— Я знаю. Вы друг Пола. Это причиняет вам боль. Нед чуть склонил голову и пробормотал:

— Говорить так — бестактно и глупо. — Он криво улыбнулся. — Как видите, я был прав, когда сказал, что я не джентльмен. — Он перестал улыбаться, и чувство стыда утонуло в его глазах, которые сделались ясными и твердыми. Он спокойно добавил: — Вы правы, я друг Пола. Я буду его другом, кого бы он ни убил.

Дженет Генри долго и сосредоточенно смотрела на него, потом сказала тихим бесцветным голосом:

— Значит, все это было напрасно? Я думала, что если сумею доказать вам правду... — Она оборвала себя жестом полной безнадежности, в котором участвовали руки, плечи и голова.

Бимон медленно покачал головой.

Вздыхнув, Дженет встала и протянула ему руку:

— Мне жаль, и я разочарована, но нам не следует быть врагами, верно?

Поднялся и Бимон; но руки не принял.

— Та часть вас, которая настроена против Пола и пытается причинить ему зло, — мой враг.

Не убирая руки, Дженет спросила:

— А та часть, которая ко всему этому не имеет отношения?

Нед Бимон взял ее руку и склонился над ней.

4

Когда Дженет Генри ушла, Бимон подошел к телефону, позвонил и сказал:

— Алло, это Бимон. Мистер Мэдвиг уже пришел?.. Когда придет, скажите ему, пожалуйста, что я звонил и приду. Да, благодарю.

Он взглянул на наручные часы. Чуть больше часа. Зажег сигару, сел у окна и, попыхивая, внимательно разглядывал серую церковь на противоположной стороне улицы. Над его головой от оконного стекла волоклись серые клубы сигарного дыма. Он грыз кончик сигары. Так он просидел минут десять. Зазвонил телефон.

Он подошел.

— Алло... Да, Гарри... Это верно. Ты где?... Я спущусь в город. Жди меня там... Через полчаса... Прекрасно.

Он бросил сигару в камин, надел плащ и шляпу и вышел. Пешком он дошел до ресторана в двух кварталах от дома, съел там салат и французскую булочку, выпил чашку кофе; отправился в небольшой отель «Мажестик», расположенный в четырех кварталах, и поднялся на лифте до четвертого этажа. Лифтер был небольшого росточка, назвал его Недом и спросил, что он думает о третьем забеге.

— Лорд Байрон разберется со всеми, — немного подумав, ответил Бимон.

— По-моему, ты ошибаешься, — возразил лифтер. — Я поставил на Пайп-Оргэн.

— Возможно, — пожал плечами Нед, — но у этой лошади тяжеловат корпус. — Он подошел к двери 417 номера и постучал.

Гарри Слосс в одной рубашке открыл дверь. Это был тридцатипятилетний человек, невысокий и кряжистый, с широким бледным лицом и лысоватой головой.

— Минута в минуту, — сказал он. — Заходи.

Когда Слосс закрыл дверь, Бимон спросил:

— Что тебя мучает?

Хозяин номера подошел к кровати и сел. Озабоченно хмурясь, он посмотрел на Бимона.

— Не нравится мне это дело, Нед.

— Какое дело?

— Разговор, с которым Бен пошел к городскому начальству.

— Ладно, — раздраженно изрек Бимон. — В любое время, когда будешь готов рассказать мне, о чем ты думаешь, я буду готов тебя выслушать.

Слосс поднял широкую бледную руку.

— погоди, Нед, я расскажу тебе, в чем дело. Ты только слушай. — Он сунул руку в карман за сигаретой и вынул мятую пачку. — Ты помнишь тот вечер, когда прикончили этого Тейлора?

«Угу» Неда Бимона прозвучало вполне беспечно.

— Ты помнишь, что мы с Беном пришли в клуб в то самое время, когда появился ты?

— Да.

— Отлично, тогда слушай: мы видели, как Пол и тот парень собачились там под деревьями.

Бимон провел ногтем большого пальца по усам и медленно, с растерянным выражением заметил:

— Но я же видел, как вы вылезали из машины возле клуба — это было сразу после того, как нашли Тейлора, — а вы ехали с другой стороны. — Он пошевелил указательным пальцем. — А Пол был в клубе еще до вас.

— Все так, — Слосс энергично кивнул большой головой. — Но мы искали на другом конце Чайна-стрит Пинки Клейна, его не было, мы повернули и поехали в клуб.

Нед кивнул.

— Что же вы видели?

— Мы видели, как Пол и Генри стояли там под деревьями и собачились.

— Вы видели это, проезжая мимо?

Слосс опять энергично кивнул.

— Место было темное, — напомнил ему Бимон. — Не представляю, как вы могли увидеть их лица, если специально не сбавили скорость или не остановились.

— Нет, этого мы не сделали, но Пола я узнаю где хочешь, — убежденно заявил Слосс.

— Возможно, но откуда тебе знать, что с ним был именно Генри?

— Был. Наверняка. Уж столько-то мы разглядели.

— И вы видели, что они ссорились? Что ты этим хочешь сказать? Они дрались?

— Нет, но они стояли так, словно чего-то не поделили. Ты же знаешь, иной раз люди стоят так, что видно — грызутся.

Бимон улыбнулся без малейшего признака веселости.

— Согласен, если один стоит ногами у другого на физиономии. — Улыбка пропала. — И с этими рассказами Бен отправился в магистрат?

— Да. Не знаю, пошел он добровольно или Фарр каким-то образом пронюхал и прислал кого-то за ним, но, как бы там ни было, он выложил Фарру все. Это было вчера.

— А как ты услышал обо всем этом, Гарри?

— Фарр разыскивает меня, — сказал Слосс. — Так я и узнал. Бен ляпнул ему, что мы были вдвоем, и прокурор дал мне знать, чтобы я заглянул к нему, но я не хочу участвовать в этом деле.

— И я надеюсь на это, Гарри. Что ты намерен сказать, если Фарр до тебя доберется?

— Я постараюсь не дать ему добраться до меня. Об этом я и хотел с тобой посоветоваться. — Слосс откашлялся и облизал губы. — Я подумал, что вернее всего мне на недельку-другую исчезнуть из города, пока это дело уляжется, но тут потребуется немного денег.

Нед Бимон улыбнулся и покачал головой.

— Это было бы неверно, — сказал он коренастому собеседнику. — Если ты хочешь помочь Полу, пойди и расскажи Фарру, что ты не узнал этих двоих, которые были под деревом, и что, по-твоему, никто не мог бы узнать их, сидя в твоей машине.

— Хорошо, я это сделаю, — живо отозвался Слосс, — но послушай, Нед, я должен что-нибудь получить за это. Это рискованное дело и... ну да... сам знаешь, такие дела.

Бимон кивнул:

— После выборов мы пристроим тебя на тепленькое местечко, где ты будешь показываться всего на час в день.

— Это было бы... — Слосс встал. Взгляд его светлых глаз с зелеными пятнышками был просителен. — Знаешь, Нед, я сейчас на мели. Нельзя ли вместо этого получить немного наличными? Мне это нужно позарез.

— Может быть. Я поговорю с Полом.

— Сделай это, Нед, и позвони мне.

— Непременно. Будь здоров.

5

Из «Мажестика» Бимон отправился в магистрат, где находилась окружная прокуратура, и заявил, что хочет видеть мистера Фарра.

Круглолицый юноша, к которому он обратился, вышел из приемной и через минуту вернулся с извиняющимся выражением лица:

— Очень жаль, мистер Бимон, но мистера Фарра нет.

— Когда он будет?

— Не знаю. Секретарь говорит, что он не сообщил об этом.

— Я, пожалуй, рискну и подожду в его кабинете. Юноша заступил ему дорогу:

— О, этого вы не можете...

Бимон улыбнулся юноше самой очаровательной из своих улыбок и спросил учтиво:

— Тебе не нравится твоя работа, сынок?

Юноша заколебался, потоптался и отступил в сторону. По длинному внутреннему коридору Бимон подошел к двери кабинета окружного прокурора и открыл ее.

Фарр взглянул на него из-за своего стола и вскочил:

— Так это были вы? — воскликнул он. — Черт бы побрал этого мальчишку. Вечно он все путает. Сказал о каком-то мистере Баумане.

— Ничего не случилось, — заметил любезно Бимон. — Я вошел.

Он позволил прокурору пожать ему руку и проводить к стулу. Когда они сели, Нед как бы мимоходом спросил:

— Что новенького?

— Ничего, — Фарр сунул большие пальцы в карманы жилета и поставил свой стул на задние ножки. — Все та же рутина, один Бог знает, как ее много.

— Как дела с выборами?

— Могли бы быть и получше, — по сварливому лицу окружного прокурора промелькнула тень, — но я думаю, мы справимся.

Бимон по-прежнему говорил как бы между прочим.

— А что там такое?

— Да так. То одно всплывает, то другое. Наверное, в политике всегда так.

— Я могу чем-нибудь помочь или Пол? — спросил Нед и добавил, когда Фарр покачал своей головой, покрытой рыжей щетиной: — Слухи, что Пол имеет отношение к убийству Генри, вызывают самые большие трудности?

В глазах Фарра промелькнул страх, который исчез, когда он моргнул. Прокурор выпрямился на стуле.

— Ну, — начал он осторожно, — многие считают, что мы должны были бы уже раскрыть это убийство. Вот одна из трудностей — быть может, одна из самых серьезных.

— С того времени, как мы виделись, у вас есть успехи? Получили какие-нибудь новые данные?

Фарр покачал головой. Взгляд у него был настороженный.

— В известном отношении вы все еще тянете резину? — Бимон сухо улыбнулся.

Окружной прокурор подвинулся на своем стуле.

— М-м, да, конечно, Нед.

Бимон одобрительно кивнул. Глаза его горели злостью. Голос зазвучал издевательски:

— В отношении Бена Ферриса вы тоже тянете резину?

Рот Фарра с короткой нижней губой открылся и закрылся. Он пожевал губами. Глаза его после первого испуга сделались невыразительными:

— Нед, я не знаю, есть ли вообще что-либо в истории с Феррисом или нет. Вероятно, нет. И я не считал ее настолько важной, чтобы сообщить вам об этом.

Нед Бимон презрительно улыбнулся.

— Вы знаете, ничего важного я не скрываю от вас с Полом. Настолько-то вы меня знаете.

— Мы знали вас, пока вы не стали нервничать, — ответил Бимон. — Но это несущественно. Если вам нужен человек, который был с Феррисом в машине, вы найдете его в данный момент в отеле «Мажестик», номер 417.

Фарр увлекся своим зеленым письменным прибором, на котором меж двух косо торчащих ручек танцующая фигурка держала в воздухе самолетики. Лицо у него пошло желваками. Прокурор молчал.

Бимон встал со стула. Улыбаясь тонкими губами, он сказал:

— Полу всегда приятно выручать ребят из беды. Как по-вашему, пошло бы на пользу делу, если бы он позволил арестовать себя в связи с убийством Тейлора Генри и отдать под суд?

Фарр не сводил глаз с зеленого чернильного прибора. С настойчивостью, достойной лучшего применения, он заявил:

— Не моя забота говорить Полу, как ему поступать.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Бимон. Он перегнулся через стол, его лицо оказалось возле уха окружного прокурора, он понизил голос до доверительного шепота: — И рядом с ней лежит другая такая же славная. Не ваша забота делать хоть что-то, о чем Пол не сказал, что вам это надо сделать.

С улыбкой он вышел, но перестал улыбаться, как только оказался за дверью.

ГЛАВА VIII

КОНЕЦ

1

Нед Бимон открыл дверь с вывеской «Восточная государственная строительная компания», поздоровался с двумя молодыми дамами, которые сидели за письменными столами, прошел все большое помещение, в котором находилось полдюжины мужчин, перебросился с ними несколькими словами и толкнул дверь, на которой висела табличка: «Посторонним вход запрещен». Он вошел в комнату, где за поцарапанным письменным столом сидел Пол Мэдвиг и рассматривал бумаги, которые по одной выкладывал почтительно склонившийся над его плечом низкорослый мужчина.

Мэдвиг поднял голову:

— Привет, Нед. — Он отодвинул бумаги и сказал своему служащему: — Немного погода принесите всю эту макулатуру обратно.

Тот собрал все бумаги и, сказав: «Да, сэр» и «Добрый день, мистер Бимон», — вышел из комнаты.

— Ты выглядишь так, словно провел тяжелую ночь. Что ты делал? Присаживайся.

Бимон снял плащ. Положил его на стул, сверху бросил шляпу и вытащил из кармана сигару.

— Нет, у меня все в порядке. Что нового у тебя? — Он сел на угол исцарапанного стола.

— Я бы хотел, чтобы ты поговорил с Мак-Лафлином, — сказал Пол. — Если вообще кто-нибудь может с ним совладать, так это ты.

— Хорошо. А что с ним?

— Бог его знает! — Мэдвиг скорчил гримасу. — Я думал, он у меня в руках, а он начал фокусничать.

Темные глаза Бимона мрачно заблестели. Он посмотрел вниз и сказал:

— А-а, и он тоже?

— Что ты хочешь этим сказать, Пол? — после минутного колебания спросил Мэдвиг.

— Все ли идет так, как тебе нужно? — вопросом на вопрос ответил Нед.

Мэдвиг в нетерпении пожал своими широкими плечами, но сомнение так и осталось в его глазах:

— Если все идет плохо, так это известно одному

только дьяволу, — сказал он. — Надо будет — обойдемся и без полосов Мак-Лафлина.

— Может быть, — губы Неда растянулись в ниточку, — но мы не можем терять голоса до бесконечности. — Он сунул сигару в угол рта. — Ты знаешь, что наше положение сейчас не так хорошо, как две недели назад.

Мэдвиг с примиряющей улыбкой посмотрел на него.

— Господи, как тебе нравится причитать, Нед! Ты когда-нибудь бываешь чем-нибудь доволен? — Он не стал ждать ответа и мягко продолжил: — У меня еще никогда не было такой избирательной кампании, чтобы в какой-то момент не казалось, что все летит к черту. Но ничего страшного не случается.

Бимон закурил наконец свою сигару, выпустил дым и ответил:

— Это не значит, что так будет всегда. — Он нацелился сигарой в Мэдвига. — Если немедленно не найдут убийцу Тейлора Генри, тебе не придется переживать за избирательную кампанию. Кто бы ни выиграл, ты в любом случае погоришь.

Голубые глаза Мэдвига сделались непроницаемыми. На лице же не дрогнул ни один мускул. И голос звучал так же, как и прежде.

— Что ты хочешь этим сказать, Нед?

— В городе все считают, что ты убил его.

— Да? — Мэдвиг поднес руку к подбородку и задумчиво потер его. — Не волнуйся. Обо мне и раньше говорили всякое.

Бимон прохладно засмеялся и насмешливо-восхищенно спросил:

— Есть вообще хоть что-то, чего с тобой еще не было? Ты когда-нибудь лечился электричеством?

— Нет, — прыснул Пол, — и не собираюсь.

— В настоящий момент ты не очень далеко от этого, — остудил его Бимон.

Мэдвиг все смеялся.

— Боже мой! — издевательски насмешливо проговорил он.

— Ты не спешишь? — спросил Бимон, пожимая плечами. — Я со своими глупостями не злоупотребляю твоим временем?

— Я слушаю тебя, — спокойно ответил Мэдвиг. — Это занятие мне еще ни разу не повредило.

— Большое спасибо, сэр. Как, по-твоему, почему Мак-Лафлин начал суетиться?

Мэдвиг покачал головой.

— Он считает, что тебя побили, — сказал Нед Бимон. — Все знают, что полиция даже не пыталась искать убийцу Тейлора Генри, и, по общему мнению, причина в том, что его убил ты. Мак-Лафлин считает, что этого уже достаточно для твоего поражения на выборах.

— Да? Он думает, что во главе магистрата предпочтут видеть не меня, а Шеда? Он думает, что если меня подозревают в одном-единственном убийстве, то моя репутация хуже, чем Шеда?

— Ты или сам обманываешься, или пытаешься обмануть меня. — Бимон смотрел на него исподлобья. — При чем тут репутация Шеда? Он не поддерживает открыто своих кандидатов. А ты поддерживаешь, и твои кандидаты ответят за то, что ничего не сделано для поимки убийцы Тейлора.

Мэдвиг опять подставил руку под подбородок и оперся локтем о стол. На его дородном лице не было ни единой морщинки.

— Мы много говорили о том, что думают другие, Нед. Давай теперь поговорим о том, что думаешь ты. Тебе кажется, я побит?

— Видимо, да, — тихо и твердо сказал Нед. — И будешь побит наверняка, если станешь сидеть сложа руки. — Он улыбнулся. — Но у твоих кандидатов все должно сложиться хорошо.

— Это, — флегматично заметил Мэдвиг, — нуждается в объяснении.

Бимон наклонился вперед и аккуратно стряхнул пепел в латунную плевательницу, стоявшую возле стола. Потом безразличным тоном сказал:

— Они поставят на тебе крест.

— Да?

— А почему бы и нет? Ты позволил Шеду оттягать у тебя из-за спины много дряни. Ты надеешься победить на выборах при поддержке порядочных людей, сливок общества. Но они начинают на тебя коситься. Твои кандидаты разыгрывают спектакль: арестовывают тебя как убийцу, и порядочные граждане — в восторге от благородных чиновников, которые оказались настолько смелыми, чтобы упрятать за решетку собственного босса, раз он нарушил закон, — затопчут друг друга, пытаясь как можно скорее подойти к урнам и выбрать этих

героев на все городские посты еще на четыре года. Ты не должен за это сердиться на своих ребят. Они знают, что, если они это сделают, все у них пойдет хорошо, а если не сделают — они останутся без работы.

Мэдвиг убрал руку от подбородка:

— Ты не очень рассчитываешь на их корректность, Нед?

— Я рассчитываю на нее столько же, сколько и ты, — улыбнулся Бимон. — Я не строю предположений, Пол. Я сегодня после обеда был у Фарра. — Улыбка его исчезла. — Мне пришлось вломиться туда — он пытался увильнуть от меня. И притворился, что не копается в истории с этим убийством. И попробовал скрыть от меня то, что узнал. А под конец он стал разыгрывать немого. — Нед Бимон состроил губами презрительную гримасу. — Фарр — человек, который у меня всегда был ручным.

— Ну, это только Фарр, — начал Мэдвиг.

— Только Фарр, и это верный признак, — прервал его Бимон. — Рутледж, или Броуди, или Рейни могут подвести тебя по своей воле, но если дергается Фарр, это значит, что он не сомневается в поддержке остальных. — Нед, нахмурившись, смотрел на невозмутимое лицо друга. — Ты в любую минуту можешь перестать мне верить, Пол, если захочешь.

— Я сообщу тебе, когда я это сделаю, — Мэдвиг небрежно пошевелил рукой, которая снова оказалась у подбородка. — Как ты попал к Фарру?

— Сегодня мне позвонил Гарри Слосс. Похоже, он и Бен Феррис в вечер убийства видели, как ты ссорился на Чайна-стрит с Тейлором Генри, или утверждают, что видели, — Нед Бимон посмотрел на Мэдвига бесстрастным взглядом и продолжил деловым тоном: — Бен рассказал об этом Фарру. Гарри хотел получить за молчание деньги. Двое членов твоего клуба готовы тебя продать. Я уже заметил, что Фарр нервничает, и пошел его проверить.

Мэдвиг кивнул:

— Ты уверен, что он хочет всадить мне нож в спину?

— Да.

Мэдвиг встал со стула и подошел к окну. Он стоял там, держа руки в карманах и глядя в окно, минуты три, в то время как Бимон сидел на письменном столе,

курил и разглядывал его широкую спину. Потом Мэдвиг, не обернувшись, спросил:

— Что ты сказал Гарри?

— Уклонился.

Мэдвиг отошел от окна и вернулся к столу, но не сел. Его румяное лицо покраснело еще больше. Других изменений не было. Голос его был ровен.

— Что нам, по-твоему, следует предпринять?

— В отношении Слосса? Ничего. Тот, другой болван уже рассказал Фарру все. Неважно, что сделает Слосс.

— Я не это имел в виду. Я имел в виду всю эту кашу.

Нед Бимон выбросил сигару в плевательницу.

— Я уже сказал тебе. Если немедленно не будет найден убийца Тейлора Генри — ты пропал. Вот и все. Это единственное, что надо предпринять.

Мэдвиг отвел взгляд от Неда Бимона. Он посмотрел на большую ровную стену, сжав свои полные губы. Виски у него вспотели. Глубоким грудным голосом он сказал:

— Это не пойдет. Придумай что-нибудь другое.

Ноздри Неда Бимона двигались в такт его дыханию, а радужная оболочка карих глаз стала почти такой же темной, как зрачки.

— Ничего другого нет, Пол. Все остальное работает на Шеда или Фарра и его людей, при этом любой из них готов тебя уничтожить.

— Должен быть какой-то выход, Нед. Подумай, — теперь голос Мэдвига задрожал.

Нед Бимон встал с письменного стола и остановился перед другом:

— Нет. Это единственный путь. Ты пойдешь по нему, нравится это тебе или нет. Если нет, то я пойду вместо тебя.

Мэдвиг резко покачал головой.

— Нет. Уйди.

— Это единственное, чего я не сделаю для тебя, Пол. Тогда Мэдвиг посмотрел в глаза Бимону и хрипло прошептал:

— Я убил его, Нед.

Бимон глубоко вдохнул и шумно выдохнул.

Мэдвиг положил руки на плечи Бимону, речь его звучала бесцветно и невнятно:

— Это был несчастный случай, Нед. Когда я ушел, он побежал за мной по улице, в руках у него была

трость, которую он прихватил с собой. Мы были... там случилась неприятность перед этим, он догнал меня и хотел побить тростью. Я не знаю, как это получилось, но я выхватил у него эту трость и ударил его по голове... Не сильно... удар не мог быть очень сильным... но он упал и стукнулся головой о край тротуара.

Бимон кивнул. Его лицо не выражало ничего, кроме острого внимания к словам Мэдвига. Напряженно, в полном соответствии с выражением лица он спросил:

— Что стало с этой тростью?

— Я унес ее под плащом и сжег. Когда мне стало ясно, что Тейлор умер и я пошел к клубу, я обнаружил трость у себя в руке, сунул ее под плащ, а потом сжег.

— Как она выглядела?

— Тяжелая шершавая коричневая палка.

— А шляпа Тейлора?

— Не знаю, Нед. Я думаю, она свалилась с его головы, и кто-нибудь поднял ее.

— Он был в шляпе?

— Да, безусловно.

Нед пригладил ногтем большого пальца усы.

— Ты помнишь, как мимо тебя проезжали Слосс и Феррис?

— Нет, — Мэдвиг покачал головой, — но они вполне могли.

Нед Бимон озабоченно посмотрел на своего друга.

— То, что ты убежал с тростью, сжег ее и все время молчал, губит все дело, — проворчал он. — Ты вполне мог отговориться самообороной.

— Я знаю, но я не хотел этого, Нед, — сказал Мэдвиг хрипло. — Я хочу Дженет Генри больше всего на свете, а какие шансы остались бы у меня, даже если бы речь шла всего лишь о несчастном случае?

Нед Бимон рассмеялся Мэдвигу в лицо. Это был тихий и горький смех.

— У тебя было бы больше шансов, чем сейчас, — сказал он.

Мэдвиг пристально посмотрел на него, но промолчал.

— Она всегда считала, что ты убил ее брата. Она ненавидит тебя. Она постарается усадить тебя на электрический стул. Это она первая бросила на тебя подозрение, разослав анонимные письма всем возможным заин-

тересованным лицам. Это она натравила на тебя Оупэл. Сегодня утром она была у меня, рассказала обо всем этом и пыталась настроить меня против тебя. Она...

— Довольно, — остановил его Мэдвиг. Он стоял прямо, взгляд его отливал холодным металлом. — Что это значит, Нед? Или ты сам хочешь заполучить ее или это... — Он оборвал фразу. — Неважно. — Большим пальцем он презрительно указал на дверь. — Вон отсюда, мерзавец, убирайся вон — это конец.

— Я уберусь, когда кончу говорить.

— Ты уберешься, когда тебе скажут. Я больше не верю ни одному твоему слову. И никогда не поверю.

— О'кэй, — ответил Нед, взял плащ и шляпу и вышел.

2

Нед Бимон пришел домой. Лицо у него было бледное и угрюмое. Он сел в одно из больших красных кресел. Рядом с ним стояли бутылка бурбона и рюмка, но пить он не стал. Мрачно глядя на свои ноги в черных башмаках, он грыз ногти. Зазвонил телефон. Он не взял трубку. В комнате начало смеркаться. Было уже сумрачно, когда он подошел к телефону.

Он набрал номер:

— Алло, попросите, пожалуйста, мисс Генри. — После паузы, которую он провел почти беззвучно насвистывая, он сказал: — Алло, мисс Генри?... Да... Я как раз пришел от Пола, я изложил ему все и об этом деле, и о вас... Да, и вы оказались правы. Он сделал точь-в-точь, как вы рассчитывали... — Бимон засмеялся. — Конечно, рассчитывали. Вы знали, что он обзовет меня лжецом, откажется меня слушать, выбросит меня вон, и все это он действительно проделал... Нет, нет, все нормально. Это должно было произойти... Нет, действительно нет... О, очевидно, это надолго. Мы наговорили друг другу такого — обратно не возьмешь... Да, скорее всего весь вечер... Это было бы очень мило... Замечательно. До свидания.

Потом он плеснул в рюмку виски и выпил. После этого пошел в темнеющую спальню, поставил будильник на восемь и, не раздеваясь, лег. Некоторое время он смотрел в потолок. Потом заснул, неравномерно дыша, и спал до тех пор, пока не зазвенел будильник.

Медленно встав, он зажег свет, пошел в ванную, помыл лицо и руки, надел свежий воротничок и зажег камин в гостиной. Когда приехала Дженет Генри, он читал газеты.

Девушка была взволнована. И хотя она с места в карьер стала заверять Бимона, что не предугадывала результатов его рассказа Полу, в ее глазах приплясывало искреннее радостное оживление, и она не могла скрыть улыбки, которая кривила ее губы, выговаривавшие слова извинения.

— Все нормально, — отозвался Бимон. — Мне надо было сделать это, даже если бы я наперед знал, чем оно кончится. И где-то внутри я, очевидно, знал это. И скажи вы мне, что так произойдет, я бы воспринял это как вызов и принял бы его.

Дженет Генри протянула Неду Бимону руки.

— Я довольна, — сказала она. — И не буду притворяться, что это не так.

— А мне жаль, — ответил Нед, беря руку девушки в свою, — но я не сделал бы и шага в сторону, чтобы только избежать этого.

— И вот теперь вы знаете, что я права. Он убил Тейлора. — В глазах девушки был вопрос.

Бимон кивнул:

— Он сказал мне, что сделал это.

— И теперь вы поможете мне? — Девушка стиснула руку Бимона. Она подошла к нему еще ближе.

Бимон заколебался, наморщил лоб и посмотрел сверху вниз в воодушевленное лицо Дженет Генри.

— Это была самооборона или несчастный случай, — медленно заговорил он. — Я не могу...

— Это было убийство! — воскликнула Дженет Генри. — Разумеется, он будет разглагольствовать о самообороне! — Девушка в нетерпении затрясла головой. — И даже если это была самооборона или несчастный случай, разве он не должен предстать перед судом и доказать это, как любой другой человек?

— Он слишком долго медлил. Месяц, который он молчал, говорит против него.

— Ну и кто же виноват? И вы думаете, что он молчал бы так долго, если бы речь шла о самообороне?

Бимон подчеркнуто медленно кивнул.

— Это из-за вас. Он вас любит. Он не хотел, чтобы вы знали, что он убил вашего брата.

— Я знаю это! — в ярости воскликнула девушка. — И все узнают!

Нед Бимон пожал плечами. Лицо его было грустно.

— Так, значит, вы не поможете мне? — спросила Дженет Генри.

— Нет.

— Почему? Вы же с ним разругались.

— Я верю его словам. И понимаю — ему слишком поздно рассказывать об этом на суде. Да, больше мы не друзья, но ничего такого я ему тоже не сделаю. — Нед Бимон облизал губы. — Оставьте его в покое. По всей вероятности, ему это сделают без вашей и моей помощи.

— Не оставлю, — горячилась Дженет. — Я не оставлю его в покое до тех пор, пока он не понесет заслуженное наказание. — Девушка перевела дыхание, и глаза ее потемнели. — Верите ли вы ему настолько, чтобы рискнуть поискать доказательства его лживости?

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Бимон.

— Поможете ли вы мне установить истину независимо от того, лжет Пол или нет? Должны же быть неопровержимые доказательства, которые мы можем найти. И если вы действительно ему верите, то не боитесь помочь мне найти их.

Нед Бимон посмотрел на девушку долгим взглядом, прежде чем спросил:

— Если я возьмусь помочь вам и мы найдем эти ваши неопровержимые доказательства, обещаете ли вы, что примиритесь с ними, какими бы они ни оказались?

— Да, — не раздумывая, ответила Дженет Генри, — если вы пообещаете то же самое.

— И если мы до чего-то докопаемся, вы будете держать это при себе и не используете ничего против Пола, пока мы не кончим работу, прежде чем у нас в руках не будут неопровержимые доказательства?

— Да.

— Договорились, — сказал Нед Бимон.

Счастливая Дженет Генри всхлипнула: у нее на глазах выступили слезы.

— Садитесь, — сказал Бимон. Он осунулся, посуровел, голос был резким. — Мы должны выработать план. Сегодня после обеда или вечером, после нашей ссоры с Полом, вы общались с ним?

— Нет.

— Тогда мы не можем знать точно, как он к вам

сейчас относится. Он мог прийти к выводу, что я был прав. Между ним и мной это уже ничего не изменит — все кончено, — но это нужно установить как можно скорее. — Бимон, нахмурившись, посмотрел на ноги девушки и ногтем большого пальца пригладил усы. — Вам надо подождать, пока он не придет к вам. Вы не можете рисковать и звонить ему. Если он усомнился в вас, это может насторожить его. Насколько вы в нем уверены?

Дженет Генри сидела в кресле у стола.

— Я уверена в нем настолько, насколько женщина вообще может быть уверена в мужчине. — У нее вырвался короткий неловкий смешок. — Я знаю, что это звучит... Но я вполне уверена, мистер Бимон.

Нед Бимон кивнул.

— Тогда тут, очевидно, все в порядке, но завтра это должно быть вам ясно как дважды два. Вы пробовали что-нибудь у него выведать?

— Еще нет, правда, нет. Я ждала...

— Ну, это сейчас отпадает. Как бы вы ни были в нем уверены, теперь вам надо быть крайне осторожной. Вы узнали что-нибудь такое, о чем не говорили мне?

— Нет, — ответила Дженет, покачав головой. — Я не очень хорошо представляла себе, с чего начать. Именно поэтому я хотела, чтобы вы...

— Вам не приходила в голову мысль нанять частного детектива?

— Да, но я боялась, что попаду на человека, который все расскажет Полу. Я не знала, к кому обратиться.

— У меня есть один знакомый, которого мы сможем использовать. — Бимон скользнул пальцами по своим темным волосам. — Сейчас я хочу, чтобы вы помогли мне узнать две вещи. Пропала ли какая-нибудь из шляп вашего брата? Пол говорит, что шляпа на Тейлоре была. Когда я обнаружил его, шляпы там не было. Удастся ли вам установить, сколько шляп у него было и все ли они на месте, — он криво усмехнулся, — за исключением той, которую одолжил я.

Дженет Генри не обратила внимания на улыбку Бимона. Она покачала головой и расстроенно приподняла руку.

— Я не смогу, — сказала она. — Недавно мы ликвидировали все вещи Тейлора, к тому же я сомневаюсь, знал ли кто-нибудь досконально, что у него было.

— Я и не предполагал, — Бимон пожал плечами, —

что тут нас ждет триумф, — заметил он. — Вторая вещь, которая меня интересует — трость. Не пропала ли какая-нибудь из них у Тейлора или у вашего отца? Я имею в виду тяжелую шершавую коричневую трость.

— Это папина, — воодушевилась Дженет, — и я думаю, она цела.

— Проверьте, — Нед Бимон куснул ноготь большого пальца. — Этой работы вам хватит до завтра — этой и, возможно, определения того, как Пол относится к вам.

— А что с ней? — спросила девушка. — Я имею в виду с тростью, — от волнения она встала.

— Пол говорил, что ваш брат напал на него с тростью и ею же был нанесен удар, когда Пол сумел вырвать трость у него из рук. Пол говорит, что взял трость с собой и сжег.

— Да я просто уверена, что все трости отца на месте! — воскликнула Дженет. Лицо у нее побелело, глаза расширились.

— У Тейлора были трости?

— Только одна, с серебряным набалдашником. — Она положила руку на запястье Бимона. — Если все трости на месте — значит...

— Это может кое-что значить, — прервал Бимон и положил свою руку поверх ее руки. — И никаких фокусов, — предупредил он.

— Не буду, — пообещала Дженет Генри. — Если бы вы знали, как мне приятно, что вы мне помогаете, и как мне это нужно, то вы бы поняли и то, что мне можно доверять.

— Я надеюсь на это, — Нед убрал руку.

3

Оставшись один, Нед Бимон походил по комнате: глаза сияли на его напряженном лице. Без двадцати десяти он взглянул на свои часы. Потом надел плащ и пошел в «Мажестик», где ему сказали, что Гарри Слосса нет. Он вышел из отеля, поймал такси, сел в него и произнес: «Уэст-Роуд Инн».

«Уэст-Роуд-Инн» было белое, в ночной темноте — серое, четырехугольное здание, стоявшее в трех милях от границы города, неподалеку от шоссе, среди деревьев. Его нижний этаж был ярко освещен, и перед ним стояла

дюжина машин. Слева, у длинного темного сарая, были еще машины.

Бимон кивнул знакомому портюе и вошел в большой зал, где играл экстравагантный оркестр из трех музыкантов, а человек восемь-десять танцевали. Он прошел между столиками, миновал танцевальную площадку и остановился перед стойкой бара в углу зала. Здесь никого не было.

— Добрый вечер, Нед, — сказал толстый бармен с пористым носом. — Давненько тебя не видел.

— Привет, Джимми. Я вел порядочную жизнь. Один «Манхэттен».

Бармен начал смешивать коктейль. Оркестр прекратил игру. Раздался визгливый женский крик:

— Я не останусь в одном помещении с этим ублюдком Бимоном.

Нед обернулся и оперся спиной на край стойки. Бармен с шейкером в руках замер.

Ли Уилшир стояла посреди танцплощадки, буравя глазами Неда Бимона. Она держала под руку довольно крупного молодого человека в тесноватом синем костюме. Он с довольно глупым видом таращился на Бимона.

— Это жуткая скотина, и если ты его не выкинешь, то уйду я, — визжала Ли.

Народ притих и внимательно следил за происходящим.

Молодой человек побагровел. Чувствовалось, что ему неловко, и его попытка насупиться еще больше усилила это впечатление.

— Я пойду сама и дам ему по уху, если ты этого не сделаешь.

— Привет, Ли, — с улыбкой сказал Бимон. — Ты видела Берни после того, как он удрал?

Ли выругалась и, набычившись, двинулась к нему.

Крепкий молодой человек вытянул руку и остановил Ли.

— Я разберусь с этим ублюдком. — Он поправил воротник пиджака на шее, одернул полы, вышел с танцевальной площадки и встал перед Бимоном. — Какого черта? — требовательно спросил он. — Какого черта ты так разговариваешь с этой молодой дамой?

Нед Бимон смерил молодого человека невозмутимым взглядом и, вытянув правую руку, положил ее на стойку бара ладонью вверх.

— Дай мне чем-нибудь его треснуть, Джимми, — сказал он. — У меня нет настроения махать кулаками.

Рука бармена уже была под прилавком. Она появилась оттуда с небольшой дубинкой, которая аккуратно легла в ладонь Неду. Держа ее в руке, Бимон сказал:

— Этой «даме» говорят разные вещи. Последний человек, с которым я ее видел, называл ее глупой гусыней.

Молодой человек выпрямился и глянул по сторонам:

— Я запомню твою рожу, и когда-нибудь мы встретимся в таком месте, где больше не будет никого. — Он повернулся на каблуках и сказал Ли Уилшир: — Пошли из этой дыры.

— Вот и вали, — огрызнулась Ли. — Будь я проклята, если пойду с тобой. Я сыта по горло.

К ним подошел толстяк, у которого чуть ли не весь рот был заполнен золотыми зубами, и заявил:

— Идите-ка вы оба отсюда. Марш!

— Эта... м-м... молодая дама со мной, Корки, — рассмеялся Бимон.

— Это другое дело, — ответил толстяк и повернулся к молодому человеку: — За дверь, подонок.

Бедный кавалер вышел.

Ли Уилшир вернулась к своему столику. Она сидела там, зажав голову кулаками и уставившись на скатерть.

Бимон сел напротив нее.

— У Джимми мой «Манхэттен», — сказал он официанту. — И я хочу что-нибудь поесть. Ты уже ела, Ли?

— Да, — ответила она, не глядя вверх. — Я хочу силвер-фиц*.

— Отлично. А мне — отбивную с грибами, к ней всякие овощи, которые Тони выудил не из консервной банки, побольше салата и помидоров в соусе рокфор и чашку кофе.

Когда официант отошел, Ли расстроено пожаловалась:

— Ни один мужик никуда не годится. Одно сплошное надувательство, — и она беззвучно заплакала.

— Может быть, ты не умеешь выбрать настоящего мужчину? — поинтересовался Бимон.

— Чья бы корова мычала, — отрезала Ли Уилшир.

* Силвер-фиц — коктейль из джина, подслащенной газированной воды, лимонного сока и яичного белка.

презрительно глядя на него, — особенно после той грязной истории, которую ты мне подстроил.

— Я ничего не подстраивал, — возразил Нед. — Или я виноват в том, что Берни пришлось заложить твои побрякушки, чтобы заплатить мне долг?

Снова заиграл оркестр.

— Ни один мужчина никогда и ни в чем не бывает виноват, — пожаловалась Ли. — Пошли танцевать.

— С удовольствием, — без малейшего энтузиазма отозвался Нед.

Когда они вернулись к столику, их уже ждали напитки.

— Чем занимается в последнее время Берни? — спросил Нед Бимон, когда они выпили.

— Понятия не имею. Я не видела его с тех пор, как он удрал, и видеть не желаю. Тоже мне мужчина! Ох и повезло же мне в этом году! Он, Тейлор и этот ублюдок!

— Тейлор Генри? — спросил Нед Бимон.

— Ну да, но с ним у меня почти ничего не было, — быстро уточнила Ли, — потому что тогда я жила с Берни.

Бимон допил свой коктейль и спросил полуутвердительно:

— Ты просто одна из тех девушек, которые время от времени бывали у него в квартире на Чартер-стрит.

— Да, — ответила Ли, настороженно глядя на него.

— Мне кажется, нам нужно что-нибудь выпить, — сказал Бимон.

Ли пудрилась, в то время как Нед махал официанту и заказывал выпивку.

4

Неда Бимона разбудил звонок в дверь. Полусонный, он встал с постели, откашлялся, надел халат и туфли. На будильнике было чуть больше девяти.

С извинениями вошла Дженет Генри.

— Я знаю, сейчас ужас как рано, но я просто не могла больше выдержать ни минуты. Я все звонила и звонила вам вчера вечером, я почти глаз не сомкнула, потому что не смогла связаться с вами. Все трости целы. Так что, как видите, Пол солгал.

— У вашего отца есть коричневая трость, тяжелая и шершавая?

— Да, ее привез майор Соубридж из Шотландии. Он

никогда ею не пользуется, но она есть. — Дженет Генри с торжествующей улыбкой смотрела на Бимона.

Тот сонно моргал и проводил пальцами по своим спутанным волосам.

— Значит, Пол в самом деле солгал, — констатировал он.

— И он был у нас, — радостно выпалила Дженет, — когда я вчера вечером пришла домой.

— Пол?

— Да. И он сделал мне предложение.

Сонливость Неда как рукой сняло:

— Он что-нибудь рассказывал о нашей ссоре?

— Ни слова.

— Что вы ответили?

— Я ответила, что не могу даже заключить с ним помолвку, потому что прошло слишком мало времени со дня смерти Тейлора, но я не отказала навсегда и бесповоротно, так что какой-то договор между нами, вероятно, сохраняется.

Бимон без любопытства посмотрел на девушку.

Веселость улетучилась из ее глаз. Она положила свою руку на руку Неда.

— Пожалуйста, не подумайте, что я абсолютно бессердечная, — сказала она чуть ломающимся голосом, — но — ох! — мне так хочется... осуществить то, что мы затеяли, что все остальное кажется... ну да... не очень-то важным.

Бимон облизал губы и серьезно, смягчая интонацию, произнес:

— Что бы от него осталось, любите вы его так, как вы его ненавидите?!

— Не говорите так! — топнула Дженет. — Никогда больше не говорите так!

На лбу Бимона появились раздраженные складки, и он сжал губы.

— Пожалуйста, я не могу этого вынести, — с долей сожаления сказала девушка.

— Извините, — сказал Нед. — Вы завтракали?

— Нет. Я хотела как можно скорее прийти к вам со своими новостями.

— Отлично. Тогда вы поедите вместе со мной. Что вы будете? — Он подошел к телефону.

Заказав завтрак, он пошел в ванную умыться, почистить зубы и причесаться. Когда он вернулся в комнату, Дженет уже без шляпы и пальто курила, стоя у камина.

Она хотела что-то сказать, но ее перебил звонок телефона.

Бимон подошел к аппарату.

— Алло... Да, Гарри, я заходил, но тебя не было... Я хотел у тебя спросить... помнишь... про того человека, которого ты видел вместе с Полом. На нем была шляпа?.. Была? Ты уверен?.. А трость?.. О'кэй... Нет, Гарри, в этом плане я ничего не смог сделать. Лучше сам поговори с Полом... Да... Пока.

Когда он отошел от телефона, Дженет Генри смотрела на него вопросительно.

— Это один из тех двоих, которые утверждают, что видели, как Пол в тот вечер разговаривал с вашим братом на улице. Он сказал, что шляпу видел, трость нет. Но было темно, и они проезжали мимо на машине. Я не склонен верить, что они могли разглядеть какие-то подробности.

— Почему так вас интересует шляпа? Разве это важно?

— Не знаю. — Бимон пожал плечами. — Мне кажется, это имеет значение, хотя я всего лишь детектив-любитель.

— Вы узнали что-нибудь еще со вчерашнего дня?

— Нет. Часть вечера я поил девицу, с которой в свое время развлекался Тейлор, но это ничего не дало.

— Я ее знаю? — спросила Дженет Генри.

Нед покачал головой, потом пристально посмотрел на Дженет:

— Это была не Оупэл, если вы туда метите.

— А вы не думаете, что мы могли бы получить у нее... какую-нибудь информацию?

— У Оупэл? Нет. Она уверена, что ее отец убил Тейлора, но считает, что он сделал это из-за нее. Это мнение основано не на точном знании, не на определенной информации, а на ваших письмах, на «Обсервере» и прочих подобных вещах.

Дженет Генри кивнула, но не очень убежденно.

Принесли завтрак.

Пока они ели, зазвонил телефон. Бимон подошел к аппарату.

— Алло... Да, мамуля... Что? — Несколько секунд он слушал, нахмурившись, потом сказал: — А что ты еще можешь предпринять, пусть они это сделают, я не думаю, что это может хоть как-то повредить... Нет, я не знаю, где он... Нет, скорее всего нет... Ну, не волнуйся.

из-за этого, мамуля, все уладится... Да уж, это верно... До свидания. — Он с улыбкой вернулся к столу. — Фарру пришла в голову та же мысль, что и вам, — сказал он, усаживаясь. — Это была мать Пола. К ним пришел человек из окружной прокуратуры, который хочет допросить Оупэл. — Глаза у него заблестели. — Оупэл не сможет им помочь, но они подберутся поближе к Полу.

— Почему миссис Мэдвиг звонила вам? — спросила Дженет Генри.

— Пол вышел, и она не знала, где его искать.

— Она не знает, что вы с Полом поссорились?

— Очевидно, нет. — Бимон отложил вилку. — Послушайте, вы уверены, что хотите пойти в этом деле до конца?

— Я хочу этого больше, чем когда-либо хотела чего бы то ни было в своей жизни, — ответила Дженет Генри.

Бимон невесело усмехнулся:

— Почти те же слова сказал мне Пол о том, как он хочет вас получить.

Дженет передернула плечами, лицо ее стало непроницаемым, и она холодно взглянула на Бимона.

— Я вас не понимаю, — сказал он. — Я не уверен в вас. Я видел сон, который мне не нравится.

— Вы что же, верите в сны? — теперь улыбнулась Дженет Генри.

— Я ни во что не верю, — Нед не ответил на ее улыбку, — но во мне так много от игрока, что многие вещи действуют на меня.

— Что же это был за сон, посеявший в вас недоверие ко мне? — Ее улыбка стала менее насмешливой. Разыгрывая серьезность, она подняла палец. — А потом я расскажу вам, какой сон я видела о вас.

— Я был на рыбалке, — начал Нед, — и поймал большую рыбу — огромную форель, — а вы сказали, что хотите посмотреть на нее, взяли и выбросили обратно в воду, прежде чем я успел вам помешать.

Дженет Генри весело засмеялась:

— И что же вы тогда сделали?

— На этом сон кончился.

— Это неправда, — сказала Дженет. — Я бы не выбросила обратно вашу форель. Теперь я расскажу вам свой сон. Я была... — Глаза у нее расширились. — Когда вы видели этот сон? После того, как вы у нас ужинали?

— Нет. Сегодня ночью.

— Ох, какая жалость. Было бы куда интересней и внушительней, если бы мы видели сны в одну и ту же ночь, в один час и минуту. Я видела свой сон после того, как вы побывали у нас. Мы во сне — заблудились в лесу, усталые и голодные. Мы шли и шли, пока не вышли к маленькому домику. Постучались в дверь, но никто не ответил. Мы подергали дверь: заперта. Тогда мы посмотрели через окно и увидели в комнате большой-большой стол, заставленный всевозможными яствами, но мы и в окно не могли влезть, потому что окна были забраны железными решетками. Тогда мы вернулись к двери и все стучали, стучали, но никто нам так и не открыл. Тут нас осенило: иногда люди оставляют ключ под ковриком, мы посмотрели — лежит. Но когда мы открыли дверь, то увидели на полу, который не было видно в окно, сотни змей, которые поползли к нам. Мы захлопнули дверь, повернули ключ в замке, стояли в смертельном страхе и слушали, как шипели змеи и бились головами о дверь изнутри. Потом вы сказали, что если открыть дверь и спрятаться от змей, то они выберутся и, может быть, расползутся, так мы и сделали. Вы помогли мне взобраться на крышу — в этой части сна крыша была низкой, не помню, какой она была до этого, — и полезли за мной, протянули руку вниз и открыли дверь, и все змеи выползли. Затаив дыхание, мы лежали на крыше, пока последняя из этой лавины змея не скрылась в лесу. Потом мы спрыгнули, вбежали в дом, закрыли дверь на ключ и ели, ели, ели, до тех пор, пока я не проснулась, тогда я села в кровати, хлопнула в ладоши и засмеялась.

— Вы это придумали, — сказал Бимон после короткой паузы.

— Почему?

— Он начинается с кошмара и благополучно кончается, а все сны, которые у меня были про еду, всегда прерывались раньше, чем я успевал хоть что-нибудь съесть.

— Я не все выдумала, — засмеялась Дженет, — но не трудитесь задавать вопросы, какая часть правда. Вы обвинили меня во лжи, и теперь я вам больше никогда ничего не скажу.

— Ну, ладно, — Нед Бимон снова взялся за вилку, но есть не стал. Он спросил так, словно эта мысль только что пришла ему на ум:

— А ваш отец знает что-нибудь? Как по-вашему,

нам удастся что-нибудь выудить из него, когда мы придем к нему со всем тем, что мы знаем.

— Да, — горячо ответила девушка, — думаю, да. Нед Бимон задумчиво свел брови.

— Одно нехорошо, он может взорваться прежде, чем мы будем готовы. Он ведь человек порывистый?

— Да, — нехотя ответила Дженет, — тем не менее, — на ее лице появилось просительное выражение, — я уверена, что если мы ему объясним, почему так важно подождать до тех пор, пока... А разве у нас еще не все готово?

— Нет, — Бимон покачал головой. — Еще нет. Его собеседница надулась.

— Может быть, завтра, — сказал Нед.

— Правда?

— Это не обещание, — предупредил он, — но я полагаю, завтра будем.

Дженет Генри протянула руку через стол и схватила руку Неда Бимона.

— Обещайте, что вы сообщите мне сразу, как только мы будем готовы, в любое время, днем или ночью!

— Да уж, это я вам обещаю. — Бимон искоса посмотрел на девушку. — Похоже, вы горите желанием увидеть, как собаки травят лису, а?

Его тон вогнал девушку в краску, но глаз она не опустила.

— Я знаю, вы считаете меня чудовищем, — сказала она. — Возможно, так оно и есть.

Бимон вперил взгляд в свою тарелку и пробормотал:

— По всей вероятности, вы будете довольны, когда получите то, что хотите.

ГЛАВА IX

УБЛЮДКИ

1

Когда Дженет Генри ушла, Нед подошел к телефону и позвонил Джеку Рамсену. Тот взял трубку, и Бимон сказал:

— Ты можешь зайти ко мне, Джек?.. Отлично. До свидания.

К приходу Джека он уже был одет. Они сели друг

против друга в креслах, у каждого — бокал бурбона с минералкой. Нед закурил сигару, Джек — сигарету.

— Ты слышал что-нибудь о нашей ссоре с Полом? — спросил Бимон.

— Да, — ответил Джек небрежно.

— Что ты об этом думаешь?

— Ничего. Помнится, в последний раз, когда все так и думали, оказалось, что это трюк, который вы устроили Шеду О'Рори.

Бимон улыбнулся, словно ждал этого ответа:

— И теперь все думают так же?

— Многие верят.

Нед медленно затянулся и спросил:

— Предположим, я скажу тебе — на этот раз все серьезно?

Джек молчал. И нельзя было понять по его лицу, что он думает.

— Это серьезно. — Бимон отпил из своего бокала. — Сколько я тебе должен?

— Тридцать монет за историю с письмами. Остальное уплачено.

Достав из кармана брюк пачку денег, Бимон отсчитал три десятидолларовые бумажки и протянул их своему помощнику.

— Спасибо, — промолвил Джек.

— Теперь мы в расчете. — Нед затянулся, выпустил дым и продолжил: — У меня есть еще одна работенка. Я охочусь за скальпом Пола по делу об убийстве Тейлора Генри. Он признался мне, что сделал это, но мне не хватает доказательств. Возьмешься?

— Нет.

— Почему?

Смуглый молодой человек встал, чтобы поставить бокал на стол.

— У нас с Фредом образуется небольшое детективное бюро, — сказал он. — Еще года два, и мы твердо встанем на ноги. Ты мне симпатичен, Нед, но не настолько, чтобы я начал выкручивать руки человеку, у которого под лапой весь город.

— Он катится под гору, — невозмутимо парировал Нед. — Вся команда готовится столкнуть его в канаву. Фарр и Рейни...

— Вот пусть они этим и занимаются. Я не хочу участвовать в этом, и в то, что они смогут это сделать, я поверю только тогда, когда они это сделают. Может

быть, они дадут ему пару пинков, но довести дело до конца — совсем другая музыка. Ты знаешь его лучше меня. Ты знаешь, что в нем силы больше, чем во всех остальных, вместе взятых.

— Да, и побьют его именно поэтому. Ну, не хочешь, так не хочешь.

— Не хочу, — сказал Джек и взялся за шляпу. — Любое другое поручение, — я с удовольствием, но... — Он сделал короткий завершающий жест.

Бимон встал. В его поведении не было досады, ее не было и в голосе, когда он сказал:

— Я думал, что скорее всего ты так к этому и отнесешься. — Он пригладил пальцем усы и задумчиво посмотрел мимо Джека. — Может, ты имеешь какое-нибудь представление о том, где мне искать О'Рори?

Джек покачал головой.

— После того, как в его кабаке устроили третью облаву — двое полицейских были убиты, — он лег на дно, хотя лично против него особо тяжелых обвинений нет. — Он вытащил сигарету изо рта. — Ты Виски Васоса знаешь?

— Да.

— Может быть, ты у него выяснишь, если достаточно хорошо с ним знаком. Его видели в городе. По вечерам он бывает в баре Тими Уокера на Смит-стрит.

— Спасибо, Джек, я попробую.

— На здоровье, — ответил Джек. Он заколебался. — Мне чертовски жаль, что вы поссорились с Мэдвигом. Я бы хотел, чтоб ты... — Он оборвал фразу и повернулся к двери. — Впрочем, ты сам себе голова...

2

Бимон отправился в окружную прокуратуру и на этот раз сразу попал к Фарру.

Фарр не встал из-за своего стола и не предложил руки.

— Как дела, Бимон? Садитесь. — Голос его был холодно вежлив. Сварливое лицо не казалось таким красным, как обычно, а взгляд был уравновешен и суров.

Нед Бимон сел, поудобнее устроил ногу на ногу и сказал:

— Я хотел рассказать вам, что случилось, когда вчера я отсюда пошел к Полу.

«Да» Фарра прозвучало сухо, но корректно.

— Я сказал ему, каким нашел вас, — в панике. — Нед улыбнулся самой очаровательной своей улыбкой и продолжил, словно рассказывал веселый, но не имеющий никакого отношения к делу анекдот: — Я сказал ему, что, по-моему, вы хотите набраться смелости, чтобы повесить ему на шею убийство Тейлора Генри. Поначалу он поверил мне, но когда я ему сказал, что единственный путь к спасению — найти настоящего убийцу, он ответил, что это ничего не даст. Он сказал, что настоящий убийца он сам, хотя и назвал это несчастным случаем, самообороной или чем-то подобным.

Фарр побледнел, вокруг рта кожа стянулась, но он ничего не сказал.

— Я вам не надоел? — спросил Бимон, приподняв брови.

— Продолжайте, говорите, — холодно ответил прокурор.

Нед Бимон поставил стул на задние ножки. Насмешливо улыбаясь, он сказал:

— Вы полагаете, что я вожу вас за нос, так? Вы полагаете, что это трюк, который мы пытаемся для вас выкинуть. — Он покачал головой и пробормотал: — Трусливая вы душонка, Фарр.

— Я охотно выслушаю любую информацию, которую вы сможете дать, но я очень занят, так что вынужден вас просить...

На это Бимон рассмеялся ему в лицо:

— О'кэй. Я думал, что вы, возможно, захотите получить эту информацию в письменном виде как признание под присягой или что-нибудь в этом роде.

— Отлично. — Фарр нажал одну из перламутровых кнопок у себя на столе.

Вошла светловолосая женщина в зеленом платье.

— Мистер Бимон хочет продиктовать показание, — сказал ей Фарр.

— Да, сэр, — женщина под села к столу Фарра, положила на стол свой блокнот и, держа над ним серебряный карандаш, посмотрела на Неда Бимона невыразительными карими глазами.

— Вчера, во второй половине дня, — начал Бимон, — в своей конторе на Нэбел-Билдинг Пол Мэдвиг сказал мне, что в тот вечер, когда был убит Тейлор Генри, он был на ужине у сенатора Генри; что там у него вышла с Тейлором Генри какая-то неприятность; что, когда он ушел оттуда, Тейлор Генри побежал за ним

и попытался ударить его тяжелой шершавой коричневой тростью; что, пытаясь отобрать трость, он нечаянно ударил ею Тейлора Генри по лбу, и Тейлор Генри упал; и что он взял трость с собой и сжег ее. Он сказал, что единственной причиной, по которой он скрывал свою причастность к смерти Тейлора Генри, было желание скрыть это от Дженет Генри. Все.

Фарр повернулся к стенографистке:

— Сейчас же расшифруйте это.

Стенографистка вышла.

— Я думал принести вам новости, которые вас встревожат. — Бимон вздохнул. — Я думал, что они заставят вас рвать на себе волосы.

Окружной прокурор смотрел на него твердым взглядом.

— Я думал, что вы по крайней мере велите притащить сюда Пола и поставите его лицом к лицу с этим, — он махнул рукой, — уничтожающим разоблачением. Неплохо звучит?

— Пожалуйста, позвольте мне решать, как работать прокуратуре, — сдержанно ответил прокурор.

Бимон опять засмеялся и ничего больше не говорил до тех пор, пока стенографистка не вернулась с перепечатанными на машинке показаниями. Тогда он спросил:

— Я должен заверить это под присягой?

— Нет, — сказал Фарр, — просто подпишитесь. Этого достаточно.

Нед подписал документ.

— Все это гораздо скучнее, чем я думал, — весело пожаловался он.

Короткий подбородок Фарра напрягся.

— Да, — сказал он с мрачным удовлетворением, — пожалуй.

— Трусливая вы душонка, Фарр, — повторил Нед Бимон. — Берегитесь такси, когда будете переходить улицу. — Он поклонился. — До свидания.

На улице он состроил недовольную гримасу.

3

Вечером Нед Бимон позвонил в дверь темного трехэтажного дома по Смит-стрит. Низкорослый человек с маленькой головой и широкими плечами приоткрыл дверь на фут, сказал: «Порядок» — и отворил ее.

— Добрый вечер, — поприветствовал его Нед, входя, прошел футов двадцать по темному коридору, миновал две закрытые двери по правой стороне, открыл дверь слева и по деревянной лестнице спустился в подвал, где был бар и негромко играло радио.

С другой стороны стойки бара была дверь матового стекла с табличкой «Туалет». Дверь отворилась, и из нее вышел смуглый человек — покатые широкие плечи, длинные руки, плоское лицо и кривые ноги роднили его с обезьяной. Это был Джеф Гарднер.

Он увидел Неда Бимона, и его маленькие красноватые глазки засияли.

— Ах ты, слепой Христос, да это же Бимон-Дай-Мне-Опять-По-Морде! — взревел он, ослабившись, и показал свои красивые зубы.

— Привет, Джеф, — ответил Бимон. Все в баре посмотрели на них.

Джеф, исполненный чувства собственного достоинства, подошел к Бимону, грубовато обхватил его левой рукой за плечи, правой взял его правую руку и весело обратился к посетителям бара:

— Это самый чудесный парень, о которого я когда-либо кровавил свои кулаки, а я их кровавил будь здоров на скольких. — Он потянул Бимона к стойке бара. — Теперь мы все выпьем по рюмочке, а потом я покажу вам, как это делается. Ах, дьявол, как я это сделаю! — Он скосился на Неда. — Что ты на это скажешь, малыш?

Бимон равнодушным взглядом скользнул по безобразно темному лицу, которое было совсем близко к его собственному, хотя и ниже, и сказал:

— Шотландское виски.

Джеф восторженно заржал и снова обратился к окружающим:

— Видали, ему это нравится. Он, — Джеф заколебался, нахмурившись и облизнув губы, — мазохист хренов, вот именно. — Он опять скосился на Бимона. — Ты знаешь, что такое мазохист?

— Да.

Джеф, похоже, был разочарован.

— Ржаное виски, — сказал он бармену. Когда перед ними поставили рюмки, он выпустил руку Бимона, но продолжал обнимать его за плечи. Они выпили. Джеф поставил свою рюмку на стойку и взял Би-

мона за запястье. — У меня наверху есть комната, — сказал он, — которая нам будет как раз. Она такая крохотная, что тебе будет негде упасть. Ты будешь отлетать от стен. Так мы сэкономим кучу времени, потому что тебе не придется вставать с пола.

— Я тоже покупаю один круг, — вставил Бимон.
— Неглупая мысль, — согласился Джеф.

Они опять выпили.

Когда Нед расплатился за напитки, Джеф повернул его к лестнице.

— Извините нас, господа, — сказал он остальным стоявшим у стойки, — нам надо подняться и отрепетировать наш спектакль. — Он похлопал Бимона по плечу. — Мне и моему возлюбленному.

Они прошли по лестнице два этажа и вошли в маленькую комнату, заставленную диваном, двумя столами и полудюжиной стульев. На одном столе стояли пустые бокалы и тарелки с остатками бутербродов.

Джеф близоруко огляделся в комнате и спросил:

— Куда, черт побери, подевалась эта девчонка? — Он отпустил руку Бимона, обнял его за плечи и спросил: — Ты не видишь тут бабу?

— Нет.

Джеф несколько раз кивнул.

— Ушла. — Он сделал неловкий шаг назад и грязным пальцем нажал кнопку возле двери. Потом махнул рукой, шутовски поклонился и сказал: — Садись.

Нед Бимон сел за неубранный стол.

— Садись на любой чертов стул, какой захочешь, — сказал Джеф с широким жестом. — Не нравится этот, возьми другой. Я хочу, чтобы ты считал себя моим гостем, а если ты имеешь что-нибудь против, то катись в преисподнюю.

— Это хороший стул, — сказал Нед Бимон.

— Это дрянной стул, — сказал Джеф. — В этой дыре нет ни одного приличного стула. Смотри. — Он поднял с пола стул и отломил переднюю ножку. — И это ты называешь хорошим стулом? Слушай, Бимон, ты ни черта не смыслишь в стульях. — Он поставил стул обратно на пол и бросил отломанную ножку на диван. — Меня ты не проведешь. Я знаю, что ты задумал. Ты считаешь, что я пьян, да?

— Нет, ты не пьян, — усмехнулся Нед.

— Какого дьявола, не пьян. Я больше пьян, чем ты. Я больше пьян, чем любой в этой дыре. Я нажрался как свинья, и не думай, что это не так, но... — Он поднял толстый и грязный указательный палец.

В дверях появился официант и спросил:

— Что угодно, джентльмены?

— Ты где был? — повернулся к нему Джеф. — Дрых, что ли? Я звонил час назад.

Официант хотел было что-то ответить.

— Я привожу сюда лучшего друга, который есть у меня в этом мире, чтобы выпить с ним, и что за чертовщина тут происходит? Мы должны битый час сидеть и ждать какого-то вшивого официанта. Неудивительно, что друг на меня сердится.

— Чего ты хочешь? — равнодушно спросил официант.

— Я хочу знать, в какую преисподнюю подевалась та баба, которая здесь была.

— А, эта? Ушла.

— Куда?

— Не знаю.

Джеф нахмурился.

— Ну, так выясни и побыстрее. Что это значит, что ты не знаешь, куда она ушла? Такой милый кабак, где никто не... — Его красные глазки сделались хитрыми. — Я скажу тебе, что делать. Пойди в женский туалет и посмотри, там ли она.

— Ее там нет, — ответил официант. — Она ушла из этого дома.

— Ну не шлюха ли?! — Джеф повернулся к Неду Бимону. — Что ты скажешь об этой шлюхе? Я привожу тебя сюда, хочу, чтобы ты с ней познакомился, я знаю, она бы тебе понравилась, а ты понравился бы ей, но она такая, видите ли, гордая, что не хочет знакомиться с моими друзьями и намыливается.

Нед Бимон зажигал сигару и ничего не сказал.

Джеф почесал голову и проворчал:

— Ладно, тогда принеси нам чего-нибудь выпить, — сел напротив Неда Бимона и злобно добавил: — Мне ржаное виски.

— Шотландское виски, — сказал Бимон.

Официант ушел.

Джеф пялился на Неда Бимона.

— И не воображай, что я не знаю, что ты задумал, — презрительно бросил горилла.

— Ничего я не задумал, — беспечно возразил Нед. — Я хочу поговорить с Шедом и подумал, что, может быть, найду здесь Виски Вассоса, а он проводит меня к Шеду.

— Ты думаешь, я не знаю, где Шед?

— Должен бы знать.

— Так почему же ты меня не спрашиваешь?

— Хорошо. Где он?

Джеф грохнул ладонью по столу и прорычал:

— Не ври! Тебе до лампочки, где Шед. Ты на меня зуб точишь.

Бимон улыбнулся и покачал головой.

— Точишь, — не унимался горилла. — Ты отлично знаешь, что...

В дверях появился круглоглазый мужчина средних лет с мясистыми красными губами.

— Перестань, Джеф, — сказал он. — Ты шумишь больше любого другого в этом доме.

Джеф повернулся на стуле.

— Все из-за этого ублюдка, — сказал он человеку, появившемуся в дверях, тыча большим пальцем в Неда. — Он считает, что я не знаю, что он задумал. Я знаю, что он задумал. Скотина он, и ничего больше. И я размажу его по стенке — вот что я сделаю.

Стоящий в дверях человек рассудительно заметил:

— Хорошо, но из-за этого не надо так шуметь, — подмигнул Бимону и вышел.

— Тим тоже становится ублюдком, — расстроено констатировал Джеф и сплюнул на пол.

Появился официант с напитками.

Нед поднял бокал, сказал:

— Будем здоровы, — и отпил.

— Не буду я пить за твоё здоровье. Ты ублюдок. — Джеф мрачно вытаращился на Бимона.

— А ты чокнутый.

— Врешь, я пьян. Но не настолько, чтобы не понимать, что ты задумал. — Джеф выпил свой бокал и вытер рот тыльной стороной руки. — А я говорю, ты — ублюдок.

— Ладно. Пусть будет как тебе угодно, — согласился Бимон, любезно улынувшись.

Джеф слегка вытянул свою обезьянью голову вперед:

— Ты, наверное, считаешь себя невероятно хитрым, да?

Бимон промолчал.

— По-твоему, страшно хитро напоить меня, а потом выдать.

— Это верно, — небрежно сказал Нед, — ведь тебя подозревают в убийстве Френсиса Уэста, так?

— К дьяволу этого Френсиса Уэста.

— Я не был с ним знаком, — пожал плечами Бимон.

— Ты — ублюдок.

— Мой черед ставить.

Громила торжественно кивнул и поставил свой стул на задние ножки, чтобы дотянуться до звонка. Надавив на кнопку, он сказал:

— И все равно ты ублюдок. — Стул под ним закачался. Он прижал ноги к полу и восстановил равновесие. — Проклятая развалина! — буркнул он и развернул стул к столу. Он оперся локтями на стол и положил подбородок на один кулак. — Какого дьявола мне до того, кто меня выдаст? Ты же не думаешь, что мне прищемят хвост?

— А почему бы нет?

— Господи! До выборов я в суд не успею, а после они все будут у Шеда в кармане.

— Возможно.

— Какого черта «возможно»!

Пришел официант, и они заказали свои напитки.

— Возможно, Шед и не бросится вытаскивать тебя, — лениво протянул Нед, когда они опять остались вдвоем. — И такое бывало.

— Со мной не будет, — осклабился Джеф. — Я слишком много о нем знаю.

Нед Бимон выпустил дым:

— Что ты о нем знаешь?

Громила презрительно заржал и ударил ладонью по столу.

— Господи! Он думает, я настолько пьян, что сейчас все и выложу.

— Выкладывай, Джеф, расскажи ему, — негромко прозвучал мелодичный баритон с ирландским выговором. На пороге стоял Шед О'Рори. Его серовато-синие глаза смотрели на Джефа чуть печально.

Джеф весело скосился на стоявшего на пороге и сказал:

— Как дела, Шед? Заходи и выпей. Познакомься с мистером Бимоном. Он ублюдок.

— Я велел тебе спрятаться, — мягко сказал О'Рори.
— Но Матерь Божья, Шед, я уже боялся, что скоро
искусаю сам себя! Здесь я ведь тоже прячусь, да? Это
тайный кабак.

О'Рори еще мгновение смотрел на Джефа, потом пе-
ревел взгляд на Неда Бимона:

— Добрый вечер, Бимон.

— Привет, Шед.

О'Рори любезно улыбнулся и спросил, легко кивнув
на Джефа:

— Много вы от него узнали?

— Совсем немного из того, чего я еще не знал, —
ответил Нед. — Шумит много, и не все, что он говорит,
понятно.

— По-моему, вы оба ублюдки, — сообщил Джеф.

Пришел официант с напитками. О'Рори остано-
вил его:

— Не нужно. С них хватит. — Официант унес на-
питки. Шед О'Рори вошел в комнату, закрыл дверь и
встал к ней спиной. — Ты слишком много говоришь,
Джеф. Я и раньше предупреждал тебя об этом.

Нед Бимон хитровато подмигнул Джефу.

— Какого черта? — удивился тот.

Бимон засмеялся.

— Я с тобой говорю, Джеф, — сказал О'Рори.

— Господи, ты думаешь, я не понимаю.

— Мы начинаем заходить так далеко, что больше
я с тобой не разговариваю, — сказал О'Рори.

Джеф встал.

— Не будь ублюдком, Шед. Какого дьявола? —
Он обошел вокруг стола. — Мы столько времени дру-
жим. Ты всегда был мне другом, а я всегда был другом
тебе. — Он вытянул руки, чтобы обнять О'Рори, и кач-
нулся в его сторону. — Конечно, я налился, но...

О'Рори положил руку на грудь горилле и оттолк-
нул его.

— Сядь. — Голоса он не повысил.

Левый кулак Джефа просвистел по направлению к
лицу О'Рори.

О'Рори наклонил голову в сторону ровно настолько,
чтобы кулак пролетел мимо его скулы. Его удлиненное
лицо с тонкими чертами сохраняло спокойное достоин-
ство. Правая рука двинулась к заднему карману брюк.

Нед Бимон вскочил со стула и, упав на колени, обеи-
ми руками ухватился за правую руку О'Рори.

Джеф, инерцией удара отброшенный к стене, повернулся и обеими руками схватил Шеда О'Рори за горло. Физиономия его была желтой, искаженной безобразной гримасой. Не было заметно на ней и следа хмеля.

— Пушку взял? — тяжело дыша, спросил Джеф.

— Да. — Бимон встал и отошел назад, направив черный револьвер на Шеда О'Рори.

Глаза О'Рори остекленели и вылезли из орбит, лицо пошло пятнами и вздулось. Он не сопротивлялся человеку, держащему его за горло.

Джеф повернул голову, чтобы ослабиться Неду Бимону. Оскал был широкий, истинно звериный. Красные глазки Джефа радостно сверкали. Хриплым добрым голосом он сказал:

— Видишь, что нам придется сделать? Нам придется с ним покончить.

— Я не хочу в этом участвовать, — твердо ответил Нед. Ноздри его подрагивали.

— Нет? — Джеф искоса взглянул на него. — Ты, наверно, думаешь, что Шед такой человек, который забудет, что мы сделали. — Он провел языком по губам. — Он и забудет. Уж я позабочусь.

Широко оскалившись Бимону, не смотря на человека, чье горло он сжимал, Джеф стал глубоко и громко дышать. Его пиджак на плечах, шее и предплечьях пошел буграми. Безобразное лицо вспотело.

Бимон был бледен. Он тоже тяжело дышал, и виски у него повлажнели. Через бугристое плечо Джефа он смотрел на О'Рори.

Его лицо приобрело цвет печени. Глаза выкатились и уже ничего не видели. Синий язык свисал между синими губами. Худощавое тело дергалось. Одна рука механически и бессильно билась о стену за его спиной.

Ослабившись в сторону Неда Бимона, не глядя на свою жертву, Джеф расставил ноги чуть пошире и сгорбился. Рука О'Рори больше не билась о стену. Плышался приглушенный треск, а следом за ним другой, слышнее. О'Рори больше не дергался. Он повис в руках у Джефа.

Джеф засмеялся грудным голосом.

— Готов, — сказал он, ногой оттолкнул стул и бросил О'Рори на диван. Тот упал ничком, одна рука и ноги остались на полу. Джеф вытер руки о бедра и повернулся к Бимону.

— Я просто сиволапый мужик, большой и добрый, —

сказал он. — Меня всякий может пинать сколько ему влезет, а я никогда ничего в ответ не сделаю.

— Ты боялся его, — сказал Бимон.

Джеф рассмеялся.

— Конечно, боялся. Любой, у кого голова на плечах, боялся. Хочешь сказать, что ты не боялся? — Он опять рассмеялся, осмотрелся в комнате и сказал: — Давай исчезнем, пока никто не сунул сюда свой нос. — Он протянул руку. — Давай пушку. Я ее выброшу.

— Нет, — ответил Бимон. Он поворачивал руку, пока револьвер не уставился в живот Джефу. — Мы скажем, что это была самооборона. Я тебя поддержу. И мы выйдем чистенькими на предварительном суде. — Господи, какая блестящая идея! — воскликнул Джеф. — А у меня висит на шее обвинение в убийстве Уэста! — Красные глазки Джефа перебегали с Неда на пистолет в его руке и обратно.

Бимон улыбнулся бледными тонкими губами.

— Именно это я и имел в виду, — сказал он мягко.

— Не будь ты кретином, — взъярился Джеф и сделал шаг вперед. — Ты...

Бимон отступал вокруг стола.

— Джеф, я с удовольствием сделаю тебе дырку, — сказал он. — За мной ведь должок, помнишь?

Джеф остановился и поскреб затылок.

— Ну что же ты за ублюдок? — изумленно спросил он.

— Просто друг. — Бимон сделал резкое движение револьвером. — Сядь.

Джеф с сомнением посмотрел на него, потом сел.

Нед Бимон вытянул левую руку и нажал на кнопку звонка.

Джеф встал.

— Сядь.

Джеф сел.

— Положи руки на стол.

Джеф грустно наклонил голову.

— Что ты за тупая скотина, — сказал он. — Не думаешь же ты, что тебе дадут вывести меня отсюда?

Бимон опять обогнул стол и сел на стул, лицом к Джефу и к двери.

— Лучшее, что ты можешь сделать, отдать мне пушку и надеяться, что я забуду все твои глупости. Госпо-

ди, Нед, я здесь свой человек. У тебя здесь ни один фокус не пройдет.

— Убери руки от бутылки с кетчупом.

Официант открыл дверь и уставился на них.

— Пошли Тима наверх, — велел Бимон и бросил своему визави, который хотел что-то произнести: — Закрой рот.

Официант торопливо скрылся за дверью.

— Не будь идиотом, Недди. Так ты можешь только сам нарваться. Какой тебе толк выдавать меня? Никакого. — Он облизал языком губы. — Я знаю, ты немного сердисься на меня за тот раз, когда мы с тобой плохо обошлись, но — дьявол поберй! — это была не моя вина. Я просто выполнял приказ Шеда, и разве теперь, когда я его убрал, мы не квиты?

— Если ты не уберешь руку от этой бутылки, я буду стрелять.

— Ублюдок ты.

Моложавый мужчина средних лет с мясистыми губами и круглыми глазами открыл дверь, быстро вошел и закрыл дверь за собой.

— Джеф убил О'Рори, — сказал ему Бимон. — Позвони в полицию. Ты успеешь ликвидировать бар, прежде чем они сюда приедут. На всякий случай вызови и врача — может быть, он не умер.

Джеф презрительно фыркнул:

— Если он не умер, то я папа римский. — С небрежной фамильярностью он обратился к пришедшему: — Как тебе нравится этот парень, который думает, что ты позволишь устраивать ему тут цирк? Скажи ему, Тим, сколько у него шансов.

Тим очень трезвым взглядом окинул мертвеца, лежащего на диване, Джефа, потом Бимона.

— Это плохо отзовется на нашем доме, — сказал он Бимону с расстановкой. — Нельзя ли вынести его на улицу, и пусть его найдут там?

Нед Бимон покачал головой.

— Очисти свой бар, прежде чем полицейские доберутся сюда, и тебе ничего не будет. Я сделаю для тебя все, что смогу.

Пока Тим колебался, вступил Джеф:

— Слушай, Тим, ты меня знаешь. Ты знаешь...

— Бога ради, помолчи, — без всякой приязни перебил его Тим.

— Теперь, когда Шед мертв, тебя никто уже не знает, Джеф, — улыбнулся ему Бимон.

— Нет? — Громила откинулся на спинку своего стула, и его лицо прояснилось. — Ну так выдавайте меня. Теперь, когда я знаю, какие вы оба сукины дети, я лучше дам себя повесить, чем хоть что-нибудь у вас попрошу.

— Этот узел можно развязать только так? — спросил хозяин, не обращая внимания на Джефа.

Бимон кивнул.

— Надеюсь, я это переживу, — сказал Тим и положил руку на ручку двери.

— Ты не согласишься посмотреть, есть ли у Джефа револьвер? — спросил Нед Бимон.

Тим покачал головой:

— Это случилось здесь, но я не имею к этому никакого отношения и не собираюсь иметь, — сказал он и вышел.

Джеф развалился на своем стуле, держа руки на краю стола перед собой, и беседовал с Бимоном, пока не прибыла полиция. Он удовлетворенно честил Неда Бимона в хвост и в гриву, обвиняя его во всех смертных грехах.

Нед вежливо слушал.

Первым вошел тощий белобрысый полицейский в лейтенантском мундире. За ним последовало полдюжины детективов.

— Привет, Брет, — сказал Бимон. — Думаю, у него есть пистолет.

— Что здесь происходит? — спросил Брет, разглядывая лежащий на диване труп, в то время как два детектива протиснулись мимо него и занялись Джефом.

Бимон рассказал, что произошло. Его повествование было правдоподобным, не считая того, что О'Рори якобы был убит в пылу потасовки, а не после того, как его обезоружили.

Пока Нед говорил, пришел врач, перевернул Шеда О'Рори на спину, бегло осмотрел его и выпрямился. Лейтенант посмотрел на врача.

— Мертв, — констатировал врач и вышел из переполненной комнатенки.

Джеф жизнерадостно крыл двоих детективов, которые держали его. Всякий раз, когда он что-нибудь вякал, один из детективов бил его кулаком в лицо. Джеф

смеялся и продолжал материться. Ему уже выбили искусственные зубы. Губы у него были в крови.

Бимон отдал лейтенанту револьвер покойного и встал.

— Вы хотите, чтобы я прямо сейчас поехал с вами в полицейское управление? Или отложим до завтра?

— Лучше, если вы поедете сейчас, — ответил Брет.

4

Было уже далеко за полночь, когда Нед Бимон вышел из полиции. Он пожелал доброй ночи двоим репортерам, которые вышли вместе с ним, и сел в такси. Водителю он дал адрес Пола Мэдвига.

На нижнем этаже дома Мэдвига горел свет, и, когда Нед поднялся по парадной лестнице, дверь открыла миссис Мэдвиг. Она была в черном платье и наброшенной на плечи шали.

— Привет, мамуля. Почему ты в такое время не спишь?

— Я думала, это Пол, — сказала она разочарованно.

— Значит, его нет дома? А я хотел поговорить с ним. — Нед пристально посмотрел на миссис Мэдвиг. — Что случилось?

— Входи, Нед. — Старая женщина отступила и потянула за собой дверь.

Нед Бимон вошел.

— Оупэл пыталась покончить с собой, — сказала миссис Мэдвиг.

— Что? — пробормотал Бимон, опустив глаза. — Что ты хочешь этим сказать?

— Она перерезала вены на одной руке, прежде чем сиделка успела ее остановить. Но крови она потеряла немного, и с ней все в порядке, если только она не сделает новой попытки. — В голосе миссис Мэдвиг было не больше слабости, чем в ее облике.

— Где Пол? — неверным тоном спросил Нед.

— Не знаю. Нам не удалось его найти. Должен был уже вернуться. — Миссис Мэдвиг положила худую руку на руку Бимона, и теперь ее голос задрожал. — Вы... ты и Пол?.. — Она остановилась, сжимая руку Бимона.

— С этим покончено, — покачал головой Нед.

— Ох, Нед, а вы не могли бы помириться? Вы... — Миссис Мэдвиг опять не кончила фразу.

Бимон поднял голову и посмотрел на нее. Глаза ее были влажными. Он мягко сказал:

— Нет, мамуля, с этим покончено. Разве он не сказал тебе?

— Когда я ему рассказала, что звонила тебе, что тут был человек из окружной прокуратуры, он велел мне больше никогда ничего подобного не делать, что вы... что вы больше не друзья.

Нед Бимон откашлялся:

— Слушай, мамуля, скажи ему, что я приходил с ним поговорить. Скажи ему, что я пошел домой и буду ждать его там, буду ждать всю ночь. — Он еще раз откашлялся и бессильно добавил: — Скажи ему это.

Миссис Мэдвиг положила руки на плечи Бимону:

— Ты хороший мальчик, Нед. Я не хочу, чтобы вы с Полом ссорились. Ты лучший друг, какой у него был когда-либо, что бы между вами сейчас ни произошло. А что же это? Может быть, дело в том, что Дженет?..

— Спроси Пола, — ответил Бимон с тихой горечью. Он нетерпеливо дернул головой. — Я побежал, мамуля, если только ничего не надо сделать для тебя и Оупэл. Надо?

— Нет, разве только подняться к Оупэл. Она еще не спит, и может, если ты поговоришь с ней, будет какая-нибудь польза. Раньше она слушалась тебя.

— Нет, — он покачал головой. — Оупэл не хочет меня видеть, — Нед сглотнул, — и она не хочет.

ГЛАВА X

РАЗБИТЫЙ КЛЮЧ

1

Бимон пошел домой. Он выпил кофе, покурил, прочел газету, журнал и полкниги. Время от времени он прерывал чтение и беспокойно расхаживал по комнатам. Дверной звонок молчал. Телефон тоже.

В восемь утра он принял ванну, побрился и надел свежую рубашку. Потом заказал завтрак и поел.

В девять он подошел к телефону, позвонил Дженет Генри:

— Доброе утро... Да, спасибо, хорошо... Ну, мы готовы к фейерверку... Да... если ваш отец дома, то для начала мы могли бы посвятить его в дело... Хорошо, но ни слова до моего прихода... Как только смогу... Сейчас выхожу... Ладно. До свидания через несколько минут.

Он встал от телефона, пристально глядя в пустоту, громко хлопнул в ладоши и потер их друг о друга. Линия губ под усами была мрачной, глаза напоминали раскаленные коричневые точки. Он подошел к платяному шкафу и быстро надел плащ и шляпу. Насвистывая сквозь зубы, вышел из своей квартиры и широким шагом пошел по улице.

— Мисс Генри ждет меня, — сказал он служанке, которая открыла дверь.

— Да, сэр, — девушка провела его в солнечную комнату со светлыми обоями, где завтракали сенатор с дочерью.

Дженет Генри тут же вскочила, пошла к Неду, протянув обе руки, и взволнованно воскликнула:

— Доброе утро!

Сенатор медленно поднялся, удивленно посмотрел на свою дочь, потом протянул руку:

— Доброе утро, мистер Бимон. Очень рад вас видеть. Вы?..

— Нет, благодарю, я уже позавтракал.

Дженет дрожала. Лицо бледное, глаза потемнели — казалось, она находится под воздействием наркотика.

— Нам надо тебе кое-что сказать, отец, — произнесла она напряженным неровным голосом. — Это... это... — Она резко обернулась к Бимону. — Скажите ему! Скажите ему!

Бимон хмуро покосился на девушку, потом посмотрел на ее отца. Сенатор стоял у стола возле своего стула.

— У нас есть довольно убедительные доказательства, включая признание, — сказал Бимон, — что вашего сына убил Пол Мэдвиг.

— Что же это за довольно убедительные доказательства? — глаза сенатора сузились, и он оперся ладонью о стол перед собой.

— Ну, сэр, главное, конечно, признание. Пол говорит, что в тот вечер ваш сын побегал за ним и попытался ударить его шершавой коричневой тростью и что, отбирая трость, он нечаянно нанес вашему сыну удар. Он говорит, что унес трость с собой и сжег, но ваша

дочь, — он кивнул на Дженет Генри, — утверждает, что трость все еще здесь.

— Да, — подтвердила Дженет. — Это же та самая трость, которую привез тебе майор Соубридж.

Лицо сенатора сделалось мраморно-бледным и таким же твердым:

— Рассказывайте дальше.

— Но, сэр, — Нед резанул рукой воздух, — это сводит на нет его слова о том, что там был несчастный случай или самооборона, — я имею в виду то, что у вашего сына не было с собой трости. — Он пожал плечами. — Вчера я изложил это Фарру. Он, очевидно, боится рисковать — вы ведь знаете, что он за птица, но я не представляю, как можно избежать ареста Пола сегодня же.

Видимо чем-то изумленная, Дженет Генри смотрела на Неда насупившись и хотела было что-то сказать, но вместо этого крепче сжала губы.

Сенатор Генри, держа в левой руке салфетку, коснулся ею губ, бросил ее на стол и спросил:

— Есть ли еще... э-э... другие доказательства?

— А этих недостаточно? — беззаботно вопросом на вопрос ответил Бимон.

— Но есть же еще доказательства, верно? — требовательно спросила Дженет.

— Есть вещи, которые это подтверждают, — осуждающе сказал Бимон. Он обратился к сенатору: — Я могу поделиться с вами подробностями, но главное вы теперь знаете. Ведь этого достаточно, не так ли?

— Вполне, — ответил сенатор. Он приложил руку ко лбу. — Я не в силах этому поверить, но это так. Вы меня извините, и ты тоже, моя дорогая, я хотел бы на минутку остаться один, чтобы подумать и привыкнуть к этому... Нет, нет, вы останьтесь здесь. Я лучше пойду к себе. — Он грациозно поклонился. — Пожалуйста, побудьте здесь, мистер Бимон. Я ненадолго... всего на секунду. Мне надо привыкнуть к сознанию того, что... человек, с которым я работал рука об руку, — убийца моего сына.

Он еще раз поклонился и вышел, ступая неестественно прямо.

Бимон положил руку на запястье Дженет Генри и, понизив голос, напряженно спросил:

— Послушайте, есть ли вероятность, что он совершит необдуманный поступок?

Дженет Генри посмотрела на него с испугом.
— Есть ли вероятность, что он помчится охотиться на Пола? — пояснил Бимон. — Этого нам не нужно. Последствия могут быть непредсказуемыми.

— Я не знаю.

Гримаса нетерпения исказила лицо Бимона:

— Мы не можем позволить ему сделать это. Можно ли подойти к входной двери так, чтобы задержать его, если он попытается это сделать?

— Да. — Девушка была напугана.

Она провела Бимона в маленькую темную комнату с толстыми гардинами на окнах. Дверь этой комнаты была всего в нескольких футах от парадной. Они стояли рядом в темной комнате возле двери, приоткрытой примерно на шесть дюймов. Оба дрожали. Дженет попыталась прошептать что-то, но «тс-с» Неда Бимона заставило ее умолкнуть.

Они пробыли там совсем недолго, как послышались мягкие шаги по серому ковру, и сенатор Генри, в пальто и шляпе, торопливо проследовал к входной двери.

— Подождите, сенатор Генри, — сказал Бимон, выходя из укрытия.

Сенатор обернулся. Лицо его было суровым и холодным, взгляд повелительным.

— Прошу извинить меня, — сказал он. — Мне надо выйти.

— Из этого не получится ничего хорошего, — возразил Бимон. Он подошел к сенатору. — Будет только еще больше неприятностей.

— Не ходи, отец, — Дженет Генри подошла к отцу. — Послушайся мистера Бимона.

— Я уже выслушал мистера Бимона, — ответил сенатор. — Я вполне готов слушать его и дальше, если он располагает дополнительной информацией. В противном случае я вынужден просить, чтобы вы сейчас извинили меня. — Он улыбнулся Неду Бимону. — Теперь я буду действовать, учитывая сказанное вами.

— По-моему, — Бимон хладнокровно посмотрел на сенатора, — вам не следует идти к нему.

Сенатор сухо взглянул на Неда Бимона.

— Но, отец...

Сенатор остановил Дженет взглядом.

Бимон откашлялся. На скулах у него выступили красные пятна. Он быстро вытянул левую руку и погладил правый карман пальто сенатора.

Тот возмущенно отступил.

Нед Бимон кивнул как бы сам себе.

— Никуда не годится, — озабоченно произнес он и посмотрел на Дженет Генри. — У него в кармане револьвер.

— Отец! — вскрикнула девушка и закрыла рот рукой.

— Ну, — сказал Бимон, сложив губы в трубочку, — мы не можем выпустить вас отсюда с револьвером в кармане.

— Не разрешайте ему, Нед, — поддержала Дженет.

— Мне кажется — сенатор ожег их презрительным взглядом, — вы оба забываетесь.

Нехотя сделав два шага, девушка остановилась и воскликнула:

— Нет! Я не дам тебе этого сделать. Не давайте ему, Нед.

— Не дам, — облизнув губы, пообещал он.

Сенатор холодно оглядел его и положил правую руку на ручку входной двери.

Бимон наклонился и положил поверх руки сенатора свою.

— Понимаете, сэр, — почтительно сказал он, — я не могу позволить вам это сделать. Я не просто так сую свой нос в ваши дела. — Он снял свою руку, порылся во внутреннем кармане и достал оттуда помятый, надорванный лист бумаги не первой свежести. — В прошлом месяце меня назначили следователем окружной прокуратуры. — Он протянул бумагу сенатору. — Насколько я знаю, назначение никто не отменял, и, значит, — он пожал плечами, — я не могу допустить, чтобы вы пошли кого-то убивать.

Сенатор не удостоил документ взглядом.

— Вы пытаетесь спасти своего друга-убийцу, — процедил он презрительно.

— Вы знаете, что это не так.

— Закончим эти дебаты, — сенатор выпрямился и нажал на ручку двери.

— Только ступите на тротуар с револьвером в кармане, и я арестую вас!

— Отец! — взмолилась Дженет.

Сенатор и Бимон стояли друг против друга, глаза в глаза, и оба шумно дышали.

Первым заговорил сенатор. Он обратился к дочери:

— Ты не оставила бы нас на несколько минут вдвоем, моя дорогая? Есть вещи, которые я хотел бы сказать только мистеру Бимону.

Дженет вопросительно посмотрела на Неда. Тот кивнул.

— Хорошо, — ответила дочь отцу, — но ты не выйдешь, не повидавшись со мной.

— Мы увидимся, — улыбнулся сенатор.

Мужчины смотрели, как Дженет прошла через холл, обернулась и, взглянув на них через левое плечо, скрылась за дверью.

— Боюсь, вы оказываете на мою дочь не такое хорошее влияние, как хотелось бы, — с сожалением сказал сенатор. — Обычно она не бывает такой... э-э... упрямой.

Бимон улыбнулся с извиняющимся видом, но промолчал.

— Как долго это продолжалось? — спросил сенатор.

— Вы имеете в виду, как долго мы копались в этом убийстве? Что касается меня, то всего день-два. Ваша дочь занималась этим с самого начала. Она все время считала Пола убийцей.

— Что? — сенатор открыл рот.

— Все время считала его убийцей. А вы не знали этого? Она ненавидит Пола, как яд, — всегда ненавидела.

— Ненавидит? — сенатор жадно вздохнул. — Свя-тый Боже, нет!

— Вы этого не знали? — Бимон кивнул и как-то особенно улыбнулся старому человеку, стоящему у двери.

Сенатор резко выдохнул.

— Пойдем туда, — сказал он и пошел впереди Неда в сумеречную комнату, где скрывались Бимон и Дженет Генри. Пока Нед закрывал дверь, сенатор зажег свет.

— Я хочу поговорить с вами как мужчина с женщиной, мистер Бимон, — начал сенатор. — Ваши, — улыбнулся он, — должностные обязанности мы можем забыть, не так ли?

— Да, — кивнул Бимон. — Фарр, по-видимому, тоже забыл о них.

— Вот именно. Итак, мистер Бимон, я не кровожадный человек, но будь я проклят, если я могу перенести

мысль о том, что убийца моего сына разгуливает на свободе... ненаказанным, когда...

— Я сказал вам, его придется арестовать. Им никуда от этого не деться. Доказательства слишком убедительны, и все об этом знают.

Сенатор опять улыбнулся. Улыбка была ледяная.

— Уж не хотите ли вы сказать, как политик политику, что в этом городе Полу Мэдвигу грозит хоть какое-нибудь наказание за любой его поступок?

— Хочу. Пол конченный человек. Его все предали. Единственное, что еще удерживает его прежних соратников-сторонников, — привычка прыгать, когда он щелкнет бичом, но чтобы обрести решимость, им потребуется немного времени.

— Вы позволите мне не согласиться с вами? — улыбнулся и покачал головой сенатор. — И обратить ваше внимание на то обстоятельство, что я занимался политикой дольше, чем вы прожили на этом свете?

— Естественно.

— Так вот, могу вас заверить, что они никогда не обретут решимости, сколько бы времени им на это ни дали. Пол их босс и останется их боссом, несмотря на все возможные временные затруднения.

— Видимо, тут наши мнения расходятся, — возразил Бимон. — Пол конченный человек. — Он нахмурился. — Теперь давайте поговорим о вашем револьвере. Из этого ничего хорошего не выйдет. Отдайте лучше его мне. — Он протянул руку.

Сенатор смерил его сердитым взглядом.

— Ладно, — сказал Нед, — раз такое дело, — и после короткой схватки, в результате которой брякнулся стул, отобрал у сенатора оружие — старомодный никелированный револьвер. Он прятал его в задний карман, когда вошла Дженет Генри, глаза ее лихорадочно блестели на побелевшем лице.

— Не хочет слушать разумные речи, — проворчал Бимон. — Пришлось отобрать у него револьвер.

Сенатор хрипло дышал, лицо его дергалось. Он сделал шаг к Неду Бимону. — Убирайтесь из моего дома, — скомандовал он.

— Не уберусь, — сказал Нед Бимон. Уголки его губ подергивались. В глазах горел недобрый огонь. Протянув руку, он неожиданно коснулся руки Дженет:

— Садитесь и слушайте. Вы хотели этого, и вы это

получите. — Он обратился к сенатору. — Я буду говорить долго, так что вы тоже могли бы присесть.

Ни Дженет, ни ее отец не сели. Девушка смотрела на Неда Бимона большими испуганными глазами, взгляд сенатора был суров и насторожен. Лица у обоих были белые.

— Вы убили своего сына, — сказал Бимон сенатору. В лице сенатора ничего не изменилось. Он не шевельнулся.

Дженет Генри минуту стояла неподвижно, как и отец. Потом на ее лице выступил ужас, и она медленно опустилась на пол. Она не упала: колени подогнулись, и она села. Правая рука уперлась в пол, и теперь ее испуганное лицо было обращено к отцу и Неду Бимону.

Ни один из них не взглянул на нее.

— Вы хотели убить Пола, чтобы он не смог обвинить вас в убийстве сына. Вы знаете, что вы можете убить его и выйти сухим из воды — сыграть джентльмена-рыцаря старой закваски, если вам удастся убедить мир в правоте своего решения, как вы пытались убедить меня. — Нед перевел дух.

Сенатор хранил молчание.

— Вы знаете, что Пол не станет выгораживать вас, если будет арестован, — если это будет возможным, он сделает все, чтобы не оставлять Дженет в уверенности, будто он убил ее брата. — Бимон с горечью засмеялся. — Какая ирония судьбы! — Он причесал волосы пальцами. — В тот раз случилось примерно следующее. Когда Тейлор услышал, что Пол поцеловал Дженет, он выбежал за ним, прихватив трость и надев шляпу, хотя это не особенно важно. Когда вы стали думать о том, что это может осложнить ваше переизбрание...

Сенатор прервал его возмущенным и хриплым голосом:

— Это бессмыслица! Я не допущу, чтобы моя дочь...

— Конечно, бессмыслица, — грубо засмеялся Бимон. — И то, что вы принесли домой трость, которой убили Тейлора, и надели его шляпу, потому что выбежали за ним с непокрытой головой, — это тоже бессмыслица, но эта бессмыслица пригвоздит вас к кресту.

— А признание Пола? — презрительным шепотом спросил сенатор.

— Да, признание Пола, — усмехнувшись, повторил

Нед. — Я скажу вам, что мы сделаем. Дженет, позвоните Полу и попросите, чтобы он сейчас же пришел сюда. Мы поведаем ему, как ваш отец хотел пойти на его поиски с револьвером, и послушаем, что он скажет.

Дженет пошевелилась, но с пола не встала. Лицо ее выражало крайнее замешательство.

— Это смешно. Мы не сделаем ничего подобного.

— Позвоните ему, Дженет, — повелительно повторил Бимон.

Девушка встала, все еще в замешательстве. Не обращая внимания на резкий возглас сенатора: «Дженет!» — она направилась к двери.

Тогда сенатор сменил тон и сказал ей:

— погоди, дорогая, — и затем Бимону: — Я бы хотел еще раз поговорить с вами наедине.

— Хорошо, — согласился Нед Бимон, поворачиваясь к растерянной девушке, стоявшей на пороге.

— Я хочу это слышать. Я имею право это слышать, — настойчиво произнесла Дженет, прежде чем Нед успел что-то сказать.

Он кивнул и снова взглянул на ее отца:

— Она имеет право.

— Дженет, дорогая, — сказал сенатор. — Я пытаюсь пощадить тебя. Я...

— Я не хочу, чтобы меня щадили, — тихо и бесстрастно отозвалась Дженет. — Я хочу знать.

— Тогда я ничего не скажу, — сенатор развел руками.

— Позвоните Полу, Дженет, — попросил ее Бимон.

— Нет, — сказал сенатор, прежде чем она сдвинулась с места. — Это для меня тяжелее, чем должно было быть, но... — Он достал платок и вытер руки. — Я расскажу вам, что произошло, а потом попрошу вас о любезности, в которой вы, думаю, не сможете мне отказать. Но... — Он прервался, чтобы взглянуть на дочь. — Войди обратно, дорогая, и закрой дверь, раз уж тебе так надо это слышать.

Девушка закрыла дверь, села возле нее на стул и подалась вперед, неестественно изогнувшись, с напряженным лицом.

Сенатор, все еще держа носовой платок, заложил руки за спину, без всякой враждебности посмотрел на Неда Бимона и продолжил:

— В тот вечер я выбежал за Тейлором, потому что

не хотел потерять
его сына. Я до
Тейлора трост
мере Тейлор в
вить меня с
лор говорил
разговаривать
чтобы бросить
произошло...
падая, ударил
нулся Мэдвиг
что Тейлор м
мы оставили
зал, что нам
стоящей пред
бя уговорить.
лора и дал м
с непокрытой
свернет следс
нам слишком
когда меня с
Тейлора, я п
честно во вс
страхами и
позаботиться
лицо и доба
— И ты
воскликнула
Сенатор в
Бимон м
том сказал:
— Ну пр
ды и прекр
Вы хотели п
Сенатор
Неда Бимон
— Но эт
— Нет.
— Прост
и повернулс
ду, и мне а
поставил. Я
мне револь
нуту — одн

не хотел потерять дружбу Пола из-за легкомыслия своего сына. Я догнал их на Чайна-стрит. Пол отобрал у Тейлора трость. Они ругались яростно, по крайней мере Тейлор выходил из себя. Я попросил Пола оставить меня с сыном, и он, отдав мне трость, ушел. Тейлор говорил со мной так, как ни один сын не смеет разговаривать с отцом, и попытался оттолкнуть меня, чтобы броситься за Полом. Я точно не знаю, как это произошло... этот удар... но это случилось, и Тейлор, падая, ударился головой о край тротуара. Потом вернулся Мэдвиг... он недалеко ушел... и мы обнаружили, что Тейлор мгновенно умер. Пол настоял на том, чтобы мы оставили его там и скрыли происшедшее. Он сказал, что нам могут устроить неприятный скандал в предстоящей предвыборной кампании, и... словом... я дал себя уговорить. Это Мэдвиг поднял с земли шляпу Тейлора и дал мне ее, чтобы дойти до дома — я выбежал с непокрытой головой. Он заверил меня, что полиция свернет следствие по этому делу, если оно подберется к нам слишком близко. Позже — на прошлой неделе, — когда меня стали беспокоить слухи о том, что Пол убил Тейлора, я пошел к нему и спросил, не лучше ли нам честно во всем признаться. Он посмеялся над моими страхами и заверил меня, что о себе вполне способен позаботиться сам. — Сенатор вытер носовым платком лицо и добавил: — Вот так это произошло.

— И ты бросил его лежать на улице! — задыхаясь, воскликнула дочь.

Сенатор вздрогнул, но ничего не сказал.

Бимон мгновение помолчал, нахмутив брови, а потом сказал:

— Ну прямо как предвыборная речь: толика правды и прекрасный гарнир. — Он скорчил гримасу. — Вы хотели просить о какой-то любезности.

Сенатор уставился в пол, потом снова посмотрел на Неда Бимона:

— Но это только для ваших ушей.

— Нет.

— Прости меня, дорогая, — сказал сенатор дочери и повернулся к Неду Бимону: — Я рассказал вам правду, и мне абсолютно ясно положение, в которое я себя поставил. Любезность, о которой я прошу, — вернуть мне револьвер и оставить меня на пять минут — на минуту — одного в этой комнате.

— Нет, — ответил Бимон.
Сенатор покачнулся, прижав руки к груди.
— Вы не должны уйти от расплаты, — сказал Бимон.

2

Нед Бимон проводил Фарра, его седовласую стенографистку, двоих детективов и сенатора до входной двери.

— Вы не едете с нами? — спросил Фарр.
— Нет, но мы с вами еще встретимся.
— Приходите поскорее, Нед, и почаще, — Фарр энергично пожал ему руку. — Вы откалываете номера, но я на вас не обижаюсь, когда вижу, что из этого получается.

Бимон с усмешкой посмотрел на него, обменялся кивком головы с детективами, поклонился стенографистке и закрыл дверь. Он поднялся по лестнице в комнату с белыми обоями, где стояло пианино. Дженет Генри встала с лирообразного диванчика ему навстречу.

— Они ушли, — сказал Нед Бимон нарочито деловым тоном.

— А... они...

— Получили довольно подробное признание — со множеством деталей, которых мы не слышали.

— Вы расскажете мне всю правду?

— Да.

— Что... — Девушка замолчала. — Что они с ним сделают, Нед?

— По всей вероятности, не особенно много. Его возраст, солидное положение и тому подобное помогут ему. Может статься, его осудят по обвинению в непредумышленном убийстве, и тогда решение не будут приводить в исполнение или наказание будет условным.

— По-вашему, это был несчастный случай?

Нед Бимон покачал головой. Взгляд его стал холодным.

— По-моему, его взбесила мысль о том, что сын губит его возможность переизбраться на выборах, и он ударил Тейлора.

Дженет Генри не возразила. Она слушала, сцепив пальцы. Следующий вопрос дался ей еще труднее:

— Он... он
— Собираю
мена старой за
закон бессиле
дет больше мо
по которой под
реизбранным
получил бы ва
Ему было без
знал, что вы
он это, он бы
— Я ненави
ным видом,
ненавижу его
так, Нед?
— Не зада
терпеливый ж
— А вы, —
меня, выстави
ня несчастье,
— Еще од
— Давно
знали это... об
— Даже
мозга это б
объясняло гл
убил Тейлора
кой причины,
это от меня.
шего отца пр
вится мне. Я
был уверен,
настырь. И
этим убийств
остановить м
— А поче
— Потом
по душе сво
Девушка
Сухим, будт
— И я в
Бимон от
Дженет
— Ответ

— Он... он собирался... застрелить Пола?

— Собирался. Он мог бы успешно сыграть джентльмена старой закваски, который мстит за смерть, когда закон бессилён. Он знал, что после ареста Пол не будет больше молчать. Пол молчал — по той же причине, по которой поддерживал желание вашего отца быть переизбранным — потому, что хотел получить вас. Он не получил бы вас, притворяясь, что убил вашего брата. Ему было безразлично, что думают остальные, но он не знал, что вы считаете его убийцей своего брата. Знай он это, он бы в одну секунду опроверг это обвинение.

— Я ненавидела его, — Дженет кивнула с несчастным видом, — и я была несправедлива, но я все еще ненавижу его. — Она всхлипнула. — Почему это так, Нед?

— Не задавайте мне загадок, — Бимон сделал нетерпеливый жест.

— А вы, — сказала Дженет Генри, — вы обманули меня, выставили меня на посмешище и навлекли на меня несчастье, но к вам я не питаю ненависти.

— Еще одна загадка.

— Давно ли, — спросила девушка, — давно ли вы знали это... об отце?

— Даже не знаю, как ответить. Где-то в уголке мозга это было давно. Это было единственным, что объясняло глупое поведение Мэдвига. Если бы Пол сам убил Тейлора, он сказал бы мне об этом. Не было такой причины, по которой он должен был бы скрывать это от меня. А вот скрывать от меня преступление вашего отца причина была. Он знал, что ваш отец не нравится мне. Я довольно ясно дал ему это понять. Он не был уверен, что я не подведу вашего отца под монастырь. И вот, когда я сказал ему, что разберусь с этим убийством, что бы он там ни говорил, он пытался остановить меня ложным признанием.

— А почему вам не нравился мой отец?

— Потому, — горячо сказал Бимон, — что мне не по душе сводники.

Девушка покраснела, стыд читался в ее взгляде. Сухим, будто деревянным голосом она спросила:

— И я вам не нравлюсь, потому что?..

Бимон отмолчался.

Дженет Генри закусила губу и воскликнула:

— Ответьте мне!

— Я ничего не имею против вас, — сказал Нед Бимон, — но на Пола вы действуете плохо. На него плохо действовало то, как вы с ним играли. Оба вы были для него чистым ядом. Я пытался ему растолковать это. Я пытался сказать ему, что вы оба считаете его некой более низкой формой жизни, достойной любого обращения. Я пытался втолковать ему, что ваш отец привык в жизни к легким победам и, попав в ловушку, сделается волком или потеряет голову. Но Пол влюбился в вас и... — Нед скрипнул зубами и отошел к пианино.

— Вы презираете меня, — тихо и бесстрастно произнесла Дженет Генри. — Вы думаете, что я шлюха.

— Я не презираю вас, — раздраженно отозвался Бимон, не оборачиваясь. — За все, что вы сделали, вы заплатили, так бывает с нами со всеми.

Они помолчали, потом Дженет сказала:

— Теперь вы с Полом опять будете друзьями.

Стоявший у пианино Бимон обернулся, сделал движение, словно хотел встряхнуться, и взглянул на свои часы:

— Теперь мне пора прощаться.

— Вы ведь не уезжаете? — В глазах девушки появился испуг.

— Я еще успею на поезд в четыре тридцать, — кивнул он.

— Вы навсегда?

— Да, если меня не привезут обратно на какой-нибудь судебный процесс, но я думаю, что этого не так трудно избежать.

Дженет Генри импульсивно вытянула руки:

— Возьмите меня с собой.

— Вы правда хотите поехать или вы просто истеричка? — Нед подмигнул ей. Теперь лицо девушки было багровым. Прежде чем она успела что-либо произнести, Бимон сказал: — Неважно. Я возьму вас с собой, если вы хотите. — Он нахмурился. — Но все это, — он показал на дом, — об этом кто будет заботиться?

— А, все равно — позаботятся наши кредиторы, — с горечью ответила она.

— Есть еще одно обстоятельство, о котором вам следует подумать, — медленно сказал Нед. — Все станут говорить, что, как только ваш отец попал в трудное положение, вы его бросили.

— Я бросаю его, — сказала девушка, — и я хочу, чтобы люди так говорили. А если вы увезете меня отсюда — мне все равно, что они скажут. — Она всхлипнула. — Если... если бы только он не ушел и не бросил Тейлора лежать одного на темной улице...

— Сейчас не будем об этом, — энергично сказал Бимон. — Если вы хотите поехать, то собирайте вещи. Столько, чтобы вместились в два дорожных чемодана. За остальным мы придем потом.

Дженет рассмеялась на высокой неестественной ноте и выбежала вон. Нед зажег сигару, сел к роялю и тихо наигрывал, пока не вернулась Дженет. Она надела черную шляпу и черное пальто, и в руках у нее были два чемодана.

3

На такси они поехали домой к Бимону и почти всю дорогу молчали. Только раз Дженет сказала отрывисто:

— В том сне — я не говорила вам — ключ был из стекла и разбился у нас в руках, когда мы открывали дверь, потому что замок не поддавался и нам пришлось его взломать.

Нед посмотрел на нее краем глаза и спросил:

— А потом?

Девушка передернула плечами.

— Я не смогла снова запереть дверь, змеи поползли на нас, и я с криком проснулась.

— Это был только сон. Забудьте его. — Бимон весело улыбнулся. — Мою форель вы бросили в воду тоже во сне.

Такси остановилось перед домом. Они поднялись по лестнице в его квартиру. Девушка предложила помочь собрать вещи, но Нед отказался:

— Сам управлюсь. Сидите и отдыхайте. До поезда еще целый час.

— Куда вы... куда мы едем? — робко спросила она, сев в одно из красных кресел.

— В Нью-Йорк, по крайней мере, сначала.

Когда позвонили в дверь, одна дорожная сумка уже была упакована.

— Вам лучше пройти в спальню, — предложил Би-

мон и отнес туда же чемоданы Дженет. Выйдя, он закрыл дверь в спальню.

Он подошел к входной двери и открыл ее.

— Я пришел сказать тебе, что ты был прав, и теперь я это знаю, — с порога заявил Пол Мэдвиг.

— Вчера ночью ты не зашел.

— Нет, тогда я еще не знал. Я приехал домой сразу после того, как ты ушел.

— Заходи, — кивнул Бимон, отступая от порога.

Мэдвиг вошел в комнату. Он сразу заметил дорожные сумки, но сначала обвел взглядом комнату и лишь потом спросил:

— Ты уезжаешь?

— Да.

Мэдвиг подошел к тому креслу, где сидела Дженет Генри. Годы проглянули в его лице, и он устало сел.

— Как дела у Оупэл? — спросил Бимон.

— Хорошо. Бедная девочка. Теперь-то все будет в порядке.

— Это ты ей устроил все.

— Я знаю, Нед. Господи, я ведь знаю это! — Мэдвиг вытянул ноги и разглядывал свои туфли. — Надеюсь, ты не думаешь, что я горжусь собой. — Помолчав, он добавил: — Я думаю... я знаю, что Оупэл хотела бы тебя увидеть, прежде чем ты умчишься.

— Тебе придется попрощаться от моего имени, и с мамулей тоже. Мой поезд отходит в четыре тридцать.

Мэдвиг поднял свои голубые глаза, которые туманило страдание:

— Ты, безусловно, прав, Нед, — хрипло проговорил он, — но... словом... ты прав! — Он снова опустил взгляд на туфли.

— А что ты будешь делать со своими не очень-то преданными помощниками? Призовешь их к порядку? Или они уже сами призвали себя к порядку?

— Фарр и все остальные крысы?

— Угу.

— Я дам им хороший урок. — Мэдвиг говорил решительно, но в его голосе не было энтузиазма, и он не отрывал глаз от своих туфель. — Это будет стоить мне четырех лет, но эти годы мне нужны, если я хочу делать чистую работу и создать организацию, которая устоит под любым ветром.

— Подведешь их под монастырь на выборах?

— Какой, к черту, монастырь! Бомбу я под них подведу! Шед умер. Я дам его шайке четыре года вершить все дела. Кто среди них может создать что-нибудь такое, из-за чего я мог бы беспокоиться? В следующий раз я получу город обратно, и к этому времени чистка будет закончена.

— Ты мог бы победить и сейчас, — заметил Бимон.

— Да, но я не хочу побеждать с этими подонками.

— Согласен, — кивнул Бимон. — Это наилучший путь, но потребуются терпение и нервы.

— Это единственное, что у меня есть, — грустно отозвался Мэдвиг. — Мне всегда не хватает трезвого рассудка. — Он перевел взгляд на камин. — Тебе надо уезжать, Нед? — спросил он едва слышно.

— Надо.

— Я не хочу выглядеть идиотом, — Мэдвиг громко закашлялся, — но мне было бы приятно думать, что независимо от того, уедешь ты или останешься, ты не держишь на меня зла, Нед.

— Я ничего против тебя не имею, Пол.

— И подашь мне руку? — вскинул голову Мэдвиг.

— Конечно.

Мэдвиг вскочил. Он схватил руку Бимона и сильно сжал ее:

— Не уезжай, Нед. Давай вместе, а?! Один Бог знает, как ты сейчас мне нужен здесь. Даже если б и не был нужен — я бы попытался загладить.

— Из-за меня тебе не нужно ничего заглаживать, — покачал головой Бимон.

— А ты?..

— Я не могу. — Бимон опять покачал головой. — Мне нужно ехать.

— Ну, так мне и надо, — Мэдвиг выпустил его руку и, сокрушенный, опустился в кресло.

Нед сделал нетерпеливый жест.

— Дело вообще не в этом. — Он закусил губу. Потом сказал без всякого перехода: — Здесь Дженет.

Мэдвиг посмотрел на него круглыми глазами.

Открыв дверь, из спальни вышла Дженет Генри. Бледное лицо было напряжено, однако голову она держала высоко. Девушка подошла прямо к Мэдвигу и сказала:

— Пол, я причинила тебе столько зла. Я...

Пол был бледен точно так же, как и она. Теперь краска прилила к лицу.

— Что ты, Дженет, — хрипло выдавил он. — Ничего такого ты... — дальнейшее перешло в невнятное бормотание.

Девушка вздрогнула, отступила.

— Дженет едет со мной, — нарушил неловкую паузу Бимон.

Мэдвиг открыл рот. Он тупо смотрел на Неда, и кровь опять отлила от его лица. Бледный как полотно, он что-то пробормотал, из чего было понятно только одно слово «счастье», неловко повернулся, неверными шагами направился к двери, открыл ее и вышел, не закрыв дверь за собой.

Дженет смотрела на Бимона. Пристальный взгляд Неда Бимона был направлен на дверь.

УБИЙСТВО— ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

Посвящается Лилиан

1

Я стоял, прислонясь к стойке подпольного бара* на Пятьдесят второй улице в ожидании Норы с рождественскими покупками, когда какая-то девушка поднялась из-за стола, где она сидела в обществе еще трех человек, и подошла ко мне. Это была невысокая блондинка, и неважно, на что смотреть — на лицо или на фигуру в голубом спортивном костюме, — картина получалась одинаково приятная.

— Вы Ник Чарльз? — спросила она.

— Да, — ответил я.

— Я Дороти Уинант. — Она протянула мне руку. — Меня вы не помните, но должны помнить моего отца, Клайда Уинанта. Вы...

— Еще бы, — ответил я, — а теперь припоминаю и вас, но тогда вам было лет одиннадцать или двенадцать, так?

— Да, это было восемь лет назад. А вот помните вы те истории, которые рассказывали мне? Это была правда?

— Навряд ли. Как поживает ваш отец?

— Это я хотела спросить у вас, — рассмеялась девушка. — Вы, наверное, не знаете, что мама ушла от него, и теперь сведения об отце до нас почти не доходят, за исключением тех случаев, когда он попадает в газеты из-за какой-нибудь своей выходки. Вы с ним не встречаетесь?

Мой бокал был пуст. Я спросил, не хочет ли она выпить, она ответила — шотландское виски с содовой, я заказал два и ответил:

— Нет, я теперь живу в Сан-Франциско.

* Бутлегерство и подпольная торговля спиртным (действие происходит в 1932 году) процветали в США во время «сухого закона» (1920—1933 гг.), запрещавшего производство и продажу алкоголя.

— Хотела бы я на него посмотреть, — произнесла она мечтательно. — Мать, конечно, выдаст мне на полную катушку, если узнает об этом, и все-таки мне хотелось бы повидать отца.

— За чем же дело стало?

— На Риверсайд-драйв, где он жил раньше, его уже нет, и в телефонной книге нет, и в адресном бюро.

— Попробуйте через его адвоката, — посоветовал я ей.

— А кто он? — Девушка оживилась.

— Как же его звали... какой-то Мак... Мак... ага, вспомнил — Маколей, Херберт Маколей. Его контора в небоскребе Зингера.

— Одолжите мне монетку, — попросила она и пошла звонить.

Девушка вернулась улыбаясь:

— Есть. Он здесь, за углом, на Пятой авеню...

— Ваш отец?

— Адвокат. Он говорит, что мой отец уехал из этого города. Я иду на встречу с адвокатом. — Она приподняла бокал. — За воссоединение семей. Ой, кто это...

Аста прыгнула и уперлась лапами мне в живот. Собаку привела Нора, которая тут же выпалила:

— У нее сегодня был славный вечерок — у Лорда и Тейлора она перевернула стол с игрушками, в универмаге Сакса напугала до полусмерти какую-то толстуху, лизнув ее ногу, и ее погладили трое полицейских.

— Моя жена — Дороти Уинант, — представил я их друг другу. — Ее отец когда-то был моим клиентом, девушка тогда была еще вот такусенькая. Вообще-то ее отец славный человек, но чуть-чуть с приветом.

— Я была от него в восторге, — прошебетала Дороти, тыкая в меня пальцем, — настоящий живой детектив, я ходила за ним по пятам как тень и кланчила, чтобы он рассказал мне о своих делах. Он пудрил мне мозги, а я верила каждому его слову.

— Ты вроде бы устала, Нора, — заметил я.

— Так оно и есть. Давай сядем.

Дороти сказала, что должна вернуться к своему столику.

Она пожала Норе руку, мы, дескать непременно должны зайти к ним на коктейль, они обитают в Кортленде, и теперь ее маму зовут Йоргенсен. Да, мы с удовольствием, и она тоже пусть заходит к нам, мы остановились в «Нормандии» и еще недельку-другую

поживем в Нью-Йорке. Дороти погладила собаку и удалилась.

— Красивая девушка, — сказала Нора, когда мы нашли свободный столик.

— Если тебе нравятся женщины такого типа.

— У тебя, оказывается, есть свои любимые типы? — улыбнулась Нора.

— Только ты, моя дорогая, — высокие худощавые брюнетки со злым изгибом губ.

— А та рыжая, с которой ты вчера вечером ушел от Куиннов?

— Не глупи, — сказал я, — она просто хотела показать мне кое-какие французские гравюры.

2

На другой день мне позвонил Херберт Маколей:

— Привет, я и не знал, что ты снова в городе, вчера только услышал об этом от Дороти Уинант. Может, позавтракаем вместе?

— Который час?

— Полдвенадцатого. Я тебя разбудил?

— Да, но это пустяки. А может, ты придешь на ленч сюда — у меня голова трещит, и сейчас идти куда бы то ни было... О'кэй, давай в час.

Я выпил рюмку с Норой, — ей надо было идти в парикмахерскую мыть голову, потом еще одну — после душа и к тому времени, когда телефон опять зазвонил, чувствовал себя уже лучше.

— Мистер Маколей у вас? — спросил женский голос.

— Еще нет.

— Не хотелось бы вас беспокоить, но, пожалуйста, передайте ему, чтобы он, как только придет, позвонил в свою контору. Это важно.

Я пообещал это сделать.

Маколей приехал минут через десять. Он был довольно привлекателен: длинноволос, розовощек, примерно мой ровесник — мужчина сорока одного года, хотя выглядел намного моложе. Он слыл вполне приличным адвокатом. Я выполнял некоторые его поручения, когда еще жил в Нью-Йорке, и мы были довольны друг другом.

Пожав руки, мы похлопали друг друга по спине, и он спросил, как со мной обходилась жизнь. Я ответил,

что хорошо, и спросил у него то же самое, и он ответил, что хорошо, а я сказал ему, чтобы он звякнул к себе в контору.

Он отошел от телефона, сморщившись:

— Приехал Уинант и хочет меня повидать.

Я обернулся с полными рюмками:

— Ладно, свой ленч мы...

— Подождет, — сказал адвокат и взял у меня рюмку.

— Он все такой же чокнутый?

— Тут не до шуток, — серьезно ответил Маколей. — Ты слышал, что они почти весь двадцать девятый год продержали его в санатории?

— Нет.

Адвокат кивнул. Он сел, поставил рюмку на столик рядом с собой и наклонился ко мне:

— И что же теперь затевает Мими?

— Мими? А-а, его экс-супруга. Понятия не имею. А что, она должна непременно что-то затевать?

— Обычно она это делает, — ответил он сухо, а потом очень медленно добавил: — И я думал, тебе это известно.

Так вот в чем дело!

— Послушай, Мак, я шесть лет, с двадцать седьмого года, не служу детективом.

Он посмотрел на меня большими глазами.

— Скажу тебе честно и откровенно, — заверил я его, — через год после моей женитьбы умер мой тесть и оставил дочери лесопилку, узкоколейную железную дорогу и кое-что еще — я ушел из агентства, чтобы присматривать за всем этим хозяйством. Да и все равно я не стал бы работать на Мими Уинант, или Йоргенсен, или как там ее теперь зовут — она меня на дух не выносила, а я и подавно.

— Это надо же, я и подумать не мог, что ты... — Маколей замолчал, сделал неопределенный жест и взял свою рюмку. Отпив, он продолжил: — Просто любопытно: три дня назад, во вторник, мне звонит Мими, разыскивает Уинанта, вчера звонит Дороти, говорит, что с твоего благословения, и заявляется ко мне, вот я и подумал, что ты трудишься в том же качестве, и никак не мог понять, что все это должно значить.

— А они тебе ничего не сказали?

— А как же — сказали, что хотят его видеть после всего, что было. А это означает немало.

— Вы, адвокаты, вечно не доверяете людям, — сказал я. — Ведь, может быть, что из-за этого — и из-за денег. Но почему такой ажиотаж? Он что — скрывается?

— Ты знаешь об этом деле столько же, сколько и я, — пожал плечами Маколей. — Я не видел его с октября. — Он отпил еще глоток. — Ты надолго останешься в городе?

— До начала нового года, — сказал я и пошел к телефону, чтобы распорядиться насчет меню.

3

В тот же вечер мы с Норой пошли в Малый театр на премьеру «Медового месяца», а оттуда — на вечер к Фриманам, или Фильдингам, или что-то в этом роде. Утром, когда меня разбудила жена, я понял, что похмелье будет тяжелым. Она протянула мне газету, кофе и велела:

— Читай.

Я осилил пару новостей, потом отложил газету и отпил глоток кофе:

— Шутки шутками, но сейчас я променял бы все когда-либо опубликованные интервью с мэром О'Брайеном и фотоснимки из Индии в придачу на изрядный глоток виски...

— Да не это, глупый, — Нора ткнула пальцем в газету. — Вот, прочти.

«СЕКРЕТАРША ИЗОБРЕТАТЕЛЯ УБИТА В СВОЕЙ КВАРТИРЕ»

Найден изрешеченный пулями труп Джулии Вулф; полиция разыскивает ее хозяина Клайда Уинанта.

Джулия Вулф, тридцатидвухлетняя секретарша известного изобретателя Клайда Миллера Уинанта, вчера вечером была найдена убитой в своей квартире на 54-й Восточной улице в доме № 411. Ее обнаружила миссис Кристиан Йоргенсен, разведенная жена изобретателя, которая пришла к секретарше, чтобы узнать адрес своего бывшего супруга.

Миссис Йоргенсен, которая только в понедельник возвратилась после шестимесячного пребывания в Европе, рассказала полиции, что когда она позвонила, то услышала за дверью слабый стон, после чего она велела лифтеру Мервину Холли сообщить об этом дворнику Уолтеру Мину. Когда они вошли в квартиру, мисс Вулф

лежала с четырьмя пулевыми ранениями в грудь (револьвер 32-го калибра) и умерла, не приходя в сознание, прежде чем прибыли полиция и «Скорая помощь».

Херберт Маколей, адвокат Уинанта, сообщил полиции, что не видел изобретателя с октября. Он утверждает, что Уинант звонил ему вчера и назначил встречу, но сам на нее не явился: он заявил, что не представляет, где находится его клиент. Мисс Вулф, по его утверждению, состояла на службе у изобретателя последние восемь лет. Адвокат сказал, что ничего не знает ни о родителях, ни о частной жизни убитой и поэтому не располагает никакой информацией для прояснения обстоятельств убийства.

Пулевые ранения не могли быть нанесены самой убитой, так как...»

Все остальное шло под обычным полицейским соусом.

— Ты думаешь, он убил секретаршу? — спросила Нора, когда я отложил газету.

— Уинант? Я бы не удивился. Он же совсем свихнулся.

— Ты знал эту секретаршу?

— Да. А у тебя не найдется капельки бодрящего?

— Какая она была, эта Джулия?

— Довольно миленькая, — ответил я. — Она была хорошенькая, толковая и умела владеть собой — и то и другое было необходимо, чтобы жить с этим типом.

— Они жили вместе?

— Да. Слушай, мне надо опохмелиться. То есть жили, когда я с ними сталкивался.

— Давай ты сначала позавтракаешь, а? Девушка любила его или для нее это была просто коммерция?

— Я не знаю. Завтракать еще рано.

Когда Нора открыла дверь, чтобы выйти, вошла собака, положила на кровать лапы и прижалась мордой к моему лицу. Я гладил ее по голове и пытался вспомнить — в свое время Уинант что-то говорил мне про женщин и собак. Какой-то анекдот о даме с собачкой. Я никак не мог вспомнить, что же это было, но почему-то казалось, что это очень к месту.

Нора вернулась с двумя полными бокалами и новым вопросом:

— А что собой представляет сам Уинант?

— Высокий — выше шести футов — и один из са-

мых худых людей, которых я видел в жизни. Сейчас ему должно быть около пятидесяти, но уже в ту пору, когда мы с ним встречались, волосы у него были почти белые. Жесткие, рыжие пополам с сединой усы, и еще он грызет ногти. — Я отодвинул собаку, чтобы взять бокал.

— Звучит неплохо. Как ты был с ним связан?

— Человек, который у него работал, обвинил его в краже идеи какого-то изобретения. Ага, его звали Кельтерман. Он пытался выжать из Уинанта деньги, угрожая застрелить его, подбросить в его дом бомбу, украсть его детей, перерезать горло его жене, если Уинант не заплатит. Потом мы так и не отыскали этого Кельтермана — верно, нагнали на него страху. Как бы то ни было, угрозы прекратились, и ничего не произошло.

— А Уинант действительно украл эту идею? — спросила Нора, сделав глоток.

— Постой, погоди! Сегодня Сочельник, и давай о каждом своем ближнем думать только хорошее.

4

В тот вечер я повел Асту прогуляться: объяснил двум «знатокам», что она — шнауцер, а не помесь шотландского терьера с ирландским, зашел в бар к Джиму, пропустил рюмку-другую, совершенно случайно столкнулся с Ларри Кроули и привел его с собой в «Нормандию». Нора как раз наливала коктейль Куиннам, Маргот Иннес, какому-то мужчине, чье имя я пропустил мимо ушей, и Дороти Уинант.

Дороти сказала, что хочет поговорить со мной, и мы с коктейлями удалились в спальню.

Она тут же взяла быка за рога:

— Ты думаешь, Ник, это мой отец убил ее?

— Нет, — ответил я. — С чего я должен так думать?

— Но полиция... Слушай, она ведь была папочкиной любовницей?

— Когда я с ними встречался, была, — кивнул я.

— Он мой отец, — сказала Дороти, глядя в свой бокал. — И никогда мне не нравился. И мать никогда не нравилась. — Она посмотрела на меня. — И Джилберт мне тоже не нравится. — Джилберт — ее брат.

— Не волнуйся. Очень многим не нравятся их родственники.

— А тебе нравятся?

— Мои родственники?

— Мои. — Она посмотрела на меня искоса. — И не говори со мной так, как будто мне все еще двенадцать лет.

— Дело не в этом, — объяснил я ей. — Я начинаю пьянеть.

— Ну, так нравятся?

Я покачал головой:

— Сама ты была ничего, просто балованный ребенок. А остальные меня не интересовали.

— Что же у нас не так? — спросила она не с вызовом, а так, словно и впрямь хотела это знать.

— Кое-что. Вы...

— Ник, пошли ко мне, — сказал, открыв дверь, Гаррисон Куинн, — поиграем в настольный теннис.

— Немного погодя.

— Свою красавицу тоже прихвати. — Он бросил на Дороти сальный взгляд и скрылся.

— Ты, наверное, не знаешь Йоргенсена, — сказала девушка.

— Я знаю одного Нильса Йоргенсена.

— Везет же некоторым. Этого зовут Кристиан. Липкий как мед. Это так похоже на мамочку — развестись с психом, чтобы выйти замуж за альфонса. — В глазах у нее заблестели слезы. Она всхлипнула и глубоко вздохнула: — Что же мне теперь делать, Ник? — спросила она голосом испуганного ребенка.

Я обнял ее за плечи и стал нашептывать, по-моему, что-то утешительное. Она плакала в рукав моей куртки. Рядом с кроватью зазвонил телефон. В соседней комнате радио играло «Взойди и просияй». Бокал мой был пуст. Я сказал:

— Уйди из дома.

— От себя не уйдешь, — снова всхлипнула она.

— Я, кажется, не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— Пожалуйста, не дразни меня, — сказала она кротко.

Нора, которая пришла взять трубку, вопросительно посмотрела на меня. Я соорудил ей гримасу поверх головы моей бедняжки.

Когда Нора сказала по телефону «алло», девушка отпрянула от меня и покраснела:

— Ах... прости, — пролепетала она запинаясь, — я не...

Нора участливо улыбнулась ей, а я сказал:

— Не будь дурочкой, — девушка отыскала платок и промокнула им глаза.

— Да... я посмотрю, дома ли он, — произнесла Нора в трубку. — Кто его спрашивает? — Она прикрыла трубку рукой и обратилась ко мне: — Какой-то человек по фамилии Норман. Будешь с ним говорить?

Я ответил, что не знаю, и взял трубку:

— Алло.

— Мистер Чарльз?.. — спросил хрипловатый голос. — Мистер Чарльз, как я понял, вы раньше работали во Всеамериканском детективном агентстве...

— Кто это? — спросил я.

— Меня зовут Альберт Норман, мистер Чарльз, и вряд ли это вам что-нибудь скажет, но я хотел бы сделать вам одно предложение. Я уверен, что вы...

— Какого рода?

— Не могу сказать этого по телефону, но, если вы уделите мне полчаса, я обещаю вам...

— Жаль. Я очень занят, и к тому же...

— Но, мистер Чарльз, это... — Тут послышался какой-то громкий звук — вроде выстрела, удара или чего-то подобного, что могло бы вызвать такой оглушительный шум. Я еще пару раз сказал «алло, алло», не получил никакого ответа и повесил трубку.

Нора подвела Дороти к зеркалу и стала утешать ее пудрой и румянами. Я сказал им:

— Страховой агент, — и пошел в гостиную выпить еще один коктейль.

Народу прибавилось. Я поболтал с гостями. Гаррисон встал с диванчика, на котором он сидел с Маргот Иннес, и заявил:

— Ну, теперь за настольный теннис.

Аста прыгнула мне передними лапами на живот. Я выключил радио и сделал себе еще коктейль. Человек, чье имя я не уловил, возвестил:

— Если будет революция, нас всех поставят к стенке в первую очередь. — Мысль эта казалась ему замечательной.

Куинн подошел наполнить свой бокал. Он посмотрел на дверь спальни:

— Где ты взял эту маленькую блондиночку?

— Качал ее когда-то на колене.

— На котором? Могу я потрогать?

Нора и Дороти вышли из спальни. Радио я сменил на вечернюю газету. Один из заголовков гласил:

«ДЖУЛИЯ ВУЛФ — БЫВШАЯ ДЕВУШКА ГАНГ-СТЕРА; АРТУР НУНХАЙМ УСТАНОВЛИВАЕТ ЛИЧНОСТЬ УБИТОЙ; УИНАНТ ВСЕ ЕЩЕ НЕ НАЙДЕН».

Нора, присевшая рядом, прошептала:

— Я пригласила девушку к обеду. Будь с ней по-ласковее. — Самой Норе было двадцать шесть лет. — Она вне себя.

— Как прикажешь. — Я обернулся. В другом углу комнаты Дороти смеялась, слушая Куинна. — Но если ты суешь свой нос в горести других, то не надейся, что потом я буду спрашивать, где бо-бо, и дуть тебе на больное место.

— Не надеюсь. Ты милый старый балбес. Не читай больше об этом. — Она отняла у меня газету и сунула её за радио, чтоб не мозолила глаза.

5

В ту ночь Нора не могла уснуть. Читала мемуары Шаяпина, я задремал, и тут она разбудила меня вопросом:

— Ты спишь?

Я сказал «да».

Она зажгла одну сигарету мне, другую себе:

— А ты не думаешь, что и теперь мог бы время от времени работать детективом просто ради развлечения? Ну, разумеется, когда происходит что-то особенное, как, например, дело Линдберга *?

— Лапушка, я предполагаю, что убийца — Уинант и что полиция поймает его без моей помощи. Мне это уже безразлично.

— Об этом я и не думала, но...

— К тому же у меня нет времени. Я должен печься о том, чтобы ты не разбазарила состояние, из-за которого я на тебе женился. — Я чмокнул ее. — А ты не думаешь, что одна рюмочка поможет тебе уснуть?

* В 1932 году состоялся суд над Б. Гауптманом, который похитил и убил маленького сына Чарльза Линдберга, знаменитого американского летчика. Ч. Линдберг первым в мире совершил беспосадочный перелет Нью-Йорк — Париж.

— Спасибо, нет.

— Может быть, поможет, если я выпью. — Взяв шотландское виски с содовой, я вернулся обратно в постель. — Милая девочка, но с придурью. Она не была бы дочерью своего отца, не будь в ней этого. Трудно сказать, насколько она действительно думает, что говорит, и насколько то, что она думает, соответствует реальной жизни. Она мне нравится, но я думаю, что ты...

— Я не уверена, что она нравится мне, — задумчиво сказала Нора, — она, по всей видимости, лгунья, она фальшивит, но если хотя бы четверть того, что она нам рассказывала, правда, то девочка и в самом деле попала впросак.

— Я ничем не могу ей помочь.

— А она думает, что можешь.

— И ты тоже, а это лишний раз доказывает: что бы ты ни подумала, ты непременно заставишь еще кого-нибудь думать точно так же.

Нора вздохнула.

— Был бы хоть трезвый, чтобы с тобой говорить. — Она наклонилась, чтобы отпить глоток из моего бокала. — Я дам тебе сейчас рождественский подарок, если ты отдашь мне мой.

Я покачал головой:

— За завтраком.

— Но Рождество наступило.

— Утром.

— Что бы ты мне ни подарил, — заявила она, — скорее всего мне это не понравится.

— И все же тебе придется оставить это себе, потому что продавец в «Аквариуме» сказал, что обратно они их, видимо, не возьмут. Потому что они уже поткусывали им хвосты...

— Ну, от тебя же ничего не отвалится, если ты поинтересуешься, можно ли ей помочь, а? Она так верит в тебя, Ники.

— В греков все верят.

— Я прошу тебя.

— Ты просто суешь свой нос в дело, которое...

— А кстати, жена Уинанта знала, что эта Вулф была его любовницей?

— Не знаю. Она терпеть не могла эту девушку.

— Какая она, эта жена?

— Не знаю — женщина как женщина.

— Красивая?

— Когда-то была очень красивая.

— Сколько ей?

— Лет сорок, сорок два. Оставь, Нора. Зачем тебе в это вмешиваться? Пусть Чарльзы занимаются своими горестями, а Уинанты своими.

Нора надула губы:

— Может, мне все-таки что-нибудь выпить?

Я поднялся с кровати и смешал ей коктейль. Когда я вошел с ним в спальню, зазвонил телефон. Я посмотрел на часы: почти пять часов.

— Алло... да, это я, — сказала Нора. Краем глаза она посмотрела на меня. — Конечно, обязательно... Да, обязательно. — Она положила трубку и усмешливо уставилась на меня.

— Ты неподражаема, — сказал я ей. — Что же теперь будет?

— Будет Дороти у нас в гостях. По-моему, она пьяная.

— Замечательно. — Я взял халат. — А то я уже боялся, что теперь мне придется спать.

Нащупывая туфли, Нора перегнулась через край кровати.

— Не будь старым брюзгой. Ты же можешь дрыхнуть весь день. — Она нашла туфли и встала. — Неужели девочка в самом деле так сильно боится своей матери, как говорит?

— Если у нее есть хоть капля рассудка. Мими — гремучая змея.

Нора пристально посмотрела на меня своими темными глазами и медленно спросила:

— Что ты скрываешь от меня?

— Ах, золотко, я так надеялся, что мне не придется сознаваться в этом. На самом деле Дороти моя дочь. Я не знаю, что на меня нашло. В Венеции была весна, я был так молод, и светила луна...

— Все шутишь. Не хотел бы ты поесть?

— Если ты тоже будешь. Что ты хочешь?

— Бутерброд: беф а ля татар с луком и кофе.

Дороти заявила в тот момент, когда я звонил в круглосуточно открытый магазин деликатесов. Я вошел в гостиную, она с явным усилием поднялась и сказала:

— Ник, я очень прошу извинить меня, что так беспокою вас с Норой, но идти сегодня ночью домой в таком состоянии я не могу. Я боюсь. Я не знаю, что

со мной может случиться и что я могу натворить. Пожалуйста, не прогоняйте меня. — Она была очень пьяна. Аста обнюхивала ее щиколотки.

— Стоп-стоп-стоп. Этого бояться не надо. Сядь. Скоро будет кофе. Где это ты так наклюкалась? — спросил я.

Она села и тупо покачала головой.

— Не знаю. После того, как я ушла отсюда, где я только не была! Везде, только не дома, потому что не могу в таком состоянии идти домой. А что у меня есть... — Она встала и достала из кармана плоский пистолет. — Смотрите. — Она махнула пистолетом в мою сторону, а Аста, радостно виляя хвостом, запрыгала, пытаясь достать его.

Нора шумно дышала. У меня по спине пробежали мурашки. Я оттолкнул собаку и взял у Дороти пистолет.

— Что за глупости? Сядь. — Я опустил пистолет в карман халата и усадил Дороти на стул.

— Не злись на меня, Ник, — захныкала она. — Можешь оставить его себе. Я не хочу ни с кем ссориться.

— Где ты его взяла? — спросил я.

— В подпольном баре на Десятой авеню. Я выменяла его у какого-то мужчины на свой браслет — ну, тот, с изумрудами и бриллиантами.

— А потом отыграла браслетик в кости, — добавил я. — Он ведь у тебя на руке.

— А я думала... — вытаращилась она на свой браслет.

Я посмотрел на Нору и покачал головой.

— Слушай, не придирайся к ней, — сказала Нора. — Она ведь...

— Он и не придирается ко мне, нисколько, — живо заговорила Дороти. — Он — он единственный человек во всем мире, кого я могу просить о помощи.

Я вспомнил, что Нора так и не притронулась к своему виски с содовой, поэтому пошел в спальню и выпил его. Когда я вернулся, Нора сидела на подлокотнике кресла Дороти, обняв девушку за плечи. Та шмыгала носом, а Нора говорила:

— Да Ник и не сердится. Ты ему нравишься. — Она посмотрела на меня. — Ты ведь не сердишься, Ники, а?

— Нет. Я только уязвлен. Откуда у тебя эта пушка, Дороти?

— От одного человека — я ведь сказала.
— Какого человека?
— Я же сказала вам — от какого-то человека из подпольного бара.
— И ты отдала ему за это свой браслет?
— Я думала, что отдала, а выходит — он на мне.
— Это я заметил.
— Конечно, он на тебе. — Нора погладила девушку по плечу.
— Когда придет посыльный с кофе и едой, я приплачу ему, чтобы он остался тут. Я не намерен торчать здесь один с двумя...
— Не обращай на него внимания, — сказала Нора, взглянув на меня. — Он сегодня всю ночь такой.
— Он считает меня маленькой пьяной дурочкой. Нора опять погладила ее плечо.
— А зачем тебе был нужен пистолет? — спросил я. Дороти попыталась выпрямиться и посмотрела на меня широко раскрытыми пьяными глазами.
— Для него, — взволнованно прошептала она, — когда он ко мне ползет. Я боялась потому, что была пьяная. В том-то и дело. Мне было страшно, и я пришла сюда.
— Это ты об отце? — спросила Нора, пытаясь скрыть тревогу в голосе.
Девушка покачала головой:
— Мой отец Клайд Уинант. Об отчине. — Она снова прислонилась к груди Норы.
Нора сказала «ах, так», словно ей все было ясно. Потом добавила:
— Бедное дитя, — и многозначительно посмотрела на меня.
— Выпьем за это по стаканчику, — предложил я.
— Я не буду. — Нора исподлобья глянула на меня. — И не думаю, что это нужно Дороти.
— Нужно. Это поможет ей успокоиться. — Я налил ей лошадиную дозу шотландского виски и позаботился, чтобы она его выпила. Подействовало замечательно — к тому времени, когда принесли кофе и бутерброды, она уже крепко спала.
— Теперь ты доволен, — заметила Нора.
— Теперь я доволен. Положим ее в постель, а потом сядем?
Я отнес Дороти в спальню и помог Норе ее раздеть. У девушки была хорошенькая миниатюрная фигурка.

Мы вернулись к столу. Я достал из кармана и осмотрел пистолет. Он был сильно побит. В нем было два патрона, один в стволе, другой в обойме.

— Что ты думаешь с ним делать? — спросила Нора.

— Ничего, пока не выясню, не из него ли была убита Джулия Вулф. Это тридцать второй калибр.

— Но она сказала...

— Она сказала, что получила его в кабаке... от какого-то человека... в обмен на браслет. Я слышал.

Нора наклонилась ко мне со своим бутербродом. Глаза ее блестели и казались почти черными:

— Ты думаешь, она получила его от своего отчима?

— Думаю, — ответил я, но сказал это слишком серьезным тоном.

— Ты противный грек. Может, и получила — ты ведь не знаешь. А ее словам ты не веришь.

— Послушай, милая, завтра я куплю тебе целую кучу криминальных романов, но сегодня ночью не утруждай загадками свою симпатичную головку. Девушка хотела сказать тебе, что она боится: дома ждет Йоргенсен, который будет домогаться ее силой, когда она вернется, а она так набралась, что не сможет отбрыкаться.

— Но ее мать!

— Семья есть семья. Ты можешь...

Дороти Уинант стояла на пороге в ночной сорочке, которая была ей чересчур длинна. Покачиваясь и моргая на свету, она сказала:

— Можно мне сюда ненадолго? Пожалуй, мне страшно там одной.

— Разумеется.

Она вошла и свернулась клубочком рядом со мной на диване, пока Нора ходила за чем-нибудь, чтобы укрыть ее.

6

Мы втроем завтракали ранним утром, когда прибыли Йоргенсены. Нора ответила им по телефону и подошла к нам, делая вид, что ничуть не напряжена.

— Твоя мать, — сказала она Дороти. — Она внизу. Я попросила ее подняться.

— Черт побери. Лучше бы я ей не звонила, — сказала Дороти.

— Живем, как в проходном дворе, — заметил я.
— Он так не думает, — проворковала Нора и погладила плечо Дороти.

Позвонили в дверь. Я пошел открывать.

Восемь лет нисколько не повредили Мими. Она стала чуть более зрелой, чуть более броской, но и все. Она была выше дочери, и цвет ее светлых волос был сочнее. Рассмеявшись, она протянула мне обе руки.

— С Рождеством. Как приятно снова видеть тебя через столько лет. Это мой супруг. Мистер Чарльз. Крис.

Я пожал руку Йоргенсену. Он был лет на пять моложе жены, высокий, худой, смуглый мужчина, тщательно одетый, с гладкими, скользкими волосами и нафабреными усами.

— Здравствуйте, мистер Чарльз, — он поклонился всей верхней частью тела. У него был сильный немецкий акцент, и рука оказалась тощая, но крепкая.

После знакомства Мими извинилась перед Норой за то, что они так свалились нам на голову:

— Но мне хотелось снова увидеть вашего супруга, и я знаю, что моя девочка никуда не приходит вовремя, если ее не привести силой. — Она обратила свою улыбку к Дороти. — Одевайся, милочка.

Милочка с набитым ртом пробормотала, что не видит никакого смысла просиживать целый вечер у тети Элис, даже в Рождество:

— Держу пари — Джилберт не придет.

Мими сказала, что Аста милая собачка, и спросила у меня, не представляю ли я, где находится ее бывший муж.

— Нет.

— Он ненормальный, абсолютно ненормальный, если пропадает в такое время, — она продолжала играть с собакой. — Неудивительно, что полиция поначалу решила, что он связан с этим делом.

— Что же они думают теперь? — спросил я.

— Ты что, не читал газет? — Она посмотрела на меня снизу вверх.

— Нет.

— Это какой-то Морелли — гангстер. Он убил ее. Он был любовником секретарши.

— Они его взяли?

— Еще нет, но убийца он. Найти бы мне этого Клайда. От Маколея тоже пользы, как от козла моло-

ка. Он говорит, что не знает, где Клайд, но ведь это смешно. Клайд сделал его своим адвокатом и все такое, и я отлично знаю, что он имеет связь с Клайдом. Вы думаете, что Маколею можно доверять?

— Он адвокат Уинанта, — ответил я. — Не знаю, почему ты должна ему доверять.

— Вот и я так думаю. — Она поерзала на диванчике. — Садись. У меня к тебе масса вопросов.

— Как насчет стаканчика для начала?

— Согласна. Только не горячее яичное пиво. От него у меня желчный пузырь болит.

Когда я вышел из кладовой, Нора и Йоргенсен пытались говорить по-французски, Дороти все еще притворялась, что ест, а Мими снова принялась играть с собакой. Я наполнил бокалы и сел рядом с Мими.

— У тебя симпатичная жена.

— Мне нравится.

— Скажи мне правду, Ник, Клайд в самом деле сумасшедший? То есть настолько сумасшедший, что надо бы его...

— Откуда мне знать.

— Я из-за детей беспокоюсь, — сказала она. — У меня на него нет больше никаких прав — это он устроил, когда я ушла от него, — зато у детей есть. Мы сейчас совсем на мели, а он пустит все на ветер и оставит их без гроша. Как ты думаешь — что мне делать?

— Ты хочешь отправить его в сумасшедший дом?

— Н-нет, — протянула она, — но мне хотелось бы с ним поговорить. — Она положила свою руку на мою. — Разыскал бы ты его.

Я покачал головой.

— Ник, ты не хочешь мне помочь? Когда-то мы были друзьями. — Ее большие голубые глаза смотрели мягко и просяще.

Дороти с подозрением наблюдала за нами со своего края стола.

— Бога ради, Мими, — сказал я, — в Нью-Йорке тысяча детективов. Найми себе кого-нибудь. Я больше не работаю в этой области.

— Я знаю, но... Дороти вчера ночью была сильно пьяна?

— Я, наверное, тоже. По-моему, ничего особенного с ней не было.

— Как, по-твоему, она выросла в прелестную маленькую девушку?

— По-моему, она всегда была такой.

— Но она же еще совсем дитя, Ник, — сказала она, подумав над моим ответом.

— При чем тут это?

— Может, теперь ты оденешься, Дороти? — с улыбкой предложила Нора.

Дороти мрачно ответила, что не видит никакого смысла тратить целый вечер на тетю Элис.

— Миссис Чарльз так любезна, что предлагает нам...

— Да, — сказала Нора, — почему бы вам не остаться у нас? Придет еще несколько человек. Ничего особо увлекательного, но... — Фразу она завершила поднятием бокала.

— Это было бы чудесно, — медленно ответила Мими, — но я боюсь, что Элис...

— Можно извиниться по телефону, — посоветовал Йоргенсен.

— Давай я позвоню, — сказала Дороти.

— Будь с ней повежливее, — кивнула Мими.

Дороти пошла в спальню. Все сразу повеселели. Нора поймала мой взгляд, заговорщически подмигнула, и мне пришлось смириться, поскольку Мими в это время смотрела на меня.

— Вы же не хотели, чтобы мы здесь оставались, ведь не хотели? — спросила меня Мими.

— Конечно, хотели.

— Наверно, ты лжешь. Ты не был привязан к бедной Джулии?

— «Бедная Джулия» в твоих устах звучит так трогательно. Да, она мне нравилась.

— Она разрушила мой брак с Клайдом, — Мими снова положила свою руку на мою. — Естественно, я ненавидела ее — тогда, — но с тех пор прошло столько времени. Когда я пошла навестить ее в пятницу, я не испытывала к ней никакого особенного чувства. И я видела, как она умирала, Ник. Она не заслужила такой смерти. Это было чудовищно. Что бы я ни чувствовала раньше, теперь осталось одно лишь сострадание. И «бедная Джулия» я сказала вполне серьезно.

— Я не знаю, что ты замышляешь, — сказал я. — Я не знаю, что и кто из вас замышляет.

— Кто из нас... — повторила она. — Разве Дороти?..

Дороти вышла из спальни.

— Я была пай-девочка. — Она поцеловала мать в губы и села рядом с ней.

Мими, рассматривая в зеркальце пудреницы, не распознала ли помада, спросила:

— Она не капризничала?

— Нет, я была пай-девочка. Что надо сделать, чтобы получить выпить?

— Надо подойти к столу, где есть лед и бутылки, и наполнить свой бокал.

— Ты слишком много пьешь, — заметила Мими.

— Я пью все же меньше, чем Ник. — Дороти пошла к столу.

— Ох уж эти дети! — Мими покачала головой. — Я хотела сказать, что ты был довольно сильно привязан к Джулии, верно?

— Ник, ты хочешь? — крикнула Дороти.

— Спасибо, — ответил я ей, а потом Мими: — Она мне нравилась.

— Ты уклоняешься лучше кого бы то ни было, — пожаловалась Мими. — Она нравилась тебе так же сильно, как, например, я?

— Ты имеешь в виду те два вечера, когда мы вместе убивали время?

Мими расхохоталась:

— Вот это ответ! — И обернулась к Дороти, которая подходила к нам с бокалами.

Я взял бокал у Дороти и сказал, что пойду оденусь как следует.

7

Когда я вышел из ванной комнаты, Нора и Дороти были в спальне. Нора причесывалась, Дороти сидела на кровати и вертела чулок.

Нора послала мне воздушный поцелуй в зеркало на туалетном столике. Казалось, она вполне счастлива.

— По-моему, Ник тебе очень нравится, а, Нора? — спросила Дороти.

— Он старый греческий болван, но я к нему привыкла.

— Чарльз — это не греческое имя.

— Вообще-то оно звучит Чараламбидес, — пояснил я. — Когда мой папаша попал сюда, переехав че-

рез лужу, то невежда, который пропускал их на Эллис-Айленде, сказал, что Чараламбидес слишком длинно — больно долго выписывать, — и урезал его до Чарльза. Папаше от этого было ни жарко ни холодно, называйте, дескать, хоть мистер Икс, главное, что пустили в страну.

— Никак не пойму, когда ты врешь, а когда нет, — Дороти посмотрела на меня и стала натягивать чулок, потом остановилась. — Что мама хочет у тебя выведать?

— Ничего. Так просто качает. Ей хочется знать, что ты делала и говорила вчера ночью.

— Так я и думала. Что ты ей сказал?

— А что я мог ей сказать? Ты ведь ничего не делала и не говорила.

Девушка поморщилась, но когда она опять заговорила, то уже совсем о другом:

— Я и не знала, что у тебя с мамой когда-то что-то было. Конечно, я была совсем ребенком и все равно ничего бы не поняла, если б и заметила; я не знала даже, что вы друг с другом на «ты».

— Вот уже кое-что начинает проясняться. — Нора, смеясь, повернулась от зеркала и указала расческой на Дороти. — Давай, давай, золотце.

— Я просто не знала.

— И что же ты знаешь теперь? — Я вытащил из рубашки булавки, которыми ее закалывали в прачечной.

— Ничего, — медленно ответила она и вспыхнула. — Но могу предполагать. — Она склонилась к своему чулку.

— Ну так предположи, — буркнул я. — Ты дурочка, но только не цепеней так. Что ты можешь поделать, раз у тебя черные мысли.

Она подняла голову и засмеялась, но когда она спросила:

— Как ты думаешь, я похожа на свою мать? — лицо у нее было серьезным.

— Меня бы это не удивило.

— А как ты думаешь?

— Ты хочешь, чтобы я ответил — нет. Итак — нет.

— Вот видишь, с каким мужем мне приходится жить, — весело сказала Нора. — С ним ничего не поделаешь.

Я первым закончил одеваться и пошел в гостиную. Мими сидела на коленях у Йоргенсена. Она встала и спросила:

— Что тебе подарили на Рождество?

— Нора преподнесла мне часы. — Я показал их. Мими сказала, что часы красивые, так оно и было.

— А что ты подарил ей?

— Ожерелье.

В дверь позвонили. Я впустил Куиннов, Маргот Иннес и представил их Йоргенсенам. Тем временем Нора и Дороти тоже закончили одеваться и вышли из спальни — Куинн направился к Дороти. Приехал Ларри Кроули с какой-то девушкой по имени Дениз, а несколько минут спустя Эджи. Я одним махом выиграл в трик-трак у Маргот тридцать два доллара. Потом девушке Дениз понадобилось сходить в спальню и прилечь. Вскоре после шести Элис Куинн с помощью Маргот удалось оттащить своего мужа от Дороти и увести его в гости, куда они обещали пойти. Ушли и Эджи. Мими надела пальто и велела мужу и Дороти тоже одеваться.

— Приглашение, конечно, запоздалое, — сказала она, — но не хотите ли вы завтра вечером пообедать у нас?

— С удовольствием, — ответила Нора.

Мы обменялись рукопожатиями, осыпали друг друга любезностями, и гости удалились. Нора закрыла за ними дверь и прислонилась к ней головой.

— Господи, до чего красивый человек, — сказала она.

8

До сих пор мне было понятно, какую роль я играю в делах Вулф — Уинанта — Йоргенсен и что мне делать, и ответы были такими: никакой и ничего. Но на другое утро в кафе Рибена Нора открыла газету и в разделе светской хроники прочла такие строки: «Ник Чарльз, бывший туз Всеамериканского детективного агентства, прибыл с Западного побережья, чтобы расследовать загадку убийства Джулии Вулф». А несколькими часами позже я открыл глаза и сел в постели, оттого, что Нора трясла меня, а в дверях спальни стоял незнакомец с револьвером.

Это был сравнительно молодой смуглый здоровяк среднего роста, с квадратной челюстью и близко посаженными глазами. Черный котелок и черный плащ сидели на нем отлично, а темный костюм и черные туфли выглядели так, будто их купили четверть часа тому назад. Черный револьвер 39-го калибра, короткий и грубый, удобно расположился в его руке, и он ни в кого не целился.

— Я была вынуждена его впустить, — сказала Нора. — Он заявил, что ему нужно...

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал человек с пушкой. — Очень нужно. — Голос у него был хриплый и грубый.

К этому времени я уже окончательно очухался. Посмотрел на Нору. Она была встревожена, но, очевидно, не напугана: она словно бы наблюдала за лошадью, на которую поставила и которая приближается к финишу на морду впереди второй.

— Хорошо, говорите, — ответил я, — но, может, вы все-таки уберете оружие? Жене-то моей не страшно, но я беременный и не хочу, чтобы ребенок...

Он улыбнулся нижней губой.

— Не надо мне доказывать, что вы тертый калач. Я о вас слышал. — Револьвер исчез в кармане плаща. — Я Шеп Морелли.

— Никогда о вас не слыхал.

Он шагнул в комнату.

— Я не убивал Джулию.

— Возможно, но вы пришли со своей новостью не по адресу. Я не имею к этому никакого отношения.

— Я не видел ее три месяца. Мы разошлись.

— Скажите это в полиции.

— У меня не было ни малейшего повода обижать ее — она со мной вела себя откровенно и без фокусов. Всегда.

— Это замечательно, — сказал я, — только вы предлагаете свой товар не на том рынке.

— Послушайте. — Он сделал еще шаг к кровати. — Стадзи Берк говорит, что раньше вы были ого-го. Поэтому я здесь и...

— Как поживает Стадзи? Я не видел его с тех пор, как в 23-м или в 24-м году он отправился по реке в тюрьму.

— Хорошо поживает. Хотел вас видеть. У него ка-

бак на Западной Сорок девятой, «Клуб Пигирон». Но послушайте, чего эта полиция от меня хочет? Они в самом деле думают, что это моя работа? Или в очередной раз собираются повесить мне что-то?

Я покачал головой:

— Знал бы — сказал. Газеты пудрят вам мозги: я больше не работаю в этой области. Справьтесь в полиции.

— Это было бы ловко. — Он снова улыбнулся одной нижней губой. — Это был бы самый ловкий трюк во всей моей жизни. Один капитан полиции уже третью неделю лежит в больнице — он хотел пролить свет на то, что у нас с ним было. Эти ребята будут в восторге, когда я притопаю к ним и начну задавать вопросы. От радости они спляшут мне танец с резиновыми дубинками. — Он повернул свою руку ладонью вверх. — Я пришел к вам по-честному. Стадзи говорит, что вы человек честный. Ну, так будьте честным.

— Я и так честно говорю с вами, — уверил я его. — Если бы я что-нибудь знал, то я...

В дверь, ведущую в коридор, трижды резко пробарабанили костяшками пальцев. Прежде чем шум утих, Морелли выхватил револьвер. Казалось, глаза у него двинутся во всех направлениях сразу. Его голос, ставший вдруг грудным, зазвучал металлом:

— Кто это?

— Понятия не имею. — Я поудобнее уселся в постели и взглянул на револьвер, который он держал в руке. Дуло смотрело мне прямо в грудь. Я слышал, как стучит кровь у меня в ушах.

Низкий голос за дверью произнес:

— Откройте. Полиция.

Нижняя губа Морелли лизнула верхнюю, и белки его глаз показались из-под век.

— Ах ты выблядок, — с растяжкой произнес он, словно ему было меня жалко. Он чуть шевельнул ногами, прижав подошвы к полу.

Левой рукой я опрокинул Нору на пол. Подушка, брошенная правой рукой в револьвер, казалась невесомой — она не летела, а плыла, словно перышко. Ни до, ни после этого я в жизни не слышал такого грохота, как револьверный выстрел Морелли. Что-то задело мой левый бок, когда я летел на пол. Я ухватил ло-

дыжку Морелли и повернул ее, он свалился на меня и молотил по спине револьвером, пока я не высвободил руку и не врезал ему в нижнюю часть тела, как только мог.

В комнате появились люди и разлучили нас. Пять минут мы приводили Нору в чувство.

Она села, держась за щеку, стала озираться, пока не увидела стоящего между двумя детективами Морелли с наручником на руке. На его лицо было тяжело смотреть — ребята его слегка обработали, так, для профилактики. Нора уставилась на меня:

— Ты безмозглый кретин. Зачем было бить меня до бесчувствия? Я знала, что ты с ним справишься, но хотела посмотреть на это своими глазами.

Один из полицейских засмеялся.

— Бог мой, — сказал он восхищенно, — наконец-то хоть одна женщина с львиным сердцем.

Нора улыбнулась полицейскому и встала. Но когда она посмотрела на меня, улыбка ее погасла.

— Ник, да ты же...

Я сказал, что дело вроде пустяковое, и отодвинул полу пижамы, вернее, то, что от нее еще осталось. Пуля прорезала под левым соском бороздку примерно в четыре дюйма. Из нее ручьем лила кровь, но рана была неглубокая.

— Мимо. Еще бы два дюйма — и полный ажур, — расстроился Морелли.

Полицейский врезал Морелли по зубам, тот самый, который восхитился Норой, высокий, лет сорока пяти, с пшеничными волосами, в сером костюме, который не слишком хорошо сидел на нем.

Кайзер, администратор «Нормандии», пообещал вызвать врача и подошел к телефону. Нора побежала в ванную за полотенцами.

Я прижал полотенце к ране и лег.

— Все нормально. Подождем, пока придет доктор. Как случилось, что вы сюда заглянули?

— Мы прослышали, — ответил полицейский, который ударил Морелли, — будто здесь встречается семья Уинанта, его адвокат и другие, решили посмотреть за этим местом. Когда Мак, который дежурил утром, увидел, как в дом проскользнул этот тип, он нам звякнул, мы прихватили мистера Кайзера и поднялись, и поблагодарите за это свою судьбу.

— Как знать.
— Он недоверчив
были светло-серы
— Это ваш п
— Впервые в
— Чего он от
— Хотел ска
ку, Вулф.
— А вам что
— Ничего.
— А почему
— Спросите
— Но я спра
— Ну и спра
— Я спрошу
присягой, что о
— И на это
можно, это был
— О'кей. В
помучить боль
к одному из с
ро. — Давай-к
— Только
— Ого. На
вать комнату.
Приехал
он щупал мо
остановил кр
опасаться неч
Врачу никто
ла ему притр
еще более бле
Высокий
гостиной, дер
— У вас
— Нет.
— В так
из-за спины
Уинант.
Сказать
— Вы с
сил он.
— Да.
— Тогда
оружие?

— Как знать, может, иначе я не был бы ранен.
Он недоверчиво посмотрел на меня. Глаза у него были светло-серые, водянистые.

— Это ваш приятель?

— Впервые в жизни его вижу.

— Чего он от вас хотел?

— Хотел сказать мне, что он не убивал ту девушку, Вулф.

— А вам что до этого?

— Ничего.

— А почему он считал, что вам есть до этого дело?

— Спросите у него. Я не знаю.

— Но я спрашиваю вас.

— Ну и спрашивайте.

— Я спрошу вас еще об одном. Вы подтвердите под присягой, что он хотел вас застрелить?

— И на этот вопрос я не могу ответить сразу. Возможно, это была случайность.

— О'кэй. Время есть. Судя по всему, придется вас помучить больше, чем мы собирались. — Он обернулся к одному из своих товарищей — всего их было четверо. — Давай-ка обыщем этот бункер.

— Только если имеете санкцию, — сказал я ему.

— Ого. Начинай, Энди. — Они принялись обыскивать комнату.

Приехал врач — бледный насморочный тип, — он щупал мой больной бок и кудахтал, как курица, остановил кровотечение, перевязал рану и сказал, что опасаться нечего, если я спокойно полежу пару дней. Врачу никто ничего не сказал. Полиция не позволила ему притронуться к Морелли. Он ушел, казалось, еще более бледный и смурной, чем прежде.

Высокий светловолосый полицейский вернулся из гостиной, держа руку за спиной.

— У вас есть разрешение на ношение оружия?

— Нет.

— В таком случае зачем у вас это? — Он достал из-за спины пистолет, который я отобрал у Дороти Уинант.

Сказать мне было нечего.

— Вы слышали о законе Салливанда? — спросил он.

— Да.

— Тогда вы знаете, что попались. Это ваше оружие?

— Нет.

— Чье же?

— Я должен припомнить.

Он положил пистолет в карман и сел на стул возле кровати.

— Послушайте, мистер Чарльз, — сказал он, — по-моему, мы оба не правы. Я не хочу с вами ссориться и думаю, что вы не хотите ссориться со мной. Эта дырка в боку, видимо, ваше самочувствие не улучшила, поэтому пока я оставляю вас в покое, вы сможете немного отдохнуть. Потом, я думаю, мы поведем это дело как положено.

— Благодарю вас, — ответил я совершенно искренне. — Выпьем за это.

— Да уж, — сказала Нора и встала с кровати. Высокий блондин следил за ней, пока она не вышла из комнаты. Он многозначительно покачал головой. И голос у него тоже был многозначительно-серьезным:

— Честное слово, сэр, вы счастливчик. — Потом он угловатым движением протянул мне руку: — Меня зовут Гилд, Джон Гилд.

— Мое имя вам известно. — Мы пожали друг другу руки.

Вернулась Нора, неся на подносе сифон, бутылку шотландского виски и несколько бокалов. Она хотела протянуть бокал и Морелли, но Гилд вмешался:

— Это крайне любезно с вашей стороны, миссис Чарльз, но противозаконно — давать арестованному алкоголь или лекарства, только по предписанию врача. — Он посмотрел на меня. — Верно?

Я ответил, что так оно и есть. Все остальные выпили.

Вскоре Гилд отставил свой пустой бокал и встал со стула.

— Пистолет мне придется взять с собой, но не волнуйтесь за него. У нас будет время поговорить об этом, когда вы поправитесь. — Он взял Норину руку и склонился над ней. — Надеюсь, вы не обиделись на то, что я недавно сказал, но все было так...

Нора умеет очень мило улыбаться. Она подарила ему одну из самых очаровательных своих улыбок:

— Обиделась? О нет, мне это даже понравилось.

Она выпустила полицейских и их подконвойного. Кайзер ушел на несколько минут раньше.

— Приятный че-
— Иди ты. Дава
— Это все из-за
— Нет.
— Сегодня я бы
— А я и не бу
завтраку меня бы
надолго тишина и
из-под ареста на
чтобы не соединя
будут ломиться ре
— Что ты ска
Что-то ты ведь дол
— Пока не зна
— Скажи мне
глупо?
Я покачал голо
— Нормально
— Ты против
ра, встала и пош

— Ты просто
зачем? — спрос
отскакивают. Не
— Ничего с
— И вообще
хоть денек в пос
— Если б
чился бы от св
на пол. Аста по
Нора прине
— Ну и хо
пусть кровь теч
Я осторожни
если не особе
передних лап
— Давай
ми людьми —
это даст? Те
здорово жив
этого получи

— Приятный человек, — сказала Нора, возвращаясь от двери. — Очень больно?

— Нет.

— Это все из-за меня, конечно?

— Иди ты. Давай лучше нальем...

Нора плеснула мне виски.

— Сегодня я бы на твоём месте не налегала.

— А я и не буду. Но парочка копченых сельдей к завтраку меня бы порадовала. И пока в доме хоть ненадолго тишина и спокойствие, ты могла бы выпустить из-под ареста нашу собачку. И попроси оператора, чтобы не соединяли наш телефон. По всей видимости, будут ломиться репортеры.

— Что ты скажешь полиции о пистолете Дороти? Что-то ты ведь должен им сказать, да?

— Пока не знаю.

— Скажи мне правду, Ник, я вела себя очень глупо?

Я покачал головой:

— Нормально.

— Ты противный, занудный грек, — засмеялась Нора, встала и пошла к телефону.

9

— Ты просто хочешь порисоваться, вот и все. Но зачем? — спросила Нора. — Я знаю, что пули от тебя отскакивают. Не нужно мне это доказывать.

— Ничего страшного не случится, если я встану.

— И вообще ничего не случится, если ты побудешь хоть денек в постели. Доктор сказал...

— Если б он хоть что-нибудь смыслил, так вылечился бы от своего насморка. — Я сел и опустил ноги на пол. Аста пощекотала их языком.

Нора принесла мне домашние туфли и куртку:

— Ну и хорошо, строй из себя героя, вставай, и пусть кровь течет на ковер.

Я осторожненько встал, и все оказалось в порядке, если не особенно размахивать левой рукой и избегать передних лап Асты.

— Давай поразмыслим. Я не хотел иметь дело с этими людьми — и сейчас не хочу, — но что хорошего мне это даст? Теперь я уже не могу бросить это дело за здорово живешь. Я должен посмотреть, что из всего этого получится.

— Давай уедем отсюда, — предположила Нора. — Рванем на недельку-другую в Гавану или на Бермуды или вернемся на Западное побережье.

— Мне все-таки придется что-то сказать полиции об этом пистолете. И предположим, что он окажется тем самым, из которого убили Джулию? Это они установят, если пока и не знают.

— Ты действительно считаешь, что это тот самый?

— Я просто предполагаю. Сегодня вечером мы пойдем к ним на обед и...

— Ничего подобного мы не сделаем. Ты совсем спятил? Если ты хочешь кого-нибудь видеть, пригласим их сюда.

— Это совсем не одно и то же. — Я обнял ее. — Забудь об этой царапине. Я вполне здоров.

— Ты рисуешься. Хочешь всем показать, что ты герой, которого и пулей не остановить.

— Не будь такой противной.

— Ну, конечно, я противная. Не могу же я позволить...

Я прикрыл ее рот рукой:

— Хочу увидеть Йоргенсенов в их собственном доме, хочу увидеть Маколея, Стадзи Берка. Меня уже достаточно потрепали. Я хочу посмотреть, что можно сделать.

— Ты упрямая зануда, — сказала Нора. — Хорошо, сейчас только пять часов. Ложись, пока не надо будет переодеваться.

Я удобно устроился на диване в гостиной. Мы попросили прислать нам вечерние газеты. Оказалось, что Морелли стрелял в меня — судя по одной газете, два, а по другой — три раза, когда я пытался арестовать его за убийство Джулии Вулф, и я настолько близок к смерти, что меня нельзя ни навещать, ни транспортировать в больницу. Они опубликовали фотографию Морелли и мою — тринадцатилетней давности в довольно причудливой шляпе. Этот снимок, я вспомнил, был сделан, когда я занимался биржевым крахом на Уолл-стрит. Новая полицейская информация об убийстве Джулии Вулф была довольно неопределенной. Мы как раз читали ее, когда появилась наша постоянная гостья, маленькая Дороти Уинант.

Я услышал ее голос в дверях, когда Нора открыла.

— Они не согласились доложить обо мне, и я тайком проскользнула наверх. Пожалуйста, не отсылайте

меня. Я помогу тебе.
нужно. Прошу тебя, Р
Теперь и у Норы
словечко:
— Заходи же.
Дороти вошла.
глазами.
— Но в газетах
— Выгляжу та
ле? Что с тобой?
уголке треснула, на
за были красные и
— Мать побила
пол жакет, расстег
рвала, вытащила
чтобы показать св
пятна, а на спине
заплакала. — Вид
— Бедное дитя
— За что она
Она отвернула
рядышком с див
— Она решил
сюда вызвать ч
прерывались вс
сама — выведат
Ты... ты застави
жарко от всей
ня, — и она бы
ла сегодняшние
мала, что ты о
к этому делу
и заставляла
— И что ты
— Мне не
же тоже не м
чего было ей
— А Крис
— Да.
— И он п
— Но Кр
— Ради
нибудь вып
— Да у
ла его на с

меня. Я помогу лечить Ника. Я буду делать все, что нужно. Прошу тебя, Нора.

Теперь и у Норы появилась возможность вставить словечко:

— Заходи же.

Дороти вошла. И воззрилась на меня большими глазами.

— Но в газетах написано, что ты...

— Выгляжу так, словно одной ногой стою в могиле? Что с тобой? — Нижняя губа у нее вздулась и в уголке треснула, на скуле красовалась царапина, а глаза были красные и опухшие.

— Мать побила меня. Смотрите. — Он уронила на пол жакет, расстегивая пуговицы на платье, одну оторвала, вытащила руку из рукава и спустила платье, чтобы показать свою спину. На руке были темно-синие пятна, а на спине красные рубцы крест-накрест. Она заплакала. — Видите?

— Бедное дитя, — Нора обняла ее.

— За что она тебя побила? — спросил я.

Она отвернулась от Норы и опустилась на колени рядышком с диваном. Подошла Аста и обняла ее.

— Она решила, что я приходила... что я приходила сюда вызнать что-нибудь об отце и Джулии. — Фразы прерывались всхлипами. — Потому-то она и пришла сама — выведать, а ты убедил ее, что это было не так. Ты... ты заставил ее поверить, что тебе ни холодно, ни жарко от всей этой истории — как ты убедил и меня, — и она была совершенно спокойна, пока не увидела сегодняшние вечерние газеты. Тогда она... она подумала, что ты обманул ее, когда сказал, что не имеешь к этому делу никакого отношения. Она избивала меня и заставляла признаться, что я тебе рассказала.

— И что ты ей сказала?

— Мне нечего было ей сказать. И... и про Криса я же тоже не могла ей ничего сказать. Мне вообще нечего было ей говорить.

— А Крис был при этом?

— Да.

— И он позволил так тебя отделать?

— Но Крис... Крис никогда не вмешивается.

— Ради Бога, — сказал я Норе, — дай нам чего-нибудь выпить.

— Да уж, — Нора подняла жакет Дороти, повесила его на спинку кресла и пошла в кладовку.

— Умоляю, разрешите мне остаться здесь, Ник. Честное слово, я не причиню вам беспокойства, и ты же сам сказал, что мне надо уйти из дома. Ты ведь знаешь, ты ведь говорил, а идти мне больше некуда. Ну, пожалуйста!

— Давай-ка поспокойней. Надо посоветоваться. Видишь ли, я боюсь Мими не меньше твоего. Что, по ее мнению, ты мне рассказала?

— Она должна что-то знать... что-то про убийство, что, как она считает, знаю и я... но я же не знаю, Ник! Честное слово, не знаю!

— Это нас не продвинуло, — буркнул я. — Но послушай, малышка: ты что-то знаешь, и давай начнем с этого. Только чистосердечно и с самого начала, а то игра оборвется.

— Клянусь, — она сделала жест, словно хотела перекреститься.

— Чудесно. А теперь выпьем. — Мы оба взяли у Норы бокалы. — Ты сказала ей, что ушла насовсем?

— Нет, я ничего не сказала. Может быть, она еще и не знает, что я не у себя в комнате.

— Это на пользу делу.

— Ты не заставишь меня вернуться? — всхлипнула она.

— Ребенок не может оставаться дома, где его так избивают, Ник, — проговорила Нора, не отрываясь от своего бокала.

— Цыц. Я не знаю. Я просто подумал, что, если мы пойдем туда на обед, может, будет лучше, если Мими не узнает...

Дороти посмотрела на меня испуганными глазами, а Нора отрезала:

— После всего этого идти с тобой туда и не подумаю.

— Но мама и не ждет вас, — торопливо сказала Дороти. — Я даже не знаю, дома ли она. Газеты писали, что ты при смерти. Она и не думает, что вы придете.

— Тем лучше, — ответил я. — Тогда мы преподнесем сюрприз.

Дороти придвинула свое мертвенно-бледное лицо к моему, от волнения выплескивая свой напиток мне на рукав:

— Не ходи. Ты сейчас не можешь идти туда. Послушайся меня. Послушайся Нору. Ты не можешь

идти. — Она повернула
не может? Скажи ему, что
Не сводя с меня при
тила: — Подожди, Дороти.

сейчас лучше всего?
Я соорил ей гримасу

— Пока я еще толь
жешь, чтобы Дороти ост
Она, наверное, может
Но в остальном не ме
что я буду делать, пот
со мной. Мне надо вы
своими силами.

— Мы не будем в
ти. — Да, Нора?
Нора все еще смотре
рила.

— Откуда у тебя э
роти. — И на этот раз
Она облизала ниж
мнялось. Она откашл
— Учти, — предуп
редная чушь, я тут ж
ла за тобой.

— Дай ей сказать,
— Можно... — До
но, я расскажу одну
мной, когда я была м

— Она имеет что
— Не прямо, но
чему я...

— В другой раз
сто лет?

— Жаль. — Она
— Откуда у тебя
— От одного че
проговорила она ел

— Я знал, что
ны. — Нора соор
но в мой адрес. —

— Я не знаю.
жется, на Десято
друг мистер Куини

8 Дэшил Хэммет

идти. — Она повернула бледное лицо к Норе. — Ведь не может? Скажи ему, что он не может!

Не сводя с меня пристального взгляда, Нора ответила:

— Подожди, Дороти. Ник сам знает, как лучше. Что сейчас лучше всего?

Я состроил ей гримасу:

— Пока я еще только нащупываю. Если ты скажешь, чтобы Дороти оставалась здесь, она останется. Она, наверное, может спать в одной комнате с Астой. Но в остальном не мешайте мне. Я еще не знаю, что я буду делать, потому что не знаю, что сделают со мной. Мне надо выяснить. Я должен выяснить это своими силами.

— Мы не будем вмешиваться, — пообещала Дороти. — Да, Нора?

Нора все еще смотрела на меня и ничего не говорила.

— Откуда у тебя этот пистолет? — спросил я у Дороти. — И на этот раз без фантазий.

Она облизала нижнюю губу, и лицо ее слегка зарумянилось. Она откашлялась.

— Учти, — предупредил я. — Если это будет очередная чушь, я тут же звоню Мими, чтобы она приехала за тобой.

— Дай ей сказать, — проворчала Нора.

— Можно... — Дороти снова откашлялась. — Можно, я расскажу одну историю, которая случилась со мной, когда я была маленькой?

— Она имеет что-нибудь общее с пистолетом?

— Не прямо, но это помогло бы тебе понять, почему я...

— В другой раз. Не сейчас. Откуда у тебя пистолет?

— Жаль. — Она повесила голову.

— Откуда у тебя этот пистолет?

— От одного человека из подпольного бара, — проговорила она еле слышно.

— Я знал, что мы наконец нападём на след истины. — Нора состроила гримасу и покачала головой, явно в мой адрес. — Ладно, допустим. В каком баре?

— Я не знаю. — Дороти подняла голову. — Кажется, на Десятой авеню. Это мог бы сказать твой друг мистер Куинн. Он меня привел туда.

— Ты встретила с ним после того, как вечером ушла отсюда?

— Да.

— Случайно, наверное.

— Я стараюсь говорить тебе правду. — Она укоризненно посмотрела на меня. — Он обещал ждать меня в одном баре неподалеку, который называется «Клуб «Пальма». Он записал мне адрес. Так что после того, как я простилась с тобой и с Норой, мы встретились там и кочевали по разным местам, закончив тем баром, где я получила пистолет. Место было довольно мрачное. Можешь спросить его, правду ли я говорю.

— Это Куинн раздобыл тебе пистолет?

— Нет. Он уже дошел до ручки. Уснул прямо за столиком. Там я его и оставила. Они сказали, что отправят его домой.

— А пистолет?

— Дойду и до него. — Дороти зарделась. — Он сказал мне, что это гангстерский притон. Потому-то я и хотела туда пойти. А после того, как он уснул, я заговорила там с одним человеком, у него было страшно морщинистое лицо. Я была в восторге. Все это время я чувствовала, что не хочу идти домой, а хочу вернуться сюда, но я не знала, позволите ли вы. — Теперь лицо у нее было уже совсем красным, и от волнения она путала слова. — Так вот я подумала, что если я... что если бы ты подумал, что мое дело швах... и к тому же я бы не чувствовала себя такой глупой. Во всяком случае, я спросила у этого ужасно мрачного гангстера, или кто он там был, не мог бы он продать мне пистолет или проводить меня туда, где я могла бы его купить. Он решил, что я шучу, и сначала смеялся, но я сказала, что какие там шутки, а он все продолжал скалиться, но сказал, что посмотрит, и когда вернулся, то сказал, ну да, спросил, сколько бы я за него заплатила. А у меня денег — кот наплакал, но я предложила ему свой браслет, но он, наверно, не очень в этом разбирался, потому что сказал — нет, ему нужны живые деньги, и в конце концов я отдала ему двенадцать долларов — все, что у меня было, кроме одного доллара на такси, а он отдал мне пистолет, и я пришла сюда и сочинила здесь историю, что из-за Криса боюсь идти домой. — Она кончила так быстро, что слова слились, и облегченно вздохнула, словно обрадовалась, что теперь все сказано.

— Так, значит
— Лез, но не
страшно. — Она
плечье, и ее лицо
мне верить. Я бы
из себя такую ма
правдой.
— По мне
рить, — сказал
ком мало. Но п
в тот вечер соби
— Нет. Я не
разыскивать мое
куда идут.
— Они?
— Да, Крис
— В какое в
Дороти помо
— Где-то ок
ловины третьег
свидание с Эль
нам, и одевалас
— А вернул
— Я не зна
— В которо
— Где-то по
что они... Ох, я
нила перед тем
Крис, но мама
жет как миле
ролевы, котор
сам знаешь. Б
какое-нибудь з
— Что она
вратилась дом
— А, прос
как она взвол
— Она вы
— Нет, —
встревожена.
вение смотрел
Не думаешь
рией?
— А ты?
— Я — н
15*

— Так, значит, Крис к тебе не лез?

— Лез, но не так... — она прикусила губу, — не так страшно. — Она положила обе руки мне на предплечье, и ее лицо почти коснулось моего. — Ты должен мне верить. Я бы не смогла все это придумать, делать из себя такую маленькую дешевую лгунью, не будь это правдой.

— По мне разумней было бы тебе не верить, — сказал я. — Двенадцать долларов — это слишком мало. Но пока оставим это. Ты знала, что Мими в тот вечер собиралась навестить Джулию Вулф?

— Нет. Я не знала даже того, что она собирается разыскивать моего отца. Они в тот вечер не сказали, куда идут.

— Они?

— Да, Крис вышел вместе с ней.

— В какое время это было?

Дороти поморщилась:

— Где-то около трех — во всяком случае, после половины третьего, я помню, потому что опаздывала на свидание с Эльзой Гамильтон, чтобы пойти по магазинам, и одевалась наспех.

— А вернулись они вместе?

— Я не знаю. Когда я вернулась, дома были оба.

— В котором часу это было?

— Где-то после шести. Ник, уж не думаешь ли ты, что они... Ох, я помню одну фразу, которую мать обронила перед тем, как одеваться. Я не знаю, что сказал Крис, но мама ответила: «Если я у нее спрошу — скажет как миленькая», — и это с видом французской королевы, который она иногда на себя напускает. Ты и сам знаешь. Больше я ничего не слышала. Это имеет какое-нибудь значение?

— Что она рассказала тебе об убийстве, когда возвратилась домой?

— А, просто говорила, как она нашла Джулию и как она взволнована и полицией, и всем.

— Она выглядела потрясенной?

— Нет, — Дороти покачала головой, — просто встревожена. Но ты ведь знаешь маму. — Она мгновение смотрела на меня, потом медленно спросила: — Не думаешь же ты, что она как-то связана с этой историей?

— А ты?

— Я — нет, я подумала об этом только в связи с

отцом. — Чуть позже она добавила: — Если отец сделал это, так только потому, что он ненормальный, но мать тоже справилась бы, захоти она кого-нибудь убить.

— Это необязательно кто-то из них, — напомнил я. — Полиция, похоже, остановилась на Морелли. Но зачем твоей матери надо было искать отца?

— Из-за денег. Мы банкроты: Крис все растратил. — Она оттянула уголки губ книзу. — Мы все тоже, наверное, помогли, но он истратил больше всех. Мама боится, что, если у нее больше не будет денег, Крис ее бросит.

— Откуда ты это знаешь?

— Подслушала их разговор.

— Ты тоже думаешь, что бросит?

— Если у мамы не будет денег, — убежденно кивнула Дороти.

Я посмотрел на часы и сказал:

— С остальным придется подождать, пока мы не вернемся. Ты, во всяком случае, можешь оставаться и ночевать здесь. Чувствуй себя поуютней, закажи обед из ресторана. Лучше бы тебе не выходить отсюда.

Она посмотрела на меня несчастными глазами и ничего не ответила.

Нора погладила ее плечо.

— Не знаю, что задумал Ник, но раз он говорит, что нам надо пойти туда на обед, то, очевидно, он знает, что говорит. Он не стал бы...

— Я верю тебе, — Дороти улыбнулась и вскочила с пола. — Я уже не такая глупая.

Я позвонил вниз администратору и попросил прислать нашу почту. Принесли два письма Норе, одно мне и несколько запоздалых рождественских открыток (включая экземпляр «Маленькой синей книги» Хальдемана-Джулиуса от Ларри Кроули, под заголовком которой «Как делать пробы мочи в домашних условиях» в венке из остролиста было красными печатными буквами написано «Счастливого Рождества» и имя Ларри). Кроме того, были две записки с телефонными номерами и телеграмма из Филадельфии.

«НИКУ ЧАРЛЬЗУ
НОРМАНДИЯ НЬЮ-ЙОРК
ПРОШУ СВЯЗАТЬСЯ С ХЕРБЕРТОМ МАКОЛЕЕМ
ПО ДЕЛУ О РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВА ВУЛФ

БОЛЕЕ ТОЧНО
ШИМИ ПОЖИ
КЛАЙД МИ

Я положил
кой, в которой
верт с курьер
лицейский уча

— Ты дей
спросила Нор
— Нормал
— А это

тебя?!
— Я чувс
рассказе этой
Нора поко

— Ты ей
— Боже
чем расследу

— В так
моему, она п
— Больш

ся говорить
совсем к дру
— Держу

человеческой
мог бы расс
стве детекти

— Купи
Может быть
Несколько

Нора спроси
— Что ж
— Отец

— Откуда
— Ты сп
— Значи
— По-м

знаю, дейст
ли дочь от
считает, что
это и заста

БОЛЕЕ ТОЧНЫЕ УКАЗАНИЯ ДАМ ЕМУ С НАИЛУЧ-
ШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ
КЛАЙД МИЛЛЕР УИНАНТ».

Я положил телеграмму в конверт вместе с записочкой, в которой сообщал, что получил ее, и отослал конверт с курьером в группу расследования убийств в полицейский участок.

10

— Ты действительно чувствуешь себя прилично? — спросила Нора в такси.

— Нормально.

— А это не слишком большое напряжение для тебя?!

— Я чувствую себя прилично. Что ты думаешь о рассказе этой девушки?

Нора поколебалась:

— Ты ей не веришь?

— Боже сохрани — по крайней мере, не раньше, чем расследую.

— В таких делах ты разбираешься лучше, но, по моему, она пыталась говорить правду.

— Больше всех выдумывают именно те, кто пытается говорить правду. Это не так легко, если ты привык совсем к другому.

— Держу пари, что ты вообще неплохо знаком с человеческой натурой, мистер Чарльз. Так? Иногда ты мог бы рассказывать мне о своих похождениях в качестве детектива.

— Купи пистолет за двенадцать долларов в баре. Может быть, тогда...

Несколько кварталов мы проехали молча. Потом Нора спросила:

— Что же с ней произошло в самом деле?

— Отец спятил, и она думает, что она сама тоже.

— Откуда ты знаешь?

— Ты спросила — я ответил.

— Значит, ты просто предполагаешь?

— По-моему, именно в этом ее заблуждение, я не знаю, действительно ли Уинант спятил и унаследовала ли дочь от отца что-нибудь в этом роде, но Дороти считает, что ответ на оба эти вопроса утвердительный, это и заставляет ее так дергаться.

Когда мы остановились перед жилым комплексом Кортленд, Нора сказала:

— Но ведь это ужасно, Ник. Кто-то должен...

Я сказал, что не знаю, может, Дороти и права.

— Можно предположить, что в данный момент она шьет Асте кукольные одежды.

Мы велели сообщить о нас Йоргенсенам, и после некоторого промедления нас попросили подняться. Мими ждала на лестничной клетке, когда мы вышли из лифта, с распростертыми объятиями и потоком словес.

— Бессовестные газетчики. Чуть с ума не свели своими дурацкими историями, что ты на пороге смерти. Я звонила вам два раза, но меня не соединяли с вашим номером, не сказали даже, как ты себя чувствуешь. — Она взяла мою руку в свои. — Я так рада, Ник, что это просто клубок лжи, даже если тебе придется сегодня смириться с обедом, состряпанным на скорую руку. Я, естественно, не ждала вас, и... Но ты бледен. Тебе в самом деле досталось.

— Немного, — сказал я. — Одна пуля поцарапала мне бок, но это пустяки.

— И несмотря на это, ты идешь на обед! Очень приятно, но боюсь, что и очень неосторожно. — Она повернулась к Норе. — А вы уверены, что было разумно позволять ему...

— Я не уверена, — отвечала ей Нора, — но он захотел поехать.

— Мужчины такие идиоты, — сказала Мими. Она обняла меня за плечи. — Они или делают из мухи слона, или не обращают внимания на такие вещи, которые могут... Но заходите. Позволь, я помогу тебе.

— Все не так ужасно, — заверил я ее, но, несмотря на это, она провела меня к стулу и предложила обложить меня полдюжиной подушек.

Йоргенсен вошел в комнату, пожал мне руку и сказал, что он рад видеть меня более живым, чем пишут газеты. Он склонился над рукой Норы.

— Если вы извините меня, то через несколько минут я закончу смешивать коктейли. — И он вышел.

— Я не знаю, где Дороти, — сказала Мими, — наверное, грустит где-нибудь. У вас ведь нет детей?

— Нет, — ответила Нора.

— Тогда вы многого лишены, хотя иной раз они становятся серьезным испытанием. — Мими вздохнула. — Я, наверное, недостаточно строга. Когда мне

приходится сердиться на Дороти, она, кажется, считает, что я настоящее чудовище. — Ее лицо прояснилось. — Вот мой второй отпрыск. Ты, наверно, помнишь мистера Чарльза, Джилберт. А это миссис Чарльз.

Джилберт Уинант был на два года моложе сестры, восемнадцатилетний, очень светлый верзила с безвольным подбородком под вялым ртом. Отменно ясные голубые глазищи и длинные ресницы придавали ему слегка женственный облик. Я надеялся, что он перестал быть маленьким и занудным нытиком, каким был в детстве.

Появился Йоргенсен с коктейлями, и Мими потребовала, чтобы я рассказал о том, как в меня стреляли. Я сделал это, изобразив инцидент еще пустячнее, чем он был в действительности.

— Но зачем он приходил к тебе? — спросила Мими.

— Бог его ведает. Мне и самому хотелось бы знать. И полиции тоже.

— Я где-то читал, — заговорил Джилберт, — что, когда отпетых преступников обвиняют в чем-то, чего они не делали — даже по мелочи, — их это раздражает даже больше, чем других людей. Так ли это, мистер Чарльз?

— Вполне возможно.

— За исключением, — добавил Джилберт, — тех случаев, когда речь идет о каком-нибудь крупном преступлении, понимаете, о таком, какое они сами хотели бы совершить.

Я ответил, что этому можно поверить.

— Не будь чересчур вежлив с Джилом, Ник, — сказала Мими, — когда он начинает говорить глупости. Он дочитался до одурения. Дорогой, принеси нам еще коктейль.

Джилберт пошел за шейкером. Нора и Йоргенсен в углу выбирали пластинки.

— Я получил сегодня телеграмму от Уинанта.

Мими огляделась украдкой, подалась вперед и почти шепотом спросила:

— Что он написал?

— Он хочет, чтобы я выяснил, кто убил Джулию. Телеграмма отправлена сегодня вечером из Филадельфии.

— И ты сделаешь это? — Мими тяжело дышала.

Я пожал плечами и сказал, что передал телеграмму полиции.

Вернулся Джилберт с шейкером. Йоргенсен с Норой поставили «Маленькую фугу» Баха. Мими быстро выпила свой коктейль и велела сыну налить ей еще один.

Джилберт сел и спросил:

— Я хочу узнать: вы можете определить наркомана по лицу? — Сам он дрожал.

— Крайне редко. Почему ты об этом спрашиваешь?

— Просто интересно. Даже если это наверняка наркоман?

— Чем дальше он зашел, тем скорее можно заметить — в человеке что-то не то, но часто нельзя твердо сказать, что это именно наркотики.

— И еще одно. Гросс говорит, что когда тебя пырнут ножом, то в этот миг чувствуешь какой-то толчок, и только потом тебе станет больно. Это так?

— Да, если тебя ударят довольно сильно и сравнительно острым ножом. То же и с пулей: ты ощущаешь только удар, а с малокалиберной стальной пулей вначале не ощущаешь и этого. Остальное приходит тогда, когда в рану поступает воздух.

Выпив третий коктейль, Мими сказала:

— Я считаю, что вы оба отвратительно невежливы после того, что сегодня случилось с Ником. Джилл, постарайся найти Дороти. Ты ведь знаешь каких-то ее друзей. Позвони им. Думаю, она скоро будет, но сегодня я волнуюсь за нее.

— Она у нас, — сказал я.

— У вас? — Удивление Мими вполне могло быть искренним.

— Пришла к нам во второй половине дня и спросила, не может ли остаться у нас на некоторое время.

Мими улыбнулась со всей терпимостью и покачала головой:

— Ох уж эта молодежь! — Но тут же посерьезнела. — На некоторое время?

Я кивнул.

Джилберт, которому явно не терпелось спросить у меня что-то еще, не проявил никакого интереса к моей беседе с его матерью.

— Очень жаль, — Мими снова улыбнулась, — что она беспокоит тебя и твою жену, но все-таки утешение знать, что она там, а не Бог знает где. Видимо, она перестанет дуться к тому времени, когда вы вернетесь. Тогда пошлите ее сразу домой, ладно? — Она налила мне коктейль. — Вы были страшно милы с ней.

Я помолчал.

— Мистер Чарльз, — вступил-таки Джилберт, — а преступники — я имею в виду профессиональных преступников — обычно...

— Не перебивай, Джилберт, — сказала Мими. — Вы тут же отправите ее домой, ладно? — Она была любезна, но как французская королева — так охарактеризовала ее Дороти.

— Если захочет, может и остаться. Она нравится Норе.

— Но я не могу допустить, чтобы вы так ее баловали. — Мими погрозила мне пальцем. — Она, наверно, рассказывала обо мне всякие глупости.

— Рассказывала, что ее вроде бы побили.

— Вот видите, — удовлетворенно заметила Мими, словно это лишний раз подтверждало ее слова. — Нет, вы должны отослать ее домой, Ник.

Я выпил свой коктейль.

— Хорошо?

— Если захочет, может и остаться у нас. Нам нравится, когда она у нас.

— Это смешно. Ее место дома. Я хочу, чтобы она была здесь. — Голос ее зазвучал резко. — Она ведь совсем ребенок. Вы не должны поощрять в ней такие глупые мысли.

— Я ничего не стану делать. Захочет остаться — пусть остается.

Гнев просверкнул в прекрасных голубых глазах Мими:

— Это мой ребенок, и она несовершеннолетняя. Вы были очень милы с ней, но теперь это уже не мило ни по отношению к ней, ни ко мне, и я не буду мириться с этим. Если вы не отправите ее домой, то я предприму шаги, чтобы вернуть ее. Мне не хочется неприятностей, но... — она наклонилась вперед и произнесла, чеканя каждое слово, — она вернется домой.

— Не хочешь же ты со мной поссориться, Мими?

Она посмотрела на меня так, словно собиралась сказать — «Я люблю тебя», — и спросила:

— Это угроза?

— Прекрасно, давай арестуем меня за кражу ребенка, вовлечение малолетней в преступную деятельность и все равно за какое еще невольное заблуждение.

— И скажи своей жене, чтобы она не лапала моего мужа, — разъяренно отреагировала Мими.

Нора, которая вместе с Йоргенсеном выбирала новую пластинку, положила руку ему на рукав. Они обернулись и удивленно посмотрели на Мими.

— Нора, миссис Йоргенсен хочет, чтобы ты держала руки подальше от ее мужа.

— Прошу простить меня. — Нора улыбнулась Мими, потом посмотрела на меня, напустив озабоченно-напряженный вид, и сказала чуть нараспев, как школьница, декламирующая стихи: — Ох, Ник, ты такой бледный. Ты наверняка перенапрягся, и состояние твоего здоровья уже внушает опасение. Простите, миссис Йоргенсен, но я думаю, его надо немедленно отвезти домой и уложить в постель. Вы ведь не обидитесь?

Мими ответила, что нет. Все были со всеми сама вежливость. Мы спустились и сели в такси.

— Вот видишь, — сказала Нора, — из-за твоего языка мы остались без обеда. Что ты теперь думаешь делать? Домой — и лопать вместе с Дороти?

Я покачал головой.

— Какое-то время я могу прожить и без Уинантов. Пошли в ресторан Макса, я бы охотно съел каких-нибудь улиток.

— Идет. Ты узнал что-нибудь?

— Ничегошеньки.

— Просто позорище, что этот парень такой красавчик, — произнесла Нора задумчиво.

— Как ты его находишь?

— Просто большая кукла. Прямо позор.

Мы пообедали и вернулись в «Нормандию». Дороти там не было. Я это предчувствовал.

Нора прошла по комнатам и позвонила администратору вниз. Никакой записки или письма нам не оставляли.

— Что это значит? — спросила Нора.

Еще не было и десяти.

— Возможно, ничего. Возможно, очень многое. Помоему, она заявится часа в три ночи, в стельку пьяная, с пулеметом, который купила в универмаге Чайльдса.

Когда Нора разбудила меня на другой день около двенадцати, мой бок уже почти не давал о себе знать.

— Мой милый полицейский горит желанием тебя видеть, — сказала она. — Как ты себя чувствуешь?

голову. — Чудовищно.
Я вошел в гостиницу.
тейля в руке, улыбаясь.
— Ну что же, миссис.
третесь молодцом.
Мы обменялись р.
ствую себя вполне сн.
— И все-таки вы.
— Какой фокус?
— А такой — вы.
спрашивать вас —
казалось... я все-таки.
— Мне это и в г.
Вы видели телеграм.
— Угу. Мы ищем.
— Что касается
— Какого пист.
рить. — Это уже н.
ности проржавели.
нибудь сумел исп.
папа римский. Не
об этой железяке.
— Это кое-что
его на пьяную гол.
что купил его в
верю его словам.
— В один пре
даст ему муници.
мужчина мужчи.
лом Вулф или не
— Вы же вид.
— Видел. Зн.
я и спрашиваю
— Я больше
не детектив.
— Это я уж
— Ладно. Н.
Он минуту
— Позволь
ресует это дел.
— Поскол
тересует.

— Чудовищно. Я, кажется, лег спать на трезвую голову. — Оттолкнув Асту, я встал.

Я вошел в гостиную, и Гилд встал с бокалом коктейля в руке, улыбаясь всем своим широким лицом песочного цвета.

— Ну что же, мистер Чарльз, сегодня утром вы смотритесь молодцом.

Мы обменялись рукопожатием, я сказал, что чувствую себя вполне сносно, и мы уселись.

— И все-таки вы не должны были выкидывать со мной этот фокус, — он по-доброму нахмурился.

— Какой фокус?

— А такой — вы бегаєте по городу, а я не могу спрашивать вас — должен дать вам отдохнуть. Мне казалось... я все-таки имею право...

— Мне это и в голову не пришло. Прошу прощения. Вы видели телеграмму, которую я получил от Уинанта?

— Угу. Мы ищем концы в Филадельфии.

— Что касается того пистолета, то я...

— Какого пистолета? — Он не дал мне договорить. — Это уже не оружие. Ударник сбит, все внутренности проржавели. Если за последние полгода хоть кто-нибудь сумел использовать его по назначению, то я папа римский. Не будем тратить время на разговоры об этой железяке.

— Это кое-что проясняет, — я засмеялся. — Я взял его на пьяную голову у какого-то типа, который сказал, что купил его в баре за двенадцать монет. Теперь я верю его словам.

— В один прекрасный день кто-нибудь, наверно, продаст ему муниципалитет. Но теперь скажите мне как мужчина мужчине, мистер Чарльз, вы занимаетесь делом Вулф или нет?

— Вы же видели телеграмму Уинанта.

— Видел. Значит, на него вы не работаете. Поэтому я и спрашиваю у вас.

— Я больше не частный детектив. Я вообще больше не детектив.

— Это я уже слышал. Поэтому я и спрашиваю.

— Ладно. Не занимаюсь.

Он минуту подумал, потом сказал:

— Позвольте тогда спросить вас иначе: вас интересует это дело?

— Поскольку я знаю этих людей, естественно, интересует.

— И это все?

— Да.

— И вы не намерены взять его на себя?

— Честно говоря — не знаю. Если меня будут втравливать, не знаю, как далеко я зайду.

— Понимаю. — Гилд кивнул. — Но скажу вам сразу, что хотел бы пригласить вас участвовать в этом деле на верной стороне.

— То есть на стороне Уинанта? Это была его работа?

— Этого я бы не сказал, но мне, очевидно, не нужно объяснять вам, что он не сильно поможет нам в расследовании.

На пороге появилась Нора:

— Тебя к телефону, Ник.

— Привет! — Звонил Херберт Маколей. — Как поживает наш раненый?

— Спасибо, ничего.

— Что-нибудь слышно об Уинанте?

— Да.

— Я получил от него письмо, в котором он пишет, что послал тебе телеграмму. Ты, наверно, чувствуешь себя не настолько хорошо, чтобы...

— Нет. Я на ногах и двигаюсь. Если ты после обеда будешь у себя в конторе, я зайду.

— Отлично, — сказал он. — Я буду на месте до шести.

Я вернулся в гостиную. Нора пригласила Гилда остаться на ленч, так как сами мы завтракали. Гилд сказал, что это очень любезно с ее стороны. Я сказал, что хотел бы перед завтраком чего-нибудь выпить. Нора пошла заказывать еду и наливать напитки.

— Несравненная, чудесная женщина, мистер Чарльз, — сказал, покачивая головой, Гилд.

Я торжественно кивнул.

— Допустим, что вас, как вы говорите, втравят в это дело, мне куда приятнее было бы знать, что вы работаете с нами, а не против нас.

— Мне тоже.

— Значит, договорились, — сказал Гилд. Он легонько покачался на стуле. — Вы меня, наверно, не помните, но, когда вы еще работали в этом городе, я был постовым на Сорок третьей улице.

— Ну как же, — вежливо солгал я. — Я просто

чувствовал — в вас есть что-то знакомое... Но когда человек не в мундире, его трудно узнать.

— Наверное. И будет здорово, если мы сможем принять за факт: вы не скрываете от нас ничего, что мы еще не знаем.

— Этого я не делаю. Но я не представляю, что вам известно. Я ведь знаю-то всего ничего. Я не видел Маколея со дня убийства и не особенно следил за этим даже по газетам.

Снова зазвонил телефон. Нора протянула нам бокалы и пошла брать трубку.

— То, что нам известно, как раз не тайна, — сказал Гилд, — и если у вас есть желание послушать, то за мной дело не станет. — Он попробовал свой напиток и одобрительно кивнул. — Но сначала я хотел бы спросить у вас одну вещь. Когда вчера вечером вы пошли к миссис Йоргенсен, вы сказали ей, что получили телеграмму от Уинанта?

— Да, и еще сказал, что передал телеграмму вам.

— И что она?

— Ничего. Задавала вопросы. Она ищет Уинанта.

Гилд склонил голову в одну сторону, потом в другую и прикрыл один глаз.

— Вам не кажется, что они действуют заодно, а? — Он поднял руку. — Я, видите ли, даже не знаю, зачем им это; если это так, я просто спрашиваю.

— Возможно, конечно, но, я уверен — они не играют в одной команде. А почему вы об этом спрашиваете?

— Вероятно, вы правы. — Но тут он неопределенно добавил: — Однако есть два подозрительных обстоятельства. — Он вздохнул. — Как всегда. Так вот, мистер Чарльз, если время от времени от вас поступала бы какая-нибудь информация, я был бы вам бесконечно признателен.

Я пробормотал, дескать, сделаю все, что смогу, или что-то в этом роде.

— Так вот, минувшей осенью, примерно третьего октября, Уинант говорит Маколею, что должен на некоторое время уехать из города. Он не говорит, куда и зачем, но у Маколея создается впечатление, что у него есть договоренность поработать где-то над неким изобретением, которое он не хочет афишировать — позже адвокат узнает у Джулии Вулф, что был прав, — и он предполагает, что Уинант отправился в убежище куда-

то в Адирондакские горы, но, когда он позже спрашивает об этом Джулию Вулф, та говорит, что знает не больше адвоката.

— А что знала Джулия о характере этого изобретения?

— Ничего, — Гилд покачал головой. — Судя по словам Маколея, только то, что для его дела нужны были место и машины, или другие недешевые механизмы, потому что все шло через Маколея. Все было организовано так, что Маколей мог распоряжаться его ценными бумагами, акциями и всем, что было у его подопечного, превращать их в деньги, когда Уинанту было нужно, пользоваться его банковским счетом, как если бы это делал сам Уинант.

— То есть у адвоката были все полномочия, так?

— Вот именно. И заметьте — когда требовались деньги, они были нужны ему наличными.

— У Уинанта голова всегда была набита странными идеями, — заметил я.

— Это все говорят. Он, наверно, не хочет, чтобы кто-то напал на его след с помощью чека или чтобы кто-нибудь там, наверху, знал, что он — Уинант. Вот почему он и девушку не взял с собой, не сказал ей даже, куда едет — если она говорит правду — и отпустил бороду. — Левой рукой Гилд погладил воображаемую бороду.

— Там, наверху... — повторил я. — Так он был в Адирондакских?

Гилд пожал одним плечом.

— Я говорю так просто потому, что фигурировали только эти горы и Филадельфия. Мы ищем следы в горах, но точно не знаем. Может, он в Австралии.

— И сколько же наличных требовал Уинант?

— Это я могу сказать вам точно. — Он вытащил из кармана пачку разлохматившихся бумаг далеко не первой свежести, выбрал из них самый грязный конверт и остальное сунул обратно в карман. — На следующий день после разговора с Маколеем он сам взял в банке пять тысяч наличными. Двадцать восьмого октября он велел Маколею взять для него еще пять тысяч, шестого ноября — две с половиной тысячи, пятнадцатого — тысячу, тридцатого — семь с половиной тысяч, шестого — то есть уже в декабре — полторы тыся-

чи, восемнадцатого — тысячу, двадцать второго — пять, это было за день до убийства Джулии Вулф.

— Около тридцати тысяч, — сказал я. — Значит, у него должен быть немаленький счет.

— Точнее, двадцать восемь тысяч. — Гилд сунул конверт в карман. — Но все это было не в банке. Всякий раз, когда Уинант подавал знак, Маколей что-то продавал — превращал в деньги. — Он снова порылся в кармане. — У меня есть и список вещей, которые он продал, если хотите посмотреть.

Я ответил, что не хочу, и спросил, как он доставлял деньги Уинанту.

— Уинант писал девушке, когда ему нужны были деньги, и та брала их у Маколея. В обмен на расписку. Они у адвоката.

— И как же мисс Вулф переправляла деньги Уинанту?

Гилд покачал головой.

— Девушка сказала Маколею, что встречалась с Уинантом то здесь, то там, но адвокат полагает, что Джулия знала, где обосновался Уинант, хотя она это и отрицала.

— Возможно, когда ее убили, последние пять тысяч были при ней.

— И получится убийство с целью ограбления, если только... — водянистые глаза Гилда почти закрылись... — если только Уинант не убил девушку, когда пришел за деньгами.

— Или кто-нибудь другой, убивший девушку по какой-то иной причине, нашел там эти деньги и решил прихватить их с собой.

— Вот именно, — согласился Гилд. — Такое случается сплошь и рядом. Бывает и так, что человек, первым обнаруживший труп, успевает сунуть себе кое-что в карман, прежде чем поднять тревогу. — Он взмахнул своей ручищей. — Надеюсь, вы не подумали, что я... по поводу миссис Йоргенсен, такой дамы...

— К тому же, — сказал я, — она была не одна.

— Некоторое время была. В квартире не работал телефон, и лифтер повез администратора вниз, чтобы тот позвонил из своей комнаты. Только поймите меня правильно, я вовсе не намекаю, что миссис Йоргенсен делала там что-то такое... Вряд ли подобная дама...

— А что случилось с телефоном? — спросил я.

В дверь позвонили.

— Даже не знаю, что сказать об этом. Телефон был... Он замолчал, потому что вошел официант и стал накрывать на стол.

— Что касается телефона, — продолжил Гилд, когда мы уже сидели за столом, — то просто не знаю, что об этом подумать. Прямо посередине трубка была прострелена.

— Случайно или...

— Сам бы хотел знать. Пуля была, само собой, из того же ствола, что и те четыре, которые поразили Вулф, но случайно она пролетела мимо или убийца сделал это нарочно — не знаю. Шумноватый способ выключать телефон.

— А кстати, — сказал я, — неужели никто не слышал стрельбу? Тридцать второй калибр — это, конечно, не дробовик, но кто-то должен был это услышать.

— Вот именно, — подхватил Гилд, — дом кишит людьми, которые теперь полагают, будто они что-то слышали, но тогда никто не пикнул, и что там было, Бог его знает — получается, что слышали они не совсем одно и то же.

— Так всегда бывает, — посочувствовал я.

— А то я не знаю?! — Он отправил вилку в рот. — На чем я остановился? Ах да, на Уинанте. Уезжая, он освободил квартиру, а вещи сдал на хранение. Мы все это осмотрели — то есть его вещи, но не нашли даже намека на то, куда он уехал или над чем работал. И в его лаборатории на Пятой авеню нам повезло не больше. Она просто была заперта с того самого времени, как он уехал, за исключением одного или двух раз в неделю, когда Вулф бывала там по часу, чтобы посмотреть почту и все остальное. Но после того, как Вулф кокнули, почта ни о чем нам не сказала. И в квартире Вулф не нашлось ничего такого, что помогло бы нам продвинуться в этом деле. — Гилд улыбнулся Норе. — Вам все это, наверное, очень скучно, миссис Чарльз?

— Скучно? — Нора была удивлена. — Я сижу как на иголках.

— Дамам обычно нравятся более яркие, — сказал он и кашлянул, — более увлекательные истории. Во всяком случае, мы не нашли ничего, что говорило бы о том, где он был, но в прошлую пятницу он звонит Маколею и говорит, что будет ждать его в два часа в фойе отеля «Плаза». Так как Маколея не было в конторе, он попросил просто передать ему это.

— Маколея был...
его на лени.
— Это он мне сказал.
только около трех, не нахо-
там не зарегистрирован. А
с бородой и без, но никто
человека. Адвокат звонит
больше не звонил. А ко-
девушка отвечает, мол,
Уинант в городе — по-
тому что он только вчер-
ров для Уинанта и счита-
но он просто говорит —
вращается к своим дела-
— И что же это за де-
Гилд перестал жевать
откусил.

— Это будет полез-
не подозревали и не с-
бы знать, у кого есть а-
Я отрицательно по-
который он решил не з-

— Сейчас, кажется
кат Уинанта и знает,
и все.

— Вот именно. По-
держат. А теперь ка-
заться, что Джулия
Мы еще не установил
сорта, чтобы доверят
и не догадывался.

— На нее было д-
Гилд кивнул.

— Это запутанн-
поступить на служб-
Стюарт отсидела п-

— Вы полагаете
— Не думаю!
бы ее к своему хо-

перь разберись. Г-
кой, как ненормал-
вы мужчинам. В-

— Неужто Мор-
спросил я.

— Маколей был здесь, — сказал я, — я приглашал его на ленч.

— Это он мне сказал. Маколей успевает в «Плазу» только около трех, не находит своего клиента, и Уинант там не зарегистрирован. Маколей пытается описать его, с бородой и без, но никто в «Плазе» не помнит такого человека. Адвокат звонит к себе в контору, но Уинант больше не звонил. А когда он звонит Джулии Вулф, девушка отвечает, мол, она даже не подозревала, что Уинант в городе — по мнению Маколея, это ложь, поров для Уинанта и считает, что тот приходил за ними, но он просто говорит — «хорошо», кладет трубку и возвращается к своим делам.

— И что же это за дела?

Гилд перестал жевать булку, которую только что откусил.

— Это будет полезно узнать. Сделаем. Его мы вроде не подозревали и не стали прорабатывать, но неплохо бы знать, у кого есть алиби, а у кого нет.

Я отрицательно покачал головой в ответ на вопрос, который он решил не задавать.

— Сейчас, кажется, он вне подозрений, да он адвокат Уинанта и знает, видимо, больше, чем говорит, вот и все.

— Вот именно. Понимаю. Ну, для того адвокатов и держат. А теперь касательно девушки — может оказаться, что Джулия Вулф вообще не настоящее ее имя. Мы еще не установили это точно, но она дама не такого сорта, чтобы доверять ей на все сто, но Уинант об этом и не догадывался.

— На нее было досье в полиции?

Гилд кивнул.

— Это запутанная история. За два года до того, как поступить на службу к Уинанту, она под именем Роды Стюарт отсидела полгода за сексуальный шантаж.

— Вы полагаете, Уинант это знал?

— Не думаю! Маловероятно, что Уинант допустил бы ее к своему хозяйству, знай он об этом, но поди теперь разберись. Говорят, Уинант бегал за этой девушкой, как ненормальный. Вы же знаете, как крутят головы мужчинам. Время от времени она еще моталась с этим Шепом Морелли и его приятелями.

— Неужто вы нашли что-нибудь против Морелли? — спросил я.

— По этому делу нет, — с сожалением ответил он, — но мы разыскивали его по двум другим. — Гилд сдвинул светлые брови. — Хотел бы я знать, чего ради он приперся к вам. Конечно, эти марафетчики способны на многое, но узнать было бы интересно.

— Я рассказал вам все, что знал.

— В этом я не сомневаюсь, — заверил меня Гилд. Он обратился к Норе. — Надеюсь, вы не думаете, что мы с ним слишком суровы, но понимаете, иначе с ними...

Нора улыбнулась и сказала, что прекрасно понимает, и налила Гилду кофе.

— Благодарю вас, мадам.

— А что такое марафетчик? — спросила Нора.

— Наркоман.

Нора посмотрела на меня.

— И Морелли был?..

— Под балдой, — ответил я.

— Почему же ты мне не сказал? — проворчала Нора. — Ничего-то я не замечаю. — Она встала из-за стола и вышла, чтобы взять телефонную трубку.

— Вы будете подавать на него за стрельбу? — спросил Гилд.

— Нет, если вам этого не нужно.

Гилд покачал головой. Голос у него был спокоен, хотя в глазах светилось некоторое любопытство:

— На первое время нам хватит того, что у нас уже есть.

— Вы говорили о девушке...

— Да-да. Ну, мы выяснили — по несколько ночей не бывала дома — иногда две-три ночи подряд. Возможно, она ездила встречаться с Уинантом. Не знаю. Пока нам не удалось расколоть Морелли — он стоит на том, что не видел ее три месяца. Что вы об этом думаете?

— То же, что и вы. Уже три месяца, как уехал Уинант. Это может что-то значить, а может и нет.

Вошла Нора и сказала, что звонит Гаррисон Куинн. Он сказал мне, что продал кое-какие акции, которые, как я думал, могут упасть, и сообщил мне цены.

— Ты встречался с Дороти Уинант? — спросил я.

— После того, как я ушел от тебя — нет, но сегодня вечером мы должны были увидеться в «Пальме», выпить коктейль. Правда, она просила не говорить тебе. Так что же будет с этим золотом, Ник? Ты проиграешь, если сейчас же не вступишь в дело. Наверняка, как

только соберется конгресс, эти дикари с Запада так или иначе устроят нам инфляцию, и даже если не устроят, то все ждут от них именно этого. Я тебе говорил на прошлой неделе: уже ходят слухи о выравнивании цен.

— Хорошо, — сказал я и распорядился купить несколько акций рудника Доума по 12 с половиной долларов за штуку.

Потом он вспомнил, что читал в газете, будто в меня стреляли. Речь его была довольно рассеянна, и он почти не обратил внимания на мои заверения, что я, мол, здоров.

— Значит, плакал настольный теннис, — заметил он с искренним огорчением. — Слушай, у тебя же есть билеты на сегодняшнюю премьеру. Если ты не можешь ими воспользоваться, то я бы...

— Мы воспользуемся. Хотя все равно спасибо.

Рассмеявшись, он попрощался.

Когда я вернулся в гостиную, официант убирал со стола. Гилд удобно расположился на диване.

— ...Каждый год на Рождество нам приходится уезжать из дома, — объясняла ему Нора, — потому что мои родичи, все, сколько их есть, вечно устраивают из праздников Бог знает что, и, когда мы дома, они навещают нас, или мы должны навещать их, а Нику это нож острый. — В углу Аста лизала свои лапы.

— Дорогие мои, — Гилд посмотрел на свои часы, — я слишком злоупотребляю вашим временем. Я не хотел так сильно вас беспокоить...

— Но мы только начали подходить к убийству, — сказал я и сел.

— Вот именно, начали. — Он снова развалился на диване. — Это было в пятницу, вечером двадцать третьего, чуть раньше двадцати минут четвертого — миссис Йоргенсен прибыла туда и обнаружила Вулф. Мы знаем, что примерно в полтретьего она была жива и здорова и телефон был цел: звонила миссис Йоргенсен и около трех, когда звонил Маколей.

— ...Я не знал, что миссис Йоргенсен ей звонила.

— Это факт. — Гилд откашлялся. — Я ничего там не подозревал, поймите правильно, но мы все-таки проверили и выяснили у девушки с коммутатора Кортленд, что она соединила миссис Йоргенсен в полтретьего.

— И что же сказала миссис Йоргенсен?

— Она сказала, что позвонила Джулии Вулф, чтобы спросить, где она может найти Уинанта, но Джулия, дескать, не знала, и так как миссис Йоргенсен считала, что девушка лжет и что, возможно, ей удалось бы узнать правду, поговорив с ней с глазу на глаз, то она спросила, нельзя ли ей заглянуть на минутку, и Джулия ответила, что конечно. — Гилд поморщился. — Ну, мадам пошла туда и нашла девушку. В доме не помнят, чтобы кто-то входил в квартиру Вулф или выходил оттуда, но удивляться нечему. Там могла побывать дюжина людей, и никто бы их не заметил. Оружия там не было. Не было вообще никаких признаков того, что дверь взламывали, и вещи тоже лежали нетронутыми. То есть квартира не выглядела опустошенной. На пальце у Вулф остался бриллиантовый перстень, который тянет на двести монет, а в сумочке еще чуть больше тридцати монет. В доме знают и Уинанта, и Морелли — оба они входили и выходили оттуда довольно часто, — но люди утверждают, что ни того, ни другого уже давненько не видели.

Пожарное окно было закрыто, и на пожарной лестнице не нашлось никаких следов. Кажется, это и вся наша добыча. — Гилд протянул руки ладонями вверх.

— Отпечатки?

— Самой Вулф и тех, кто там убирается, как мы поняли. Но для нас — ничего.

— У друзей ничего не удалось узнать?

— Похоже, у нее их не было — близких, во всяком случае.

— А что с этим, как бишь его — Нунхайм, который доказал, что Вулф подруга Морелли?

— Он просто узнал Вулф в лицо, потому что видел ее в обществе Морелли и опознал ее по фотоснимку в газетах.

— Что за человек?

— Свой в доску. Мы его знаем как облупленного.

— Вы ничего от меня не скрываете? Если уж взяли с меня обещание ничего не скрывать от вас...

— Ну, если все останется между нами, то — иногда он подрабатывает у нас.

— Вон оно что.

Гилд встал.

— Печально, но я вынужден признать — в этом

деле мы не очень-то продвинулись. Вы ничем не можете нам помочь?

— Нет.

— Что вы думаете обо всем этом? — Мгновенье он пристально смотрел на меня.

— Кольцо с бриллиантом было обручальным?

— По крайней мере, оно было на безымянном пальце. — Помолчав, он спросил: — Почему это вас интересует?

— Может, это зацепка, знай мы, кто купил ей перстень. Сегодня во второй половине дня я встречаюсь с Маколеем. Если что-нибудь прояснится — позвоню. Похоже, что купил Уинант, но...

— Вот именно, — Гилд дружелюбно хмыкнул, — но... — пожал Норе и мне руки, поблагодарил за виски, ленч, гостеприимство и вообще за любезность и откланялся.

— Не мне, — сказал я Норе, — сомневаться в том, что своим обаянием ты можешь заставить любого раскрыть свои чувства, но, может статься, он пускает нам пыль в глаза.

— А-а, дело зашло так далеко, что ты уже ревнуешь к полицейским!

12

Письмо Клайда Уинанта Маколею было документом необычным. Отпечатанное через пень-колоду на дешевой белой бумаге, оно было датировано: Филадельфия, Пенсильвания, 25 декабря, 1932. Привожу его текст:

«Дорогой Херберт!

Я телеграфировал Нику Чарльзу — как ты, вероятно, помнишь, несколько лет назад он работал со мной и сейчас находится в Нью-Йорке, — чтобы он связался с тобой по делу об ужасной смерти бедняжки Джулии. Прошу тебя сделать все, что в твоих силах (следующая строка была густо забита буквами «х» — вычитать что-либо было невозможно) и убедить его, чтобы он помог разыскать убийцу. Сколько бы он ни потребовал — заплати ему!

Вот некоторые факты, специально для него — кроме тех, которые тебе известны. Я думаю, что передавать их полиции не стоит, но Чарльз сам знает, что лучше, а я хотел бы развязать ему руки, потому что доверяю

ему целиком и полностью. Ему ты можешь показать это письмо, но потом прошу его тщательно уничтожить. Факты такие.

Когда в четверг вечером я встретился с Джулией, чтобы получить от нее ту 1000 долларов, она сказала, что хочет отказаться от своего места. Она сказала, что давно уже чувствует себя неважно и врач порекомендовал ей поехать отдохнуть, и теперь, когда дядя объявил ее своей наследницей, она может и хочет это себе позволить. Раньше она никогда не упоминала о плохом здоровье — я подумал, что она скрывает от меня истинную причину, и попытался вызнать ее, но Джулия твердила одно и то же. Не слыхал я и о смерти ее дяди. Она сказала, что это ее дядя Джон из Чикаго. Если это важно, то, вероятно, это можно узнать. Джулия не поддавалась на уговоры изменить свое решение, так что в последний день месяца она должна была уйти с работы. Выглядела она озабоченной и напуганной, но твердила, что ничего подобного нет. Вначале я сожалел, что она уходит, потому что раньше я всегда мог ей доверять, но теперь видел, что она мне лжет.

Следующий факт, который я прошу тебя передать Чарльзу, — люди думают всякое, и некоторое время тому назад это соответствовало действительности, но к моменту убийства и в течение примерно года до этого мы с Джулией были друг для друга не более чем начальник и подчиненная. Такие отношения — результат нашей обоюдной договоренности.

Далее, я считаю необходимым узнать, где находится в настоящее время Сидней Кельтерман, с которым у меня несколько лет назад были неприятности, потому что опыты, которыми я сейчас занят, идут параллельно тем, в краже которых он меня обвинял. По-моему, этот человек достаточно ненормален, чтобы убить Джулию в припадке ярости, если она отказалась сообщить ему, где меня можно найти.

В-четвертых, самое важное: нет ли у моей бывшей жены каких-либо связей с Кельтерманом? Откуда Мими узнала, что я продолжаю опыты, в которых Кельтерман ассистировал мне когда-то?

В-пятых, полицию надо немедленно убедить — я ничего не могу сказать об убийстве, чтобы они не вздумали искать меня: это выведет их к моим опытам и преждевременному обнародованию результатов, что в

настоящее время я
всего избежать этого,
загадка этого убийства, о
Я буду сноситься с тобою
возникнет какой-нибудь во
срочно связаться со мной,
еще объявление:
Абнер. Да. Зайка.
После этого я попытаюс
Ты, очевидно, понимае
Чарльза действовать в м
история Кельтермана, и о
ных к этому делу лиц.

— Это кое-что прояс
стал Маколей. — Ты по
терманом?

— Что-то об измен
Я могу посмотреть. —
страницу письма и пом
лучил от Вулф в тот ве
дал ей пять тысяч —
именно столько.

— Четыре тысячи
Джона? — предполож

— Похоже на то.
мал бы, что девка ег
вались остальные ден

— Ты знал, что
лендской тюрьме?

— Правда? Я не

— По данным по
Где Уинант ее наше

— Понятия не
ловой.

— Ты знаешь,
далее?

Маколей снова

— С кем она

— Я и не п

— Она носила

— Это для м
и задумался. —

замечал обруча

настоящее время я считаю крайне опасным. Легче всего избежать этого, если сейчас же будет разгадана загадка этого убийства, о чем я и прошу.

Я буду сноситься с тобой время от времени, а если возникнет какой-нибудь вопрос и необходимо будет срочно связаться со мной, помести в «Таймс» следующее объявление:

Абнер. Да. Зайка.

После этого я попытаюсь тебя разыскать.

Ты, очевидно, понимаешь, насколько важно убедить Чарльза действовать в моих интересах — ему известна история Кельтермана, и он знает большинство причастных к этому делу лиц.

С сердечным приветом,
Клайд Миллер Уинант».

— Это кое-что проясняет. — Я положил письмо на стол Маколей. — Ты помнишь, о чем был спор с Кельтерманом?

— Что-то об изменениях в структуре кристаллов. Я могу посмотреть. — Маколей взял в руки первую страницу письма и поморщился. — Он говорит, что получил от Вулф в тот вечер тысячу долларов. Но я передал ей пять тысяч — она сказала, что Уинанту надо именно столько.

— Четыре тысячи и были наследством дядюшки Джона? — предположил я.

— Похоже на то. Смешно — я ни за что не подумал бы, что девка его надувает. Надо узнать, куда девались остальные деньги, которые я ей дал.

— Ты знал, что Вулф сидела за шантаж в Кливлендской тюрьме?

— Правда? Я не знал.

— По данным полиции — под именем Роды Стюарт. Где Уинант ее нашел?

— Понятия не имею, — Маколей покачал головой.

— Ты знаешь, откуда она, ее родственников и так далее?

Маколей снова покачал головой.

— С кем она была помолвлена? — спросил я.

— Я и не подозревал, что она помолвлена.

— Она носила на этом пальце бриллиантовое кольцо.

— Это для меня новость. — Адвокат закрыл глаза и задумался. — Нет, не помню, чтобы я когда-нибудь замечал обручальное кольцо. — Он уперся локтями

в стол и с усмешкой посмотрел на меня. — Ну так как — велики ли шансы, что ты сделаешь то, о чем просит Уинант?

— Ничтожные.

— Так я и думал. — Он коснулся письма. — Ты знаешь не хуже меня, как он себя чувствует в этом деле. Что-нибудь могло бы заставить тебя переменить решение?

— Я действительно не...

— А если я уговорю его встретиться с тобой? Может быть, если я скажу ему, что это единственный способ, чтобы...

— Я согласен поговорить с ним, но ему придется быть откровеннее, чем в письме.

— Значит, ты считаешь, — медленно спросил Маколей, — что Уинант мог убить эту Джулию?

— Я ничего не могу сказать об этом. Я не знаю даже того, что знает полиция, и абсолютно уверен, что им не достанет материала, чтобы забрать его, даже если они его разыщут.

— Нешуточное это дело — быть адвокатом у психа, — вздохнул Маколей. — Я попробую уговорить его, хотя полагаю, что из этого ничего не получится.

— Я хотел спросить, как сейчас обстоят его финансовые дела? Так же хорошо, как и раньше?

— Почти. Депрессия затронула и его, как и всех нас, и гонорары за использование его процесса плавки усохли, да и металлы сейчас спят летаргическим сном, но все-таки он еще может рассчитывать тысяч на пятьдесят-шестьдесят в год с патентов на пергамент и глушители, плюс еще то да се, вроде... — Он прервался, чтобы спросить: — Ты же не сомневаешься, что он в состоянии заплатить тебе столько, сколько ты попросишь?

— Нет, просто любопытно. — Мысли мои перескочили на другое. — У него есть еще родственники, кроме экс-жены и детей?

— Сестра, Элис Уинант, с которой они в ссоре уже... четыре или пять лет.

Я предположил, что это и была та самая тетя Элис, которую Йоргенсены не пошли навещать после обеда в Рождество.

— Что они не поделили?

Уинант дал од...
сказал, что, из его взгляда...
должны провалить...
Уинант не сказал ничего такого...
— Два сапога пара, — я рассмеялся...
— Сестра еще хуже. У нее про...
— Где живет эта сестра? Она ест...
— На Мэдисон-авеню. Она ест...
— Маколей заколебался...
...и не собираюсь ее бес...
...сказать еще что-то, зазвон...
Маколей поднес трубку к уху...
— Алло... Да, у телефона...
...его окаменело. — Где? —
...на левом запястье. —
...Он положил трубку...
Глад, — сказал он мне. — У...
жизнь самоубийством в Алл...

Дороти и Куинн сидели у...
в клуб «Пальма». Они не ви...
рядом с Дороти и не сказа...
...была одета так же, как в...
...видел.

Она посмотрела на меня...
...села:

— Неужели надо...
...ему?..

— Девушка капризнич...
...ин.

— Я купил эти акци...
...и, и что ты будешь пить...

— Коктейль «Старом...
...стья — испаряешься, не...

Дороти снова посмот...
...ее лице побледнели, цар...

— Я доверяла тебе...
...сейчас зарыдает.

— Что ты хочешь э...

— Уинант дал одной газете интервью, в котором сказал, что, на его взгляд, русские совсем необязательно должны провалить пятилетку. В действительности Уинант не сказал ничего такого сногшибательного.

— Два сапога пара, — я рассмеялся.

— Сестра еще хуже. У нее провалы памяти.

— Где живет эта сестра?

— На Мэдисон-авеню. Она есть в телефонном справочнике. — Маколей заколебался. — Я все-таки не думаю, что...

— Я и не собираюсь ее беспокоить. — Прежде чем я успел сказать еще что-то, зазвонил телефон.

Маколей поднес трубку к уху:

— Алло... Да, у телефона... Кто?.. А, разумеется... — Лицо его окаменело. — Где? — Он слушал еще некоторое время. — Да, конечно. А я успею? — Он глянул на часы на левом запястье. — Ладно. До свидания в поезде. — Он положил трубку. — Это был лейтенант Гилд, — сказал он мне. — Уинант пытался покончить жизнь самоубийством в Аллентауне, в Пенсильвании.

13

Дороти и Куинн сидели у стойки бара, когда я вошел в клуб «Пальма». Они не видели меня, пока я не уселся рядом с Дороти и не сказал: «Привет, друзья». Дороти была одета так же, как в последний раз, когда я ее видел.

Она посмотрела на меня, потом на Куинна и покраснела:

— Неужели надо было обязательно говорить ему?..

— Девушка капризничает, — радостно объявил Куинн. — Я купил эти акции. Но тебе надо бы взять их еще, и что ты будешь пить?

— Коктейль «Старомодный». Ты прелестная гостья — испаряешься, не оставив ни словечка.

Дороти снова посмотрела на меня. Следы ногтей на ее лице побледнели, царапина была едва заметна, и губы уже были в норме.

— Я доверяла тебе, — сказала она. Казалось, она сейчас зарыдает.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты отлично знаешь. Даже когда вы пошли к маме на обед, я все еще доверяла тебе.

— А почему бы и нет?

— Она капризничает весь день, — заметил Куинн. — Не дразни ее. — Он положил руку на руку Дороти. — Ну, моя любимица, так вы...

— Пожалуйста, помолчите. — Дороти вырвала свою руку. — Ты отлично знаешь, что я имею в виду, — сказала она мне. — У мамы вы с Норой насмеялись надо мной...

Я начал понимать, что произошло.

— Это тебе сказала мать и ты ей поверила? — засмеялся я. — В двадцать лет ты все еще, как желторотик, веришь ее выдумкам? Я думаю, что она позвонила тебе после того, как мы оттуда ушли — мы поссорились и были там совсем недолго.

Она опустила голову и тихим несчастным голосом сказала:

— Ох, какая же я дурочка! — Потом схватила обе мои руки и потребовала: — Слушай, пойдем сейчас же к Норе. Я должна с ней помириться. Какая же я ослица! Так мне и надо будет, если Нора ни за что больше...

— Да уж. Только время еще есть. Сначала выпьем.

— Братец Чарльз, я хочу пожать тебе руку, — обрадовался Куинн. — Ты вдохнул свет и радость в жизнь нашей малышки... — Он допил бокал. — Пошли к Норе. Выпивка там не хуже, а обойдется нам дешевле.

— Вы могли бы остаться здесь, — сказала Дороти Куинну.

Куинн засмеялся и покачал головой:

— Я — нет. Может, вы сумеете уговорить Ника, чтобы он остался, а я пойду с вами. Я весь день терпел ваши капризы и теперь намерен понежиться на солнышке.

Когда мы пришли в «Нормандию», у Норы был Джилберт Уинант. Он поцеловал сестру, пожал руку мне и Гаррисону после того, как их познакомили.

Дороти тут же начала долго, серьезно и бессвязно извиняться перед Норой.

— Перестань, — сказала Нора. — Мне нечего прощать. Если Ник сказал тебе, что я обижена, или задета, или что-нибудь в этом роде, то он просто врун-грек. Давай я повешу твоё пальто.

Куинн включил радио: удар гонга, восточноамериканское время — пять часов тридцать одна и четверть минуты.

— Давай ты будешь барменом, — сказала Куинну Нора, — ты же знаешь, где что находится, — и прошла за мной в ванную комнату. — Где ты ее нашел?

— В одном баре. Зачем пришел Джилберт?

— Искать Дороти, так он сказал. Дороти вчера ночью не пришла домой, и он подумал, что сестра все еще здесь. — Нора засмеялась. — Но он не удивился, не найдя ее здесь. Он сказал, что Дороти вечно где-то шляется, что у нее мания бродяжничества, это от материнского комплекса, и это очень интересно. Он сказал, что Штекли утверждает, будто наделенные этим комплексом обычно болеют и kleptomанией, и он нарочно бросал свои вещи, чтобы посмотреть, украдет ли их Дороти, но до сих пор она этого, насколько ему известно, не делала.

— Вот это парень. О своем отце он ничего не говорил?

— Нет.

— Может быть, он еще не слышал. Уинант пытался покончить с собой в Аллентауне. Гилд и Маколей поехали проведать его. Я даже не знаю, говорить молодым или нет. Интересно, приход Джилберта тоже дело рук Мими?

— Я бы так не подумала, но если ты...

— Просто мысль такая пришла в голову, — сказал я. — Он уже давно здесь?

— Примерно час. Смешной мальчик. Учит китайский и пишет книги о Знании и Вере — не на китайском, конечно, и считает Джека Оуки непревзойденным комиком.

— Я тоже. Ты набралась?

— Не очень.

Когда мы вернулись в гостиную, по радио передавали «Эдди была барышня-красотка», а Куинн с Дороти танцевали под нее.

Джилберт отложил журнал, который листал, и вежливо выразил надежду, что я скоро оправлюсь от своих ран.

Я сказал, что непременно.

— А я ни разу не бывал ранен серьезно, — продолжал он, — сколько я себя помню. Сам я пытался себя

ранить, но это совсем не то. Мне просто стало дурно, я разволновался и вспотел, как мышь.

— А разницы почти никакой.

— Правда? Я-то думал, что есть — ну, что увлекательнее. — Он подвинулся поближе. — Я про такое ничего не знаю. Я так катастрофически молод, что еще не было случая... мистер Чарльз, если вы слишком загружены или не хотите, то вы скажите, но я был бы признателен, если б вы смогли поговорить со мной, когда будет не так много людей, чтобы нас не прерывали. Я столько хотел спросить у вас того, что, по-моему, никто, кроме вас, не знает так хорошо...

— В этом я не совсем уверен, но готов попытаться, когда тебе будет угодно.

— Вы правда ничего против этого не имеете? Вы не просто из вежливости?

— Нет, в самом деле, только я не уверен, что сумею тебе помочь так, как ты рассчитываешь. Все зависит от того, что ты хочешь узнать.

— Ну, например, что-нибудь о каннибализме, — сказал Джилберт. — Я не про Африку или Новую Гвинею, а скажем, про Соединенные Штаты. Много его у нас?

— Сейчас нет. Я, во всяком случае, не слыхал.

— А когда-то был?

— Не знаю, много ли, но время от времени бывало, прежде чем страна была полностью заселена. погоди минутку, я покажу тебе один пример. — Я подошел к книжной полке и взял оттуда «Знаменитые уголовные истории Америки», которые Нора купила у букиниста, нашел нужное место и протянул книгу Джилберту. — Здесь всего три-четыре странички.

«АЛЬФРЕД ДЖ. ПАРКЕР, «ЛЮДОЕД», КОТОРЫЙ В ГОРАХ КОЛОРАДО УБИЛ ПЯТЕРЫХ СВОИХ ТОВАРИЩЕЙ, СЪЕЛ ИХ ТРУПЫ И ПОХИТИЛ ИХ ДЕНЬГИ.

В 1873 году отряд из двадцати удальцов отправился из Солт-Лейк-Сити в штате Юта на поиски золота в окрестностях Сан-Хуана. Они слышали феноменальные истории о том, какие состояния можно там отыскать, и, пустившись в дорогу, были радостны и полны надежд. Но шли недели, а они так и не увидели ничего, кроме голой земли да заснеженных гор, и настроение их упало. Чем дальше они шли, тем ужаснее становилась картина

вокруг, и они совсем отчаялись, когда оказалось, что платой им будет голод и смерть.

Искатели счастья были уже на грани полного отчаяния, но тут они заметили вдали лагерь индейцев, и, хотя они не знали, как встретят их краснокожие, они решили, что любая смерть лучше голодной, и отважились рискнуть.

Когда они подошли к лагерю, их встретил индеец, показавшийся им приветливым, и провел гостей к вождю Орею. К их огромному удивлению, индейцы встретили прибывших с величайшей вежливостью и настоятельно советовали остаться в лагере, когда они пришли в себя от истощения.

Наконец золотоискатели решили снова тронуться в путь, на этот раз в форт Лос-Пинос. Орей не одобрил этой идеи, и десятеро послушались его и возвратились в Солт-Лейк. Остальные десять решили продолжать поиски. Орей снабдил их провиантом и велел двигаться вдоль реки Ганнисон, которая получила название по имени лейтенанта Ганнисона, убитого в 1852 году (См. жизнеописание Джо Смита, основателя секты мормонов.)

Альфред Г. Паркер, который, вероятно, стал предводителем отряда, продолжившего путешествие, похвалялся своим знанием местности и уверенностью в том, что способен без труда найти дорогу. Когда отряд прошел небольшую часть пути, Паркер сказал, что поблизости от верховья Рио-Гранде есть недавно открытые богатые залежи, и предложил провести к ним.

Четверо членов отряда потребовали, чтобы все шли, как указал Орей, но пятерых Паркеру удалось убедить. Сван, Миллер, Нун, Белл и Хамфри пошли с ним на поиски залежей, тогда как оставшиеся четверо продолжили путь вдоль реки.

Из отряда в четыре человека двое умерли от голода и холода, но остальные к февралю 1874 года после неописуемых мучений наконец добрались в форт. Начальником форта был генерал Адамс, и несчастных встретили со всей возможной заботливостью. Когда их здоровье восстановилось, они вернулись в лоно цивилизации.

В марте 1874 года генерала Адамса вызвали по делу в Денвер, и однажды холодным метельным утром, когда он был в отъезде, служащих флота, которые как раз завтракали, напугал человек дикой наружности, который появился на пороге и жалобно попросил еды и

крова. Лицо у него было ужасно отекившим, но в целом он был достаточно здоров, хотя его желудок не удерживал предлагаемой пищи. Он сказал, что его зовут Паркер и что пятеро спутников бросили его, но оставили ему ружье, которое он принес с собой.

Насладившись гостеприимством служащих форта, через десять дней Паркер продолжил путь в местечко под названием Секуач. Он сказал, что намерен податься оттуда в Пенсильванию, где у него есть брат. В Секуаче он пил беспробудно, и казалось, денег у него вдоволь. На пьяную голову он рассказывал противоречивые истории о судьбе своих спутников, и его заподозрили в том, что он избавился от бывших товарищей подлым образом.

В это время на обратном пути из Денвера генерал Адамс остановился в форте Секуач, в доме Отто Мирса, где ему посоветовали арестовать Паркера и заняться его историей. Генерал решил привезти Паркера обратно в форт, а по дороге они остановились в доме майора Дауни, где встретили тех десятерых, которые послушались вождя индейцев и отказались от дальнейшего путешествия. Выяснилось, что большая часть историй Паркера лжива, и генерал решил, что дело нуждается в расследовании, Паркера связали и отвезли в форт, где его строго стерегли.

В апреле 1874 года в форт прибежали два страшно взволнованных индейца, в руках у них были полосы мяса, которое они называли «мясом белого человека» и которое они, дескать, нашли прямо около форта. Так как мясо лежало в снегу и стоял сильный мороз, оно совсем не испортилось.

Как только Паркер увидел принесенное, смертельная бледность покрыла его лицо, и он с тихим стоном опустился на пол. Его привели в чувство, и, попросив о снисхождении, он сделал следующее заявление:

«Когда я и еще пятеро человек покинули лагерь Орея, мы считали, что продовольствия нам хватит на долгий и трудный путь, предстоявший нам, но запасы быстро подошли к концу, и вскоре перед нами встала угроза голода. Мы выкапывали из земли корни и жили ими несколько дней, но, так как они не были питательными, а животные и птицы попрятались от морозов, положение наше стало отчаянным. В глазах у всех появился странный блеск, все перестали доверять друг другу. Однажды я вышел на поиски дров для костра, а

по возвращении уви-
деш в отряде, убит ударом
ты разрезанием трупа на
них еду. Его деньги, около
ляли между остальными.
Этой еды хватило всего
ложил, чтобы следующей
самый толстый. Он нагну-
мя ему раскроили чере-
Хамфри и Нун. Белл и я
бы ни случилось, держат
голода, чем поднять руку
заявил, что он больше не
ся на меня, как голодный
прикладом. Я парировал
После этого я порезал е-
собой, когда пошел да-
бросил оставшееся мяс-
охотно, потому что чел-
бенно грудинка».

Рассказав эту жуткую
провести отряд под ру-
кам убитых. Он повел
рам, но, так как он ск-
решили прекратить и
ный путь.

Паркер и Лаутер
бросился на Лаутера
но остальные предуп-
вернулся в форт, пере-
В начале июня
имени Рейнольдс, де-
вдоль озера Кристоу-
лова останки пятерых
в ряд, тогда как
поодаль. Белл, Сва-
стрелом в затылок.
была разбита, очен-
же, со сломанным
Вид трупов яс-
виновен и в канни-
говорил правду, у-
потому что у всех
Протоптанная
шей хижине, где

по возвращении увидел, что мистер Сван, самый старший в отряде, убит ударом по голове, а остальные заняты разрезанием трупа на куски, чтобы приготовить из них еду. Его деньги, около двух тысяч долларов, поделили между остальными.

Этой еды хватило всего на несколько дней, и я предложил, чтобы следующей жертвой был Миллер, как самый толстый. Он нагнулся за полешком, и в это время ему раскроили череп топором. Следующими были Хамфри и Нун. Белл и я торжественно поклялись — что бы ни случилось, держаться заодно и лучше умереть от голода, чем поднять руку на товарища. Однажды Белл заявил, что он больше не в силах это вынести, и бросился на меня, как голодный тигр, пытаясь ударить меня прикладом. Я парировал удар и убил Белла топором. После этого я порезал его мясо на полосы и взял их с собой, когда пошел дальше. Увидев с холма форт, я бросил оставшееся мясо и признаюсь, сделал это неохотно, потому что человечина мне понравилась, особенно грудинка».

Рассказав эту жуткую историю, Паркер согласился провести отряд под руководством Х. Лаутера к останкам убитых. Он повел их к высоким, недоступным горам, но, так как он сказал, что не узнает места, поиски решили прекратить и на другой день пуститься в обратный путь.

Паркер и Лаутер легли рядом, и ночью Паркер набросился на Лаутера с намерением убить его и бежать, но остальные предупредили его, связали и, когда отряд вернулся в форт, передали его шерифу.

В начале июня того же года некий художник по имени Рейнольдс, делая наброски во время путешествия вдоль озера Кристоуэл, обнаружил в зарослях болиголова останки пятерых мужчин. Четверо из них лежали в ряд, тогда как пятый, без головы, находился чуть поодаль. Белл, Сван, Хамфри и Нун были убиты выстрелом в затылок. Когда нашли голову Миллера, она была разбита, очевидно, ружьем, которое лежало там же, со сломанным прикладом.

Вид трупов ясно свидетельствовал — Паркер был виновен и в каннибализме, и в убийствах. Он, очевидно, говорил правду, утверждая, что предпочитает грудинку, потому что у всех грудь была срезана до ребер.

Протопанная тропинка вела от трупов к ближайшей хижине, где нашли одеяла, принадлежавшие уби-

тым, и другие предметы, и все указывало на то, что Паркер прожил там много дней после убийства и часто приходил к трупам пополнять запасы человечины.

После этих открытий шериф получил распоряжение об аресте Паркера по обвинению в пяти убийствах, но в отсутствие шерифа пленник бежал.

О нем вновь заговорили девять лет спустя, когда генерал Адамс получил письмо из Хеенна, штат Вайоминг, в котором один золотоискатель из Солт-Лейка сообщил, что столкнулся в тех краях с Паркером лицом к лицу. Он утверждал, что беглец известен там под именем Джона Шварца, считают, что он действует вместе с какой-то преступной шайкой.

Детективы начали расследование, и 12 марта 1883 года шериф Шарплесс из округа Шерами арестовал Паркера. 17-го числа того же месяца шериф Смит из округа Хинсдейл отвез арестованного обратно в Солт-Лейк штата Колорадо.

Судебный процесс, на котором его обвинили в убийстве Израэля Свана в округе Хинсдейл 1 марта 1874 года, начался 3 апреля 1885 года. Было установлено, что у всех членов отряда, кроме Паркера, было много денег. Подсудимый повторил свои прежние показания, в которых он утверждал, что убил только Белла, да и то в целях самообороны.

13 апреля суд признал подсудимого виновным и приговорил его к смертной казни. По просьбе Паркера ее исполнение отложили, поскольку он сразу обжаловал решение в Верховном суде. Между тем его перевели в тюрьму Ганнисона, чтобы спасти от самосуда.

В октябре 1885 года Верховный суд назначил новое слушание, и тогда было решено обвинить Паркера в пятикратном убийстве. Его сочли виновным во всех пяти и за каждое преступление приговорили к восьми годам, то есть всего к сорока годам тюрьмы.

1 января 1901 года его помиловали, и он умер на ранчо близ Денвера 24 апреля 1907 года».

Пока Джилберт был погружен в чтение, я налил себе бокал. Дороти прекратила танцевать, чтобы присоединиться ко мне.

— Он тебе нравится? — спросила девушка, кивнув на Куинна.

— Чудный парень.

— Весьма возможно, но иногда он бывает непрохо-

дино глупым. Ты
ночью. Тебе не интересно?

— Это меня не касается
— Но я что-то для тебя

— И что же?
— Я была у тети Эли

ужасно милая. Она сказа
от моего отца, который пр

— Как же он это дела
Я не видела писем

в споре, и она порвала
что отец стал коммунист

Вулф убили коммунист
ца. Тетя считает, что

которую они выдали.
— О господи!

— Ну, я-то тут при
тетю. Я же говорю, она

— Она сказала те
письме?

— Нет. — Дороти п
что только предостер

слова, отец написал,
доверяла ни маме, ни

ному, под этим он, п
нас.

— Постарайся всп
— Но больше там

мне рассказала.
— Откуда было от

— Тетя не знает
авиапочтой и оно ее

— Что она сама
ла ли она предостер

— Тетя сказала
точные ее слова, и

брат.
— Насколько с

Дороти посмотре
прежде чем ответи

— Я думаю, что
К нам подошел

ся, история его ра
— Очень инте

9 Дэшил Хэммет

димо глупым. Ты даже не спросил, где я была вчера ночью. Тебе не интересно?

— Это меня не касается.

— Но я что-то для тебя узнала.

— И что же?

— Я была у тети Элис. Она слегка с приветом, но ужасно милая. Она сказала, что вчера получила письмо от моего отца, который предостерегает ее от мамы.

— Как же он это делает? Что он там говорит?

— Я не видела письма. Тетя уже много лет с ним в ссоре, и она порвала письмо в клочья. Тетя говорит, что отец стал коммунистом, а она уверена, что Джулию Вулф убили коммунисты и в конце концов убьют и отца. Тетя считает, что все это из-за какой-то тайны, которую они выдали.

— О господи!

— Ну, я-то тут при чем? Я расскажу дальше про тетю. Я же говорю, она немного с приветом.

— Она сказала тебе, что вся эта чушь была в письме?

— Нет. — Дороти покачала головой. — Она сказала, что только предостережение. Насколько я помню ее слова, отец написал, чтобы она ни в коем случае не доверяла ни маме, ни кому бы то ни было с ней связанному, под этим он, по всей видимости, понимает всех нас.

— Постарайся вспомнить поподробнее.

— Но больше там ничего не было. Это все, что она мне рассказала.

— Откуда было отправлено письмо?

— Тетя не знает, она сказала, что письмо пришло авиапочтой и оно ее не интересует.

— Что она сама думает об этом? То есть восприняла ли она предостережение всерьез?

— Тетя сказала, что отец — опасный радикал, это точные ее слова, и что ее не интересует, что говорит брат.

— Насколько серьезно ты это восприняла?

Дороти посмотрела на меня большими глазами и, прежде чем ответить, облизнула губы:

— Я думаю, что отец...

К нам подошел Джилберт с книгой в руках. Кажется, история его разочаровала:

— Очень интересно, но если вы правильно меня по-

нимаєте, это не патологический случай. — Он обнял сестру за талию. — Тут речь скорее о голоде.

— Только если вы хотите в это верить, — сказал я.

— А что это такое? — спросила Дороти.

— Так, история в одной книге, — сказал Джилберт.

— Расскажи ему о письме, которое получила ваша тетя.

Дороти рассказала.

Когда она закончила, Джилберт состроил нетерпеливую гримасу:

— Как глупо. На самом деле мама — безобидный человек. Она пример приторможенного развития. Большинство из нас уже переросли понятия этики, морали и прочего подобного. А мать до них еще не доросла. — Он поморщился и задумчиво поправился: — Она, может быть, и опасна, но как дитя, играющее со спичками.

Нора танцевала с Куинном.

— А что ты думаешь о своем отце? — спросил я.

Джилберт пожал плечами:

— Я не видал его с тех самых пор, как был ребенком. У меня есть на его счет своя теория, но в основном это предположения. Я хотел бы знать — главное, что я хотел бы знать, импотент он или нет.

— Он пытался сегодня покончить с собой в Аллен-тауне.

Дороти вскрикнула «нет», и так резко, что Куинн и Нора замерли. А Дороти повернулась к брату:

— Где Крис? — требовательно спросила она.

Джилберт перевел взгляд с Дороти на меня, потом снова на Дороти.

— Не будь дурой, — холодно ответил он. — Крис отправился куда-то со своей девушкой, с этой Фентон.

Дороти, казалось, не поверила ему.

— Дороти ревнует Криса, — объяснил мне Джилберт. — Самый что ни на есть материнский комплекс.

— Кто-нибудь из вас видел этого Сиднея Кельтермана, с которым у вашего отца были неприятности тогда, когда я увидел вас впервые? — спросил я.

Дороти покачала головой. Джилберт сказал:

— Нет. А почему вы об этом спрашиваете?

— Да вот пришла в голову одна мысль. Я его тоже не видел, но описание, данное вашим отцом, с небольшими поправками очень напоминает вашего Криса Йоргенсена.

В тот вечер мы с Норой пошли на открытый концерт в Музыкальный холл Радио-Сити, через час решили, что с нас хватит, и ушли.

— Куда теперь? — спросила Нора.

— Мне все равно. Хочешь, пойдем разнюхаем, что в том «Пигироне», о котором говорил Морелли. Стадзи Берк тебе понравился бы. Когда-то он был медвежатником. Он утверждает, будто взломал сейф Хагерстоунской тюрьмы, когда отбывал там тридцать суток за хулиганство.

— Идем, — согласилась Нора.

Мы поехали на Сорок девятую улицу и спросили дорогу у двоих таксистов, двоих разносчиков газет и одного полицейского и наконец нашли. Привратник сказал, что не знает никакого Берка, но посмотрит. К двери подошел Стадзи.

— Здорово, Ник, — сказал он. — Заходите.

Это был человек среднего роста и мощного телосложения, теперь уже полнеющий, но не дряблый. Ему, должно быть, стукнуло пятьдесят, но выглядел он лет на десять моложе. У него было широкое, некрасивое, но приятное лицо в оспинках под редкими волосами неопределенного цвета, и даже его почти лысая голова не прибавляла высоты его лбу. Голос его напоминал низкое рычание.

Я пожал ему руку и представил его Норе.

— Подумать только, жена, — сказал он. — Господи, или вы выпьете шампанского, или будет потасовка.

Я сказал, что не хочу потасовки, и мы вошли. Его бар выглядел уютно поблекшим. Время было тихое — в баре оказалось всего трое посетителей. Мы присели за угловой столик, и Стадзи подробно объяснил официантке, какую бутылку вина принести. Потом он зорко оглядел меня и кивнул:

— Брак хорошо на тебя подействовал. — Он почесал подбородок. — Давно тебя не видел.

— Давненько, — согласился я.

— Он сопровождал меня в тюрьму, — объяснил он Норе.

Нора издала участливый звук:

— Он был приличным детективом?

Стадзи наморщил лоб, весь, сколько его там было:

— Люди говорят, что да, а я не знаю. В тот раз,

когда он меня поймал, была сплошная невезуха: я начал с правой руки.

— Как получилось, что ты напустил на меня этого бешеного Морелли? — спросил я.

— Ты же знаешь этих иностранцев, какие они истеричные. Откуда мне было знать, что на него накатит. Он весь изболелся оттого, что легавые припаяют ему убийство этой Вулф, а потом мы читаем в газетах, что ты тоже имеешь касательство к этой истории, ну, я ему и говорю: «Ник не станет валять дурака, и если ты чувствуешь, что должен кому-то излить душу...» — а он говорит: «Вот и пойду». Что у вас там произошло, ты что, дразнил его?

— За ним следили, когда он прокрался в дом, а он решил, что это моя вина. Как он меня нашел?

— У него есть друзья, да ты ведь и не скрывался, а?

— Я жил в городе всего неделю, и в газетах ни слова не было о том, где я остановился.

— Правда? — с интересом спросил Стадзи. — И где же ты был все это время?

— Я теперь живу в Сан-Франциско. Как он меня нашел?

— Чудесный город. Много лет уже там не был, но это чудесный город. Я не должен говорить этого, Ник. Спроси у него. Это его дело.

— Настоящий друг.

— Откуда мне было знать, что он потеряет голову? Но он же не совсем тебя прихлопнул?

— Может, и не совсем, но ничего хорошего мне это не принесло, и... — Я замолчал, потому что пришла официантка с шампанским. Мы попробовали, и я сказал, что отменное. На самом деле оно было довольно скверным. — Ты думаешь, это он убил девушку?

— Ни в коем случае, — Стадзи убежденно покачал головой.

— Это такой тип, которого можно уговорить кого-нибудь застрелить, — сказал я.

— Я знаю, эти иностранцы — самые настоящие истерики, но он весь этот день после обеда просидел здесь.

— Прямо-таки весь?

— Весь. Могу поклясться. Несколько парней и девушек наверху праздновали, и я наверняка знаю, что он весь день после обеда ни на шаг не отошел от своей красотки, не говоря уже о том, чтобы выйти из дома. Кроме шуток, он может это доказать.

— Что же его так тре-
— Откуда мне знать?
Но ты ведь знаешь, како-
— Угу. Истеричные.
какого-нибудь своего кор-
— У тебя неверное
сказал Стадзи. — Я зна-
да тут с Морелли. Так
уж сильно Морелли по-
чина шлепнуть девчонку
— Вулф тоже сидел
— Не знаю. Я, пра-
гует, но это было ско-
потому что так делал М
— С кем эта Вулф
— Ни с кем, наск
ветил Стадзи. — Бы
пробовал клеиться, н
поддалась.
— Так, значит, М
— Не мели ерунд
было другого интере
Какой смысл ему р
дамочку Морелли? М
— Я его не знаю
он подрабатывает в
— М-гм. Благода
— Не за что. Я н
— Очень мило.
фарс, а? Ведь девуш
— Так думают
жу на сто монет пр
— Я не стану д
работе... — Стадзи
я скажу, что я сде
в игру, если ты х
меня сцапал, когд
зал, — меня всег
снова. В другой
ше, я бы с тобой..
Я засмеялся и
— Нет, я уже
— Да и я ка
— К тому же
я твердо стоял н

— Что же его так тревожило?

— Откуда мне знать? Я о том же себя спрашиваю. Но ты ведь знаешь, каковы эти иностранцы.

— Угу. Истеричные. Но вдруг он послал к Вулф какого-нибудь своего кореша?

— У тебя неверное представление об этом парне, — сказал Стадзи. — Я знал эту дамочку. Она иногда бывала тут с Морелли. Так просто дела не делают. Не так уж сильно Морелли по ней сох, чтобы у него была причина шлепнуть девчонку. Честно.

— Вулф тоже сидела на наркотиках?

— Не знаю. Я, правда, видел, что она ими не брезгует, но это было скорее за компанию, брала чуточку, потому что так делал Морелли.

— С кем эта Вулф еще здесь крутила?

— Ни с кем, насколько я знаю, — равнодушно ответил Стадзи. — Был тут стукач по имени Нунхайм, пробовал клеиться, но, насколько я видел, девушка не поддавалась.

— Так, значит, Морелли получил мой адрес от него?

— Не мели ерунды. К этому деятелю у Морелли не было другого интереса, кроме как дать ему по башке. Какой смысл ему рассказывать полиции, что он знал дамочку Морелли? Может, он твой приятель?

— Я его не знаю. Но слышал, что время от времени он подрабатывает в полиции.

— М-гм. Благодарим.

— Не за что. Я ничего не сказал.

— Очень мило. Но ответь мне: к чему весь этот фарс, а? Ведь девушку убил Уинант, так?

— Так думают многие, — сказал я, — но пари держу на сто монет против пятидесяти, что это не он.

— Я не стану держать с тобой пари по твоей тайной работе... — Стадзи покачал головой и повеселел, — ...но я скажу, что я сделаю и где мы можем вложить кое-что в игру, если ты хочешь. Помнишь, в тот раз, когда ты меня сцапал, когда я начал с правой, как я уже сказал, — меня всегда интересовало, удастся ли это тебе снова. В другой раз, когда здоровье твое будет лучше, я бы с тобой...

Я засмеялся и сказал:

— Нет, я уже не в форме.

— Да и я как боров на откорме, — настаивал он.

— К тому же это осечка: ты потерял равновесие, а я твердо стоял на ногах.

— Ты просто хочешь меня утешить, — сказал Стадзи и задумчиво добавил: — Хотя, думаю, что и тебе это кое в чем помогло, но если не хочешь... Ладно, давайте налью вам.

Нора решила, что хочет вернуться домой пораньше и трезвой, и мы ушли из «Пигирона» сразу после одиннадцати. Он проводил нас до такси и крепко пожал нам руки:

— Было очень приятно.

Мы тоже произнесли вежливые фразы и отбыли.

Нора нашла Стадзи несравненным:

— Я не понимаю половины из того, что он говорил.

— Настоящий мужик.

— Ты не сказал ему, что отказался от должности сыщика.

— Он подумал бы, что я хочу запудрить ему мозги, — объяснил я. — Для такого рецидивиста, если ты сыщик, им и останешься, и лучше я совру ему, чем позволю думать, будто я лгу. У тебя нет сигареты? В известной мере он ведь действительно доверяет мне.

— Ты сказал правду, что Уинант не убивал Вулф?

— Не знаю. По-моему, да.

В «Нормандии» меня ждала телеграмма от Маколея из Аллентауна:

«ЭТО НЕ УИНАНТ И НЕ ПЫТАЛСЯ ПОКОНЧИТЬ САМОУБИЙСТВОМ».

15

На другое утро я пригласил стенографистку и ответил на большую часть писем, которые пришли; переговорил по телефону с нашим адвокатом в Сан-Франциско — мы пытались спасти одного из клиентов нашей лесопилки от банкротства; часок пораскидывал мозгами над тем, как уменьшить наши подоходные налоги — я во всех отношениях был бизнесменом предприимчивым, — и около двух, довольный собой, послал работу куда подальше и вместе с Норой пошел есть.

Нора с кем-то договорилась, что после ленча пойдет играть в бридж. А я отправился навестить Гилда, предварительно договорившись с ним по телефону.

— Итак, ложная тревога? — спросил я, когда мы обменялись рукопожатием и удобно расположились в креслах.

— Да. Этот человек был не более Уинант, чем я.

Вы же знаете, как это бывает: в полиции Филадельфии мы сказали, что Уинант прислал нам телеграмму, и попросили дать по радио его описание, и на следующей неделе для половины штата Пенсильвания каждый тот же человек, по возможности с усами, был Уинантом. На самом деле это некий Барлоу, безработный плотник, если мы верно поняли. Его чуть не пришил грабитель, который покушался на его денежки. К потерпевшему до сих пор не вернулся дар речи.

— А не стрелял ли в него тот, кто сделал ту же ошибку, что и аллентаунская полиция? — спросил я.

— То есть приняв его за Уинанта? Вполне возможно, если б от этого была какая-нибудь польза. Но какая?

Я ответил, что не знаю, и спросил, рассказал ли Маколей о письме, которое он получил от Уинанта.

— Он не говорил, о чем оно.

Я рассказал. Рассказал и то, что знал о Кельтермане.

— Так он, выходит, пишет многим, да?

— И я подумал об этом. — Я сказал, что, судя по описанию, Сидней Кельтерман с небольшой натяжкой может оказаться Кристианом Йоргенсеном.

— Человека вроде вас бывает полезно послушать. Но не давайте сбить себя с толку.

Я сказал, что это весь мой улов.

Гилд качнулся на стуле обратно и уперся бледно-серыми глазами в потолок.

— Эти пункты надо еще проработать, — изрек он вскоре.

— В человека в Аллентауне стреляли из тридцать второго калибра?

Гилд мгновение смотрел на меня подозрительно, потом покачал головой.

— Из сорок четвертого. Вам что-то пришло на ум?

— Нет. Хотя одна мыслишка имеется.

— Я знаю какая, — он снова отклонился назад, чтобы еще раз посмотреть на потолок. — Алиби Маколея, о котором вы спрашивали, существует. В тот раз он опоздал на одно свидание, и мы точно знаем, что с трех ноль пяти до трех двадцати — искомое время — он был в конторе человека по имени Герман на Пятнадцати седьмой улице.

— Что это за время — пять минут четвертого?

— Ах да, вы же не знаете. Ну, мы нашли человечка по имени Каресс из мастерской химчистки, который зво-

нил Вулф пять минут четвертого, чтобы спросить, даст ли она им что-нибудь, но Вулф ответила, что нет и что сейчас она выходит из дома. Отсюда временные рамки — от трех часов пяти минут до трех двадцати. Вы что, подозреваете Маколея?

— Я подозреваю всех. Где были вы между тремя ноль пятью и тремя двадцатью?

— На самом деле, — Гилд засмеялся, — я единственный из всей этой компании не имею алиби. Я был в кино.

— А остальные имеют?

Гилд кивнул:

— Йоргенсен вышел из дома вместе с миссис Йоргенсен — это было примерно без пяти три — и рванул на Западную Семьдесят третью улицу к девке по имени Ольга Фентон — мы обещали, что не расскажем об этом его жене. Там он пробыл до пяти часов. Мы знаем, что делала миссис Йоргенсен. Дочь осталась дома переодеваться, когда остальные ушли, а в четверть четвертого взяла такси и поехала напрямик в универмаг Бергдорф-Гудмана. Сын все послеобеденное время был в городской библиотеке. Господи, до чего смешные книги он читает. Морелли был в баре на одной из Сороковых улиц. — Он засмеялся. — А где были вы?

— Это я оставляю при себе, на тот случай, если мне действительно понадобится алиби. Но ни одно из названных алиби не кажется достаточно надежным, хотя и с обоснованными алиби это бывает редко. А как с Нунхаймом?

— Почему он вас интересует? — Гилд, казалось, был поражен.

— Я слышал, что он положил глаз на девушку.

— И где же вы это слышали?

— Где-то слышал.

— На ваш взгляд, это сведение заслуживает доверия? — Он нахмурился.

— Да.

— Ну-у, — протянул Гилд, — где он был, узнать легко. Но послушайте, зачем вам все они? Вы не верите, что это сделал Уинант?

Я предложил ему пари в том же соотношении, что и Стадзи: пятьдесят против двадцати пяти, что он не делал этого.

Он искоса смотрел на меня во время долгой паузы, потом сказал:

— Это, во всяком случае, не так.
— Пока не знаю. Пойми, я говорю, что это не Уинант, не все обстоятельства указывают на него?
— Назовите это чутье.

но... Я не хочу это ничем объяснить.

— В основном это во мне прошло между тем, как миссис Йоргенсен и Мими позвонила вниз.

Гилд вытянул губы.

— Вы полагаете, что вопроса повисла в воздухе?

— Это же возможно.

был Нунхайм. Хотел бы написать Уинанта. Хотел бы тысячу долларов — раздал девушке Маколей.

видимости, отдала Уинанта.

— Сделаем все, что сможем.

А что до меня... хотел бы, чтобы он не появлялся.

— Одна из причин, почему Йоргенсен горит желанием увидеть дом. — Миссис Херберт Маколей рассказала Маколею на сцене Уинанта?

— Нет. Тот человек совсем немного сед.

Гилд, казалось, был свободным временем.

— Есть.

— Замечательно. Пусть выйдут на работу, пусть выйдут на визиты.

— Это, во всяком случае, идея. Кто же ваш кандидат?

— Пока не знаю. Поймите, я ничего не знаю. Я не говорю, что это не Уинант. Я считаю только, что далеко не все обстоятельства указывают на него.

— И ставите два против одного. Что же не указывает на него?

— Назовите это чутьем, если угодно, предчувствием, но...

— Я не хочу это ничем называть. Я вижу, вы человек сообразительный. Хочу послушать, что вы скажете.

— В основном это вопросы. Например, сколько времени прошло между тем моментом, когда лифтер выпустил миссис Йоргенсен на этаже Вулф, и тем, когда Мими позвонила вниз и сказала, что слышит стоны?

Гилд вытянул губы трубочкой и открыл рот:

— Вы полагаете, что она могла?.. — остальная часть вопроса повисла в воздухе.

— Это же возможно. И еще я хотел бы знать, где был Нунхайм. Хотел бы получить ответы на вопросы в письме Уинанта. Хотел бы знать, куда делись четыре тысячи долларов — разница между той суммой, которую передал девушке Маколей, и той, которую она, по всей видимости, отдала Уинанту. Хотел бы знать происхождение ее обручального кольца.

— Сделаем все, что сможем, — пообещал Гилд. — А что до меня... хотел бы я знать, если это не Уинант, то почему он не появляется, чтобы ответить на эти вопросы.

— Одна из причин, возможно, в том, что миссис Йоргенсен горит желанием снова упрятать его в сумасшедший дом. — Мне пришла на ум одна мысль. — Херберт Маколей работает на Уинанта: вы же не поверили Маколею на слово, будто человек в Аллентауне не Уинант?

— Нет. Тот человек моложе Уинанта, и у него было совсем немного седых волос, некрашенные усы, и он не похож на фотографии Уинанта, которые у нас были. — Гилд, казалось, был убежден. — У вас есть часок-другой свободного времени?

— Есть.

— Замечательно. — Он встал. — Я задам ребятам работу, пусть выяснят все, о чем мы здесь рассуждали, а потом, может быть, нанесем с вами вместе несколько визитов.

— Идет, — согласился я, и Гилд вышел из кабинета. В корзине для бумаг был номер «Таймс». Я выудил газету и взглянул на полосу объявлений. Там было объявление Маколея: «Абнер. Да. Зайчик».

Когда вернулся Гилд, я спросил его:

— А как дела с помощниками Уинанта, кто бы там, в его лаборатории, ни работал? Вы их опросили?

— Угу, они ничего не знают. Им отказали от места в конце той недели, когда уехал Уинант, — их было двое — с тех пор они его не видели.

— Над чем они работали, когда закрыли лабораторию?

— Это была какая-то краска или что-то в этом роде — нечто зеленое погодоустойчивое. Я не знаю. Если хотите, выясню.

— Наверное, неважно. Как сама лаборатория?

— Она, кажется, оснащена довольно прилично. Вы думаете, лаборатория может иметь отношение к этому делу?

— Как и все остальное.

— Гм. Ну что же, потопали.

16

— Для начала, — сказал Гилд, когда мы вышли из его участка, — пошли к Нунхайму. Он должен быть дома: я ему сказал, чтоб не уходил, пока я не позвоню.

Мистер Нунхайм обитал на четвертом этаже темного, сырого и вонючего здания, до которого доносился шум с железной дороги на Шестой авеню. Гилд постучался.

Изнутри слышалось торопливое движение, потом мрачноватый и гнусавый мужской голос спросил:

— Кто там?

— Джон, — ответил Гилд.

Дверь быстро открыл небольшого роста человек с бледным лицом, лет тридцати пяти, на нем была нижняя рубашка, синие кальсоны и черные шелковые носки.

— Я не ждал вас, лейтенант, — прогнусавил он, — вы же должны были позвонить. — Маленькие, близко посаженные глазки казались испуганными, большой и узкий рот — вялым. Нос у него был до странности мягкий, как будто без хряща, длинный и крючковатый.

Гилд тронул меня за локоть, и мы вошли. Через от-

крытую дверь налево виднелась незастеленная кровать. Мы вошли в комнату, убогую и грязную, повсюду валялись одежда, газеты и немытая посуда. В нише справа находилась раковина и плита. Между ними стояла женщина с шипящей сковородой в руках. Ей было лет двадцать восемь, она была ширококостной, плотной и, несмотря на вульгарность и неряшливость, даже красивой. На ней было мятое розовое кимоно, а на ногах растоптанные розовые туфли со скособочившимися верочками. Она мрачно посмотрела на нас.

Гилд не представил меня Нунхайму и не обратил на женщину ни малейшего внимания.

— Садитесь, — сказал он, отодвигая какие-то тряпки, чтобы освободить себе место на краю дивана.

Я убрал с кресла-качалки полгазеты и сел. Гилд не снял шляпы, я тоже.

Нунхайм подошел к столу, на нем были два бокала и около двух дюймов виски в бутылке объемом в пинту, и спросил:

— Хотите глотнуть?

— Этой блевотины — нет. — Гилд сморщил нос. — Почему ты соврал мне, что знаешь эту девчонку Вулф только в лицо?

— Так и есть, лейтенант, сушая правда. — Он мельком дважды взглянул на меня и отвел глаза. — Может, я говорил ей при встрече «привет» или «как жизнь», но это и все мое знакомство. Сушая правда.

Женщина в нише насмешливо хохотнула, но совсем невесело.

Нунхайм повернулся к женщине.

— Так, попробуй раскрыть хлебало, и я вобью зубы тебе в глотку! — сказал он пронзительным от ярости голосом.

Женщина размахнулась и запустила в него сковородкой. Следы жира и желтка побежали по полу, по мебели, по стене.

Нунхайм рванулся к женщине. Мне не потребовалось вставать, чтобы вытянуть ногу, о которую он споткнулся и грохнулся на пол. Женщина схватила кухонный нож.

— Перестаньте, — буркнул Гилд. Он тоже не встал со стула. — Мы пришли поговорить с тобой, а не смотреть пошлую комедию. Вставай и веди себя пристойно.

— Она доводит меня до белого каления, когда заливает, — Нунхайм медленно поднялся. — Целый день

меня пилила. — Он помахал правой рукой вперед-назад. — Я, кажется, вывихнул руку.

Женщина, не глядя ни на кого, прошествовала мимо, вошла в спальню и захлопнула дверь.

— Если бы ты не вязался ко многим бабам, может, лучше поладил бы с одной, — заметил Гилд.

— Кого вы имеете в виду, лейтенант? — Нунхайм казался удивленным, невинным, возможно, рука причиняла ему боль.

— Джулию Вулф.

Бледнолицый человечек разозлился:

— Это брехня, лейтенант. Кто скажет, что я когда-либо...

Гилд прервал его, обратившись ко мне:

— Может, хотите врезать ему разок, я из-за этого несчастного запястья не стал бы вмешиваться, он все равно не боец.

Нунхайм повернулся ко мне с вытянутыми вперед руками.

— Я не хотел сказать, что вы лжете, я хотел сказать, что кто-то, видимо, ошибся, когда...

— И ты бы не взял девчонку, — снова прервал его Гилд, — если б заполучил ее?

Нунхайм облизнул нижнюю губу и украдкой взглянул на дверь в спальню.

— Ну-у, — протянул он тихим и робким голосом, — она, конечно, была девица первый класс. Я б не отбрыкивался.

— А сам, значит, не пробовал?

Нунхайм заколебался, потом пожал плечами:

— Вы же знаете, как это бывает. Вольный охотник пробует все, что подвернется.

— Это ты мог бы сообщить мне сразу, — Гилд посмотрел на него с кислой миной. — Где ты был в тот день после обеда, когда ее шлепнули?

Маленький человек вздрогнул, будто его кольнули булавкой.

— Бога ради, лейтенант, не думаете же вы, что я имел отношение к этому делу. Чего ради я сделал бы с ней такое?

— Где ты был?

У Нунхайма нервно дернулись губы.

— Что это был за день?.. — Он замолчал, потому что отворилась дверь в спальню.

Вышла женщина
та для улицы.
— Мириам, — вы
Женщина равно
зала: — Терпеть не мо
терпела, то терпеть
ки, и даже если бы
ки, то тебя все ра
к входной двери.
Гилд ухватил Н
жал за ней, и повто
— Где ты был?
— Мириам!
Я исправлюсь, я с
Мириам.
Женщина вышл
— Отпустите м
гу без нее. Я сей
скажу вам все, чт
Я не могу без нее
— Чушь. Сяд
Я пришел сюда
матч с бабой. Гд
убили девушку?
Нунхайм закр
— Если ты
я тебя пристукну
Я налил в б
— Благодар
откашлялся и
вытереть лицо.
лейтенант, —
ли в тире, мо
дадите мне при
— Пусть М
вится, если те
воду?
— Дайте
юсь, лейтена
правду. Сейч
мое запястье
казать нам
единственн
ками.

Вышла женщина с чемоданом в руке. Она была одета для улицы.

— Мириам, — выдохнул Нунхайм.

Женщина равнодушно посмотрела на него и сказала:

— Терпеть не могу обманщиков, а если бы даже и терпела, то терпеть не могу обманщиков, которые шпики, и даже если бы терпела обманщиков, которые шпики, то тебя все равно бы не стерпела. — Она пошла к входной двери.

Гилд ухватил Нунхайма за руку, чтобы тот не побежал за ней, и повторил:

— Где ты был?

— Мириам! — крикнул Нунхайм. — Не уходи! Я исправлюсь, я сделаю все, что ты хочешь. Не уходи, Мириам.

Женщина вышла и закрыла дверь.

— Отпустите меня! Я приведу ее обратно. Я не могу без нее. Я сейчас приведу ее обратно и тогда расскажу вам все, что вы хотите знать. Дайте мне сходить. Я не могу без нее жить.

— Чушь. Сядь. — Гилд толкнул его в кресло. — Я пришел сюда не для того, чтобы смотреть на твой матч с бабой. Где ты был после обеда в тот день, когда убили девушку?

Нунхайм закрыл лицо руками и зарыдал.

— Если ты еще будешь ныть, — сказал Гилд, — я тебя пристукну.

Я налил в бокал виски и протянул его Нунхайму.

— Благодарю вас, сэр, благодарю вас. — Он выпил, откашлялся и вытащил грязный носовой платок, чтобы вытереть лицо. — Я не могу так вдруг припомнить, лейтенант, — канючил он. — Может, я стрелял у Чарли в тире, может, здесь был. Мириам вспомнит, если дадите мне привести ее обратно.

— Пусть Мириам катится к черту. Как тебе понравится, если тебя за плохую память посадят на хлеб и воду?

— Дайте мне минуту времени. Я же не выкручиваюсь, лейтенант. Вы знаете, я всегда говорю сущую правду. Сейчас я просто взбудоражен. Посмотрите на мое запястье. — Он поднял правую руку, чтобы показать нам распухшее запястье. — Подождите одну-единственную минуту. — Он снова закрыл лицо руками.

Гилд подмигнул мне, и мы стали ждать, когда у парня заработает память.

Вдруг он отнял руки от лица и рассмеялся:
— Черт бы побрал! Лучше бы вы на самом деле упрятали меня за решетку. В тот день после обеда я был... Погодите, сейчас покажу. — Он ушел в спальню.

— Эй, — крикнул Гилд через пару минут, — у нас нет времени ждать здесь целый вечер. Давай живее. Ответа не было.

Мы вошли в спальню, она была пуста, открыли дверь в ванную комнату — тоже пуста. Окно рядом с пожарной лестницей было открыто.

Я ничего не сказал и постарался, чтобы мое лицо тоже ничего не выражало.

— Лучше бы он этого не делал, — произнес Гилд, сдвинув шляпу со лба чуть-чуть назад, и пошел в гостиную к телефону.

Пока он звонил, я порылся в ящиках и шкафах, но ничего не нашел. Мои поиски не были сколько-нибудь основательными, и я бросил их, как только Гилд запустил свою полицейскую машину.

— Думаю, мы его все равно поймаем, — сказал Гилд. — И у меня есть новости. Мы установили, что Йоргенсен — это и есть Кельтерман.

— Кто его опознал?

— Я послал человечка к Ольге Фентон, девушке, которая подтверждала алиби Йоргенсена, и наш человек вытянул из нее все до последнего. Но насчет алиби девушка непоколебима. Я еще схожу к ней и сам попробую. Хотите пойти со мной?

— Я бы пошел, но слишком поздно, — ответил я, посмотрев на свои часы. — Нунхайма уже поймали?

— Приказ дан. — Он задумчиво посмотрел на меня. — И этому ребеночку предстоит очень серьезный разговор.

Я с улыбкой посмотрел на него.

— Что же вы думаете теперь — кто убил Джулию?

— На этот счет я не волнуюсь, — сказал он. — Когда у меня будет материал, чтобы допросить достаточно число людей, виновник окажется у меня в руках, прежде чем кто-либо успеет свистнуть.

На улице Гилд пообещал, что даст мне знать, если что-то выяснится без меня, мы пожали друг другу руки

и пошли каждый
догнал меня, чтобы
привет.

Дома я передаю
о сегодняшних новостях.
— У меня тоже
Нора. — Забегал.

зочарован, что те
может сообщить
— Наверно, о
комплекс.

— Ты считаешь
— Я думал, что
туация осложнилась
лагать.

— И каковы
— Мими, Йор

Дороти, тетя Эл

это сделал Стад

Нора смешалась

или третий бо

сказала:

— Твоя под

— Привет,

— Я очень

безобразно вел

ла самооблада

прости. — Она

словно хотела

— Забудет

Она едва

вступила сно

— Могу я

довищенное, э

таться.

— И что

— Это н

зать мне, ч

товаться. Т

— Ты и

— Да.

Я сказа

и пошли каждый своим путем. Через две секунды он догнал меня, чтобы передать Норе свой сердечный привет.

Дома я передал Норе привет от Гилда и рассказал о сегодняшних новостях.

— У меня тоже есть кое-что для тебя, — сказала Нора. — Забегал Джилберт Уинант и был сильно разочарован, что тебя нет. Он просил передать тебе, что может сообщить нечто «в высшей степени важное».

— Наверно, обнаружил у Йоргенсена материнский комплекс.

— Ты считаешь, что Джулию убил Йоргенсен?

— Я думал, что знаю, кто это сделал, но теперь ситуация осложнилась так, что можно только предполагать.

— И каковы же твои предположения?

— Мими, Йоргенсен, Уинант, Нунхайм, Джилберт, Дороти, тетя Элис, Морелли, ты, я и Гилд. Возможно, это сделал Стадзи. А не смешать ли нам один коктейль?

Нора смешала несколько коктейлей. Я пил второй или третий бокал, когда она подошла к телефону и сказала:

— Твоя подруга Мими хочет поговорить с тобой.

— Привет, Мими, — сказал я в трубку.

— Я очень извиняюсь, Ник, что в тот вечер так безобразно вела себя, но я была так взвинчена, потеряла самообладание и окончательно сдурела. Пожалуйста, прости. — Она выстрелила всю фразу, как из пулемета, словно хотела поскорее от нее освободиться.

— Забудем об этом, — ответил я.

Она едва дала мне договорить эти три слова — вступила снова, но на этот раз медленнее и серьезнее:

— Могу я повидать тебя, Ник? Случилось нечто чудовищное, это... я не знаю, что делать, к кому обратиться.

— И что же?

— Это не телефонный разговор, но ты должен сказать мне, что делать. Мне нужно с кем-нибудь посоветоваться. Ты не мог бы зайти к нам?

— Ты имеешь в виду сейчас?

— Да. Пожалуйста.

Я сказал «будь по-твоему» и вернулся в гостиную:

— Я заскочу к Мими. Она говорит, что попала в переделку и нуждается в помощи.

— Я буду держать кулак. — Нора засмеялась. — Она извинилась перед тобой? Передо мной — да.

— Да, на одном дыхании. Дороти дома или все еще у тети Элис?

— По словам Джилберта, все еще у тети. Ты на долго?

— Не дольше, чем будет необходимо. Можно полагать, что они прихватили Йоргенсена и Мими хочет знать, как быть дальше.

— А что они могут сделать Йоргенсену? Я имею в виду в том случае, если он не убивал Вулф.

— Я думаю, что старые обвинения против него — угрозы по почте, попытки вымогательства, — их можно раскрутить. — Я перестал пить, чтобы задать Норе и себе самому вопрос: — Интересно, был ли он знаком с Нунхаймом? — Поразмышляв над этим, я решил, что это вполне могло быть. — Ну, я пошел.

18

Мими приняла меня с распростертыми объятиями.

— Это ужасно, ужасно мило с твоей стороны, Ник, что ты прощаешь меня. Но ты всегда был ужасно милым. Я не знаю, что на меня нашло в понедельник вечером.

— Забудем это.

Ее лицо розовело больше обычного, а от напряжения она казалась моложе, чем была на самом деле. Голубые глаза как-то особенно блестели. Руки были холодными. Она была взволнована, но я не мог понять, что это за волнение.

— И со стороны твоей жены это тоже было так мило, что она...

— Забудем это.

— Ник, что они могут сделать с человеком, который знал, кто убийца, но скрыл это?

— Ему могут определить соучастие — технический термин: соучастие после совершения деяния, — если захотят.

— Даже если ты добровольно передумаешь и дашь показания?

— Они могут это сделать. Но обычно не делают.

Мими огляделась
убедиться, что здесь
— Джулию убил
вала ее. Что они мне

— Думаю, ниче
ругают тебя, если т
твоим супругом, по
ты пытаешься скр
установят, что у т
— Ты так дума

шенно.
— Не знаю. Я
пользовать эту
ко встретишься с
обстоятельства,
решение.

Она выбросил
вцепилась ногтям
ны, десна обнаж
Я схватил ее

— Женщины
придав своему
раз сейчас я и
своего мужа ско
Мими засме
лось.

— А ты ещ
самое плохое,
Я отпустил
остались от мо

— И кто ж
знаю?
— Во вся
в виду. Они
генсена?

— Что?
Я повери
вера изумил

— Йорге
Я думал, чт
— Ты и
торый?

— Да.

Мими огляделась по сторонам, словно пытаюсь убедиться, что здесь нет никого, потом сказала:

— Джулию убил Клайд. Я нашла улику, но скрывала ее. Что они мне сделают?

— Думаю, ничего, кроме того, что как следует обругают тебя, если ты ее представишь. Он когда-то был твоим супругом, ты и он достаточно близки, ни один суд присяжных, по-моему, не осудил бы тебя за то, что ты пытаешься скрыть его вину — если, конечно, они не установят, что у тебя были на то другие мотивы.

— Ты так думаешь? — спросила она холодно и взвешенно.

— Не знаю. Я бы предположил, что ты решила использовать эту улику для вымогательства, как только встретишься с ним, и что теперь возникли новые обстоятельства, которые заставляют тебя изменить решение.

Она выбросила правую руку прямо как хищник и вцепилась ногтями мне в лицо. Зубы у нее были оскалены, десна обнажилась.

Я схватил ее за руку.

— Женщины становятся жестокими, — сказал я, придав своему голосу оттенок мечтательности. — Как раз сейчас я иду от одной из таких, она швырнула в своего мужа сковородкой.

Мими засмеялась, хотя выражение глаз не изменилось.

— А ты еще и негодяй. Ты всегда думаешь обо мне самое плохое, так?

Я отпустил ее руку, и она потерла следы, которые остались от моих пальцев.

— И кто же это запустил в мужа сковородкой? Я ее знаю?

— Во всяком случае, не Нора, если ты это имеешь в виду. Они уже арестовали Сиднея Кельтермана-Йоргенсена?

— Что?

Я поверил в ее изумление, хотя ее изумление и моя вера изумили меня самого.

— Йоргенсен — это Кельтерман, — сказал я. — Я думал, что ты знаешь.

— Ты имеешь в виду того жуткого человека, который?..

— Да.

— Я не могу поверить. — Она встала, ломая пальцы. — Не верю. Не верю. — Лицо у нее было очень бледное, голос ломкий, нереальный, как у чревовещателя. — Я не верю в это.

— Теперь это мало чему поможет.

Она не слушала меня, повернулась ко мне спиной и подошла к окну.

— Перед домом сидят в машине несколько человек. Это могут быть полицейские, которые схватят его, когда он...

Мими обернулась и резко спросила:

— Ты уверен, что он — Кельтерман? — Страх почти улетучился с ее лица, и голос был уже по крайней мере человеческим.

— Полиция уверена.

Мы смотрели друг на друга, и каждый был занят своими мыслями. Я подумал, что Мими ужасает не то, что Йоргенсен мог убить Джулию и его могут арестовать, ее ужасает то, что женитьба на ней оказалась только средством в каком-то заговоре против Уинанта.

Когда я засмеялся — не то чтобы эта мысль была смешной, просто она пришла так неожиданно, — Мими вздрогнула и неуверенно улыбнулась:

— Я не поверю в это, — ее голос стал очень мягким, — прежде чем Крис сам не скажет мне об этом.

— А если скажет — что тогда?

— Он мой муж, — она дернула плечом, и ее нижняя губа скривилась.

— Хорошо. Хорошо. Оставим это. Давай вернемся к той улике против Уинанта, которую ты обнаружила. Мими подошла ко мне.

— Клайд не имел никакого права отправлять Элис и Маколею те письма, из-за которых все начали подозревать меня, и я решила, что поделом ему будет, если я что-нибудь придумаю против него, ведь я действительно верила... и сейчас верю... что он убил Джулию, и это будет...

— Что же ты придумала? — спросил я у нее.

— Я... я еще не придумала. Сначала я хотела узнать, что они могут мне сделать... Я ведь могла придумать сценку: Джулия на минуту пришла в сознание, когда остальные пошли звонить и я оставалась с ней одна, и сказала мне, что это сделал Клайд.

— Но ты же не сказала, что слышала нечто подоб-

ное, и оставила это
спрятала.

— Но я еще не
— Когда ты уез-
— Сегодня по-
бы человек из пол-

— Он ничего
— Он спросил

ли что-нибудь о
когда сказала «не

— Может быть
верю, что ты не

то улику против
— Не понима

— Я тоже, н
ла что-то найти

дать Уинанту; н
смотреть из-за

деньгах и отом
себя, отдав ули

узнала, что Йо
няешь лицо и

нег, но чтобы
трудное полож

ся на тебе не
против Уинант

Мими spok
— Ты, как
все, да?

— Это не
чишь свою ж

Она вскр
рый мелькал
нии с ужасо

но вцепилас
— Не г
что ты так
шлось обня

Мы и
кашлянул
— Мам

Мими
сказала:
— Тво

ное, и оставила это при себе, ты же нашла что-то и спрятала.

— Но я еще не решила, что я...

— Когда ты узнала о письме Уинанта Маколею?

— Сегодня после обеда, — сказала она, — здесь был человек из полиции.

— Он ничего не спрашивал про Кельтермана?

— Он спросил, знаю ли я Кельтермана и слышала ли что-нибудь о нем, и я думала, что говорю правду, когда сказала «нет».

— Может быть, и говорила, и теперь я в первый раз верю, что ты не лгала, когда сказала, что нашла какую-то улику против Уинанта.

— Не понимаю, — Мими сделала большие глаза.

— Я тоже, но я представляю себе это так: ты могла что-то найти и скрыть это, очевидно, с мыслью продать Уинанту; но потом, когда люди стали косо на тебя смотреть из-за его писем, ты решила оставить мысль о деньгах и отомстить ему, а одновременно обезопасить себя, отдав улику в руки полиции; и наконец, когда ты узнала, что Йоргенсен — это Кельтерман, ты опять меняешь лицо и прячешь улику, на этот раз не из-за денег, но чтобы поставить Йоргенсена в как можно более трудное положение — в наказание за то, что он женился на тебе не по любви, а чтобы иметь козырь в игре против Уинанта.

Мими спокойно улыбнулась и спросила:

— Ты, кажется, полагаешь, что я способна на все, да?

— Это неважно. Важно то, что ты, вероятно, кончишь свою жизнь в какой-нибудь тюрьме.

Она вскрикнула, негромко, но жутко, и страх, который мелькал на ее лице раньше, был ничто в сравнении с ужасом, который отразился сейчас. Она судорожно вцепилась в рукава куртки и запричитала:

— Не говори так, пожалуйста, не говори. Скажи, что ты так не думаешь. — Она задрожала, и мне пришлось обнять ее, чтобы не дать ей упасть.

Мы и не заметили Джилберта, прежде чем он не кашлянул и не спросил:

— Мама, тебе нехорошо?

Мими медленно убрала руки, отступила на шаг и сказала:

— Твоя мать глупая женщина. — Она все еще дро-

жала, но улыбнулась мне и играючи произнесла: — Ты скотина — так меня напугать.

Я извинился.

Джилберт положил пальто и шляпу на стул и со сдержанным интересом посматривал то на одного, то на другого. Когда ему стало ясно, что ни один из нас не собирается ему ничего рассказывать, он снова откашлялся и сказал:

— Очень рад вас видеть, — подошел и пожал мне руку.

Я сказал, что тоже рад его видеть.

— У тебя усталые глаза, — сказала Мими. — Могу поспорить, что ты опять после обеда до вечера читал без очков. — Она покачала головой. — Такой же безмозглый мальчишка, как и его отец.

— Есть новости об отце? — спросил Джилберт.

— После ложной тревоги о его самоубийстве — нет, — ответил я. — Ты, верно, слышал, что тревога оказалась ложной.

— Да. — Он колебался. — Мне бы хотелось поговорить с вами пару минут, перед тем как вы уйдете.

— Конечно.

— Но, миленький, ты и сейчас можешь говорить, — сказала Мими. — У вас есть тайны, о которых мне не следует знать? — Она говорила легко и перестала дрожать.

— Тебе это будет скучно. — Джилберт взял пальто и шляпу, кивнул мне и вышел из комнаты.

Мими покачала головой:

— Я вообще не понимаю этого ребенка. Интересно, что он подумал о нашей сценке? — Однако она, казалось, не очень этим обеспокоена. Потом, уже серьезнее, добавила: — Почему ты так сказал, Ник?

— Про то, где ты кончишь?..

— Ох, нет, нет. — Ее передернуло. — Я не хочу об этом слышать. Ты не останешься пообедать? Я, наверное, буду одна.

— К сожалению, не могу. А теперь — что это была за улика?

— На самом деле я ничего не нашла. Это была ложь. — Она нахмурилась. — Не смотри на меня так. Это и вправду была ложь.

— Выходит, ты пригласила меня сюда, чтобы водить

за нос? — спросил я.
— Она захихикала: — Я, наверное, все бы ты не ошетикивал!
Не понимая ее логики — Ладно, посмотри

бегу. — Я хотела бы, чтобы
— Жаль, но не могу
— Вторая дверь...

ют Криса? — Все зависит от
Чтобы остаться на сцене
но откровенно.

— Ох, дьявол...
смотрела на меня и
со мной? Он в самом деле

— Полиция не сможет
— А человек, который
лудня, ничего не скажет

Мими. — Он спросил
— Тогда они едут
я. — Это было полнотой

— А теперь увидишь
Я кивнул.

— Откуда они пришли?
— От девушки, которая
— Кто она такая?

но голосом она сказала
— Я не помню, кто
ся к правде. —

твердила его алиби.
— Алиби? —

сказать, что пошел
— Какой там алиби?
— Ты же знаешь

— Понятия нет.
— Нет, —

оскорбил ее. —
до шепота: —

— Чего ради
— Допустим
Клайду, и...
ехать сюда и
быть моя, но

за нос? — спросил я. — Почему же ты передумала?
Она захихикала:

— Я, наверное, всерьез нравлюсь тебе, Ник, иначе бы ты не ошетинивался всякий раз против меня.
Не понимая ее логики, я сказал:

— Ладно, посмотрю, чего хочет Джилберт, и побегу.

— Я хотела бы, чтобы ты остался.

— Жаль, но не могу. Где мне его найти?

— Вторая дверь... А если они действительно арестуют Криса?

— Все зависит от того, какие ответы он им даст. Чтобы остаться на свободе, он должен говорить довольно откровенно.

— Ох, дьявол... — Мими умолкла, пристально посмотрела на меня и спросила: — А ты не играешь ли со мной? Он в самом деле тот Кельтерман?

— Полиция не сомневается.

— А человек, который был здесь сегодня после полудня, ничего не спрашивал про Криса, — возразила Мими. — Он спросил только, знаю ли я...

— Тогда они еще не были уверены, — объяснил я. — Это было полупредположение.

— А теперь уверены?

Я кивнул.

— Откуда они это узнали?

— От девушки, которую он знает.

— Кто она такая? — Глаза Мими слегка потемнели, но голосом она себя не выдала.

— Я не помню, как ее зовут. — Но потом я вернулся к правде. — Это та самая девушка, которая подтвердила его алиби на время убийства.

— Алиби? — гневно спросила Мими. — Ты хочешь сказать, что полиция верит словам такой девки?

— Какой такой?

— Ты же знаешь, что я имею в виду.

— Понятия не имею. Ты знаешь эту девушку?

— Нет, — ответила Мими таким тоном, будто я оскорбил ее. Она сощурилась и понизила голос почти до шепота: — Ник, ты думаешь, это он убил Джулию?

— Чего ради он стал бы это делать?

— Допустим, он женился на мне, чтобы отомстить Клайду, и... Ты знаешь, именно он убедил меня приехать сюда и попросить у Клайда денег. Идея могла быть моя, но убедил меня он. И вообрази теперь, что

он случайно встретился с Джулией. Та, конечно, знала его, ведь они работали у Клайда в одно и то же время. И Крис знал, что в тот день я собиралась пойти к Джулии после полудня, и он боялся, что, если я разозлю Джулию, она может разоблачить его передо мной и вот... Могло так быть?

— Это все чушь. К тому же вышли вы в тот день из дома вместе. Ему не хватило бы времени...

— Но мое такси ехало страшно медленно, — сказала Мими, — и я ведь могла где-нибудь остановиться... кажется, даже и остановилась. Кажется, я останавливалась у аптеки, чтобы купить аспирин. — Она энергично кивнула. — Теперь вспомнила, так оно и было.

— И Крис наперед знал, что ты задержишься у аптеки, потому что ты его предупредила, — подхватил я. — Так невозможно продолжать, Мими. Убийство — дело серьезное. Убивают не для того, чтобы ты возводила напраслину на людей, которые тебе не угодили.

— Не угодили? — спросила Мими, уставившись на меня. — Этот проклятый... — Она крыла Йоргенсена всеми возможными пошлыми, оскорбительными, грязными словами, голос ее постепенно набирал силу, и вот она уже кричала мне прямо в лицо.

Когда она остановилась, чтобы перевести дух, я сказал:

— Хорошо ругаешься, только вот...

— Его даже хватило на то, чтобы намекнуть, что я могла убить Джулию, — перебила Мими. — Его не хватило на то, чтобы спросить об этом меня, но он крутил и крутил, пока я ему твердо не сказала... ну, сказала, что я этого не делала.

— Но ты же хотела сказать что-то совсем другое. Что ты ему твердо сказала?

Мими поморщилась:

— Кончай меня допрашивать!

— Ладно, и катись ты к черту. Я сюда не напрашивался. — Я пошел брать пальто и шляпу.

Она побежала за мной, ухватила меня за руку.

— Прошу тебя, Ник, прости. У меня просто ужасный характер. Я не знаю, что же я...

В комнату вошел Джилберт:

— Я пойду провожу вас немного.

— Ты подслушивал! — косо посмотрела на него Мими.

— А что мне дела
мне денег?
— Мы еще не за
— Мне надо спе
— Времени уже
— Ты вернешься
— Если будет не
— Я буду дома
все равно когда.
Я сказал, что по
нег. Мы с ним вместе

— Да, я подслу
гда мы вышли из
слушивать, если е
чить человека, пот
когда ты находиш
вится, когда они
ся, — птицам и ж
по душе, когда за
— И много ты
— Достаточно
чего важного.

— Что ты об

Он вытянул г
судья. произнес:

— Трудно ск

ловко что-то ск

Смешно, вы, на

постоянно, дела

обмануть их сам

идее, они ведь н

нута, но похожа

ное, тоже это за

— Да.

— Я хочу

не ночевал до

обычного, и ко

было письмо

то быть, и ра

кармана пись

том я снова

случай, если

— А что мне делать, когда ты так кричишь? Дашь мне денег?

— Мы еще не закончили, — проворчала Мими.

— Мне надо спешить, Мими. — Я посмотрел на часы. — Времени уже много.

— Ты вернешься после свидания?

— Если будет не слишком поздно. Но не жди меня.

— Я буду дома, — пообещала Мими. — Приходи все равно когда.

Я сказал, что попробую. Мими дала Джилберту денег. Мы с ним вместе спустились.

19

— Да, я подслушивал, — признался Джилберт, когда мы вышли из дома. — Я считаю — глупо не подслушивать, если есть хоть какая-то возможность изучить человека, потому что люди не бывают сами собой, когда ты находишься с ними вместе. Людям это не нравится, когда они об этом узнают, но... — он улыбнулся, — птицам и животным, наверное, тоже не особенно по душе, когда за ними следят.

— И много ты слышал?

— Достаточно, чтобы понять — я не пропустил ничего важного.

— Что ты об этом думаешь?

Он вытянул губы, наморщил лоб, потом важно, как судья, произнес:

— Трудно сказать определенно. Мама иногда очень ловко что-то скрывает, но выдумывать она не умеет. Смешно, вы, наверное, заметили: люди, которые лгут постоянно, делают это почти всегда очень неловко, и обмануть их самих всегда легче, чем многих других. По идее, они ведь все время настороже, что их могут обмануть, но похоже, что они верят почти всему. Вы, наверное, тоже это замечали?

— Да.

— Я хочу рассказать вам одну вещь: Крис сегодня не ночевал дома. Поэтому мама нервничает больше обычного, и когда утром я пошел вниз за почтой, там было письмо Крису, и я подумал, что в нем может что-то быть, и распечатал его над паром. — Он достал из кармана письмо и протянул мне. — Прочтите его, потом я снова заклею и положу к утренней почте, на случай, если он вернется, хотя это маловероятно.

— Почему же? — спросил я, взяв у него письмо.
— Ну, он же на самом деле Кельтерман...
— Ты сказал ему что-нибудь об этом?
— Не было случая. Я не видел его после того, как услышал это от вас.

Я осмотрел письмо. На конверте был бостонский штемпель, штат Массачусетс, 27 декабря 1932, адрес написан девическим почерком — мистеру Кристиану Йоргенсену, блок Кортленд, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

— Почему ты решил вскрыть письмо? — спросил я, вынимая его из конверта.

— Я не верю в интуицию, — ответил он, — но, видимо, в запахах, звуках, может быть, даже в почерке есть нечто не поддающееся анализу, порой сам не осознаешь, что на тебя воздействует. Я не знаю, что это было: я просто почувствовал, что в нем может быть что-то важное.

— Ты часто проделываешь это с семейной почтой? Он мельком взглянул на меня, чтобы проверить, не дразню ли я его.

— Не очень, но их письма я вскрывал и раньше. Я же сказал вам, что занимаюсь изучением людей.

Я прочел письмо:

«Дорогой Сид!

Ольга написала мне, что ты вернулся в США, женился на другой женщине и живешь под именем Кристиана Йоргенсена. Это нечестно Сид как ты сам отлично знаешь так же как то что все эти годы я не получила от тебя ни словечка. И денег тоже. Я знаю что тебе пришлось уехать из-за неприятности которая была у тебя с мистером Уинантом но я уверена что он давно об этом забыл и я думаю ты мог бы мне написать потому что ты прекрасно знаешь что я всегда была тебе другом и согласна в любое время сделать для тебя все что ты захочешь. Я не хочу ругаться с тобой Сид но надо увидеть тебя. По случаю нового года я буду свободна от магазина в субботу и воскресенье и приеду в субботу в Нью-Йорк и мне нужно поговорить с тобой. Напиши мне где мы встретимся и в какое время потому что я не хочу причинять тебе никакого беспокойства. Напиши сразу и обязательно чтобы я получила письмо вовремя.

Твоя верная жена

Джорджия».

Еще было добавлено название одной улицы.

— Так-так, — я положил письмо обратно в конверт. — И ты сумел устоять перед искушением рассказать об этом матери?

— Ох, я знал, как она будет реагировать. Вы же видели, как она бушует из-за того, что вы ей сказали. Как вы думаете, что я должен предпринять?

— Ты должен разрешить мне сообщить об этом в полицию.

Он сразу кивнул:

— Если вы считаете, что так будет лучше всего. Можете, если хотите, показать им письмо.

— Большое спасибо, — сказал я и сунул письмо в карман.

— Есть еще одна вещь — у меня было немного морфия, гранул двадцать, я ставил опыты, но их кто-то украл.

— Какие опыты?

— Принимал. Я хотел узнать, как он действует.

— Понравилось?

— Я и не ожидал ничего приятного. Просто хотел узнать. Мне не нравятся вещи, которые затемняют рассудок. Потому-то я мало пью и совсем не курю. Но хочу все-таки попробовать кокаин, потому что он, говорят, должен стимулировать мозговую деятельность, это так?

— Так считают. Как ты думаешь — кто же стащил твоё добро?

— Подозреваю Дороти — у меня на её счет своя теория. Поэтому сегодня я пойду на обед к тете Элис: Дороти все еще там, и я хочу установить. Я могу заставить ее все мне рассказать.

— Но если она все время была у тети, как же она могла?..

— Вчера вечером она заглядывала домой, и к тому же я не знаю точно, когда произошла кража. Сегодня я открыл ящик впервые за последние три-четыре дня.

— А Дороти знала, что у тебя есть?

— Да. Это еще одна причина, по которой я ее подозреваю. И не думаю, что это был кто-то другой. Я ставил опыты и на ней тоже.

— Как ей понравилось?

— Вполне, но она все равно взяла бы его. Только я

хотел спросить вас, могла она стать наркоманкой за такое короткое время?

— За какое?

— За неделю... нет... за десять дней.

— Вряд ли, если она сама себе это не внушила. Ты много ей давал?

— Нет.

— Звякни, когда узнаешь, — сказал я. — Я поймаю здесь такси. До свидания.

— Вечером вы придете к нам?

— Если успею. Может быть, тогда и увидимся.

— Да, — ответил Джилберт, — и тысяча благодарностей.

Возле первой аптеки я остановился, чтобы позвонить Гилду. Я и не думал застать его на службе, но надеялся узнать, как связаться с ним дома. Но он еще был на работе.

— Так поздно трудитесь, — сказал я.

Его «так точно» прозвучало довольно весело.

Я прочел ему письмо Джорджии и дал ее адрес.

— Богатый улов, — похвалил он.

Я сказал ему, что Йоргенсен со вчерашнего дня не был дома.

— Вы думаете, мы найдем его в Бостоне?

— Или там, — предположил я, — или на таком далеком юге, куда он только успел забраться за это время.

— Поищем его там и там, — все так же весело сказал Гилд. — А у меня тоже есть новость для вас. Нашего друга Нунхайма изрешетили из пистолета 32-го калибра примерно через час после того, как он сбежал от нас. Теперь он уже ничего и никому не расскажет. Похоже, пули выпущены из уже известного нам оружия. Эксперты выясняют. Нунхайм, верно, сожалеет, что не остался поговорить с нами.

20

Когда я пришел домой, Нора одной рукой держала кусок холодной утки, а другой составляла мозаику из картинок.

— Я думала, что ты переселился к ней, — сказала она. — Когда-то ты был детективом — найди мне коричневый кусок в виде улитки с длинной шеей.

— Кусок жаркого или
сегодня к Эдхам: у них т
— Хорошо, но они об
— Вряд ли нам так
Скорее они обидятся на
— Гаррисон звонил
сейчас самое время по
купайн — если я прав
Доуму. Он сказал, к
двадцать пять доллар
мозанку. — Кусок, ко
Я нашел часть карт
почти слово в слово
ворилось у Мими.
— Я не верю это
выдумал. Таких люде
лось? Они что, праро
вой расы?
— Я не пытался
бе, что было.
— Да и как мож
мейке, кажется, нет
повернула против с
рого была бы хоте
членам семейства,
друг на друга.
— Может, это и
— Хотела бы я
отдашь письмо поли
— Я уже звон
Норе про Нунхайм
— Что это знач
— Во-первых,
и думаю, и пули
была убита Джу
то полиции прид
захотят его в чем
— Я уверена
мне все гораздо
ва занялась сво
Мими?
— Вряд ли.
покое на то вре
Зазвонил те
ку. Это была Д

— Кусок жаркого или мозаики? Давай не пойдем сегодня к Эджам: у них такая скукота...

— Хорошо, но они обидятся.

— Вряд ли нам так повезет, — проворчал я. — Скорее они обидятся на Куиннов...

— Гаррисон звонил тебе. Он просил передать, что сейчас самое время покупать акции Мак-Интайр Поркупайн — если я правильно помню — в добавление к Доуму. Он сказал, к концу дня они стоили двадцать и двадцать пять долларов. — Она положила палец на мозаику. — Кусок, который мне нужен, пойдет сюда.

Я нашел часть картинки, которая была ей нужна, и почти слово в слово рассказал ей, что делалось и говорилось у Мими.

— Я не верю этому, — сказала Нора. — Ты сам выдумал. Таких людей не бывает. Что с ними стряслось? Они что, прародители какой-нибудь ужасной новой расы?

— Я не пытался это выяснять, просто рассказал тебе, что было.

— Да и как можно это выяснить? Во всей их семье, кажется, нет ни одного — теперь, когда и Мими повернула против своего Криса, — человека, у которого была бы хоть капля дружелюбия к остальным членам семейства, и тем не менее они очень похожи друг на друга.

— Может, это и есть объяснение, — решил я.

— Хотела бы я взглянуть на эту тетю Элис. Ты отдашь письмо полиции?

— Я уже звонил Гилду, — ответил я и рассказал Норе про Нунхайма.

— Что это значит? — спросила она.

— Во-первых, если Йоргенсена нет в городе, как я и думаю, и пули выпущены из того же оружия, каким была убита Джулия Вулф, — а это, видимо, так и есть, то полиции придется найти его соучастника, если они захотят его в чем-либо обвинить.

— Я уверена, что хороший детектив объяснил бы мне все гораздо проще, чем это сделал ты. — Она снова занялась своей мозаикой. — Ты пойдешь обратно к Мими?

— Вряд ли. Нельзя ли оставить эту фокусницу в покое на то время, пока мы где-нибудь пообедаем?

Зазвонил телефон, и я сказал, что сам возьму трубку. Это была Дороти Уинант.

— Алло, это Ник?

— Я. Как делишки, Дороти?

— Сюда добрался Джил и пытался у меня сам узнать про что, и я хотела тебе сказать, что да, я взяла, но только для того, чтобы он не сделался наркоманом. Он заставил меня вернуть это, и он не верит мне, что, честное слово, это была единственная причина.

— Я верю.

— А Джилу ты скажешь? Если ты мне веришь, он тоже поверит, он считает, что ты потрясающе разбираешься в таких вещах.

— Скажу ему, как только увижу, — пообещал я. Воцарилась тишина, потом Дороти спросила:

— Как поживает Нора?

— Судя по всему — хорошо. Хочешь с ней поговорить?

— Разумеется, но сначала я хочу спросить кое-что у тебя. Мама... говорила тебе что-нибудь обо мне, когда ты сегодня был у нас?

— Не помню. Кажется, нет. Почему ты об этом спрашиваешь?

— А Джил?

— Только о морфии.

— Ты уверен?

— Вполне, — ответил я. — А почему ты об этом спрашиваешь?

— А, тогда ничего — если ты уверен. Так, глупости.

— Ладно. Я позову Нору. — Я пошел в гостиную. — Дороти хочет поговорить с тобой. Не зови ее обедать с нами.

Когда Нора вернулась, в глазах у нее было что-то непонятное.

— Что такое? — спросил я.

— Ничего. Просто — как живете и все такое.

— Если ты лжешь своему старику, то Бог тебя покарает.

Мы пошли обедать в японский ресторан на Пятдесят восьмой улице, и я дал Норе уговорить себя пойти к Эдхам.

Хелси Эдж — высокий тощий мужчина лет пятидесяти с лишком, с туго обтянутым желтоватой кожей лицом и лысый. Он называл себя гробокопателем и по профессии и по призванию — его единственная шутка, если сие можно считать шуткой, — имелось в виду, что

он археолог. Он очень гордился своей коллекцией военных топоров и был не очень надоедлив, если ты смирялся с тем фактом, что придется время от времени снова осматривать весь его арсенал — каменные топоры, медные топоры, бронзовые топоры, топоры обоюдоострые, тесаки, секиры, колуны, томагавки, месопотамские топоры, венгерские топоры, скандинавские топоры, и все были словно побитые молью. Но кого мы не выносили, так это жену Эджа. Ее звали Леда, но муж звал ее Тип. Росточка никакого, а волосы, глаза и кожа оставляли впечатление грязи, разумеется, разных тонов. Она редко просто сидела — обязательно на чем-нибудь корчилась и любила наклонять голову на одну сторону. У Норы была теория, что когда-то Эдж раскапывал какую-то древнейшую могилу и оттуда выскочила Тип; а Маргот Иннес всегда говорила о ней как о карлице, произнося каждый звук отдельно. Как-то раз жена Эджа сказала мне, что, по ее мнению, литература, созданная двадцать лет тому назад, не выдерживает испытания временем — в ней нет психиатрии. Жили они в приятном трехэтажном доме на краю Гринвич Виллидж, и напитки у них были отменные.

Когда мы приехали, уже собралась дюжина, а то и больше гостей. Тип представила нас тем, кого мы еще не знали, а потом оттерла меня в угол:

— Почему вы не сказали, что люди, которых мы встретили у вас на Рождество, замешаны в каком-то таинственном убийстве? — спросила она, наклонив голову к левому плечу так, что ее ухо почти коснулось плеча.

— Я не знаю, замешаны ли они. И что такое в наши дни загадочное убийство?

— Вы не сказали даже того, — она склонила голову направо, — что взялись заниматься этим делом.

— Взятся? А, я понимаю, что вы имеете в виду. Нет, не взялся и не возьмусь. То, что в меня стреляли, должно доказывать, что я невинный зевака.

— Очень больно?

— Чешется. Я забыл сегодня сменить повязку.

— Норе, наверное, было ужас как страшно?

— Мне тоже, и человеку, который в меня стрелял, тоже. Ага, вон и Хелси. Я еще не говорил с ним.

Я попытался вывернуться из-под нее.

— Гаррисон обещал привести на вечер их дочь, — сказала она.

Я побеседовал с Эджем несколько минут, главным образом об усадьбе в Пенсильвании, которую он собирался купить, потом взял себе коктейль и слушал, как Ларри Кроули и Фил Теймс обменивались пошлыми анекдотами, пока к нам не подошла чья-то жена и не задала Филу — Фил был преподавателем в Колумбийском — один из тех связанных с технократией вопросов, которые были модны в конце той недели. Мы с Ларри отделились.

Мы пошли туда, где сидела Нора.

— Предупреждаю, — сказала она. — У карлицы дурной замысел — выудить у тебя все об убийстве Джулии Вулф.

— Пусть выживает у Дороти, — ответил я. — Она придет сюда с Куинном.

— Я знаю.

— Он обалдел от этой девушки, верно? — заметил Ларри. — Сказал мне, что разведется с Элис и женится на ней.

— Бедняжка Элис, — посочувствовала Нора. Элис ей не нравилась.

— Все зависит от того, как на это посмотреть, — ответил Ларри. Ему нравилась Элис. — Я вчера видел того человека, который женат на матери этой девушки. Ну, ты знаешь, тот длинный, которого я видел у вас.

— Йоргенсен?

— Вот-вот. Он выходил из ломбарда на Шестой авеню возле Сорок шестой улицы.

— И ты с ним поговорил?

— Я был в такси. Считается, лучше сделать вид, что не замечаешь, когда знакомый выходит из ломбарда.

— Тс-с, — прошипела Тип, и Леви Оскант заиграл на рояле. Пока он играл, приехали Куинн и Дороти. Куинн был пьян в стельку, и у Дороти, похоже, тоже звенело в голове.

Она подошла ко мне и прошептала:

— Я хочу уйти отсюда, когда вы с Норой будете уходить.

— До завтрака ты здесь не останешься, — ответил я. Тип шикнула на меня.

Мы еще послушали музыку. Дороти поерзала рядом со мной, потом снова прошептала:

— Джил говорит, что потом ты еще пойдешь к маме. Пойдешь?

— Вряд ли.
— Куинн враскачку подошел.
— Ну, парень, как дела?
— Передала ему мою новостинку и ухом не повел.
— Слушай, парень, ты же Треста Голден Гейт в...
— Кое-что у меня там...
— Забери их оттуда...
— Довольно паршивые.
— Ясно. Да у меня т...
— Ничего? Что же...
— Я и французы за...
— Вот такие типы...
— Видом покачал головой...
— Только такие т...
— Вместе с ней, — сказа...
— Это все из-за Э...
— Не пил, я бы спятил...
— Из-за чего же о...
— Из-за моего п...
— Клонился вперед, дов...
— Шай. Вы все мои др...
— Юсь сделать. Хочу р...
— Он попытался об...
— Руку:
— Ты глупый и...
— Покое.
— Она считает...
— Нил мне Куинн. —
— За меня? Держу п...
— Заткнись! З...
— Роти принялась об...
— Лицу. Ее собствен...
— Пронзительным. —
— Убью тебя!
— Я оттащил До...
— Инна, чтобы тот н...
— Она удари...
— Щекам Куинна. —
— Ди, и она, казалс...
— Нас слышали...
— Ченная любопыт...
— Ник, что

— Вряд ли.

Куинн враскачку подошел к нам:

— Ну, парень, как делишки? Как жизнь, Нора? Ты передала ему мою новость? — Тип снова шикнула. Куинн и ухом не повел. Остальные облегченно загалдели. — Слушай, парень, ты ведь держишь деньги в банке Треста Голден Гейт в Сан-Франциско?

— Кое-что у меня там лежит.

— Забери их оттуда. Сегодня я слышал, что дела их довольно паршивые.

— Ясно. Да у меня там всего ничего.

— Ничего? Что же ты делаешь со своими деньжищами?

— Я и французы заинтересованы в золоте.

— Вот такие типы, как ты, — Куинн с серьезным видом покачал головой, — профукают страну.

— Только такие типы, как я, не вылетят в трубу вместе с ней, — сказал я. — Где это ты так набрался?

— Это все из-за Элис. Она уже неделю дуется. Если б не пил, я бы спятил.

— Из-за чего же она дуется?

— Из-за моего пьянства. Она считает... — Он наклонился вперед, доверительно понизив голос. — Слушай. Вы все мои друзья, и я скажу вам, что я собираюсь сделать. Хочу развестись с Элис и жениться...

Он попытался обнять Дороти. Она оттолкнула его руку:

— Ты глупый и занудный. Лучше оставь меня в покое.

— Она считает меня глупым и занудным, — объяснил мне Куинн. — Знаешь, почему она не хочет выйти за меня? Держу пари, не знаешь. Потому что она...

— Заткнись! Заткнись ты, пьяный болван! — Дороти принялась обеими кулаками молотить Куинна по лицу. Ее собственное лицо стало пунцовым, голос — пронзительным. — Если ты еще раз скажешь это, я убью тебя!

Я оттащил Дороти от Куинна, Ларри обхватил Куинна, чтобы тот не упал.

— Она ударила меня, Ник! — Слезы побежали по щекам Куинна. Лицо Дороти было на уровне моей груди, и она, казалось, тоже плачет.

Нас слышали все, кто там был. Подлетела разгоряченная любопытством Тип:

— Ник, что здесь происходит?

— Ничего особенного. Просто двое пьяных беседуют. Я прекрасно отвезу их домой.

С этим Тип не могла смириться, пусть, мол, они останутся, пока не выяснится, что случилось. Она уговаривала Дороти прилечь и обещала принести Куинну чего-нибудь выпить, хотя тот едва держался на ногах, — что должно было значить это «что-нибудь», я не знаю.

Мы с Норой увезли их. Ларри напрашивался в провожатые, но мы решили, что это лишнее. Куинн всю дорогу до своего дома проспал в одном углу такси, Дороти, окаменев, сидела в другом, а Нора между ними. Я старался удержаться на откидном сиденье и думал, что, слава Богу, у Эджей мы не задержались.

Нора с Дороти оставались в такси, пока я отводил Куинна. Он почти висел на мне.

Элис открыла дверь на мой звонок. Она была в зеленой пижаме и держала в руке щетку для волос. Устало взглянув на Куинна, она так же устало сказала:

— Заводи это.

Я завел «это» и положил на кровать. Оно бормотало что-то нечленораздельное и вяло двигало рукой туда-сюда, но глаз так и не открыло.

— Я уложу его спать, — сказал я и снял с него галстук.

— Если хочешь. — Элис прислонилась к спинке кровати. — Я это делать отказалась.

Я снял с Куинна пиджак, жилет и рубашку.

— Где он нализался на этот раз? — спросила Элис без особого интереса. Она все еще стояла у кровати, теперь уже причесываясь.

— У Эджей. — Я расстегнул ему брюки.

— С этой шлюшкой Уинант? — Это прозвучало как бы между прочим.

— Там было много народа.

— Да, — сказала Элис. — Он не выберет местечко поукромней. — Она провела щеткой по волосам. — Так ты думаешь, будет не по-товарищески что-нибудь рассказать мне?

Ее супруг шевельнулся и пробормотал:

— Дорри.

Я снял с Куинна башмаки.

— Я еще помню времена, — Элис вздохнула, — когда у него были мускулы. — Она смотрела на своего супруга до того момента, пока я не снял с него послед-

нюю одежду и не
снова вздохнула и
будь выпить.

— Только пожа
Элис открыла
зять, закрыла его,

— Ладно.
Я пошел на ку
— Это, конеч

— Ты, как и
мают обо мне?

— Я некоторым
нет, а некоторым
— Я имела в

Я продолжаю ж
всем, что дыши
смотрят?

— Не знаю,
— А ты что

— Я думаю,
что бы ты ни де

Она недовол
— Ты, наве

языком? — Он
живу с ним то

взгляд, их не
знаешь, в каки

— Одна во
жание. Тебе н

— Допива
Элис.

Нора осво
Дороти.

— Я хоч
бену?

— Давай
— Жена

роти.
— Пере

— Не б
— Вооб
не буду с
казалась в

10 Дэшил х

нюю одежду и не закатил его под одеяло. Тут Элис снова вздохнула и добавила: — Я принесу тебе чего-нибудь выпить.

— Только поживее — Нора ждет внизу в такси.

Элис открыла рот, словно собиралась что-то сказать, закрыла его, снова открыла и сказала:

— Ладно.

Я пошел на кухню за ней.

— Это, конечно, не мое дело, Ник, но что люди думают обо мне?

— Ты, как и все прочие: одним нравишься, другим нет, а некоторым вполне безразлична.

— Я имела в виду не это. — Элис нахмурилась. — Я продолжаю жить с Гаррисоном, хотя он бегаёт за всем, что дышит и двигается, а как люди на это смотрят?

— Не знаю, Элис.

— А ты что думаешь?

— Я думаю, что ты сама знаешь, что делаешь, и, что бы ты ни делала, это твое личное дело.

Она недовольно посмотрела на меня.

— Ты, наверное, ни разу не навредил себе своим языком? — Она горько улыбнулась. — Знаешь ведь, я живу с ним только из-за денег. Может быть, на твой взгляд, их не Бог весть сколько, но мне хватает — ты знаешь, в каких условиях я выросла.

— Одна возможность — развод и деньги на содержание. Тебе надо...

— Допивай и проваливай к черту, — устало сказала Элис.

21

Нора освободила мне в такси место между собой и Дороти.

— Я хочу кофе, — сказала она. — Заедем к Ройбену?

— Давай, — ответил я и назвал водителю адрес.

— Жена что-нибудь сказала? — робко спросила Дороти.

— Передавала тебе привет.

— Не будь таким противным, — заметила Нора.

— Вообще-то Гаррисон не нравится мне. Я больше не буду с ним встречаться, Ник, честно. — Теперь она казалась вполне трезвой. — Это было просто — ну, я

была одна, а с ним было так хорошо прошвырнуться. Я уже хотел было что-то сказать, но Нора толкнула меня в бок.

— Не волнуйся, — сказала Нора. — Гаррисон всегда был болваном.

— Я не хочу никого возбуждать, — сказал я, — но мне кажется, что он всерьез влюблен в девушку.

Нора снова ткнула меня в бок.

Дороти в темноте разглядывала мое лицо.

— Ты... ты же... ты не смеешься надо мной, Ник?

— Вообще-то мне надо было бы это сделать.

— Я слышала сегодня от карлицы одну историю, — сказала Нора тоном человека, который не допустит, чтобы ее прервали, и объяснила Дороти: — Карлица — это миссис Эдж. Леви говорит... Если знать Тип, то история довольно смешная. — Нора все еще рассказывала ее, когда мы выбрались из такси у ресторана Рейбена.

В ресторане оказался Херберт Маколей, сидел за столом с пышной темноволосой девушкой в красном платье. Я помахал ему и, когда мы заказали, подошел к их столику, чтобы поговорить с ним.

— Ник Чарльз, Луиза Джейкобс, — сказал он. — Присаживайся. Что нового?

— Йоргенсен — это Кельтерман, — сказал я ему.

— Что ты мелешь?!

— И похоже, у него в Бостоне есть жена.

— Хотел бы я посмотреть на этого Йоргенсена, — медленно сказал он. — Я знал Кельтермана, но хотел бы сам убедиться.

— Похоже, полиция в этом уверена. Не знаю, нашли ли они его. Ты думаешь, это он убил Джулию?

— Я не думаю, что Кельтерман, — Маколей резко покачал головой, — каким я его знал, мог кого-либо убить, несмотря на его угрозы. Ты, может, помнишь, что я даже тогда не принимал их всерьез. Еще что-нибудь случилось? — Когда я заколебался, он сказал: — Луизе можно доверять. Рассказывай.

— Дело не в этом. Я должен вернуться за свой стол к своей еде. Я просто пришел спросить, не получил ли ты ответ на свое объявление в утреннем «Таймсе»?

— Еще нет. Посиди, Ник, я хочу кое-что у тебя спросить. Ты рассказал полиции о письме Уинанта, так?..

— Приходи завтра к нам на ленч, и обсудим это дело.

— Кто эта блондиночка? — спросила Луиза Джейкобс. — Я встречала ее кое-где в обществе Гаррисона Куинна.

— Дороти Уинант.

— Ты знаешь Куинна? — спросил у меня Маколей.

— Десять минут назад я доставил его в постель.

— Надеюсь, ты сохранишь знакомство с ним на уровне светского общения. — Маколей усмехнулся.

— На что ты намекаешь?

— Когда-то он был моим маклером, — усмешка Маколея сделалась печальной, — и его советы привели меня прямиком на крыльцо богадельни.

— Мило, — сказал я. — Сейчас он мой маклер, и я пользуюсь его советами.

Маколей и девушка засмеялись. Я тоже изобразил улыбку и возвратился к своему столу.

— Еще нет и полуночи, и мама сказала, что ждет тебя. Поехали к ней все вместе, — сказала Дороти.

Нора с великим тщанием наливала кофе в свою чашку.

— Зачем? — спросил я. — Что вы вдвоем опять затеяли?

Трудно было бы найти две более невинные физиономии.

— Ничего, Ник, — сказала Дороти. — Мы думали, что это было бы мило. Ведь еще совсем рано...

— И все мы так любим Мими...

— Н-нет, но...

— Домой идти рано, — высказалась Нора.

— Есть бары, и ночные клубы, и Гарлем.

— У тебя все идеи однообразны, — Нора состроила гримасу.

— Или ты хочешь пойти к Барри и попытать счастья в картах?

Дороти уже почти сказала «да», но тут Нора снова состроила гримасу.

— Не хотел бы я сейчас видеть Мими, — сказал я. — На сегодня мне достаточно.

Нора вздохнула, чтобы показать, до чего она терпелива.

— Ну, если мы, как обычно, приземлимся в каком-нибудь баре, то лучше пойти к твоему другу Стадзи,

только не позволяй ему навязывать нам это ужасающее шампанское. Он довольно мил.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал я и спросил у Дороти: — Джилберт рассказал тебе, что он застал нас с Мими при компрометирующих обстоятельствах?

Она попыталась поймать взгляд Норы, но та пристально смотрела на блинчик с сыром у себя на тарелке.

— Он... так прямо он этого не сказал.

— Он рассказал тебе о письме?

— Жены Криса? Да. — Ее голубые глаза заискрились. — Мама лопнет от ярости!

— И тебе это нравится?

— А если даже и нравится? Что с того? Разве мама когда-нибудь сделала так, чтобы...

— Ник, оставь этого ребенка в покое, — сказала Нора.

И я оставил.

22

В «Пигироне» процветал бизнес. Бар был полон людей, шума и дыма. Стадзи вышел из-за кассового аппарата поздороваться с нами.

— Я надеялся, что вы заскочите. — Он пожал руки мне и Норе и во весь рот улыбнулся Дороти.

— Есть что-то особенное? — спросил я.

— Для таких дам есть все особенное, — он поклонился.

Я познакомил его с Дороти, и он сказал что-то замысловатое о том, что всякий друг Ника и т. д., и оставил официанта:

— Пит, поставь сюда столик для мистера Чарльза.

— Здесь каждый вечер битком? — спросил я.

— Не буду возражать, — ответил он. — Кто приходит один раз, придет и в другой. У меня, возможно, нет плевательниц из черного мрамора, зато водку, которую ты здесь получишь, не надо выплевывать. Хотите ненадолго прислониться к стойке, пока они установят стол?

Мы сказали, что хотим, и заказали напитки.

— Про Нунхайма слыхал? — спросил я.

Он взглянул на меня, прежде чем решился ответить:

— Угу, слыхал. Его
ловой в дальний угол.
Я посмотрел за спи
высокую и рыжую Мир
стерых мужчин и женщ
— А чья работа, то
— Женщина говори
слишком много знал.
— Шутят небось?..
— Ну да, — согла
лик. Садитесь. Я чере
Мы отнесли свои
без того тесное прос
устроились поудобнее
Нора попробовала

чани.
— Тебе не кажется
рую они так любят
— Ой, смотрите!

Мы посмотрели
Шеп Морелли. Его

Там, где не было п
ла колебалась от б
ло-розовой полоски

Он подошел к
стол оба кулака.

— Слушайте, с
сить прощения.

— Милый де
Нора. Между тем

— Ну да?
Морелли пока

— За то, что
тресни, но вот ч

вовремя не усек
что больше это

могу загладить
— Забудем

Это мистер Мор
у Дороти Р

скрываемым ин
Морелли на

— Надеюсь
сказал он Нор

— Нет, м

— Угу, слышал. Его девушка тут, — он показал головой в дальний угол. — Кажется, празднуют.

Я посмотрел за спину Стадзи и увидел ту самую высокую и рыжую Мириам, сидевшую в компании шестерых мужчин и женщин.

— А чья работа, тоже слышал? — спросил я Стадзи.

— Женщина говорит, что полиция — вроде бы он слишком много знал.

— Шутят небось?..

— Ну да, — согласился Стадзи. — А вот и ваш столик. Садитесь. Я через минуту вернусь.

Мы отнесли свои бокалы к столику, втиснутому в и без того тесное пространство между двумя другими, и устроились поудобнее.

Нора попробовала свой коктейль и передернула плечами.

— Тебе не кажется, что это «старая горькая», которую они так любят использовать в кроссвордах?

— Ой, смотрите! — пискнула Дороти.

Мы посмотрели и увидели, что к нам направляется Шеп Морелли. Его лицо привлекло внимание Дороти. Там, где не было порезано, оно отекло, а цветовая шкала колебалась от багрового под одним глазом до светло-розовой полоски пластыря на подбородке.

Он подошел к нам и, чуть наклонясь, вывалил на стол оба кулака.

— Слушайте, Стадзи говорит, что мне надо попросить прощения.

— Милый деликатный Стадзи, — пробормотала Нора. Между тем я удивился:

— Ну да?

Морелли покачал своей размолоченной головой.

— За то, что я делаю, я прощения не прошу — хоть тресни, но вот что я скажу — мне жаль, что моя башка вовремя не усекла и я впаял вам порцию, и я надеюсь, что больше это вас не беспокоит, и если я чем-либо могу загладить это дело...

— Забудем об этом. Садитесь и выпейте с нами. Это мистер Морелли, мисс Уинант.

У Дороти расширились глаза, она смотрела с нескрываемым интересом.

Морелли нашел стул и сел.

— Надеюсь, вы тоже не держите на меня зла, — сказал он Норе.

— Нет, мне было, наоборот, страшно интересно.

Морелли подозрительно посмотрел на нее.
— Выпустили под залог? — спросил я.
— Ну, сегодня после обеда. — Одной рукой он осторожно попробовал свою физиономию. — Отсюда и свежие следы. Прежде чем выпустили, пришлось постоять за себя: эти сказали так, будто арест продлили.
— Это ужасно, — рассердилась Нора. — Вы хотите сказать, что они в самом деле...

Я похлопал Нору по руке.

Морелли сказал:

— А чего еще от них ждать? — Его распухшая нижняя губа дернулась, что должно было обозначать презрительную улыбку. — Это еще ничего, если они работают над тобой только вдвоем или втроем.

— Ты тоже занимался этим? — Нора повернулась ко мне.

— Кто? Я?

Стадзи подошел к нам, неся стул.

— Ну что, прошел курс косметического лечения? — кивнул он Морелли. Мы сдвинулись, и Стадзи сел за стол. Он с довольной улыбкой смотрел на Норин бокал и саму Нору. — Вряд ли вы найдете что-нибудь лучшее в барах своей благородной Парк-авеню, а тут — четыре бокала за доллар.

Нора коротко улыбнулась, но все-таки улыбнулась. Под столом она наступила мне на ногу.

— Вы уже знали Джулию Вулф в Кливленде? — спросил я Морелли.

Он посмотрел на Стадзи, который сидел, опершись на спинку стула, и оглядывал помещение, следя за тем, как растет его доход.

— Когда она была Рода Стюарт, — добавил я.

Морелли посмотрел на Дороти.

— Не волнуйтесь. Это дочь Клайда Уинанта, — уточнил я.

Стадзи перестал озиаться и посмотрел на Дороти сияющим взглядом:

— Ах, так? И как поживает папа?

— Но я не видела его еще с тех пор, когда была маленькой девочкой.

Морелли облизнул конец сигареты и вложил её в свои распухшие губы:

— Я родом из Кливленда. — Он зажег спичку. Глаза его были равнодушными — он старался, чтоб они ничего не выражали. — Она была не Рода Стюарт, за

исключением одного раз
Он снова посмотрел на
было известно.
— Вы знаете моего с
— Как-то раз мы с
— Из-за чего? — сп
— Из-за Нэнси. Он
до самых пальцев. Он
рил. Потом, повернув
наморщил лоб. — Возд
— Конечно. Тут все
— О'кэй. Уинант
его немного подколот
понятно — Уинант бы
— Как давно это б
— Месяцев шесть-
— Вы видели Уин
вушка?

Морелли покачал

— Я всего-то вид
говоря, был последн

— Девушка обир

— Сама она это

— Зачем?

— Она была ум

Получала откуда-то
лось пять тысяч. —

пальцами. Наличн

Я решил не сп

— Может быть,

— Конечно, мо

— Что из этого

— Они думали

рить. — Он презр

что они думают

хочу... — Он умо

шай, ты, зипелон

тянул руку, чтоб

дел за соседним

клонялся назад,

Тот вздрогну

ное и напряженн

— Убери от

наши бокалы.

— Я-я-я не

исключением одного раза, — ее звали Нэнси Кейн. — Он снова посмотрел на Дороти. — Вашему отцу это было известно.

— Вы знаете моего отца?

— Как-то раз мы с ним немного поговорили.

— Из-за чего? — спросил я.

— Из-за Нэнси. — Спичка у него в руке догорела до самых пальцев. Он потушил ее, взял новую и закурил. Потом, повернувшись ко мне, приподнял брови и наморщил лоб. — Воздух чистый?

— Конечно. Тут все свои.

— О'кэй. Уинант ревновал как бешеный. Я хотел его немного подколоть, но Нэнси не разрешала. Оно и понятно — Уинант был ее банковским счетом.

— Как давно это было?

— Месяцев шесть-восемь назад.

— Вы видели Уинанта с тех пор, как убита девушка?

Морелли покачал головой.

— Я всего-то видел его раза два, и тот, о котором я говорю, был последним.

— Девушка обирала его?

— Сама она этого не говорила. Но я думаю, да.

— Зачем?

— Она была умница — смышленная до чертиков. Получала откуда-то деньги. Однажды мне потребовалось пять тысяч. — Он сделал характерное движение пальцами. Наличными.

Я решил не спрашивать, вернул ли он их девушке.

— Может быть, Уинант сам давал ей?

— Конечно, может.

— Что из этого вы сообщили полиции? — спросил я.

— Они думали, что битьем заставят меня говорить. — Он презрительно хохотнул. — Спросите у них, что они думают теперь. Вы человек на все сто, я не хочу... — Он умолк и вынул сигарету изо рта. — Слушай, ты, зипелоид недоделанный, — рявкнул он и протянул руку, чтобы взять за ухо человека, который сидел за соседним столиком и все больше и больше отклонялся назад, к нашему столику.

Тот вздрогнул и повернул свое перепуганное, бледное и напряженное лицо к Морелли.

— Убери отсюда свое ухо, оно сейчас окунется в наши бокалы.

— Я-я-я не хотел, Шеп, — и, прижавшись брюхом к

столу, он постарался держаться как можно дальше от нас, но все равно оставался в пределах слышимости.

— Как всегда — не хочешь, а все-таки лезешь. — Морелли снова обратился ко мне: — Я согласен все честно вам рассказать — девушка умерла, теперь ей это не повредит, но ни один из легавых этого из меня не вытянул бы.

— Здорово, — обрадовался я. — Расскажите мне о ней, где вы ее встретили впервые, что она делала, прежде чем связалась с Уинантом, и где нашел ее Уинант.

— Сначала мне надо взять глоточек. — Он повернулся на стуле и крикнул: — Эй ты, горбатый!

Сгорбленный официант, которого Стадзи назвал Питом, протолкался к нашему столику и широкой сердечной улыбкой приветствовал Морелли:

— Чего угодно? — Он громко цыкнул зубом.

Мы заказали, и официант ушел.

— Мы с Нэнси жили в одном квартале, — снова заговорил Морелли. — У старика Кейна на углу был магазин сладостей. Нэнси таскала мне оттуда сигареты. — Он засмеялся. — А старик как-то раз отдубасил меня, когда я показал девчонке, как выуживать из телефона монеты куском проволоки. Вы же знаете эти телефоны старой конструкции. Господи, мы были еще в третьем классе. — Он снова издал низкий горловой смешок. — Тогда я решил утащить из домов, которые строили по другую сторону угла, все, что можно, в отместку сунуть в подвал старику и потом доложить постовому Шульцу, который патрулировал в тех краях, но Нэнси не позволила.

— Вы, видимо, были милым мальчиком, — вставила Нора.

— Это верно, — доверчиво согласился Морелли. — Дальше. Однажды, когда мне было не больше пяти...

— Я сразу подумала, что это ты, — раздался женский голос.

Я посмотрел вверх и увидел, что рыжая Мириам обращается ко мне. Пришлось сказать ей «привет».

Подбоченясь, она мрачно смотрела на меня:

— Так он, по-вашему, слишком много знал?

— Возможно, но он удрал по пожарной лестнице, с башмаками в руках не успев поделиться своими знаниями.

— В задницу!

— Ладно. Что, по-твоему, в его знаниях было «слишком»?

— То, где Уинант, — ответила она.

— Да-а? И где же он?

— Я не знаю. Арт знал.

— Мог бы и нам сказать. Мы...

— В задницу! — снова сказала Мириам. — Ты знаешь, и полиция знает. Кому ты тут мозги пудришь?

— Ничего я не пудрю. Я не знаю, где Уинант.

— Ты работаешь на него, и полиция вместе с тобой. Не напускай тут туману. Арт, бедный дуралей, думал, что то, что он знает, принесет ему кучу капусты. Не знал он, что это ему принесет.

— Он тебе сказал, что он знает?

— Ну, не такая я тупая, как ты полагаешь. Он сказал мне, что знает кое-что и это принесет ему кучу капусты — теперь я вижу, что из этого получилось. Не думай, что я не умею к двум прибавить два.

— Иногда в ответе бывает четыре, — сказал я, — а иногда и двадцать два. Я не работаю на Уинанта. И оставь в покое задницу. Ты хочешь помочь?..

— Нет. Он был стукач и тайлся от тех, кому стукал. Он свое получил, и не жди, я не забуду, что после моего ухода он остался в твоём обществе, твоём и Гилда, а в следующий раз, когда его видели, он был мертв.

— Я и не хочу, чтобы ты хоть что-то забыла. Я бы хотел, чтоб ты вспомнила...

— Мне надо в уборную, — сказала Мириам и удалилась. Походка у нее была невероятно грациозная.

— Не хотел бы я ближе познакомиться с этой мамзелью, — задумчиво протянул Стадзи. — Горькое лекарство.

Морелли подмигнул мне.

— Я не понимаю, Ник, — тронула меня за руку Дороти.

Я сказал ей, что ничего тут нет, и обратился к Морелли:

— Вы рассказывали о Джулии Вулф.

— Угу. Ну, старина Кейн вышиб ее из дома, когда ей было не то пятнадцать, не то шестнадцать, и она подзалетела, когда крутила с каким-то учителем, а потом она стала жить с парнем по имени Фейс Пеплер; хороший был парень, только говорил чересчур много. Помню, раз мы с Фейсом были... — Он умолк и откашлялся. — Во всяком случае, Фейс и Нэнси жили вме-

сте — черт, сколько же — лет пять или шесть, если не считать того времени, когда Фейс служил, а Нэнси жила с одним парнем, не помню, как его бишь — двоюродным братом Дика О'Брайена, тощим брюнетом, охочим до выпивки. А когда Фейс дембильнулся, Нэнси вернулась к нему, и они жили вместе, пока не нагрелись на том, что хотели тряхнуть одного типа из Тонто. Фейс взял вину на себя, и Нэнси отделалась шестью месяцами — а Фейсу дали на полную катушку. Недавно я слышал, что он все еще сидит. Я видел Нэнси, когда она освободилась, она попросила у меня пару сотен, чтобы исчезнуть из города. Еще я услышал о ней, когда она прислала деньги и написала, что ее теперь зовут Джулия Вулф и что большой город очень ей нравится, и еще я знаю, что она все время поддерживает связь с Фейсом. Так что когда я перебрался сюда в двадцать восьмом, я разыскал Нэнси. Она...

Вернулась Мириам и встала, как и прежде, руки в боки:

— Я подумала о том, что ты сказал. Ты, наверное, считаешь меня тупицей.

— Нет, — ответил я не совсем искренне.

— Что правда, то правда, я на эту твою удочку не клюну. Я уж разгляжу, что у меня перед глазами.

— Тогда хорошо.

— Ничего хорошего. Ты убил Арти и...

— Потихе, девушка. — Стадзи встал и взял ее за руку. Голос у него был успокаивающий. — Пошли-ка. Я хочу с тобой поговорить. — Он отвел Мириам к стойке бара.

— Это прямо для Стадзи, — Морелли снова подмигнул мне. — Так вот, я сказал, что когда переехал сюда, то разыскал ее, и она мне объяснила про свою работу у этого Уинанта, и что мужик по ней прямо сохнет, и она живет как сыр в масле. Похоже, ее обучили стенографии, когда она отсиживала свои шесть месяцев в Огайо, и она думала, может, найдет как-нибудь такую работу, где, выходя за дверь, оставляют открытым сейф. Из одного агентства ее на пару дней послали к Уинанту выполнять какое-то задание, и она решила, что Уинантом стоит заняться вплотную, а не просто кидать его, и с приветом, и вот она выполнила задание Уинанта, и дело кончилось устойчивыми отношениями. Ей хватило ума признаться Уинанту, что она сидела, но теперь пытается жить честно и так далее, чтобы не

остаться без этого
вдруг об этом узнае
рила — адвокат Уи
равно вынюхает. По
Нэнси там делала,
моей помощи она н
ли по-своему прият
рассказывать мне
ся к ее боссу. По
кой, ни чем-нибудь
друзьями, детьми
мы встречались, ч
не взбрыкнул, и т
нец, что она не
нескольких коктей
Это было, кажется
С тех пор я ее не
— С кем еще
— Я не знаю
тих она не очень
— У нее был
Вы что-нибудь з
— Ничего, к
меня. Когда я в
не было.
— Вы счита
Пеплером, посл
— Может б
за того, что Ф
работать, и я
— А что с
говязым брюн
Морелли у
— Откуда
Стадзи вер
— Может,
бы кое-что в
следует.
— За гор
— Нет, —
пытается пр
пения и...
— Это т
свой бокал,
лосовых свя

остаться без этого замечательного места, если Уинант вдруг об этом узнает со стороны, потому что она говорила — адвокат Уинанта не очень-то ей доверяет и все равно вынюхает. Понимаете, я ведь не точно знаю, что Нэнси там делала, потому что это были ее дела и в моей помощи она не нуждалась, и даже если мы и были по-своему приятелями, все равно не имело смысла рассказывать мне что-то такое, с чем я мог бы заявиться к ее боссу. Понимаете, она не была ни моей девушкой, ни чем-нибудь таким — мы просто были старыми друзьями, детьми вместе играли. Но время от времени мы встречались, частенько бывали здесь, пока Уинант не взбрыкнул, и тогда Нэнси сказала, что теперь конец, что она не хочет потерять теплое местечко из-за нескольких коктейлей в моем обществе. Такие вот дела. Это было, кажется, в октябре, и она не передумала. С тех пор я ее не видел.

— С кем еще она тут крутилась?

— Я не знаю. — Морелли покачал головой. — О других она не очень-то распространялась.

— У нее было обручальное кольцо с бриллиантами. Вы что-нибудь знаете о нем?

— Ничего, кроме того, что она получила его не от меня. Когда я видел ее в последний раз, кольца на ней не было.

— Вы считаете, что она собиралась снова жить с Пеплером, после того, как он освободится?

— Может быть. У нее особенно душа не болела из-за того, что Фейс сидит, но ей нравилось с ним вместе работать, и я думаю, что они сошлись бы снова.

— А что с племянником Дика О'Брайена, с тем долговым брэнетом-пьянчужкой? Что стало с ним?

Морелли удивленно посмотрел на меня:

— Откуда я знаю?

Стадзи вернулся один.

— Может, я ошибаюсь, но из этой дурочки можно бы кое-что выудить, если кто-нибудь ухватит ее как следует.

— За горло, — сказал Морелли.

— Нет, — Стадзи дружелюбно усмехнулся. — Она пытается пробиться в жизни. Усердно ходит на уроки пения и...

— Это твое пойло, — сказал Морелли, разглядывая свой бокал, — должно быть, очень полезно для ее голосовых связок. — Он повернул голову и крикнул Пи-

ту: — Эй ты, мешочник, тащи еще того же самого. У нас завтра спевка.

— Сейчас, Шеппи, сейчас, — морщинисто-серое лицо Пита оживало, когда к нему обращался Морелли.

Невероятных размеров светловолосый толстяк — почти альбинос, — сидевший за столиком Мириам, подошел к нам и сказал мне тоненьким, возбужденно-женским голоском:

— Так это ты прикончил маленького Арта Нунхайма...

Морелли изо всей силы, не вставая со стула, двинул жирного в его отвислый живот. Стадзи, мгновенно вскочив на ноги, перегнулся через Морелли и саданул толстяка огромным кулаком в лицо. Я заметил, хотя это было не очень-то уместно, что он опять начал с правой. Горбун Пит зашел со спины и что было мочи двинул толстяка пустым подносом по голове. Тот брякнулся назад, опрокинув соседний столик и три стула. К этому времени оба бармена уже были около нас. Один из них стукнул толстяка резиновой дубинкой, когда тот попытался подняться, так что он бухнулся вперед на четвереньки, второй сунул руку ему за шиворот и начал крутить воротник так, что у того дух зашелся. С помощью Морелли они поставили толстяка на ноги и вышвырнули его за дверь.

Пит посмотрел им вслед и цыкнул зубом.

— Это Богом проклятый Спарроу, — объяснил он мне, — когда он наберется, с ним рисковать нельзя.

Стадзи возился у опрокинутого стола, помогая поднимать людей и их вещи.

— Это плохо, — сказал он, — для дела плохо, но как тут провести границу? У меня не какая-нибудь рыгаловка, но и не семинар для барышень.

Дороти сидела бледная и напуганная; в огромных глазах Норы застыло ошеломление.

— Это сумасшедший дом, — сказала она. — Зачем они это сделали?

— Ты знаешь об этом столько же, сколько и я, — ответил я ей.

Морелли вместе с барменом вошли, очевидно, очень довольные собой. Морелли и Стадзи сели на свои места за нашим столиком.

— Горячие вы ребята, — сказал я.

— Горячие, — повторил Стадзи и засмеялся.

Морелли был серьезен.

— Всякий раз
врезать ему первы
поздно. Мы его уж
— Угу, — подт

Около двух мь
ной ночи и вышл
Дороти скуко
— Меня тошн
лось, она говорит

— Ох, уж эт
ложила голову
на. Ты должен
Я не уловила и
делали. Они бес

— Послушай

объявила Дорот

— Они не д

хотя в своей ж

но, — сказала

— Я лучше

— Ники, ч

— Эризипе

— Тетя Эл

забыла ключ

— Я любл

пахнешь и зн

— Для ва

везти меня к

Я ответил

— Поеха

— Н-нет,

— Почем

ла, что дум

торговля дл

вилась в Ко

Я вышел

тяжело опи

— Пож

— Толь

лезла из та

Я попр

роти позв

— Всякий раз, когда этот парень набросится, надо врезать ему первым. Если он уже размахнется, будет поздно. Мы его уже видали таким, верно, Стадзи?

— Угу, — подтвердил Стадзи. — Он истерик.

23

Около двух мы пожелали Стадзи и Морелли спокойной ночи и вышли из «Пигирона».

Дороти скукожилась в углу такси и объявила:

— Меня тошнит. Я знаю, что вытошнит. — Кажется, она говорит правду.

— Ох, уж эти выпивки, — сказала Нора. Она положила голову мне на плечо. — Ники, твоя жена пьяна. Ты должен рассказать мне, что там произошло, все. Я не уловила и половины того, что там говорили или делали. Они бесподобны.

— Послушайте, я не могу так ехать к тете Элис, — объявила Дороти. — Ее хватит удар.

— Они не должны были так избивать того толстяка, хотя в своей жестокости это, может быть, даже и смешно, — сказала Нора.

— Я лучше поеду к маме, — заявила Дороти.

— Ники, что такое зипелоид? — спросила Нора.

— Эризипелоид — кожная болезнь, рожа.

— Тетя Элис все равно меня увидит, потому что я забыла ключ и мне придется ее разбудить.

— Я люблю тебя, Ники, потому что ты так хорошо пахнешь и знаешь таких захватывающих людей.

— Для вас это не слишком большой крюк — завести меня к маме? — спросила Дороти.

Я ответил, что нет, и дал водителю адрес Мими.

— Поехали к нам, — предложила Нора.

— Н-нет, лучше я не поеду.

— Почему же? — удивилась Нора, а Дороти сказала, что думает, что она не должна этого делать, и эта торговля длилась до тех пор, пока машина не остановилась в Кортленде.

Я вышел из такси и помог девушке выбраться. Она тяжело опиралась на мою руку.

— Пожалуйста, поднимитесь, только на минуточку.

— Только на секундочку, — уточнила Нора и вышла из такси.

Я попросил водителя подождать. Мы поднялись. Дороти позвонила. Открыл Джилберт, в пижаме и хала-

те. Он сделал предупредительный жест и прошептал:
— Здесь полиция.
— Кто там, Джил? — донесся из гостиной голос Мими.

— Мистер и миссис Чарльз с Дороти.

Мими выплыла к нам навстречу, и мы вошли.

— Я еще никогда и никому так не радовалась. Я просто не знала, что делать. — На ней была розоватая ночная рубашка, а поверх нее розовый шелковый халат, и лицо ее было розовым и вовсе не казалось несчастным. Она не обратила внимания на дочь, но пожала руку Норе и мне. — Теперь я больше не беспокоюсь и во всем полагаюсь на тебя, Ник. Ты должен сказать мне, маленькой и глупой женщине, что делать.

У меня за спиной Дороти сказала «В задницу!» — полушепотом, но прочувствованно.

Мими не подала виду, что услышала. Все еще держа за руки, она повела нас к гостиной, продолжая щебетать:

— Вы же знаете лейтенанта Гилда. Он был очень мил, но я, кажется, испытываю его терпение. Я так... ну... то есть, я в таком замешательстве. Но теперь вы здесь и...

Мы вошли в гостиную.

Гилд сказал мне «здрасьте» и Норе «добрый вечер, мадам». Человек, который был вместе с ним, тот самый, которого он звал Энди и который помогал ему обыскивать наши комнаты во время утреннего визита Морелли, кивнул и что-то буркнул нам.

— Что случилось? — спросил я.

Гилд краем глаза посмотрел на Мими, потом на меня:

— Бостонская полиция нашла Йоргенсена, или Кельтермана, или как вам угодно его называть, в квартире его первой жены и задала ему от нашего имени несколько вопросов. Главный ответ, видимо, тот, что он не имеет никакого отношения к тому, убита или не убита Джулия Вулф, и миссис Йоргенсен может это доказать, потому что, насколько он знает, она сохраняет вещи, которые почти неопровержимо доказывают вину Уинанта. — Его взгляд скользнул по сторонам, чтобы снова впиться в лицо Мими. — Эта дама, похоже, не хочет говорить «да», но и сказать «нет» тоже не хочет. Если честно, мистер Чарльз, я прямо не знаю, что о ней подумать.

Это я понял.
— Она, по-видимому, попыталась...
А Йоргенсен был...
— Судя по слову...
— Держу пари...
— Цыц. Он вер...
— Похоже, на...
— Похотим ег...
ли мы захотим ег...
он орет, как тру...
ката.
— А он так си...
— Если бы е...
стве. — Гилд пох...
винения в двоеж...
му преследовать...
бится?
— Ну? — обр...
— Могу я по...
Я посмотрел...
— Почему б...
— Ник, — т...
де всего выслу...
смотрели на нее...
— Что?
— Я... снач...
— Так дав...
— Наедине...
— Потом...
Мими отве...
крыла дверь...
нилась спиной...
и доверчиво...
Потом она...
— Я нра...
ответил, она...
— Нет...
— Ты хо...
от двери, —
села рядом...
столько, что...
— Это э...
— Зави...
Открыл...
— Ник,

Это я понял.

— Она, по-видимому, напугана, — сказал я, и Мими попыталась сделать соответствующую мину. — А Йоргенсен был разведен со своей первой женой?

— Судя по словам первой жены, нет.

— Держу пари — она врет, — сказала Мими.

— Цыц. Он вернется в Нью-Йорк? — спросил я.

— Похоже, нам придется привезти его насильно, если мы захотим его здесь увидеть. Бостонцы говорят, что он орет, как труба иерихонская, и требует себе адвоката.

— А он так сильно вам нужен здесь?

— Если бы его приезд помог нам в деле об убийстве. — Гилд пожал широкими плечами. — Старые обвинения в двоеженстве меня не очень-то волнуют. К чему преследовать человека за то, что мне не понадобится?

— Ну? — обратился я к Мими.

— Могу я поговорить с тобой наедине?

Я посмотрел на Гилда, который сказал:

— Почему бы и нет, если это поможет.

— Ник, — тронула меня за руку Дороти. — Прежде всего выслушай меня. Я... — Она замолчала. Все смотрели на нее.

— Что?

— Я... сначала я хочу с тобой поговорить.

— Так давай.

— Наедине.

— Потом, — я похлопал ее по руке.

Мими отвела меня в свою спальню и тщательно закрыла дверь. Я сел на кровать и закурил. Мими прислонилась спиной к двери и улыбнулась мне очень нежно и доверчиво. Прошло полминуты.

Потом она произнесла:

— Я нравлюсь тебе, Ник, — а когда я на это не ответил, она повторила: — Ведь нравлюсь?

— Нет.

— Ты хочешь сказать, — она засмеялась и отошла от двери, — что не одобряешь моих поступков. — Она села рядом со мной. — Но все же я нравлюсь тебе настолько, чтобы ты захотел помочь мне?

— Это зависит...

— Зависит от чего...

Открылась дверь, и в комнату вошла Дороти:

— Ник, я просто должна...

Мими вскочила, и они с дочерью оказались лицом к лицу:

— Скройся с глаз! — прошипела она сквозь зубы. Дороти вздрогнула, но сказала:

— Нет. Ты не можешь заставить меня...

Мими ударила дочь тыльной стороной руки по губам.

— Скройся с глаз!

Дороти вскрикнула и поднесла руку к губам. Не отнимая руки, не отрывая испуганного взгляда от лица Мими, она вышла из комнаты.

Мими снова закрыла дверь. Я сказал:

— Тебе надо как-нибудь прийти к нам со своими маленькими белыми хлыстиками.

Она не слушала. Глаза у нее были тяжелые, задумчивые, губы бантиком в полуулыбке, и заговорила она не как обычно, а голосом тяжелым и сиплым:

— Моя дочь влюблена в тебя.

— Чепуха.

— Нет, и она ревнует ко мне. Когда я подхожу к тебе ближе чем на десять футов, у нее начинаются судороги. — Она сказала это как бы между прочим.

— Чепуха. У нее, возможно, осталось легкое похмелье от той увлеченности в двенадцать лет, но и только.

— Ты ошибаешься, — Мими покачала головой. — Ну да ладно. — Она снова села на кровать рядом со мной. — Ты должен помочь мне выбраться из этого. Я...

— Естественно. Ты у нас нежный цветочек, который нуждается в защите сильного мужчины.

— А, ты об этом? — Она махнула рукой на дверь, в которую вышла Дороти. — Но ты же не... Можно подумать, раньше ты не слыхал об этом... не видал или не делал, если ты об этом. Тебе это не должно мешать. — Она улыбнулась, как и раньше, с тяжелым и задумчивым взглядом, соорудив губки бантиком. — Если ты хочешь Дороти — бери ее, только не становись сентиментальным. Что тут особенного? Конечно, я не нежный цветочек. И ты никогда не считал меня такой.

— Не считал, — согласился я.

— Вот так, — сказала она решительным тоном.

— Вот как?

— Да не кокетничай ты! Отлично знаешь, что я

имею в виду. Ты понимаешь меня так же хорошо, как и я тебя.

— Примерно так, но ты же кокетничаешь с тех пор, как...

— Я знаю. Это была игра. Но сейчас я не играю. Этот паршивец надул меня, надул по всем статьям, а теперь сам в беде и ждет, чтобы я ему помогла. И я помогу. — Она положила руку мне на колено, и я почувствовал ее острые ногти. — Полиция не верит мне. Как мне заставить их поверить в то, что я знаю об убийстве не больше, чем я им уже говорила?

— Этого ты сделать не сможешь, — медленно сказал я, — особенно пока Йоргенсен будет повторять только то, что я сам слышал от тебя часа два назад.

Она перевела дух, и ее ногти опять вонзились в мою ногу.

— Ты говорил им об этом?

— Пока нет. — Я убрал ее руку со своего колена.

Она облегченно вздохнула:

— Ты, конечно же, не сделаешь этого и теперь?

— Почему?

— Потому что это ложь. Он солгал, и я солгала. Я ничего не находила, вообще ничего.

— Теперь мы снова на том же месте, где уже были, и я верю тебе так же мало, как и вначале. А наши новые правила игры?.. Ты понимаешь меня, я понимаю тебя, никакого кокетства, фокусов и...

— Ладно, — она легонько стукнула меня по руке. — Кое-что я нашла, но это немного я не выдам, чтобы не помогать этому паршивцу. Ты, наверно, понимаешь, что я чувствую, Ник. Если б ты чувствовал то же самое...

— Может быть, — ответил я, — но при нынешнем положении дел мне нет смысла составлять тебе компанию. Что мне твой Крис? Я ничего не выиграю, помогая тебе сварганить против него обвинение.

— Я много думала об этом. — Мими вздохнула. — Я не считаю, что сейчас для тебя много значат деньги, которые я могу тебе предложить, — она деланно улыбнулась, — или мое прекрасное белое тело. Так ты не заинтересован в спасении Клайда?

— Это не вопрос жизни и смерти.

На это она засмеялась:

— Не знаю, что ты хочешь этим сказать.

— То, что он не нуждается в спасении. У полиции против него нет ничего серьезного. У него винтики рас-

шатались, да, он был в городе в день убийства Джулии, и та его облапошила. Этого недостаточно, чтобы его арестовать.

— А с моей помощью? — снова засмеялась Мими.

— Не знаю. Что это за помощь? — спросил я и продолжил, не слушая ответа, которого и не ждал. — Что бы это ни было, но ты глупышка, Мими. Крис в панике из-за своего двоеженства. Побей его этим. Ведь нет никаких...

— Ну, это я приберегу про запас, — она сладко улыбнулась, — когда...

— Когда ему предъявят обвинение в убийстве? Но послушай, матушка, так дела не делаются. Ты можешь упечь его примерно на три дня в тюрьму. За это время его допросит окружной прокурор и соберет довольно данных, чтобы понять, что Крис не убивал Джулию Вулф, а ты пыталась одурачить прокурора, и, если ты еще вылезешь со своим мелким обвинением в двоеженстве, окружной прокурор посоветует тебе пойти куда подальше и откажет в судебном разбирательстве.

— Но он не может сделать этого, Ник.

— Может, и сделает, — заверил я ее, — а если он почувствует, что ты еще и скрываешь что-то, он осложнит тебе это дело до умопомрачения.

Она закусилла нижнюю губу, а потом спросила:

— Ты все так же честен со мной?

— Я точно описал тебе, что произойдет, если окружные прокуроры кардинально не переменились с тех пор, как я их знал.

— Я не хочу, чтобы он выкрутился, — она опять закусилла нижнюю губу. — Но я не хочу и навлекать неприятности себе на голову. — Мими посмотрела на меня снизу вверх. — Если ты лжешь мне, Ник...

— Тут ты можешь сделать только одно: или поверить мне, или нет.

Она улыбнулась, дотронулась до моей щеки, поцеловала меня в губы и встала:

— Ты такой паршивец. Ну ладно, я тебе верю. — Она прошла в дальний конец комнаты и вернулась обратно. Глаза ее сверкали, лицо румянилось.

— Я позову Гилда.

— Нет, погоди. Я хочу... я хочу прежде всего знать, что ты думаешь об этом.

— Хорошо, но только без дураков.

— Ты даже собственной тени боишься, — сказала

Мими, — но
ничать.
Я сказал, ч
кажет ли она
а то остальные
Она, обойд
белье и запу
— Это так
— Смешно
скоро будет в
к двери.
— Не вред
Она обернула
вой платок. К
чтобы показа
три длиной,
к другому ко
жичек. Плат
— Ну? —
— Это бы
ли с нею в
взяла ее.
— Ты ув
— Да, —
звенья из 30
вых партий
кто мало-м
рой такой
жичек, что
алы К. М.
этого ножи
ее много л
— Ты
сать цепоч
— Кон
— Это
— Да.
— А п
— Да.
бе сказал
строила п
но не вер
— Не
раз тебе
свою ист
20*

Мими, — но не беспокойся. Я больше не буду фокусничать.

Я сказал, что это будет восхитительно и что не покажет ли она мне теперь свое таинственное сокровище, а то остальные уже беспокоятся.

Она, обойдя кровать, подошла к шкафу, сдвинула белье и запустила руку в дальнюю стопку белья.

— Это так смешно, — сказала она.

— Смешно? — Я встал. — Ты сеешь панику. Гилд скоро будет в судорогах биться на полу. — Я пошел к двери.

— Не вредничай, — сказала она. — Я уже нашла. — Она обернулась ко мне, держа в руке свернутый носовой платок. Когда я подошел к ней, она разжала руку, чтобы показать мне кусок цепочки от часов дюйма в три длиной, который с одного конца был оборван, а к другому концу был прикреплен маленький золотой ножичек. Платок был женский, в бурых пятнах.

— Ну? — спросил я.

— Это было у Джулии в руках, когда меня оставили с нею вдвоем, а я знала, что это вещь Клайда, и взяла ее.

— Ты уверена, что его?

— Да, — нетерпеливо ответила она. — Смотри, здесь звенья из золота, серебра и меди. Он заказал их из первых партий металлов, выплавленных по его методу. Все, кто мало-мальски знает его, могут подтвердить — второй такой быть не может. — Она протянула мне ножичек, чтобы я увидел выгравированные на нем инициалы К. М. У. — Это его инициалы. Я не видела раньше этого ножичка, но цепочку узнала сразу. Клайд носил ее много лет.

— Ты достаточно хорошо помнила это, чтобы описать цепочку, не видя ее?

— Конечно.

— Это твой платок?

— Да.

— А пятна — от крови?

— Да. Цепочка была у Джулии в руке — как я тебе сказала, — и там было немного крови. — Она состроила гримасу. — Ты не... Ты ведешь себя так, словно не веришь мне.

— Не совсем, — ответил я, — но, по-моему, на этот раз тебе следует позаботиться о том, чтобы рассказать свою историю в соответствии с правдой.

Она топнула.

— Ты... — Мими засмеялась, и гнев исчез с ее лица. — Иногда ты становишься самым занудным человеком. На этот раз я говорю правду, Ник. Я рассказала тебе все, что произошло и как это произошло.

— Надеюсь. Да и пора уже. Ты уверена, что Джулия не приходила в сознание и не сказала тебе чего-нибудь, пока вы с ней оставались наедине?

— Ты опять хочешь разозлить меня. Да, я в этом уверена.

— Хорошо, — сказал я. — Подожди здесь. Я позову Гилда, но если ты скажешь ему, что цепочка была у Джулии в руке, а Джулия еще не умерла, то Гилд заинтересуется, не теребила ли ты ее, чтобы забрать цепочку.

Мими широко открыла глаза:

— И что же мне сказать?

Я вышел из комнаты и закрыл дверь.

24

Нора, немного сонная, болтала в гостиной с Гилдом и Энди. Отпрысков Уинанта не было.

— Можете идти, — сказал я Гилду. — Первая дверь налево. Кажется, она дошла до кондиции.

— Вы что-нибудь получили? — спросил он.

Я кивнул.

— Что вы узнали?

— Подождем, пока вы сами услышите. Потом сведем концы с концами и посмотрим, что выйдет, — предложил я.

— О'кэй. Пошли, Энди. — Они вышли из комнаты.

— Где Дороти? — спросил я.

— Я думала, что она была у тебя и у своей матери. — Нора зевнула. — Джилберт тоже где-то здесь. Пару минут назад был с нами. Долго нам еще тут торчать?

— Недолго. — Я прошел по коридору мимо комнаты Мими к двери в другую спальню, которая была открыта, и заглянул в нее. Никого. Дверь напротив была закрыта. Я постучался.

— Кто там? — послышался голос Дороти.

— Ник, — ответил я и вошел.

Она лежала в постели на боку, одетая. Рядом с ней сидел Джилберт. Губы Дороти казались

припухшими,
ла — глаза
и мрачно пос
— Ты все

сил я. — Где м

— Беседу

Джилберт

— У мен

роти, дрожа

ня надо смо

— Ты ещ

— Почем

— Не г

знаешь что

мать вроде

— Нет.

— Что

— Ниче

исключение

реть помад

Я выте

лась, чтоб

спичечный

— Буд

— А м

Я взял у

выбросил

сто на кро

— Что

— Ск

— А т

— Ск

поры, ко

— Ты

ешь, так

— А

— Я

меня из

— П

— М

некотор

— Б

любая

янок.

припухшими, но это могло быть от того, что она плакала — глаза у нее были красные. Она подняла голову и мрачно посмотрела на меня.

— Ты все еще хочешь поговорить со мной? — спросил я.

— Где мама? — Джилберт встал с кровати.

— Беседует с полицией.

Джилберт ответил, я не разобрал что, и вышел.

— У меня от нее мурашки бегают, — сказала Дороти, дрожа от страха, но потом вспомнила, что на меня надо смотреть мрачно.

— Ты еще хочешь со мной говорить?

— Почему ты против меня?

— Не глупи. — Я сел на место Джилберта. — Ты знаешь что-нибудь о ножичке и цепочке, которые твоя мать вроде бы нашла?

— Нет. Где они?

— Что ты хотела мне сказать?

— Ничего... теперь, — сказала она задиристо, — за исключением того, что ты мог бы по крайней мере вытереть помаду на своих губах.

Я вытер. Она выхватила у меня платок и повернулась, чтобы взять со столика по ту сторону кровати спичечный коробок. Она зажгла спичку.

— Будет противный запах.

— А мне все равно, — но спичку все-таки задула. Я взял у нее платок, подошел к окну, открыл его и выбросил платок, закрыл окно и вернулся на свое место на кровати. — Если тебе от этого легче.

— Что мама говорила... обо мне?

— Сказала, что ты будто бы влюблена в меня.

— А ты что сказал? — Она быстро села.

— Сказал, что просто нравлюсь тебе с той самой поры, когда ты была ребенком.

— Ты, — нижняя губа у нее дернулась, — ты думаешь, так оно и есть?

— А как может быть иначе?

— Я не знаю. — Она заплакала. — Все так дразнит меня из-за этого — мама, и Джилберт, и Гаррисон. Я...

— Пускай они катятся к чертям, — я обнял ее.

— Мама в тебя влюблена? — спросила она через некоторое время.

— Боже упаси! Она ненавидит мужчин больше, чем любая из женщин, каких я встречал, не считая лесбиянок.

— Но у нее же всегда кто-то есть...

— Это плоть. Не дай себя провести. Мими ненавидит мужчин — ненавидит нас всех, жутким образом.

— Не понимаю. — Дороти перестала плакать, нахмурилась и спросила: — Ты ее ненавидишь?

— Вообще-то нет.

— А сейчас?

— Кажется, тоже нет. Она делает глупости, хотя уверена, что хитра, как бестия, а это надоедает, но чтобы ненавидеть, — нет.

— А я ненавижу.

— Это ты уже говорила на прошлой неделе. Я хотел спросить: ты знала или видела когда-нибудь Артура Нунхайма, о котором мы говорили сегодня ночью в баре?

— Ты хочешь сменить тему? — Она пристально посмотрела на меня.

— Я хочу знать. Знала?

— Нет.

— О нем писали в газетах, — напомнил я. — Это он сказал полиции, что Морелли знал Джулию Вулф.

— Я не знала этого имени, — ответила Дороти. — Не помню, чтобы я слышала о нем до сегодняшнего вечера.

Я описал Нунхайма.

— Видела его когда-нибудь?

— Нет.

— Он мог фигурировать под именем Альберта Нормана. Это имя тебе знакомо?

— Нет.

— Ты знала кого-нибудь из тех, кого мы сегодня вечером встретили у Стадзи? Или, может быть, знаешь что-нибудь о них?

— Нет. Честно, Ник, я бы все тебе рассказала, лишь бы тебе помочь, если б только знала хоть что-нибудь.

— Даже если бы это кому-нибудь повредило?

— Да, — тут же ответила она, но потом спросила: — Что ты хочешь этим сказать?

— Ты отлично знаешь, что я хочу сказать.

— Я боюсь, Ник. — Она закрыла лицо руками, слова были едва слышны. — Я... — Кто-то постучал в дверь, она отняла руки.

— Войдите! — крикнул я.

Энди открыл дверь настолько, чтобы просунуть го-

лову. Пытаясь н
сообщил:
— Лейтенант
— Сейчас ид
— Он ждет.
тельно, как ему
угол его рта де
получилась ум
— Я вернус
за Энди.
Он закрыл з
— Парень п
— Джилбер
— Да. Успе
— Для него
дела с миссис
Он сложил
выдохнул:
— Ну тетк

Мы пошли
глубоком крес
радостно улы
— Теперь
Я во всем при
Гилд, стоя
висках еще
дел старым
ток, в котор
— Готовн
— Я пря
голову и об
готовы?
— Не пр
еще можно
— Ну-у,
случае я,
Чарльзом
Он аккурат
— Мож
пойду поб
Проходя м
тельным
обо мне с

лову. Пытаясь не выказывать своего любопытства, он сообщил:

— Лейтенант хочет вас видеть.

— Сейчас иду.

— Он ждет. — И открыл дверь пошире, многозначительно, как ему казалось, подмигнув мне. Но при этом угол его рта дернулся больше, чем глаз, — физиономия получилась умопомрачительная.

— Я вернусь, — сказал я Дороти и вышел следом за Энди.

Он закрыл за мной дверь и прошептал мне в ухо:

— Парень подглядывал в замочную скважину.

— Джилберт?

— Да. Успел дать деру, когда услышал, что я иду.

— Для него это еще ничего, — сказал я. — Как ваши дела с миссис Й?

Он сложил свои толстые губы в трубочку и с шумом выдохнул:

— Ну тетка!

25

Мы пошли в спальню Мими. Она сидела у окна в глубоком кресле и казалась очень довольной собой. Она радостно улыбнулась мне:

— Теперь у меня на душе ни единого пятнышка. Я во всем призналась.

Гилд, стоя у стола, вытирал платком лицо. На его висках еще переливались капли пота, а сам он выглядел старым и усталым. Нож с цепочкой и носовой платок, в который он был завернут, лежали на столе.

— Готовы? — спросил я.

— Я прямо не знаю, — ответил Гилд. Он повернул голову и обратился к Мими: — Вы сказали бы, что мы готовы?

— Не представляю, — засмеялась Мими, — что тут еще можно сказать.

— Ну-у, — протянул Гилд как-то нехотя, — в таком случае я, пожалуй, хотел бы поговорить с мистером Чарльзом несколько минут, если вы нас простите. — Он аккуратно свернул платок и сунул в карман.

— Можете говорить здесь. — Мими встала. — А я пойду поболтаю с миссис Чарльз, пока вы закончите. — Проходя мимо меня, она игриво постучала меня указательным пальцем по щеке. — Не давай им говорить обо мне слишком много небылиц.

Энди открыл ей дверь, потом закрыл, опять сделал губы трубочкой и с шумом выдохнул.

Я лег на кровать.

— Ну, что есть что?

— Она сказала, — Гилд откашлялся, — что нашла этот нож и цепочку на полу: Вулф в борьбе с Уинантом порвала ее, и еще она сказала, почему она скрывала это до сих пор. Между нами говоря, если посмотреть на вещи разумнее — все это жуткий компот, но, может, на это дело так смотреть нельзя? Честно вам признаюсь, я ее понять не могу, ну никак.

— Главное, — посоветовал я ему, — не дайте утомить себя ложью. Если ее поймать на лжи, она это проглотит и выложит вам новую, а если поймать ее и на этой лжи, опять выложит новую, и так далее. Большинство людей, даже женщин, трусят, если их схватить за руку в третий или четвертый раз, и либо умолкают, либо раскалываются. Но только не Мими. Она будет дуть дальше, и вам надо быть настороже, иначе вы обнаружите, что верите ей, не потому что она вроде бы говорит правду, а потому, что вы устали ей не верить.

— Гм-гм. Может быть, — Гилд провел пальцем между воротником рубашки и шеей. Похоже, он чувствовал себя не слишком удобно. — Послушайте, вам кажется, что она убила Вулфа?

Я заметил, как напряженно Энди следит за мной — аж глаза выпучил. Я сел и опустил ноги на пол.

— Было бы здорово, если б я это знал. История с цепочкой — похоже, надувательство, но... Мы же можем узнать, была ли у Уинанта такая цепочка, может, она есть у него и сейчас. Если Мими прекрасно помнит цепочку, — так она сказала, то она могла заказать ее у какого-нибудь ювелира, а ножичек может купить всякий и отдать выгравировать на нем любые инициалы. Хотя мало правдоподобно, чтобы Мими зашла так далеко. Если она в самом деле пристроила туда обрывок цепочки, можно полагать, что у нее была подлинная цепочка — возможно, уже много лет... но все это вам надо узнать, ребята.

— Мы сделаем, что сможем, — терпеливо ответил Гилд. — Так вы думаете, это она?

— Убийство? — Я покачал головой. — До этого я еще не дошел. Как дела с Нунхаймом? Пули те же?

— Те самые — из того же оружия, каким угробили Вулфа, — все пять.

— В него стреляли
— Да, и еще с та
одежда опалена.
— Я видел сегодня
ку, ту высокую рыжу
рит, что это мы с ва
слишком много знал
— Гм-м, — бур
жалуй, тоже не проч
— «Пигирон Кл
дал адрес. — Там
мне, что настоящее
и что у нее есть др
Пеплер.

По тону, каким
вал, что прошлое Г

— И что же вы

— Мой приятел

ул, вчера под вече

авеню близ Сорок

— Да?

— Кажется,

ют. Я...

В комнату вош

или бокалы, виски

— Я подумал

пить, — прощепет

Мы поблагода

— Больше я

стив поднос на с

терпимости, кото

никам», и вышла

— Вы начал

Гилд.

— Да нет, ес

шу, так скажит

мне не хотелось

— Нет, нет,

так, мистер Ч

Просто начальн

ваюсь на друг

ло. — Он повер

— Чистое.

— Ну, то

как и с

— В него стреляли пять раз?

— Да, и еще с такого близкого расстояния, что вся одежда опалена.

— Я видел сегодня вечером в одном баре его девушку, ту высокую рыжую, — сказал я Гилду. — Она говорит, что это мы с вами убили Нунхайма, потому что он слишком много знал.

— Гм-м, — буркнул Гилд. — Что это за бар? Я, пожалуй, тоже не прочь с ней поговорить.

— «Пигирон Клуб» Стадзи Берка, — ответил я и дал адрес. — Там и Морелли показывается. Он сказал мне, что настоящее имя Джулии Вулф — Нэнси Кейн и что у нее есть друг, который сидит в Огайо, — Фейс Пеплер.

По тону, каким Гилд сказал «Да?» — я почувствовал, что прошлое Пеплера и Джулии ему уже известно.

— И что же вы еще узнали, гуляя по городу?

— Мой приятель, литературный агент Ларри Кроул, вчера под вечер видел, как из ломбарда на Шестой авеню близ Сорок шестой улицы выходил Йоргенсен.

— Да?

— Кажется, мои новости вас не очень-то волнуют. Я...

В комнату вошла Мими с подносом, на котором стояли бокалы, виски и минеральная вода.

— Я подумала, что вы, может быть, захотите выпить, — прощепетала она.

Мы поблагодарили ее.

— Больше я вас не побеспокою, — сказала она, опустив поднос на стол, улыбнулась с выражением веселой терпимости, которую проявляют женщины к «мальчишникам», и вышла из комнаты.

— Вы начали что-то говорить, — напомнил мне Гилд.

— Да нет, если вы полагаете, что я вешаю вам лапшу, так скажите сразу. Мы так долго шли вместе, что мне не хотелось бы...

— Нет, нет, — поспешно ответил Гилд, — это не так, мистер Чарльз. — Он слегка покраснел. — Я... Просто начальник отдела взгрел нас, а теперь я отыгрываюсь на других. Это второе убийство осложнило дело. — Он повернулся к столу. — Как вам налить виски?

— Чистое. Благодарю. Новые улики не появились?

— Ну, то же оружие и большое количество пуль, как и с Вулф, но это почти все. Это произошло в кори-

доре одного доходного дома между двумя магазинами. Похоже, никто там не знает ни Нунхайма, ни Уинанта, и нет никого, с кем можно было бы установить связь. Дверь была открыта, войти мог всякий, но если подумать — это ничего особенного не означает.

— Никто ничего не видел и не слышал?

— Выстрелы слышали, но кто стрелял — не видели. — Он передал мне бокал.

— Гильзы нашли?

— Нет, как и в тот раз, — покачал головой Гилд. — Надо думать, револьвер.

— И оба раза отстреливали всю обойму, учитывая и тот выстрел, что поразил телефон, — если гнездо под бойком, как многие делают, было пустым.

Гилд опустил бокал, который подносил ко рту:

— Вы, по-моему, ищите случайные связи, — проворчал он, — просто потому, что они так стреляли?

— Нет, но любая ниточка на пользу дела. Вы узнали, где был Нунхайм в тот день после обеда, когда убили девушку?

— Гм-м, да. Топтался около ее дома — по крайней мере часть времени. Его видели перед домом и за ним, если верить людям, которые тогда не сильно задумывались и которым вроде бы незачем лгать. И за день до убийства Нунхайм, по словам лифтера, был на этаже у Вулф. Парень говорит, что тот сразу вернулся, и не знает, входил он к ней или нет.

— Вон оно что. Возможно, Мириам права, Нунхайм, видно, и впрямь знал слишком много. А как с той разницей в четыре тысячи между суммами, которую Маколей передал Вулф и которую Клайд Уинант, как он утверждает, получил от девушки?

— Никак.

— Морелли говорит, что у Вулф всегда было много денег. Он говорит, что как-то раз одалживал у нее пять тысяч наличными.

— Да? — Гилд удивленно приподнял брови.

— Да. Еще он говорит — Уинант знал, что девушка сидела.

— Мне кажется, — медленно проговорил Гилд, — что Морелли не так уж скуп на слова.

— Он любит поговорить. Вы узнали еще что-нибудь о том, над чем работал Уинант, когда он уехал, или над чем он собирался работать?

— Нет. Похоже, вас интересует его лаборатория?..

— А почему
на минутку.

— Пожалуйст
рели и о том,

— Он любит
ни Спарроу? Та

лосом педераста
— Нет, — п

спрашиваете?
— Он был в

со мной, но ему
— А зачем е

— Не знаю.
мол, я помог у

— Ого. —
подбородок и п

те вы завтра...
в участок.

Вместо того
тил: «Непреме

гостиную.
Нора спала

рую читала, и
— Тайное

— Да. — Я

— Пусть с
побудешь, по

— Ладно.
— Но она

— Ничего
— Но...

В комнату
койной ночи.

они удалили
— Мне н

Ты помнишь
— Да.

Вошел Д
— Они п

— Нет, —
— А что

— Вчер
— Смеш

ют, и ты о

— А почему бы и нет? Он изобретатель, лаборатория — место его работы. Я хотел бы заглянуть туда на минутку.

— Пожалуйста, расскажите еще что-нибудь о Морелли и о том, как вам удалось с ним поговорить.

— Он любит поболтать. Вы знаете человека по имени Спарроу? Такой толстяк, высокий, бледный и с голосом педераста?

— Нет, — поморщился Гилд. — Почему вы о нем спрашиваете?

— Он был в баре... с Мириам... и хотел «поговорить» со мной, но ему не дали.

— А зачем ему вы?

— Не знаю. Возможно, затем, что Мириам сказала, мол, я помог укокошить Нунхайма — помог вам.

— Ого. — Гилд почесал ногтем большого пальца подбородок и посмотрел на часы. — Уже поздно. Давайте вы завтра... то есть сегодня... заглянете ненадолго в участок.

Вместо того, что я действительно подумал, я ответил: «Непременно» — кивнул ему и Энди и пошел в гостиную.

Нора спала на диване. Мими отложила книгу, которую читала, и спросила:

— Тайное заседание окончено?

— Да. — Я подошел к дивану.

— Пусть она поспит, — сказала Мими. — Ты ведь побудешь, пока твои друзья полицейские не уйдут?

— Ладно. Мне еще надо повидать Дороти.

— Но она спит.

— Ничего. Я ее разбужу.

— Но...

В комнату вошли Гилд и Энди, пожелали нам спокойной ночи. Гилд с сожалением посмотрел на Нору, и они удалились.

— Мне надоели полицейские, — вздохнула Мими. — Ты помнишь ту историю?

— Да.

Вошел Джилберт.

— Они правда думают, что это сделал Крис?

— Нет, — ответил я.

— А что думаете вы?

— Вчера я мог бы это сказать. Сегодня уже не могу.

— Смешно, — заметила Мими. — Они отлично знают, и ты отлично знаешь, что убийца — Клайд. — Я

промолчал, и она повторила уже резче: — Ты прекрас-
но знаешь — убийца Клайд.

— Нет, — сказал я.

И тут лицо Мими озарилось торжеством:

— Ясно, ты *работаешь* на него, ведь работаешь?

Мое «нет» было как мертвому припарка.

Джилберт спросил, не возражая, а так, вроде для сведения:

— А почему он не мог бы этого сделать?

— Мог бы, но не сделал. Стал бы он в таком случае писать письма, бросающие подозрение на Мими, единственного человека, который старается ему помочь, пряча главную улику против него?

— Но, может быть, он этого не знал. Может, он считал, что полиция ничего не сообщила о некоторых вещах. Они нередко так делают, верно? Может быть, он хотел бросить на маму тень, чтобы они не поверили ей, если она...

— Вот-вот, — подтвердила Мими. — Ведь именно так он и сделал.

— Ты же не думаешь, что твой отец убил Вулф? — спросил я Джилберта.

— Я не думаю, но мне хотелось бы знать, почему так не думаете вы... понимаете... ваш метод.

— А мне хотелось бы знать твой.

— Но ведь тут есть разница. — Чуть покраснев, он смущенно улыбнулся.

— Джилберт *знает*, кто убил Джулию, — заявила с порога Дороти. Она все еще была одета. Она пристально смотрела на меня, словно боялась взглянуть на кого бы то ни было другого. Она была бледна и держалась неестественно прямо.

Нора открыла глаза, приподнялась на локте и сонно спросила:

— Что? — Ей никто не ответил.

— Оставь свои идиотские драматические спектакли, Дороти, — сказала Мими.

— Можешь избить меня, когда они уйдут. И избьешь. — Она сказала это, не сводя с меня глаз.

— Кто же, по мнению Джилберта, убил Вулф? — спросил я.

Теперь вступил Джилберт:

— Не выставляй себя дурочкой, Дорри, ты...

— Пусть говорит. Пусть скажет, что хочет. Кто убил Вулф, Дороти? — прервал я Джилберта.

Дороти посмотрела на брата, опустила веки и уже не держалась так прямо. Уставившись в пол, она невнятно пробормотала:

— Я не знаю. Джилберт знает. — Она снова подняла глаза на меня и затряслась. — Разве ты не видишь, что я боюсь? — воскликнула она. — Я боюсь их. Увези меня отсюда, и я скажу тебе, но я боюсь их.

— Получил, чего хотел. — Мими смеялась надо мной. — Поделом тебе.

— Это так глупо, — Джилберт был весь красный.

— Конечно, я возьму тебя с собой, но мне надо, чтобы ты сказала это сейчас, когда мы все в сборе.

— Я боюсь, — Дороти покачала головой.

— Зачем ты обращаешься с ней, как с ребенком, Ник? — спросила Мими. — Это портит ее еще больше. Она...

— Что ты скажешь? — спросил я Нору.

Она встала и потянулась, не поднимая рук. Розовая и мягкая, как всегда со сна. Она сонно улыбнулась мне и сказала:

— Пошли домой. Мне не нравятся эти люди. Пошли, Дороти, бери свое пальто и шляпу.

— Иди спать, — Мими сказала дочери.

Дороти приблизилась ко мне и прохныкала:

— Не давай ей меня бить, Ник.

Я следил за Мими, на лице которой была спокойная полуулыбка, но ее ноздри двигались в такт дыханию, а дыхание было слышно.

Нора подошла к Дороти:

— Пошли, вымоем тебе лицо и...

Мими исторгла звериный рык и стремительно рванулась в сторону дочери.

Нора встала между ними. Я ухватил Мими за плечо, когда она ринулась вперед, обхватил ее рукой сзади и поднял в воздух. Она кричала и колотила меня кулаками, а ее острые высокие каблуки буравили мою ногу.

Нора вытолкнула Дороти из комнаты и осталась на пороге наблюдать за происходящим. Она была очень оживлена. Это я видел отчетливо, а все остальное — смутно, как в тумане. Неловкие тычки кулаками в спину и плечи снова вернули меня к реальности, я обнаружил, что меня бьет Джилберт, но видел я его не ясно и едва ощутил, когда оттолкнул его:

— Брось. Не хочу делать тебе больно, Джилберт. — Я отнес Мими к дивану, бухнул ее спиной на диван, сел на ее ноги и обеими руками взял за запястья.

Джилберт снова атаковал меня. Я попробовал стукнуть его в коленную чашечку, но угодил слишком низко и сбил его с ног. Он шмякнулся на пол. Я ударил его еще раз и сказал:

— Побороться мы можем и потом. А теперь пойдите принесите воды.

Мими побагровела. Глаза остекленели и едва не полезли из орбит. В такт неровному дыханию за стиснутыми зубами пенилась и клокотала слюна, шея покраснела — все ее тело стало вибрирующей массой жил и мышц, напряженных до такой степени, что, казалось, вот-вот лопнут. Ее запястья были горячими и скользкими от пота — держать их было все труднее.

Нора со стаканом воды предстала передо мной, как спасительница.

— Плесни ей в лицо, — велел я.

Нора плеснула. Мими, судорожно глотая воздух, открыла рот и закрыла глаза. Она резко перебрасывала голову с бока на бок, но тело ее уже не извивалось так сильно.

— Еще раз, — сказал я Норе.

Следующий стакан воды вызвал у Мими протестующее фырканье, и она перестала метаться, лежала неподвижно, расслабленно, тяжело дыша.

Я убрал руки с ее запястий и встал. Джилберт, стоя на одной ноге, гладил другую, прислонившись к столу. Дороти, бледная, с широко открытыми глазами, стояла в дверях, не зная — то ли войти, то ли броситься бежать.

— Приступ прошел? — спросила Нора.

— Без сомнения.

В это время Мими открыла глаза, попыталась выдать из себя слезу. Я сунул ей в руку платок. Она вытерла лицо, вздохнула, передернувшись всем телом, и села на диване. Прищурившись, она огляделась, увидев меня, слабо улыбнулась. Ее улыбка была слегка виноватой, но ничего такого, что можно было бы назвать раскаянием. Неуверенной рукой она провела по волосам и заявила:

— Меня хотели утопить.

— В один прекрасный день, когда ты вгонишь себя

в такой приступ, ты
— Она посмотрела мимо
Джил! Что с тобой
Джилберт быстро о
— Я... э... ничего,
— Он пригласил
Ох, Джил, — р
действительно пытал
ка? — Смех усилил
стороны, но очень гл
Никто не в состояни
губам и раскачивалас
Я посмотрел на Н
за стали почти черн
— Пошли отсюда
минуту-другую она
Дороти, с пальто
галась к входной д
то и шляпы и выш
диване смеяться в
В такси, котор
один из нас не п
Дороти еще выгля
нек выдался насы
Было почти п
Аста бурно прив
поиграть с ней,
хотела рассказат
была еще девочк
— Нет. Это
дело? Хочешь у
не осмелилась р
— Но ты л
— То же
психоаналитик
И мне плеват
целый день.
— Похоже
ко это возмож
— Послу
ствительно ч
вии матери

в такой приступ, ты из него уже не выйдешь, — ответил я.

Она посмотрела мимо меня на своего сына:

— Джил! Что с тобой случилось?

Джилберт быстро отнял руку от ноги и выпрямился: — Я... э... ничего, — запнулся он. — Со мной все в порядке. — Он пригладил волосы, поправил галстук.

— Ох, Джил, — рассмеялась Мими, — неужели ты действительно пытался меня защитить? И против Ника? — Смех усилился. — Это ужасно мило с твоей стороны, но очень глупо. Ведь он же чудовище, Джил. Никто не в состоянии... — Она приложила платок к губам и раскачивалась вперед-назад.

Я посмотрел на Нору. Она крепко сжала губы, глаза стали почти черными от гнева. Я тронул ее за руку:

— Пошли отсюда. Джил, дай матери виски. Через минуту-другую она очухается.

Дороти, с пальто и шляпой в руке, на цыпочках двигалась к входной двери. Мы с Норой нашли свои пальто и шляпы и вышли следом за ней, оставив Мими на диване смеяться в мой носовой платок.

В такси, которое отвезло нас в «Нормандию», ни один из нас не проронил ни слова. Нора задумалась, Дороти еще выглядела перепуганной, а я устал — денек выдался насыщенный.

Было почти пять часов, когда мы приехали домой. Аста бурно приветствовала нас. Я лег на пол, чтобы поиграть с ней, пока Нора будет варить кофе. Дороти хотела рассказать мне, что произошло с ней, когда она была еще девочкой.

— Нет. Это ты уже пробовала в понедельник. В чем дело? Хочешь увильнуть от разговора? Что ж это ты не осмелилась рассказать мне в своем доме?

— Но ты лучше поймешь, если позволишь мне...

— То же самое ты сказала в понедельник. Я не психоаналитик. Я не разбираюсь в ранних влияниях. И мне плевать на них. К тому же я устал — скакал целый день.

— Похоже, ты хочешь осложнить мне дело, насколько это возможно, — она надулась.

— Послушай, Дороти, — сказал я. — Либо ты действительно что-то знаешь и боялась сказать в присутствии матери с Джилбертом, либо ты этого не знаешь.

Если знаешь — выкладывай. Если я решу, что не понимаю чего-то, я спрошу.

Дороти, насупившись, теребила складку своего платья, но когда она подняла глаза, они встретились с глазами

Дороти, насупившись, теребила складку своей юбки, но когда она подняла глаза, они возбужденно блестели. Она заговорила таким громким шепотом, что ее могли слышать все, кто был в комнате:

— Джил поддерживает связь с отцом. Он встречался с ним и с матерью.

— Джил поддерживает связь с отцом, он и сегодня встречался с ним, и отец сказал ему, кто убил Вулф.

— Кто же?

— Кто же?

— И это ты боялась сказать мне при Билли Дороти. — Сказал только, что встречался.

— И это ты боялась сказать мне при Джиле и Мими?

— Да. Ты понял бы...

— Да. Ты понял бы, если б позволил мне...
— Рассказать, что произошло когда-то...

— Рассказать, что произошло, когда ты была маленькой. Но я не позволю. Что еще рассказал тебе Джил?

— Ничего.

— А про Нунхайма?

— Ничего.

— Где твой отец?

— Этого Джил не сказал.

— Когда он с ним встречался?
— Он не говорил. П.

— Он не говорил. Пожалуйста, не сердись на меня, к. Я рассказала тебе все, что он рассказал мне.

— Хороша пожива, — проворчал я. — Когда он тебе все, что он рассказал мне, рассказал это?

— Сегодня ночью. Как раз, когда ты пришел ко мне в комнату, честно — это все, что он мне сказал.

— Какое было бы счастье, если б кто-нибудь из вашего семейства хоть раз сказал бы что-нибудь четко и однозначно — все равно что.

— Что тебя так мучает, мальчик? — спросила Нора, принесшая кофе.

— Всякое, — ответил я, — неувязки, вранье, а я слишком стар и устал, чтобы принимать их как шутку. Давай смотаемся обратно в Сан-Франциско.

— Перед Новым годом?

— Перед Новым годом?

— Завтра, сегодня.

— Согласна. — Она протянула мне чашку. — Мы можем полететь, если хочешь, и к новому году будем там.

— Я не лгала тебе, Ник, — дрожащим голосом произнесла Дороти. — Я рассказала тебе все, что я... По-

жалуйста, пожалуй
слова утонули в ры
Я взъерошил Ас
Мы все уста
ишем со
буд

— Давай отошла
разговаривать буд
я отнесу

Дороти, я
что одеться.
Дороти встала
«Прости

комнаты вслед за
Потом Нора в
Дор

она. — Наша Д...
— Надо пр...
зевнула. —

— Похоже, э...
Почему?

— Почему.
— А почему
лучше.

— Для дете
для меня неу
Слушай давай

— Валяй, с

ка, мамочка?
— Наприме
ла одна в гост

и попросил це
динять.

- И напроти обнаруж

- Замеча
- Иду

— Или то
когда тот на
племяннике
Вулф

Булф.
Я встал
— Не

Не по
тектив, не х
ты перебар
чтобы

ли. Важно,

жалуйста, пожалуйста, не сердись на меня. Я так... — слова утонули в рыданиях.

Я взъерошил Асте голову и простонал.

— Мы все усталые и нервные, — сказала Нора. — Давай отошлем собаку на ночь вниз, ляжем спать, а разговаривать будем, когда немного отдохнем. Пошли, Дороти, я отнесу твой кофе в спальню и дам тебе во что одеться.

Дороти встала, пожелала мне спокойной ночи, пролепетала: «Прости, что я такая глупая» — и вышла из комнаты вслед за Норой.

Потом Нора вернулась и села рядом со мной на пол. — Наша Дорри еще не наплакалась, — сказала она. — Надо признать, жизнь ее не сахар, хотя... — Она зевнула. — Что за жуткая тайна у нее была?

Я рассказал ей то, что сказала мне Дороти.

— Похоже, это опять ерунда.

— Почему?

— А почему нет? Все, что мы от них слышали, — чушь.

— Для детектива это, возможно, и достаточно, но для меня неубедительно. — Нора снова зевнула. — Слушай, давай составим список всех подозреваемых, мотивов, улик и сравним их...

— Валяй, составляй. Я пошел спать. Что такое улика, мамочка?

— Например, то, что Джилберт сегодня, когда я была одна в гостиной, подкрался на цыпочках к телефону и попросил центральную до утра ни с кем их не соединять.

— Замечательно.

— И например, то, — продолжала Нора, — что Дороти обнаружила, что ключ тети Элис у нее все-таки с собой.

— Замечательно.

— Или то, как Стадзи пнул под столом Морелли, когда тот начал тебе рассказывать об этом, как его, племяннике Дика О'Брайена, которого знала Джулия Вулф.

Я встал с пола и поставил наши чашки на стол:

— Не понимаю, как может надеяться преуспеть детектив, не женатый на тебе, но даже и в этом случае ты перебарщиваешь. По-моему, Стадзи пнул Морелли, чтобы тот не тратил времени на несущественные детали. Важно, почему они выключили Старроу — чтобы

не попало мне или чтобы я чего-то не услышал. Я почти сплю.

— Я тоже. Скажи мне одну вещь, Ник. Скажи честно: когда вы дергались с Мими, ты испытал возбуждение?

— Слегка.

— Ты старый и противный распутник, — Нора засмеялась и встала с пола. — Смотри, на улице уже светло.

26

Нора потрянула меня в четверть одиннадцатого: — Телефон! Это Херберт Маколей, и говорит, что по важному делу.

Я пошел в спальню к телефону — спал я в гостиной. Дороти дрыхла без задних ног.

— Алло, — буркнул я в телефон.

— Для ленча еще рановато, но мне надо тебя срочно видеть. Могу я сейчас прийти к вам?

— Разумеется. Приходи на завтрак.

— Я уже ел. Поешь и ты, а через четверть часа я буду у вас.

— Хорошо.

Дороти приоткрыла глаза, сонно сказала, что, наверное, уже поздно, повернулась на бок и снова канула в бессознательное состояние.

Я помылся холодной водой, почистил зубы и причесался, потом вернулся в гостиную.

— Придет Маколей, — сказала я Норе. — Он уже завтракал, но ты могла бы заказать кофе. Мне — куриную печень.

— Я тоже приглашена или...

— А как же! Ты же не знаешь Маколея... Он отличный парень. Во время войны под Во я несколько дней был в его взводе, и после войны мы разыскали друг друга. Через него я получал кое-какую работу, в том числе и у Уинанта. Что ты скажешь насчет рюмочки для бодрости?

— Почему бы тебе не побыть сегодня трезвым?

— Я приехал в Нью-Йорк не для того, чтобы ходить тут трезвым. Хочешь вечером пойти на хоккей?

— Хочу. — Нора налила мне и пошла заказывать завтрак.

Я просмотрел утренние газеты: сообщения о смерти

Нунхейма, о том, что
Йоргенсена, но куда
редным событиям на
банды Адской кухни
Майка» и интервью с
лу о похищении ребен
Маколей появился
ля, который привел
потому что, когда ад
что опереться — чре
ей особо по душе.
У Маколея вокр
да и щеки у него
он. — Они что, сч
вошла Нора. Она п
Они поздоровал
— Ник велел
быть, я?..
— Нет, спасибо
— Так что с п
Маколей замя.
— Нора знает
так что если это
— Нет, нет. Я
ресах миссис Чар
— Тогда вык
то, чего она не
полиции?
— Сегодня
Для начала он
к которой был
ли я их раньше
Я сказал Гилд
кать, похожи н
знаю ли я, как
еще, и, двигая
нибудь еще» о
что, конечно, з
вас, вы могли
лучить от ко
или получить
Я добавил, ч
могли попас
и не дал мне
21*

Нунхейма, о том, что бостонская полиция отыскала Йоргенсена, но куда больше места было уделено очередным событиям на фронте так называемой «Войны банды Адской кухни», аресту Джергусона «Принца Майка» и интервью с «Джефси» о переговорах по делу о похищении ребенка Линдберга.

Маколей появился одновременно со служащим отеля, который привел Асту. Маколей Асте понравился, потому что, когда адвокат похлопал ее, собаке было на что опереться — чрезмерная нежность никогда не была ей особо по душе.

У Маколея вокруг рта пролегли глубокие складки, да и щеки у него были не такие розовые, как обычно.

— Откуда в полиции эти новые веяния? — спросил он. — Они что, считают... — Он умолк — в комнату вошла Нора. Она приделась.

Они поздоровались за руку, и Нора сказала:

— Ник велел заказать вам только кофе. Может быть, я?..

— Нет, спасибо. Я только что отзавтракал.

— Так что с полицией? — спросил я.

Маколей замялся.

— Нора знает все, что знаю я, — заверил я его, — так что если это не...

— Нет, нет. Я... я подумал об этом именно в интересах миссис Чарльз. Я не хочу ее тревожить.

— Тогда выкладывай. Мою жену тревожит только то, чего она не знает. Что же это за новые веяния в полиции?

— Сегодня утром ко мне явился лейтенант Гилд. Для начала он показал мне обрывок цепочки для часов, к которой был прикреплен ножичек, и спросил, видел ли я их раньше. Видел: они принадлежали Уинанту. Я сказал Гилду, что, по-моему, я их видел и они, дескать, похожи на вещи Уинанта. Дальше Гилд спросил, знаю ли я, как эти вещи могли оказаться у кого-нибудь еще, и, двигаясь на ощупь, я выяснил, что под «кем-нибудь еще» он имел в виду тебя или Мими. Я ответил, что, конечно, знаю. Уинант сам мог дать их любому из вас, вы могли их украсть или найти на улице, или получить от кого-то, кто их украл или нашел на улице, или получить их от кого-то, кому Уинант подарил их. Я добавил, что есть еще и другие возможности, как они могли попасть к вам, но Гилд понял, что я его дразню, и не дал мне дальше говорить.

Лицо Норы пошло красными пятнами, а глаза потемнели:

— Идиот!

— Тихо, тихо, — успокоил я ее. — Мне, наверно, надо было предупредить тебя — еще вчера вечером он позволял себе такого рода намеки. Можно предположить, что мой старый друг Мими вдолбила ему эту идейку. Что же еще осветил Гилд в том же духе?

— Он хотел знать... он спросил меня: «Чарльз и Вулф все еще продолжали свои шашни? Или это дело прошлое?»

— Узнаю ход Мими, — сказал я. — И что ты ему ответил?

— Я ответил, что не знаю, «все ли еще» ты с ней крутишь, потому что я не знал, чтобы ты когда-нибудь это делал, и напомнил ему, что в любом случае тебя уже давно не было в Нью-Йорке.

— А ты крутил? — спросила Нора.

— Не пытайся сделать Мака лжецом. Что сказал на это Гилд?

— Ничего. Он спросил, знал ли Йоргенсен о твоих отношениях с Мими, а когда я спросил его, о каких, он обвинил меня в том, что я корчу из себя невинного младенца — это его точные слова, — так что мы не так уж далеко ушли. Он интересовался, когда и где я с тобой встречался, с точностью до секунды и дюйма.

— Занятно, — сказал я, — у меня очень неважное алиби.

Вошел официант с нашим завтраком. Мы поговорили о том о сем, пока он не накрыл стол и не вышел.

— Тебе нечего бояться, — продолжал Маколей. — Я собираюсь выдать Уинанта полиции. — Голос его звучал неуверенно и хрипло.

— Ты уверен, что это он сделал? Я вот сомневаюсь.

— Я знаю, — просто ответил Маколей и откашлялся. — Будь даже один шанс из тысячи, что я ошибаюсь, но его нет — он ведь ненормальный, Чарльз. Ему нельзя разгуливать на свободе.

— Вероятно, это правда, — начал я, — и если ты знаешь...

— Я знаю, — повторил Маколей. — Я видел его в тот день после обеда, когда он убил Джулию, хотя тогда я еще этого не знал, не знал и того, что Джулия убита. Я... ну... теперь я все это знаю наверняка.

— Ты встретил е
— Что?
— Считается, что в
четырех, ты был в ко
десять седьмой улице. Г

— Верно. Значит, в самом деле было так
Уинанта, ни весточки
позвонил к себе в ко
ждать и пошел в ко
нер, мой клиент; я
создания акционерно
внести кое-какие изм
десять следят — ну,
мной следят — ну,
дел причины, чтоб
адвокат, и все возм
телось ясности, поз
мой улице на вост
окончательно так
человека с бледн
где-то в районе «
узнать это — по
водителю ехать
тенсивным, что я
кто-нибудь друго
просил водителя
На Пятьдесят и
Второй авеню —
был вполне уве
Понятно, я не
нет — расстоя
А на следующ
перед светофо
си, которое ех
Это не очень
талах от дом
шимся, что Д
что Уинант
Уинант едет
не был пун
вернуть на
в полукварт
на юг. То е

— Ты встретил его в конторе Германа?

— Что?

— Считается, что в тот день, примерно с трех до четырех, ты был в конторе некоего Германа на Пятьдесят седьмой улице. По крайней мере, так сказали мне в полиции.

— Верно. Значит, у полиции такой вариант. На самом деле было так: когда я не нашел в «Плазе» ни Уинанта, ни весточки от него и когда безрезультатно позвонил к себе в контору и Джулии, я перестал его ждать и пошел в контору Германа. Это горный инженер, мой клиент; я как раз набросал для него проект создания акционерного общества, и в него надо было внести кое-какие изменения. Когда я добрался до Пятьдесят седьмой улицы, я вдруг почувствовал, что за мной следят — ну, ты знаешь, что это такое. Я не видел причины, чтобы за мной следить, но я опять же адвокат, и все возможно. Как бы там ни было, мне хотелось ясности, поэтому я повернул на Пятьдесят седьмой улице на восток и дошел до площади Мэдисон, но окончательно так и не уверился. Я заметил низенького человека с бледным лицом, которого, кажется, видел где-то в районе «Плазы», но... Самый быстрый способ узнать это — поймать такси. Так я и сделал и велел водителю ехать на восток. Движение было таким интенсивным, что я не увидел, ловил ли коротышка или кто-нибудь другой такси следом за мной, поэтому я попросил водителя на Третьей авеню повернуть на юг. На Пятьдесят шестой улице — снова на восток; а на Второй авеню — снова на юг, и к этому времени я уже был вполне уверен, что меня преследует желтое такси. Понятно, я не мог видеть, сидит в нем тот человек или нет — расстояние между нами было слишком большим. А на следующем перекрестке, когда мы остановились перед светофором, я увидел Уинанта. Он сидел в такси, которое ехало по Пятьдесят пятой улице на запад. Это не очень меня удивило: мы были всего в двух кварталах от дома Джулии, и я счел само собой разумеющимся, что Джулия не захотела мне сообщить о том, что Уинант был там, когда я звонил, и что теперь Уинант едет на встречу со мной в «Плазу». Он никогда не был пунктуален. Поэтому я попросил водителя повернуть на запад, но на Лексингтон-авеню — мы были в полуквартале от Уинанта — такси Уинанта повернуло на юг. То есть, ни к «Плазе», ни к моей конторе, вот по-

чему я мысленно послал его к черту и обратил свое внимание на преследующее нас такси, но его уже не было. Всю дорогу до конторы Германа я выглядывал в окно — никаких признаков того, что меня преследуют.

— В котором часу ты видел Уинанта? — спросил я.
— Было минут пятнадцать-двадцать четвертого. Я пришел к Герману без двадцати четыре, то есть минут через двадцать, двадцать пять. Так вот, секретарша Германа Луиза Джекобс — та, в чьем обществе ты видел меня вчера вечером, — сказала, что Герман вроде бы всю вторую половину дня просидел на какой-то конференции, но через несколько минут должен освободиться, он тут же и пришел, мы договорились обо всем минут за десять-пятнадцать, и я вернулся к себе в контору.

— Я понял так, что ты был недостаточно близко к Уинанту, чтобы разглядеть, не был ли он взволнован, не было ли на нем цепочки от часов, пахло ли от него порохом... и так далее.

— Верно. Все, что я видел, его промелькнувший профиль, но не думай, что я сомневаюсь, — это был Уинант.

— Не думаю. Продолжай.

— Больше он не звонил. Около часа я провел у себя в конторе, когда позвонили из полиции — Джулия мертва. Но пойми, вначале у меня и в мыслях не было, что убил ее Уинант. Ты же понимаешь, ведь ты и сейчас не веришь в это. Я пришел туда, и полиция начала спрашивать о нем, и я увидел, что они подозревают Уинанта, я сделал то, что сделали бы для своего клиента девяносто девять адвокатов из ста — я ни слова не сказал о том, что видел его в том районе примерно в то время, когда произошло убийство. Я рассказал им то же самое, что говорил тебе: у нас была назначена встреча, он не пошел — и у них осталось впечатление, что я прямо из «Плазы» пошел в контору Германа.

— Это понятно, — согласился я. — Не было смысла говорить, пока не выслушаны его варианты.

— Вот именно, но загвоздка в том, что именно ихто я и не услышал. Я надеялся, что он объявится, позвонит или еще что-нибудь сделает, но нет — он молчит до вторника, когда я получаю его письмо из Филладельфии, но там ни слова о том, почему в пятницу он не встретился со мной, ничего... ты же видел это письмо. Как оно тебе?

— Ты имеешь во вину?

— Да.

— Не особенно ком роде от него

Джулию, — ника

лиция может его

может помешать

яснилось без не

тельное письмо,

другого, но впо

шенности. Пред

не подозревая,

отчет о своих

что тогда он ех

— Теперь у

ным. Потом я

боратории. Это

лах от того ме

с тех пор, как

новили контра

щения, он ж

там. Но поли

его пребыван

Я хотел

бакенбарды.

— Нет, к

кими, почти

— Еще с

высокого ро

— К это

— Я по

по-твоему,

— Ты

изумленно

— Не

— Я т

насколько

— Не

мов; вес

зал, лет

лицо, те

близко,

на лице

— Ты имеешь в виду, звучало ли в нем чувство вины?

— Да.

— Не особенно, — сказал я. — Чего-нибудь в таком роде от него можно было ожидать, если он не убил Джулию, — никакой особенной тревоги о том, что полиция может его заподозрить, не считая того, что это может помешать его работе, желание, чтобы дело прояснилось без неудобств для него, — не очень вразумительное письмо, если бы оно пришло от кого-нибудь другого, но вполне соответствующее его неуравновешенности. Представляю, как он его отправлял, ничуть не подозревая, что ему всенепременно придется давать отчет о своих действиях в день убийства. Ты уверен, что тогда он ехал от Джулии?

— Теперь уверен. Поначалу я считал это вероятным. Потом я подумал — может, он был у себя в лаборатории. Это на Первой авеню, всего в двух кварталах от того места, где я его увидел, и хотя она закрыта с тех пор, как он уехал, в прошлом месяце мы возобновили контракт на аренду, и все там ждет его возвращения, он же мог в тот день после обеда побывать там. Но полиция не нашла там никаких свидетельств его пребывания.

Я хотел спросить тебя: говорили, что он отпустил бакенбарды. Он...

— Нет, все то же костлявое лицо с теми же жесткими, почти белыми усами.

— Еще одно — вчера был убит некто Нунхайм, невысокого роста...

— К этому я еще подойду.

— Я подумал о том невысоком человеке, который, по-твоему, тебя преследовал.

— Ты думаешь, это мог быть Нунхайм? — Маколей изумленно посмотрел на меня.

— Не знаю. Просто подумал.

— Я тоже не знаю. Я никогда не видел Нунхайма, насколько мне...

— Невысокого роста, не выше пяти футов трех дюймов; весил, пожалуй, сто двадцать фунтов. Я бы сказал, лет тридцати пяти или тридцати шести. Бледное лицо, темные волосы и глаза, глаза посажены довольно близко, большой рот, длинный, отвислый нос, лопоухий, на лице неуверенность.

— Тогда это вполне мог быть он, — сказал Маколей, — хотя я видел его только издали. Может быть, полиция покажет его мне, — он пожал плечами, — только какой в этом смысл теперь? На чем я остановился? Ах да, на том, что не смог никак связаться с Уинантом. Это поставило меня в неловкое положение, поскольку полиция, очевидно, считала, что я нахожусь с ним в контакте, но скрываю это. Ты ведь тоже так думал?

— Да, — признался я.

— И, как полиция, вероятно, тоже подозревал, что я встречался с ним в день убийства, в «Плазе» или позже.

— Это казалось вероятным.

— Да. И отчасти ты, конечно, был прав. Я, по крайней мере, видел его, и видел в том месте и в то время, которые в глазах полиции означали бы вину с большой буквы, и вот, поначалу солгав инстинктивно, неожиданно для самого себя, теперь я лгал уже прямо и преднамеренно. Герман был занят на какой-то конференции, и я не знаю, сколько я его ждал. Луиза Джейкобс мой хороший друг. Не вдаваясь в подробности, я сказал ей, что она поможет мне с одним клиентом, если скажет, что я приехал к ним в контору сразу после трех, и она любезно согласилась. Чтобы оградить ее от неприятностей, на всякий случай я сказал ей, что, если что-то будет не так, она всегда может сказать, мол, точно не помнила, в котором часу я прибыл, но на следующий день я упомянул об этом, и у нее не было причин усомниться в моих словах, перебросив таким образом все дело на меня. — Маколей глубоко вздохнул. — Но теперь это уже неважно. Важно то, что сегодня утром опять объявился Уинант.

— Очередное дурацкое письмо? — спросил я.

— Нет, он позвонил. Я назначил ему встречу на сегодняшней вечер — с тобой и со мной. Я сказал ему, что ты ничего не будешь для него делать, пока не встретишься с ним, и он пообещал прийти сегодня вечером. Конечно, я приглашу и полицию. Я больше не могу его покрывать. Я могу избавить его от наказания — объявить его душевнобольным и поместить в лечебницу. Но это все, что я могу для него сделать и хочу сделать.

— Полиции ты уже сообщил?

— Нет. Он позвонил как раз после того, как они

ушли. В любом случае сначала я хотел встретиться с тобой. Я хотел сказать, что не забыл, чем я тебе обязан и что...

— А, пустяки, — сказал я.

— Ничего не пустяки. — Он обратился к Норе: — Вряд ли вы знаете, как однажды он спас мне жизнь в воронке от бомбы...

— Это чушь, — сказал я Норе. — Он стрелял в одного человека, но промазал, тогда выстрелил я и не промазал, вот и вся история. — Я снова обратился к Маколей: — Но почему бы полиции не подождать? Может, мы все-таки сегодня вечером встретимся с Уинантом и выслушаем, что он скажет. Если мы убедимся в том, что он убийца, мы насядем на него вдвоем и вызовем полицию.

— Ты все еще сомневаешься, да? — Маколей устало улыбнулся. — Ну, я согласен, сделаем как тебе угодно, хотя... Может, ты передумаешь, когда я расскажу тебе о нашем телефонном разговоре.

Дороти в ночной рубашке и халате Норы, слишком длинных ей, зевая, вошла в комнату.

— Ой! — воскликнула она при виде Маколей, но, узнав его, сказала: — Ой, здравствуйте, мистер Маколей. Я не знала, что вы здесь. У вас есть новости о моем отце?

Маколей посмотрел на меня. Я мотнул головой.

— Пока нет, — ответил Маколей, — но, возможно, сегодня мы что-нибудь услышим.

— У Дороти есть какие-то косвенные сведения, — пояснил я. — Расскажи, Дороти...

— То есть... то есть в связи с моим отцом? — неуверенно спросила она, глядя в пол.

— Боже правый, да конечно, — заметил я.

Дороти вспыхнула и бросила на меня укоризненный взгляд, потом прошептала:

— Джил вчера встретился с отцом, и отец сказал ему, кто убил миссис Вулф.

— Что?!

Дороти серьезно кивнула четыре или пять раз.

Маколей ошеломленно уставился на меня.

— Это необязательно так и было, — напомнил я ему. — Это так по словам Джила.

— Понимаю. Так ты полагаешь, что юноша может...

— С тех пор, как разверзся весь этот ад, ты, ка-

жется, не слишком много беседовал с их семей-
кой, а? — спросил я.

— Нет.

— Это сильное переживание. По-моему, все они
сексманьяки, и это ударило им в голову. Они начи-
нают...

— По-моему, ты отвратителен, — рассердилась До-
роти. — Я сделала все, что только...

— На что ты намекаешь? — отрезал я. — На сей
раз тебе еще везет: я согласен поверить, что Джил го-
ворил тебе это. Не жди от меня слишком многого.

— И кто же убил? — спросил Маколей.

— Я не знаю. Этого Джил не сказал.

— Ваш брат часто встречается с отцом?

— Не знаю. Он сказал, что встретился с ним.

— А он говорил что-нибудь... ну... об этом Нун-
хайме?

— Нет. Ник уже спрашивал меня. Больше Джил
ничего мне не сказал.

Я поймал взгляд Норы и подал ей знак. Нора вста-
ла и сказала:

— Дороти, пошли в другую комнату, пусть наши
молодые люди делают все, что им заблагорассудится.

Дороти не слишком охотно, но все-таки пошла с
Норой в другую комнату.

— Она стала такой хорошенькой, приятно посмо-
треть. — Маколей откашлялся. — Надеюсь, твоя жена
не станет...

— Что ты. Нора женщина разумная. Ты остановил-
ся на своем разговоре с Уинантом.

— Он позвонил сразу после ухода полиции и ска-
зал, что видел в «Таймсе» объявление и хочет знать,
что мне нужно. Я сказал, что ты не горишь желанием
ввязываться в его заботы и сказал мне, что пальцем
не пошевелишь, прежде чем не обсудишь это дело с
ним, и мы назначили встречу на сегодняшний вечер.
После этого он спросил, видел ли я Мими, и я сказал,
что видел, раз или два после ее возвращения из Евро-
пы, видел и ее дочь. И тогда он сказал мне так: «Если
моя жена будет просить денег, дай ей любую сумму в
пределах разумного».

— Черт побери, — сказал я.

Маколей кивнул:

— Я почувствовал примерно то же. Я спросил
Уинанта, зачем, и он ответил, что утренние газеты убе-

дили его в том, что
термана, а не его сою
полагать, что Мими
желательно. Тогда я
этим, и сказал Уина
ножик полиции. И у
— Отказываюсь
— Он кашляну
виду, — и потом с
в виду ту цепочку
отремонтировать?»
— И что ты ему
— Это меня до
ветом, он сказал:
обсудить это на с
где и когда мы во
потому что не зна
звонить мне домо
пился, хотя до э
точно, ему стало
и он положил тр
маешь о его неви
— Думаю ме
тил я. — Ты уве
Маколей пож
— Ты знаеш
— В таком
цию раньше, че
сможем переда
со своим расс
тебя, то уж не
Уинант увильн
— Я знаю,
бремени.
— Несколь
я. — А вы не
в «Плазу»?
— Нет, я
ришь, что н
— Подожд
тебе не позв
шать, звать
— Ты не
— Я не
встречу с т

дили его в том, что Мими — предмет насмешек Кельтермана, а не его союзница, и что у него есть основания полагать, что Мими настроена к нему, Уинанту, доброжелательно. Тогда я начал понимать, что стоит за всем этим, и сказал Уинанту: Мими уже передала цепочку и ножик полиции. И угадай, что он на это сказал?

— Отказываюсь.

— Он кашлянул, позаикался — недолго, имей в виду, — и потом сверхспокойно спросил: «Ты имеешь в виду ту цепочку и ножик, которые я отдал Джулии отремонтировать?»

— И что ты ему ответил? — улыбнулся я.

— Это меня добило. Прежде чем я нашелся с ответом, он сказал: «Мы ведь можем более основательно обсудить это на сегодняшней встрече». Я спросил его, где и когда мы встретимся, — он обещал перезвонить, потому что не знал еще, где он будет. Собирался позвонить мне домой в десять вечера. Он вдруг заторопился, хотя до этого, казалось, времени у него достаточно, ему стало некогда отвечать на мои вопросы, и он положил трубку. А я позвонил тебе. Что ты думаешь о его невинности теперь?

— Думаю меньше, чем раньше, — медленно ответил я. — Ты уверен, что он позвонит сегодня в десять?

Маколей пожал плечами:

— Ты знаешь об этом столько же, сколько и я.

— В таком случае я не стал бы беспокоить полицию раньше, чем мы не схватим нашего дикаря и не сможем передать им. Ты вряд ли понравишься полиции со своим рассказом, и если они тут же не загребут тебя, то уж неприятностей потом не оберешься, ежели Уинант увильнет от нас сегодня вечером.

— Я знаю, но мне хотелось бы избавиться от этого бремени.

— Несколько часов ничего не решают, — сказал я. — А вы не заговаривали о том, почему он не пришел в «Плазу»?

— Нет, я не успел спросить. Ладно, раз ты говоришь, что надо подождать, я подожду, только...

— Подождем по крайней мере до вечера, пока он тебе не позвонит — если позвонит, тогда и будем решать, звать полицию или нет.

— Ты не веришь, что он позвонит?

— Я не уверен. В последний раз он не пришел на встречу с тобой, и вообще он стал чураться тебя после

того, как узнал, что Мими передала цепочку и ножик полиции. Это не прибавляет мне оптимизма. Но посмотрим. Я бы заглянул к тебе около девяти, можно?

— Приходи на обед.

— На обед не смогу, но приду сразу, как только освобожусь, на случай, если он появится до срока. Нам надо действовать быстро. Где ты живешь?

Маколей дал мне свой адрес в Скарсдейле и встал.

— Пожалуйста, передай миссис Чарльз мой привет и благодарность. Ах да, я надеюсь, ты правильно понял меня вчера, когда зашла речь о Гаррисоне Куинне. Я имел в виду только одно: мне не везло на бирже, когда я пользовался его советами. Я вовсе не хотел сказать ничего такого, ну, ты понимаешь, что он не помогал другим своим клиентам делать деньги.

— Понимаю, — ответил я и позвал Нору.

Нора и Маколей пожали друг другу руки и обменялись вежливыми фразами, Маколей немного поиграл с Астой, потом сказал: «Приходи, как только сможешь» — и ушел.

— Наш хоккей накрылся, если ты не найдешь вместо меня кого-нибудь другого.

— Я что-то пропустила?

— Не много. — Я рассказал ей то, что услышал от Маколея. — И не спрашивай у меня, что я об этом думаю. Я не знаю. Я знаю, что Уинант ненормальный, но он не ведет себя как ненормальный и не ведет себя как убийца. Он ведет себя как человек, играющий в какую-то игру. Один Бог знает, что это за игра.

— Я думаю, что он пытается кого-то выгородить.

— Почему ты не думаешь, что убил он?

— Потому что ты так не думаешь, — Нора была удивлена.

Я сказал, что это убедительная причина, но тогда кто же?

— Не знаю. Нечего меня дразнить: я много думала над этим. Это не Маколей, потому что его Уинант использует, чтобы прикрыть кого-то, кто бы он ни был...

— И это не я, — подал я ей совет, — потому что меня Уинант хочет использовать.

— Молодец, молодец, — похвалила Нора, — и тебе будет стыдно — сейчас ты насмехаешься надо мной, а потом я раньше тебя угадаю, кто это. Это и не Мими с Йоргенсеном, потому что Уинант пытался навести на них подозрение. И не Нунхайм, потому что он, очевид-

но, был убит тем самым
его не надо было бы
Она соорудила гримас
нялся толстяком Спа
щиной.

— А что же Доро
— Я как раз хо
Уинант пылает к ним

— Нет.
— Тогда ты про
— сказала Нора
они могут быть вин
личное и опереться
ром пойти спать, я с

— Нет лучшего
много логики. Это

— Не задирайся
же была чем угодно

— Неплохо при
ее. — У тебя новое
— А, увиливае

Сразу после об
и принялся обраб
друг другу руки.

— Я без адв
прийти самому.

Он наморщил
дел его.

— Тут дело

— Дело уж с

Он вздохнул:

— В жизни

же ошибку, как

ку мы всего ли

чить дело со все

— Звучит з

нать?

— Все, что

и Нунхайма.

— Поинтер

Гилд сдела

— Почему

но, был убит тем самым человеком, к тому же теперь его не надо было бы прикрывать. Это и не Морелли. — Она состроила гримасу. — Я бы хотела, чтобы ты занялся толстяком Спарроу и той высокой рыжей женщиной.

— А что же Дороти и Джилберт?

— Я как раз хотела спросить тебя. Ты думаешь, Уинант пылает к ним отцовскими чувствами?

— Нет.

— Тогда ты просто хочешь вывести меня из себя, — сказала Нора. — Зная их, трудно поверить, что они могут быть виновными, но я пыталась забыть все личное и опереться на логику. Прежде чем вчера вечером пойти спать, я составила список всех...

— Нет лучшего средства от бессонницы, чем немножко логики. Это так же хорошо, как...

— Не задирайся. До сих пор твоя деятельность тоже была чем угодно, кроме попадания в цель.

— Неплохо придумано, — сказал я и поцеловал ее. — У тебя новое платье?

— А, увливаешь от разговора, трус ты эдакий!

27

Сразу после обеда я отправился в участок к Гилду и принялся обрабагивать его, как только мы пожали друг другу руки.

— Я без адвоката. Я подумал, будет правильнее прийти самому.

Он наморщил лоб и покачал головой, словно я обидел его.

— Тут дело такого рода... — начал он терпеливо.

— Дело уж слишком такого рода.

Он вздохнул:

— В жизни бы не подумал, что вы сделаете такую же ошибку, как и многие другие, полагая, что поскольку мы всего лишь... Вы ведь знаете, мы должны изучить дело со всех сторон, мистер Чарльз.

— Звучит знакомо. Ну и что же вы хотите узнать?

— Все, что я хочу знать, это — кто убил Вулф... и Нунхайма.

— Поинтересуйтесь у Джилберта, — посоветовал я. Гилд сделал губы трубочкой:

— Почему именно у него?

— Он сказал своей сестре, что знает, кто это сделал, и что он слышал это от Уинанта.

— Выходит, он встречался со своим стариком?

— Девушка утверждает, что так сказал брат. У меня же не было случая спросить его об этом.

Полицейский искоса посмотрел на меня своими водянистыми глазами:

— Что у вас там за странная компания, мистер Чарльз?

— Йоргенсены? Вы знаете об этом столько же, сколько и я.

— Я не знаю, и это факт. Я никак не могу расставить их по местам. К примеру, эта миссис Йоргенсен, что она такое на самом деле?

— Блондинка.

— Гм, это все, что я знаю, — Гилд мрачно кивнул. — Но, видите ли, вы знаете их уже давно, и эта женщина говорит, что вы с ней...

— И что с ее дочерью, — сказал я, — и с Джулией Вулф, и с миссис Астор*. Я буквально дьявол-соблазнитель.

— Я не говорю, что поверил каждому ее слову, — поднял руку Гилд, — и нет причин обижаться. Не сердитесь, но вы заняли неверную позицию. Вы ведете себя так, словно считаете — мы объявили охоту на вас, но это чистейшая ложь, абсолютная ложь.

— Возможно, но вы столько крутили, начиная с нашей последней...

Он посмотрел на меня водянистыми глазами и спокойно сказал:

— Я полицейский и должен делать свое дело.

— Разумные слова. Вы велели мне зайти. Что вам угодно?

— Я не велел, я просил.

— Ладно. Что вам угодно?

— Только не такого отношения. Ни в коем случае. До сих пор мы говорили с вами как мужчина с женщиной — хотелось бы, чтобы так же шло и дальше.

— Но вы переменились.

— Это не так, факт. Послушайте, мистер Чарльз, можете ли вы присягнуть или так же искренне сказать, что вы с самого начала рассказывали мне абсолютно все?

* Миссис Астор — первая женщина — депутат парламента в Англии. Известная общественная деятельница.

Не было смысла говорить «да» — он бы не поверил. Я ответил:

— Практически да.

— Практически да, — проворчал он. — Практически каждый говорил мне полную правду. Хочется найти какого-нибудь непрактичного человечка, который сразу выложил б все карты на стол.

Я посочувствовал ему, понимая его состояние.

— Из тех, кого вы нашли, может быть, всей правды не знает никто.

— Весьма правдоподобно, не так ли? — Он скорчил неприятную гримасу. — Послушайте, мистер Чарльз, я переговорил со всеми, кого только нашел. Если вы найдете еще кого-нибудь, я поговорю и с ним. Вы имеете в виду Уинанта? Вы полагаете, наш участок не пахнет дни и ночи, чтобы найти его, хоть кровь из носу?

— Есть еще его сын, — напомнил я.

— Есть еще сын, — согласился он и позвал Энди и смуглого кривоногого мужчину, которого звали Клайн. — Приведите мне этого Уинантова отпрыска, этого крошку, я хочу с ним поговорить. — Они ушли. — Видите, я хочу говорить с людьми.

— На сегодня ваши нервы порядком расшатаны, а? Вы привезете Йоргенсена из Бостона?

— По-моему, его рассказ похож на правду. — Он пожал своими широкими плечами. — Не знаю. Вы не хотите мне сказать, что вы думаете о деле?

— Еще бы.

— Сегодня у меня нервы на пределе, это факт. Вчера ночью глаз не мог сомкнуть. Жизнь собачья. Не знаю, почему бы мне не развязаться со всем этим. Купить участок, немного садовой сетки, несколько песцов и... Ну, когда вы в тот раз, в 25-м году, нагнали на Йоргенсена страху, он удрал, как он говорит, в Германию, бросив свою жену — хотя об этом он не очень-то распространяется, — и сменил имя, чтобы вам было трудней разыскать его, по той же причине он боится работать по своей специальности — выдает себя за техника или что-то в этом роде, так что денег у него кот наплакал. Говорит, что работал там и сям, где придется, но по большей части, насколько я уяснил, подвизался в роли альфонса, если вы понимаете, что я имею в виду, хотя денежных дамочек у него было не густо. Ну, где-то в двадцать седьмом или двадцать восьмом году в Милане — это город в Италии — он чи-

тает в парижском «Геральде», что Мими, которая раз-
велась с Клайдом Уинантом, приехала в Париж. В лицо
они друг друга не знают, но Йоргенсену известно,
она — ослепительная блондинка, обожает мужчин, ве-
селую жизнь и мозги у нее набекрень. Йоргенсен пони-
мает, что после развода в руки жены Уинанта переко-
чевала солидная сумма, и он прикидывает, как бы по-
лучить часть из них, это все равно будет меньше, чем
выманил у него Уинант — он взял бы только то, что
ему принадлежит. И вот он наскреб деньги на билет в
Париж и едет туда. Пока сходится?

— Сходится.

— И я так думал. Ладно, в Париже ему не состав-
ляет особого труда познакомиться с мадам — он или
примазался к ней, или попросил кого-то представить
себя, или как там в точности было — и вот все уже на
мази. Судя по словам Йоргенсена, дамочка тут же им
увлеклась и уже забежала вперед — думает о женить-
бе. Конечно, он не упирается. Мадам вместо процентов
на жительство получила от Уинанта изрядную пачечку на-
личными — двести тысяч, боже ты мой! — значит,
выйдя замуж вторично, она не лишается денег, а Йор-
генсен получает доступ прямо к ящику с деньгами. Они
женятся. По словам Йоргенсена, венчание состоялось
где-то в горах между Францией и Испанией, обвенчал
их испанский пастор на территории Франции, дело вро-
де бы незаконное, но так он говорит, возможно, для
того, чтобы избежать обвинения в двоеженстве. Мне
лично от этого ни жарко, ни холодно. Главное — на
добро этой женщины он наложил лапу и держал ее
там до тех пор, пока добро не иссякло. И все это время
женщина, видите ли, даже не подозревала, что человек,
которого она встретила в Париже, вовсе не Кристиан
Йоргенсен, не знала до того дня, пока мы не задержа-
ли Йоргенсена в Бостоне. Все еще сходится?

— Сходится, не считая, как вы сами сказали, исто-
рии венчания, но даже она может быть верной.

— Гм, да какая там разница! Так вот, наступает
зима, куча денег подсыхает, и Йоргенсен намеревается
удрать с остатком, но тут Мими говорит, что они, по-
жалуй, могли бы вернуться в Америку — попытаться
подоить Уинанта. Йоргенсен считает, что дело стоящее,
если выгорит, мадам считает, что выгорит, они садятся
на корабль и...

— Вот тут получается зазор, — заметил я.

— Почему вы та-
мерен ехать в Босто
первая жена, пытае
мых, особенно Уина
стует закон, по ко
еся. Итак, он дум
же они не собираю
— И все же э
настаивал я, — н
— Ну, на дру
все еще пытаются
На улице он стал
ны — Ольгой Фен
тается запудрить
первой жене, и
у этого парня от
Фентон ему не
пастырю, выкла
быть; пастор со
что подруга и д
генсена, она го
в Бостон, чтобы
его там подбир
— А посещ
— Тоже сх
сколько минут
оставалось ни
к тому же ем
жене, пока не
крыты, вот он
— Вы вид
— Могу у
спрашиваете
— Прост
думали, что
рую Мими в
Гилд вы
Потом подо
— Это в
— Нет,
об этих уб
— Уин
но та, по
что Мими
против У

— Почему вы так думаете? Ведь Йоргенсен не намерен ехать в Бостон, где, по его сведениям, живет его первая жена, пытается избегать своих немногих знакомых, особенно Уинанта, и кто-то сказал ему, что существует закон, по которому через семь лет вина погашается. Итак, он думает, что бояться ему нечего. К тому же они не собираются здесь задерживаться.

— И все же эта часть истории мне не по душе, — настаивал я, — но вы продолжайте.

— Ну, на другой день после прибытия — когда они все еще пытаются найти Уинанта — ему вдруг не везет. На улице он сталкивается с подругой своей первой жены — Ольгой Фентон, которая узнает его. Йоргенсен пытается запудрить ей мозги, чтобы та не донесла его первой жене, и сочиняет какую-то киноисторию — у этого парня отменная фантазия! — но долго дурачить Фентон ему не удастся, та идет к своему духовному пастырю, выкладывает ему все и спрашивает, как ей быть; пастор советует ей рассказать все первой жене, что подруга и делает, и в следующий раз, встретив Йоргенсена, она говорит ему, что она сделала, тот несется в Бостон, чтобы жена не устроила неприятность, а мы его там подбираем.

— А посещение ломбарда?

— Тоже сходится. Йоргенсен говорит, что через несколько минут отходил поезд на Бостон, а у него не оставалось ни денег, ни времени идти за ними домой — к тому же ему не хотелось попадаться на глаза второй жене, пока не успокоит первую, — но банки были закрыты, вот он и заложил свои часы.

— Вы видели эти часы?

— Могу увидеть, если захочу. Почему вы об этом спрашиваете?

— Просто пришла в голову одна мысль. Вы не подумали, что они могли болтаться на той цепочке, которую Мими вручила вам?

Гилд выпрямился на стуле с воплем: «Господи!» Потом подозрительно скосился на меня и спросил:

— Это вам известно, или вы...

— Нет, просто так подумалось. Что же он думает об этих убийствах? Кто их совершил?

— Уинант. Говорит, что вначале подозревал Мими, но та, по его словам, переубедила его. Он утверждает, что Мими не открывает ему, какой козырь у нее есть против Уинанта. Может, он таким образом просто хо-

чет выйти чистеньким. Но в чем нет никаких сомнений, это в том, что оба собирались использовать улику, чтобы заставить Уинанта раскошелиться.

— Значит, вы не думаете, что Мими сама подбросила цепочку и ножик на место убийства?

Углы рта полицейского поехали вниз:

— Могла и подложить, чтобы вытянуть из Уинанта деньги. Ну и что с того?

— На мой взгляд, это осложняет дело, — сказал я. — Вам известно, что Фейс Пеплер все еще сидит в Огайо?

— Угу. Выйдет на той неделе. Это объясняет и ситуацию с бриллиантовым кольцом. Пеплер послал Вулф кольцо с приятелем, который находится на свободе. Похоже, как только он выйдет, они собирались пожениться и начать нормальную жизнь или что-нибудь в этом роде. Во всяком случае, начальник тюрьмы говорит, что в письмах, которыми они обмениваются, такие разговоры были. Пеплер сказал начальнику тюрьмы, что не представляет, чем мог бы помочь нам, и начальник тюрьмы тоже не помнит, что в их переписке могло бы продвинуть нас вперед. Конечно, и от этой малости есть польза — я имею в виду мотив. Скажем, Уинант ревнив, а Вулф носит кольцо другого человека и хочет уйти к нему. Ведь это... — Он прервался, чтобы ответить по телефону. — Да, — сказал он в трубку. — Да... Что? Конечно... Разумеется... но оставьте там кого-нибудь... Прекрасно. — Он отодвинул телефон. — Еще один ложный след того вчерашнего убийства на Западной Двадцать девятой улице.

— А-а, — протянул я. — А то мне слышалось имя Уинанта. Вы же знаете, как четко звучат по телефону некоторые голоса.

Гилд, покраснев, откашлялся:

— Что-то, наверное, могло прозвучать и так. Гм, вполне могло. Да, чуть не забыл: мы выяснили про Спарроу, как вы посоветовали.

— И что же вышло?

— Похоже, нам ничего не обломится. Его зовут Джим Борфи. Он, выходит, нацелился на девчонку этого Нунхайма, та была сердита на вас, а он решил, что подберется к ней поближе, если подколется вас.

— Мысль интересная, — заметил я. — Надеюсь, вы не доставили хлопот Стадзи.

— Вашему пр
индивидист, список
— Да уж. Ка
Я потянулся за

у вас дела...
— Не уходит

сидите еще. С
можно, интерес

помочь мне с о
Я снова сел.

— Хотите
открыв ящик с

ской выпивкой,
Снова заво

— Да... Да
но. Ну так вв

единого слова.
Он вместе

ноги на стол.
— Послуш

цов и хочу с
ния подходящ

Я прикид
в южной час

усов, но тут
Джилберта

плыл, а в дь
— Когда

вводят, а? —
— Обожа

чем вы дум
Флинт, док

— Это
тыльной с

ное слово.
мой, как с

— Вы
окружном
дать мед

все четко
— Я
возразил

— Вашему приятелю? Знаете, ведь он последний рецидивист, список преступлений длиннее вашей руки.

— Да уж. Как-то раз мне удалось упечь его. — Я потянулся за пальто и шляпой. — Пойду побегаю, у вас дела...

— Не уходите, — сказал он. — Если есть время, посидите еще. С минуты на минуту будут новости, возможно, интересные для вас, а вы, может быть, сумеете помочь мне с отпрыском Уинанта.

Я снова сел.

— Хотите прополоскать горло? — предложил он, открыв ящик стола, но мне вечно не везет с полицейской выпивкой, поэтому я вежливо отказался.

Снова зазвонил телефон.

— Да... Да... — сказал Гилд в трубку. — Это можно. Ну так введите. — На этот раз я не разобрал ни единого слова.

Он вместе со стулом отклонился назад и закинул ноги на стол.

— Послушайте, я не шучу насчет выращивания песцов и хочу спросить вас, как вы думаете — Калифорния подходящее место для этого?

Я прикидывал — не рассказать ли ему о том, что в южной части этого штата выращивают львов и страусов, но тут дверь открылась, и рыжий толстяк ввел Джилберта Уинанта. Один глаз у него полностью заплыл, а в дыру в брюках выглядывало левое колено.

28

— Когда вы говорите «введите», его в самом деле вводят, а? — спросил я Гилда.

— Обождите, — сказал он мне. — Дело серьезнее, чем вы думаете. — Он обратился к рыжему: — Давай, Флинт, докладывай.

— Этот юный джентльмен, — Флинт вытер рот тыльной стороной руки, — настоящий дикий кот, честное слово. Он не выглядит таким жилистым, но Бог ты мой, как он упирался, скажу я вам. А ноги!

— Вы герой, — пробормотал Гилд, — и я доложу окружному начальнику, что вам надо немедленно выдать медаль, но пока не будем об этом. Выкладывайте все четко.

— Я и не говорил, что я сделал что-то особенное, — возразил Флинт. — Я просто...

— Мне ни жарко, ни холодно от того, что вы сделали, — сказал Гилд. — Я хочу знать, что сделал он.
— Да, сэр, это я и хотел вам сказать. Сегодня утром в восемь часов я сменил Моргана, все шло тихо-мирно, как обычно, ни шороха ни скрипа, как говорится, но в две минуты одиннадцатого — что я слышу! — в замочную скважину всовывают ключ. — Он обсосал губу и дал нам время выразить свое удивление.

— Квартира Вулф, — объяснил мне Гилд. — У меня было такое предчувствие.

— И до чего точное! — воскликнул Флинт, едва не утратив дара речи от изумления. — Бог ты мой, какое предчувствие! — Гилд послал ему разъяренный взгляд, и тот поспешно продолжил: — Да, сэр, ключ, а потом открывается дверь, и входит этот юный джентльмен. — Он гордо, почти сердечно уставился на Джилберта. — Похоже было, что у парня полные штаны, а когда я хотел его схватить, он пулей вылетел из комнаты, и я догнал его только на втором этаже, и тогда он, тысяча чертей, начал драться, и мне пришлось съездить ему, чтобы сбить тонус. С виду и не скажешь, что такой жилистый, но...

— Что он делал в квартире? — спросил Гилд.

— Я не дал ему никакой возможности что-либо там сделать. Я...

— Выходит, вы схватили его за шиворот, не дожидаясь, что он?.. — У Гилда вздулась шея над воротником, а лицо его сделалось того же цвета, что волосы Флинта.

— Я думал, что лучше не рисковать.

Гилд повернул свои удивленные, яростные глаза ко мне. Я поднапрягся, чтобы не перемениться в лице. Задыхаясь, он бросил:

— Пока хватит, Флинт. Подождите за дверью.

— Да, сэр! — Рыжий, казалось, обалдел. — Вот ключ. — Он опустил ключ на стол Гилда и пошел к двери. Там он оглянулся, чтобы добавить: — Говорит, что он сын Клайда Уинанта. — И залился смехом.

Гилд, который никак не мог обрести прежний голос, выдавил:

— Ах даже так?

— Да. Где-то я видел его. Не из шайки ли он Биг Шорти Доулена? Кажется, я видел его...

— Скройте с моих глаз! — прорычал Гилд, и Флинт вышел из комнаты. Гилд вздохнул всем своим

крупным телом. —
вы. Банда Биг Шорти
во покачал головой
сынок?

— Я знаю, что не
— Неплохое нача
лицо стало приним
ошибаемся. Возьми
тебе выбраться из
ложить к глазу?

— Спасибо, я
стул на два-три дю
— Значит, это
здорово живешь?

— Нет, нет, эт
— Еще бы, —

арестованным? Ка
Джилберт здо

— Твои дела
того захочет лей

облегчишь себе
— Это факт,
удобнее и друж
ключ?

— Отец при
достал из карм
Гилду.

Я подошел
посмотрел на
машинке: «Ми
ки не было.

— Когда т
— Оно б

ром пришел
давно ли он
выходили, е

В конвер
комой нам
прочли:

«Дорого
Все эти

так хотела
ние, чтобы
тельная н
преки же

крупным телом. — Этот болван издергает мне все нервы. Банда Биг Шорти Доулена! Боже! — Он безнадежно покачал головой и обратился к Джилберту: — Ну, сынок?

— Я знаю, что не должен был этого делать.

— Неплохое начало, — мягко произнес Гилд. Его лицо стало принимать нормальный облик. — Все мы ошибаемся. Возьми себе стул, и посмотрим, как помочь тебе выбраться из этой каши. Может, что-нибудь приложить к глазу?

— Спасибо, я переживу. — Джилберт пододвинул стул на два-три дюйма поближе к Гилду и сел.

— Значит, этот кретин побил тебя просто так, за здорово живешь?

— Нет, нет, это я виноват. Я сопротивлялся.

— Еще бы, — сказал Гилд, — кто же хочет быть арестованным? Какая же у тебя забота?

Джилберт здоровым глазом посмотрел на меня.

— Твои дела пойдут так хорошо или так плохо, как того захочет лейтенант Гилд, — сказал я ему. — Ты облегчишь себе жизнь, если поможешь ему.

— Это факт, — серьезно кивнул Гилд, уселся поудобнее и дружеским тоном спросил: — Откуда у тебя ключ?

— Отец прислал мне его в этом письме. — Парень достал из кармана маленький конверт и протянул Гилду.

Я подошел к Гилду со спины и через его плечо посмотрел на конверт. Адрес был отстукан на пишущей машинке: «Мистер Джилберт Уинант, Кортленд», марки не было.

— Когда ты его получил? — спросил я.

— Оно было внизу, у вахтера, когда я вчера вечером пришел домой, около десяти часов. Я не спросил, давно ли оно там лежит, но, кажется, когда мы с вами выходили, его еще не было, иначе его отдали бы мне.

В конверте было два листка бумаги, покрытых знакомой нам неумелой машинописью. Гилд и я вместе прочли:

«Дорогой Джилберт!

Все эти годы я не связывался с тобой, потому что так хотела твоя мать, и сейчас я прерываю это молчание, чтобы попросить тебя о помощи — только настоящая необходимость заставляет меня поступить вопреки желанию твоей матери. К тому же ты теперь

взрослый, и я чувствую — ты сам должен решить, останемся ли мы чужими друг другу и впредь или будем поступать в соответствии с нашим родством. Ты, наверное, знаешь, что в связи с убийством Джулии Вулф я оказался в пренеприятном положении, и я думаю, в тебе осталось достаточно дружеских чувств ко мне, чтобы по крайней мере надеяться на то, что я никак не причастен к этому делу, как оно и есть на самом деле. И вот я обращаюсь к тебе, чтобы ты помог мне раз и навсегда доказать мою невиновность полиции и всему миру, и я думаю, что если бы я не мог надеяться на твою доброжелательность, то тем не менее мог бы рассчитывать на твое естественное желание сделать все, что в твоих силах, чтобы сохранить незапятнанным твое имя и имя твоей сестры, которое в то же время является именем твоего отца. Обращаюсь к тебе еще и потому, что, хотя у меня сильный адвокат, который верит в мою невиновность и сделает все, что сможет, чтобы доказать это, и у меня есть надежда заполучить ему в помощь мистера Ника Чарльза, я не могу просить никого из них попытаться сделать то, что явно незаконно, и я не знаю никого, кроме тебя, кому я решился бы довериться. Я прошу тебя сделать следующее: завтра утром пойди в квартиру Джулии Вулф на Восточной 54 улице в доме № 411, куда ты попадешь с помощью ключа, приложенного к письму, и в книге под названием «Возвышенный стиль» ты найдешь документ или заявление, которое ты должен прочесть и сразу же уничтожить. Позаботься о том, чтобы оно было тщательно уничтожено, так чтобы не осталось даже пепла, и, когда ты прочтешь это заявление, ты узнаешь, зачем нужно это сделать, и поймешь, почему я доверил выполнение этой задачи тебе. Если возникнут непредвиденные обстоятельства, которые заставят нас изменить наши планы, я позвоню тебе сегодня поздно вечером. Если я не позвоню сегодня, то сделаю это завтра вечером, чтобы услышать, выполнил ли ты мои поручения, и чтобы договориться о нашей встрече. Я твердо верю, что ты выполнишь это в высшей степени ответственное задание, которое я возлагаю на твои плечи, и что мне не придется в тебе разочароваться.

Твой любящий отец».

Под «любящим отцом» чернилами была выведена размашистая подпись Уинанта.

Гилд подождет он. Через
берта: — И он позво
— Нет, сэр.
— Откуда ты
дупредил, чтобы
— Д-да, пре
кто звонит, если
были у нас, но
ние, но не остави
— Выходит,
— Нет.
— И он не
— Нет.
— Значит, т
— Я был...
Я был... кажется
Теперь он подн
маете, раньше
я почти обо во
вы же знаете!
хотела что-то
товал, но когд
лось. Она уже
ше... то есть,
бы дурой, есл
разумеется, н
ся, ревновал
вами... но мн
становить сво
бы, что я ва
я сделал вид
зал, кто сове
что я знаю к
остановился,
платком.
Я опять
— Ну, с
сделал, есл
то, что нам
— Нет,
скрываю.
— Ты н
твоя мать

Гилд подождал, что я на это скажу. Я ждал, что скажет он. Через некоторое время он спросил Джилберта:

— И он позвонил?

— Нет, сэр.

— Откуда ты знаешь? — спросил я. — Ты же предупредил, чтобы вас ни с кем не соединяли.

— Д-да, предупредил. Я боялся, что вы узнаете, кто звонит, если бы он позвонил в то время, пока вы были у нас, но он же мог оставить для меня сообщение, но не оставил.

— Выходит, ты не виделся с ним?

— Нет.

— И он не говорил тебе, кто убил Джулию Вулф?

— Нет.

— Значит, ты соврал Дороти?

— Я был... — он повесил голову и кивнул. —

Я был... кажется, это действительно была ревность. — Теперь он поднял глаза на меня и зарделся. — Понимаете, раньше Дороти любовалась мной и считала, что я почти обо всем знаю больше любого другого — ну вы же знаете! — и она всегда приходила ко мне, когда хотела что-то узнать, и всегда делала так, как я советовал, но когда она встретила вас, все изменилось. Она уже любовалась вами и уважала вас больше... то есть, конечно, это было естественно, она была бы душой, если бы не делала этого... потому что меня, разумеется, нельзя сравнивать с вами, но я... я, кажется, ревновал и сердился, потому что и я любовался вами... но мне хотелось сделать что-нибудь, чтобы восстановить свое влияние на нее — вы, наверное, сказали бы, что я важничал, — и когда я получил это письмо, я сделал вид, будто связывался с отцом и он мне сказал, кто совершил эти убийства, и Дорри решила, что я знаю кое-что, чего не знаете даже вы. — Он остановился, чтобы перевести дух, и вытер лицо платком.

Я опять решил, пусть Гилд говорит первым.

— Ну, сынок, никакого особого зла ты же еще не сделал, если не делаешь зла тем, что скрываешь от нас то, что нам следует знать.

— Нет, сэр, — он покачал головой, — я ничего не скрываю.

— Ты ничего не знаешь о ноже и цепочке, которые твоя мать отдала нам?

— Нет, сэр, я ничего не знал о них до тех пор, пока она не отдала их вам.

— Как она себя чувствует? — спросил я.

— Кажется, нормально, хотя сказала, что сегодня полежит.

Гилд прищурился.

— А что с ней такое?

— Истерия, — ответил я ему. — Вчера они с дочерью поссорились, и она вышла из себя.

— Поссорились из-за чего?

— Одному Богу известно, что женщине в голову ударит.

— Гм-м, — Гилд почесал подбородок. — Флинт действительно не дал тебе возможности найти этот документ?

— Да, сэр. Я не успел даже закрыть дверь, как он бросился на меня.

— Бесподобные детективы работают под моим началом, — проворчал Гилд. — А он не кричал «ура», когда набросился на тебя? Ладно. Ну, сынок, я могу сделать одно из двух, а что — будет зависеть от тебя. Я могу на какое-то время задержать тебя или отпустить, если ты пообещаешь, что дашь мне знать, как только отец снова свяжется с тобой, и что он тебе скажет, и где он захочет с тобой встретиться, если вообще захочет.

Прежде чем Гилд продолжил, я сказал:

— Этого вы не можете от него требовать, — сказал я, прежде чем Гилд закончил. — Речь идет о его отце.

— Не могу, да? — Гилд покосился на меня. — А разве это не в интересах его отца, если он невиновен? Я промолчал.

Лицо Гилда постепенно прояснялось.

— Так и быть, сынок, мы освободим тебя под честное слово. Ты обещаешь, что если твой отец или кто-нибудь еще попросит тебя о чем-то, то ты скажешь, что не можешь, потому что дал мне слово?

Мальчик посмотрел на меня.

— Это вполне разумное требование, — согласился я.

— Да, сэр, даю вам честное слово, — ответил Джилберт.

— О'кэй, — Гилд сделал рукой широкий жест. — Тогда топай.

Мальчик вста
— Благодарю
— Вы не соб
мне: Подожди
— Нет. Все
— Он вышел
вас. Гилд схватил
скаки «Возвыше
содержимым. С
тылке и качнуло
— Ну?
— Не знаю,
— Послуша
не Уинант?
— Какое
тем, что дала
точно.

— Имеет
очень хочется
— Моя ж
городить.

— Да? Г
туацию, и не
женщина. Кт

— Когда
она еще не р

— Ну, —
которым он

Но доку
Гилда его
«Возвышен

Гилд с
чивать гай
десять, но
ности что
во время
гал. Он
«Возвыш
человека
кожи л
идиотск
— П

Мальчик встал со словами:

— Благодарю вас, сэр. — Потом он обратился ко мне: — Вы не собираетесь?..

— Подожди меня на улице, если ты не спешишь...

— Нет. Всего хорошего, лейтенант, и благодарю вас. — Он вышел.

Гилд схватил телефон, распорядился, чтобы разыскали «Возвышенный стиль» и принесли ему со всем содержимым. Сделав это, он скрестил пальцы на затылке и качнулся на своем стуле назад.

— Ну?

— Не знаю, что и подумать.

— Послушайте, вы все еще полагаете, что убийца не Уинант?

— Какое значение имеет то, что я думаю? С тем, что дала вам Мими, улик против него у вас достаточно.

— Имеет значение, — заверил меня Гилд. — Мне очень хочется знать, что вы думаете и почему.

— Моя жена думает, что он пытается кого-то выгородить.

— Да? Гм-м. Я всегда высоко ценил женскую интуицию, и не сердитесь, но миссис Чарльз очень умная женщина. Кто же этот другой, по ее мнению?

— Когда мы в последний раз говорили на эту тему, она еще не решила.

— Ну, — вздохнул Гилд, — может, документ, за которым он посылал парня, даст нам что-нибудь.

Но документ ничего не дал нам в тот вечер: ребята Гилда его просто не нашли, не сумели найти экземпляр «Возвышенного стиля» в квартире покойной.

Гилд снова пригласил Флинта войти и стал завинчивать гайки. Рыжий так взмок, что похудел фунтов на десять, но стоял на своем: Джилберт не имел возможности что бы то ни было тронуть в квартире, и вообще во время дежурства Флинта там никто ничего не трогал. Он не помнил, видел ли он книгу под названием «Возвышенный стиль», но он не оставлял впечатления человека, который запоминает названия книг. Он из кожи лез, пытаясь быть полезным, предлагал разные идиотские советы, пока Гилд не выкинул его.

— Парень, наверно, ждет меня за дверью, — ска-

зал я, — если вы считаете, что с ним стоит еще раз поговорить...

— А вы думаете, стоит?

— Нет.

— Ну, пусть там и остается. Но Боже, кто-то же взял эту книгу, и я должен...

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему кто-то вообще должен был взять там эту книгу?

— Что вы хотите этим сказать? — Гилд почесал подбородок.

— Он не пришел в день убийства в «Плазу» на встречу с Маколеем, он не совершал самоубийства в Аллентауне, он утверждал, что получил от Джулии Вулф только тысячу долларов, когда мы полагали, что он получил пять, он сказал, что они с Джулией были всего лишь друзьями, когда мы полагаем, что они были любовниками, он слишком много обманывает нас, чтобы мы могли верить его словам.

— Это факт, — произнес Гилд. — Дело было бы яснее, если бы он или сдался, или удрал. Но напускать такого туману и так все запутывать — по-моему, это никуда не годится.

— Вы следите за его лабораторией?

— Не спускаем глаз. Почему вы об этом спрашиваете?

— Не знаю, — искренне сказал я, — не считая того, что он показывает пальцем на многие вещи, которые никуда нас не приводят. Может быть, нам стоит обратить некоторое внимание туда, куда он не показывает пальцем, и лаборатория — одно из таких мест.

Гилд хмыкнул.

— Теперь я оставляю вас наедине с этой блестящей идеей, — сказал я, надевая пальто и шляпу. — Если случится, что я захочу связаться с вами сегодня поздно вечером, где я вас найду?

Он дал мне свой номер телефона, мы пожали друг другу руки, и я ушел.

Джилберт Уинант ждал меня в коридоре. Мы молчали, пока ехали в такси. Потом он спросил:

— Гилд поверил, что я сказал правду, да?

— Еще бы. А это не так?

— Так, но не всегда же тебе верят. Не говорите ничего маме, ладно?

— Раз ты не хочешь — не скажу.
— Спасибо вам. Как вы думаете, у молодого мужчины на Западе больше перспектив, чем на Востоке? Я представил себе, как он трудится на песцовой ферме Гилда, и ответил:

— Сейчас нет. Ты собираешься податься на Запад?
— Не знаю. Хотелось бы чем-нибудь заняться. — Он нервно теребил галстук. — Вы, наверное, сочтете этот вопрос странным: часто ли встречается кровосмешение?

— Бывает. Потому и существует соответственное слово.

Он покраснел.

— Я не подшучиваю над тобой. Это одна из тех вещей, о которых никто ничего не знает. Его невозможно выявить.

После этого два квартала царило молчание. Потом он сказал:

— Мне хотелось бы задать вам еще один странный вопрос: что вы думаете обо мне? — Тут он был еще более неуклюж, чем Элис Куинн.

— С одной стороны, ты молодец, — ответил я, — а с другой — что-то в тебе не то.

— Я еще так молод, — он смотрел в окно.

Мы опять помолчали. Потом он закашлялся, и из уголка рта потекла кровь.

— Тебе и впрямь досталось не на шутку.

Джилберт застенчиво кивнул и приложил к губам платок:

— Силенок мне не хватает.

В Кортленде он не позволил мне помочь ему вылезти из такси — справится, мол, сам, но я поднялся вместе с ним, заподозрив, что иначе он никому не скажет о своем состоянии.

Я позвонил в дверь, прежде чем он успел вытащить ключ, и Мими открыла. Она узрела синяк у Джилберта под глазом.

— Он пострадал, — сказал я Мими, — уложи его в кровать и вызови врача.

— Что случилось?

— Уинант впутал его в историю.

— В какую?

— Не имеет значения, сначала приведем парня в порядок.

— Но Клайд был здесь, — сказала Мими. — Поэтому-то я тебе и позвонила.

— Что?

— Да, был. — Она резко кивнула. — И он спрашивал, где Джил. Он был тут больше часа. Минут десять, как он ушел.

— Хорошо, давай уложим парня в кровать.

Джилберт упрямо настаивал, что ему не нужна помощь, я оставил его с матерью в спальне и пошел к телефону.

— Кто-нибудь звонил? — спросил я у Норы.

— Да, господа Маколей и Гилд желают, чтобы ты им позвонил, а госпожи Йоргенсен и Куинн желают, чтобы ты позвонил им. Детей пока не было.

— Когда звонил Гилд?

— Минут пять назад. Ты согласен поехать в одиночестве? Ларри пригласил меня посмотреть новый спектакль Озгуда Перкинса.

— Иди. Увидимся попозже.

Я позвонил Херберту Маколею.

— Свидание отменяется, — сказал он. — Наш приятель подал знак, но задумал он Бог знает что. Слушай, я пойду в полицию. С меня хватит.

— Теперь, пожалуй, ничего другого не остается. Я уже и сам думал позвонить какому-нибудь полицейскому. Я у Мими. Уинант был здесь пять минут назад. Я чуть было его не встретил.

— Что он там делал?

— Это я и попробую сейчас выяснить.

— Ты точно собираешься звонить в полицию?

— Точнее не бывает.

— Тогда сделай это, а я приеду сам.

— Хорошо. До свидания.

Я позвонил Гилду.

— После вашего ухода появилась небольшая новость, — сказал он. — Вы в таком месте, что я могу говорить свободно?

— Я у миссис Йоргенсен. Мне пришлось доставить парня домой. Ваш рыжий устроил ему какое-то внутреннее кровоотечение.

— Прибью этого болвана, — буркнул Гилд. — Тогда я лучше не буду говорить.

— У меня тоже есть новости. Миссис Йоргенсен говорит, что Уинант пробыл здесь около часу и ушел всего за пару минут до моего прихода.

Мгновение в трубке было тихо, потом Гилд сказал:
— Ничего не предпринимайте. Я сейчас буду.

В гостиную вышла Мими, в этот момент я как раз искал номер телефона Куиннов.

— Ты думаешь, у него что-то серьезное? — спросила она.

— Не знаю, но тебе следует немедленно вызвать врача. — Я пододвинул к ней телефон. Когда она позвонила, я сказал: — Я сообщил полиции, что Уинант был здесь.

Мими кивнула:

— Я тебе затем и звонила, чтобы спросить, надо ли им сообщать.

— Маколею я тоже позвонил. Он едет сюда.

— Он ничего не сможет сделать, — сердито отозвалась Мими. — Клайд дал мне их по своей воле — теперь они мои.

— Что твои?

— Ну, эти акции, деньги.

— Какие акции? Какие деньги?

— Смотри. — Она подошла к столу и выдвинула ящик.

В ящике было три пачки акций, перехваченных широкой резинкой. Поверх лежал розовый чек на десять тысяч долларов компании «Трест Парк-Авеню» на имя Мими Йоргенсен, подписанный Клайдом Миллером Уинантом 3 января 1933 года.

— Датирован на пять дней вперед, — заметил я. — Что это за нелепость?

— Он сказал, что сейчас у него нет столько на счету и в ближайшие пару дней ему неоткуда получить.

— Это пахнет адской неприятностью, — предупредил я ее. — Надеюсь, ты к ней готова?

— Не понимаю, с чего бы это, — возразила Мими. — Не понимаю, почему мой муж — мой бывший муж — не может позаботиться обо мне и детях, если ему этого так хочется?

— Оставь. Что ты ему продала?

— Прогдала?

— Ну. Что ты пообещала сделать в ближайшие пару дней, или он сделает так, что чек будет недействителен?

— Знаешь, Ник, — нетерпеливо сказала Мими, — иногда ты действительно похож на придурка со своими глупыми подозрениями.

— Я только еще приближаюсь к этому. Возьму у тебя еще три урока, и диплом у меня на руках. Но помни: вчера я предупредил — ты, вероятно, окончишь свои дни...

— Перестань! — заорала Мими. Закрыла рот рукой. — Тебе обязательно нужно трепать языком? Знаешь ведь, что это меня пугает и... — Голос ее сделался мягким и липким. — Тебе следует помнить, что я пережила в эти дни, Ник. Не мог бы ты обращаться со мной получше?

— За меня не волнуйся. Волнуйся за полицию. — Я вернулся к телефону и позвонил Элис Куинн. — Это Ник, Нора говорит, что ты...

— Да. Ты видел Гаррисона?

— Нет, с тех пор, как оставил его в твоём обществе.

— Хорошо, но если увидишь, не говори ему, что я сказала тебе вчера вечером, ладно? Это было несерьёзно, я ни одного слова не сказала всерьёз.

— Я так и понял, — заверил я её, — и все равно не рассказал бы ему. Как он себя чувствует?

— Он ушел.

— Что?

— Ушел. Бросил меня.

— Он это делал и раньше. Вернется.

— Я знаю, но на этот раз мне страшно. Он не пошел к себе в бюро. Надеюсь, что он просто пьет где-то — но на этот раз мне страшно. Ник, ты думаешь, он серьёзно влюбился в ту девушку?

— Кажется, он сам так думает.

— Он говорил тебе?

— Это ничего бы не значило.

— А может, мне поговорить с этой девушкой?

— Не стоит.

— Почему? Думаешь, она влюблена в него?

— Нет.

— Что с тобой? — сварливо спросила Элис.

— Ничего, я звоню не из дома.

— Как? Значит, ты где-то и не можешь свободно говорить?

— Да.

— Эта девушка тоже там?

— Нет.

— Ты думаешь, она с Гаррисоном?

— Не знаю. Думаю, нет.

— Ты позвонишь, когда сможешь говорить, или еще лучше — зайди, а?

— Всенепременно, — пообещал я и положил трубку. Мими следила за мной с напряжением в голубых глазах.

— Кто-то всерьез принимает любовные истории моей дочери? — Когда я не ответил, она рассмеялась и спросила: — Дороти все еще в отчаянии?

— Допускаю, что да.

— Так будет и впредь, до тех пор, пока кто-нибудь не согласится ей поверить. И ты тоже даешь себя одурачить, ты, который боится верить — ну, к примеру, тому, что я когда-нибудь могу сказать правду.

— Вот это мысль, — сказал я. Прежде чем я успел продолжить, в дверь позвонили.

Мими впустила врача — это был пожилой человек, кругленький и сутулый, с переваливающейся походкой — и отвела его к Джилберту.

Я снова открыл ящик стола и рассмотрел акции. «Почта, Телеграф и Телеграмма» — 5 тысяч, «Сан-Паоло Сити» — 6,5 тысячи, «Основатели Американского Издательского Дела» — 6 тысяч, «Гарантированные товары» — 5,5 тысячи, «Верхняя Австрия» — 6,5 тысячи, «Филиппинские Железные Дороги» — 4 тысячи, «Токио-Электро» — 6 тысяч — примерно на шестьдесят тысяч долларов номинальной стоимости, как я оценил их, и четверть или треть из них на бирже.

Когда позвонили в дверь, я закрыл ящик и впустил Маколея.

Он выглядел усталым. Не снимая пальто, опустился на стул и сказал:

— Ну, расскажи мне теперь самое худшее. Зачем он здесь был?

— Пока не знаю, не считая того, что он дал Мими пачку акций и банковский чек.

— Это мне известно. — Он пошарил в кармане и протянул мне письмо:

«Дорогой Херберт!

Я сегодня отдам Мими Йоргенсен нижеперечисленные ценные бумаги и чек на десять тысяч долларов компании «Трест Парк-Авеню», датированный 3 января. Пожалуйста, устрой так, чтобы к этому дню у меня на счету была соответствующая сумма. Я бы посоветовал тебе продать еще одну часть акций общественного обслуживания, но ты поступай по своему усмотрению.

Я не могу больше терять время в Нью-Йорке и, наверное, не попаду сюда еще несколько месяцев, но время от времени буду с тобой связываться. Очень жаль, что не смогу дождаться встречи с тобой и Чарльзом сегодня вечером.

Преданный тебе

Клайд Миллер Уинант».

За небрежной подписью следовал список акций.

— Каким образом ты получил это? — спросил я.

— Принес рассылный. Как ты думаешь — за что он платит Мими?

Я покачал головой:

— Попытался выяснить. Говорит, что Уинант «заботится о ней и своих детях».

— Весьма правдоподобно, так же как то, что Мими говорит правду.

— Об этих акциях? — спросил я. — Я думал, что все его состояние в твоём распоряжении.

— Я тоже так думал, но этих у меня не было, я и не подозревал об их существовании. — Он оперся локтем о колено, обхватил голову руками. — Если все то, чего я не знаю, выстроить в один ряд...

30

В комнату вошла Мими вместе с врачом, холодно бросила Маколею: «О, привет» — и пожала ему руку.

— Это доктор Грант, мистер Маколей, мистер Чарльз.

— Как дела у пациента? — спросил я.

Доктор Грант кашлянул и сказал, что, по его мнению, с Джилбертом ничего серьезного, просто легкое кровотечение — результат избиения, и все-таки ему надо полежать. Он снова кашлянул и сказал, что рад был с нами познакомиться, и Мими проводила его.

— А что случилось с парнем? — спросил Маколей.

— Уинант послал его в квартиру Джулии за прошлым снегом, и он влетел в объятия к одному крепкому легавому.

— Мистер Чарльз рассказал вам про акции и чек? — спросила, входя, Мими.

— Я получил от мистера Уинанта письмо, в котором он сообщает, что он лично передал их вам, — сказал Маколей.

— Тогда можно не бояться никаких...

— Трудностей? По-моему, нет.

Напряжение спало, и глаза Мими потеплели:

— Я тоже не понимала, откуда им быть, но он, — она показала на меня, — любит меня запугивать.

— Могу я спросить, — вежливо улыбнулся Маколей. — Мистер Уинант говорил вам что-нибудь о своих планах?

— Он, кажется, сказал что-то о том, что уезжает, но я слушала не очень внимательно. Не помню, куда и когда он должен был ехать.

Я скептически хмыкнул, Маколей сделал вид, будто верит ей.

— А он ничего не говорил об этой Джулии Вулф, что вы могли бы повторить, или о своих трудностях, или о чем-нибудь связанном с убийством? — спросил адвокат.

— Ни единого слова, — Мими уверенно покачала головой, — которые я сумела бы или не сумела повторить, вообще ни единого слова. Я спросила у него об этом, но вы же знаете, каким он становится упрямым, когда захочет. Даже и не заикнулся.

— О чем же вы говорили? — спросил я, так как из вежливости Маколей не задал этого вопроса.

— В общем-то ни о чем, только о нас самих и о детях, особенно о Джиле. Он очень хотел видеть парня и ждал почти час в надежде, что тот вернется. Он спрашивал и о Дороти, но, похоже, без особого интереса.

— Он сказал, что писал Джилберту?

— Ни слова. Если угодно, я могу повторить всю нашу беседу. Я не знала, что он придет, он даже не позвонил снизу. Просто позвонили в дверь, я пошла открыть, а он там. Выглядел он гораздо старше и более исхудалым, чем в последний раз, когда я его видела. Я сказала: «Господи, Клайд!» Или что-то в этом роде, а он спросил: «Ты одна?» Я ответила, что одна, и он вошел. Потом он...

Позвонили в дверь, и Мими пошла открывать.

— Как тебе это? — тихо спросил Маколей.

— Когда я начну верить Мими, то, надеюсь, у меня хватит ума не признаваться в этом.

Мими вернулась с Гилдом и Энди. Гилд кивнул мне и пожал руку Маколею, потом повернулся к Мими:

— Ну, мадам, должен попросить вас рассказать нам...

— Может быть, — прервал его Маколей, — для

начала вы позволите сказать мне то, что я хочу сказать, лейтенант. Это по времени случилось раньше истории миссис Йоргенсен и...

— Валяйте. — Сделав разрешающий жест, Гилд сел на угол дивана.

Маколей поведал ему то, что рассказывал мне утром. Когда он упомянул, что утром рассказал об этом мне, Гилд одарил меня желчным взглядом, а потом вообще меня игнорировал. Он не прерывал Маколей, который изложил свою историю ясно и коротко. Дважды он хотел было что-то сказать, но продолжал слушать. Закончив, Маколей передал Гилду письмо про акции и чек:

— Это принес сегодня рассыльный.

Гилд очень внимательно прочел письмо и обратился к Мими:

— Итак, миссис Йоргенсен...

Мими рассказала Гилду все, что мы уже знали о визите Уинанта, и, когда Гилд стал терпеливо ее расспрашивать, нарисовала разные подробности, но настаивала на своем, что Уинант отказался даже заикнуться о Джулии Вулф и ее убийстве и что, давая ей эти акции и чек, он просто «хотел позаботиться о ней и детях», и хотя он сказал, что уезжает, Мими не знает, куда и когда. То, что ей никто не поверил, казалось, совсем не тревожит Мими. Она закончила свой рассказ улыбкой:

— Он во многих отношениях замечательный человек, но не совсем нормальный.

— Вы хотите сказать, что он действительно душевнобольной, — спросил Гилд, — а не просто глупый?

— Да.

— Почему вы так думаете?

— О, с ним надо пожить, чтобы как следует понять, насколько он ненормальный, — с легкостью ответила Мими.

— В чем он был? — недовольно спросил Гилд.

— В коричневом костюме, коричневом пальто и шляпе, по-моему, на нем были коричневые туфли и белая рубашка и сероватый галстук с красным или коричнево-красным рисунком.

Гилд сделал головой знак Энди:

— Скажи им.

Энди вышел.

Гилд поскреб подбородок и задумчиво нахмурился.

Остальные сле
тием, он посмотре
— Кто-то из в
Д. У. К?
— Маколей медле
— Нет, — ска
— Ну а вы?
— Не знаю.
— А что тако
— Попробуйт
явно должно име
— Как давно
— Сейчас тр
сяцев, возможн
быть довольно
животом и, веро
— Не помн
головой Маколе
— Я тоже,
от любопытств
— Конечно
лета сигару,
ман. — Такой
тории Уинант
— А-а, —
Мими под
слова. Глаза
— Вы ув
Маколей.
— Такое
Гилд.
Маколей
— Вопрос
этого — на
— Ну,
дескать, об
рию, и вот
торый, по
сегодня ут
что еще т
и ничего
людям пе
Чарльз с
ше внима
посмотре
23*

Остальные следили за ним. Покончив со своим занятием, он посмотрел не на меня, а на Мими и Маколей.

— Кто-то из вас знает кого-нибудь с инициалами Д. У. К.?

Маколей медленно покачал головой.

— Нет, — сказала Мими. — А что?

— Ну а вы? — теперь Гилд смотрел на меня.

— Не знаю.

— А что такое? — повторила Мими.

— Попробуйте вспомнить, — сказал Гилд. — Это явно должно иметь отношение к Уинанту.

— Как давно? — спросил Маколей.

— Сейчас трудно сказать. Возможно, несколько месяцев, возможно, несколько лет назад. Это должен быть довольно крепкий мужчина, крупный, с большим животом и, вероятно, хромым.

— Не помню никого похожего, — снова покачал головой Маколей.

— Я тоже, — сказала Мими, — но я разрываюсь от любопытства. Могли бы уже сказать нам, в чем дело.

— Конечно, скажу, — Гилд достал из кармана жилета сигару, осмотрел ее и опустил обратно в карман. — Такой человек похоронен под полом в лаборатории Уинанта.

— А-а, — протянул я.

Мими поднесла обе руки ко рту и не вымолвила ни слова. Глаза стали круглыми и словно остекленели.

— Вы уверены в этом? — нахмурившись, спросил Маколей.

— Такое не придумаешь, — утомленно вздохнул Гилд.

Маколей покраснел и пристыженно улыбнулся:

— Вопрос, конечно, глупый. Но как же вы его — этого — нашли?

— Ну, мистер Чарльз неоднократно намекал нам, дескать, обратите побольше внимания на его лабораторию, и вот, учитывая, что мистер Чарльз человек, который, по всей видимости, знает больше, чем говорит, сегодня утром я послал несколько человек посмотреть, что еще там найдется. Мы ведь уже осматривали ее и ничего не обнаружили, но на этот раз я приказал людям перевернуть все логово, потому что этот мистер Чарльз сказал — надо обратить на лабораторию больше внимания. И тут мистер Чарльз был прав. — Он посмотрел на меня весьма прохладно и недружелюбно.

но. — Вскоре они обнаружили, что в одном углу цементный пол выглядит как бы поновее, они взломали его, там и лежали бранные останки мистера Д. У. К. Что вы на это скажете?

— Я считаю, — сказал Маколей, — что мистер Чарльз предположил весьма остроумно. — Он обратился ко мне: — Как ты...

— По-моему, — прервал его Гилд, — так говорить неверно. Если это голое предположение, значит, вы не полностью признаете, что оно такое уж остроумное.

Интонация Гилда ошеломила Маколея. Он вопросительно взглянул на меня.

— Меня поставят в угол за то, что я не рассказал лейтенанту Гилду о нашем утреннем разговоре, — пояснил я.

— И за это тоже, — согласился Гилд, — не говоря о других делах.

Мими прыснула, но когда Гилд взглянул на нее, тут же, извиняясь, потупилась.

— Как был убит мистер Д. У. К.? — спросил я.

Гилд заколебался, он как будто сомневался, отвечать ли вообще, потом передернул своими могучими плечами и сказал:

— Я еще не знаю, как и когда. Пока не видел труп, вернее, то, что от него осталось, а судебные эксперты еще не закончили исследование, когда я последний раз говорил с ними.

— То, что от него осталось? — повторил Маколей.

— Угу. Его распилили на куски и заложили в известь или во что-то другое — судя по рапорту, который я получил, на костях осталось не так много мяса, а вот одежда была закатана в рулон, и от внутренностей осталось достаточно, чтобы судить кое о чем. Там нашли и кусок палки с резиновым наконечником. Поэтому предположили, что он мог хромать, и мы... — Он умолк: вошел Энди. — Ну? — Энди мрачно помотал головой. — Никто не видел, как он приходил, никто не видел, как он уходил. Как в шутке про того парня, который был такой тощий, что ему надо было дважды постоять в одном и том же месте, чтобы от него упала тень.

Я засмеялся — не на эту шутку — и сказал:

— Уинант не такой тощий, но все-таки довольно тонкий — скажем, такой же воздушный и тонкий, как

бумага этого чека и те письма, которые получил от него кое-кто.

— Что это значит? — требовательно спросил побагровевший Гилд, вперив в меня сердитый и подозрительный взгляд.

— Он умер. Он давно умер и жив только на бумаге. Я могу держать пари хотя бы на эти самые деньги, что это его кости лежали в той могиле вместе с одеждой хромого толстяка.

Маколей наклонился ко мне:

— Ты в этом уверен?

— Что за спектакль вы тут разыгрываете? — заворчал Гилд.

— Давайте держать пари, если угодно. Кто бы это стал столько трудиться над трупом и оставлять самое простое — одежду — нетронутой, если бы она не предназначалась...

— Но она не осталась нетронутой. Она...

— Конечно, нет. Это возбудило бы подозрения. Ее надо было уничтожить ровно настолько, чтобы одежда говорила лишь то, что она должна была сказать. Держу пари — инициалы были на заметном месте.

— Не знаю, — ответил Гилд уже не так горячо. — Они были на пряжке пояса.

Я засмеялся.

— Это смешно, Ник, — сердито сказала Мими. — Как же это мог быть Клайд? Ты ведь знаешь, что сегодня он был здесь. Ты же знаешь, что он...

— Цыц. Играя в эту игру, ты поступаешь очень глупо. Уинант мертв, твои дети, вероятно, его наследники, и это означает гораздо больше, чем те деньги, что лежат у тебя в ящике. Зачем брать часть награбленного, если ты и так получишь все?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — Мими стала бледной как полотно.

— Чарльз считает, — пояснил Маколей, — что Уинант не был сегодня здесь, а вы получили эти ценные бумаги и чек от кого-то другого, может быть, даже украли их. Так? — спросил он у меня.

— Именно.

— Но это же смешно, — твердила свое Мими.

— Будь благоразумна, — сказал я ей. — Допустим, Уинант был убит три месяца тому назад и его труп замаскировали под кого-то другого. Считается, что он уехал и оставил Маколею полные адвокатские полномо-

чия. И тогда все его состояние в распоряжении Мако-
лея на веки вечные или по меньшей мере до тех пор,
пока он не кончит грабить, потому что сама ты не
можешь...

Маколей встал и сказал:

— Не знаю, куда ты метишь, Чарльз, но я...

— Спокойно,— сказал ему Гилд.— Пускай он скажет,
что хочет.

— Он убил Уинанта, он убил Джулию, и он убил
Нунхайма, — заверил я Мими. — Чего ты хочешь те-
перь? Быть следующей в списке? Ты должна прекрасно
знать, если ты один раз помогла ему, сказав, что ви-
дела Уинанта живым (это ведь его уязвимая точка, по-
ка что он единственный человек, который, по его же
словам, видел Уинанта после октября), он уже не будет
рисковать тем, что ты изменишь свое решение, ему прос-
то надо будет успокоить тебя тем самым оружием, а вину
свалить на Уинанта. Да и зачем ты делаешь это? Из-за
пачки каких-то акций в ящике стола, всего лишь части-
цы того, что ты все равно получишь через своих детей,
если мы докажем, что Уинант мертв.

Мими повернулась к Маколею:

— Сукин ты сын.

Гилд смотрел на нее разинув рот, удивленный боль-
ше, чем всем прочим, что было здесь сказано.

Маколей резко дернулся. Не дожидаясь, что он сде-
лает, я врезал ему крюком слева. Удар был приличный,
попал точно в челюсть и отбросил его, а у меня в ле-
вом боку обжигающе резануло, и я понял, что разорвал
зажившую рану от пули.

— Чего еще вы ждете от меня? — заорал я на
Гилда. — Упаковать вам его в целлофан?

31

Было почти три часа ночи, когда я своим ключом
открыл нашу дверь в «Нормандии». Нора, Дороти и
Ларри Кроули были в гостиной. Нора и Ларри играли
в трик-трак, Дороти читала газету.

— Их действительно убил Маколей? — тут же спро-
сила Нора.

— Да. В утренних газетах есть что-нибудь про
Уинанта?

— Нет, — ответила Дороти, — только то, что Мако-
лей арестован. А что?

— Он же у
— В самом
«Черт побери».
взглянула на н
— Хочу дом
— Я охотн
особого воодуш
Дороти ска
вокруг нее, н
не выказывати
пальто. Они с
Нора закр
— Теперь
Я покачал
— Немедл
ван. — И есл
— Мне на
гу говорить.
Она обру
— Он соз
— Зачем
виновным в у
было слишко
ему признати
тяжести, к т
преднамерен
ваться.
— А он
— А как
Нора ото
— Пере
— Так
которое вр
много дене
Джулии —
против ста
дами Мако
го труда н
на другой.
— Зна
Уинанта.
— Ещ
тать, что
уехать, п
но он не

— Он же убил и Уинанта.

— В самом деле? — спросила Нора. Ларри сказал: «Черт побери». Дороти заплакала. Нора удивленно взглянула на нее.

— Хочу домой к маме, — всхлипывала девушка.

— Я охотно отвезу тебя домой, если ты... — без особого воодушевления начал Ларри.

Дороти сказала, что хочет ехать. Нора засуетилась вокруг нее, но удерживать не стала. Ларри, стараясь не выказывать недовольства, отыскал свою шляпу и пальто. Они с Дороти ушли.

Нора закрыла за ними дверь и прислонилась к ней:

— Теперь объясни мне все, мистер Чараламбидес. Я покачал головой.

— Немедленно. — Она села рядом со мной на диван. — И если ты пропустишь хоть одно слово, то я...

— Мне надо прополоскать горло, прежде чем я смогу говорить.

Она обругала меня и принесла бокальчик виски.

— Он сознался?

— Зачем ему это делать? Невозможно признать себя виновным в убийстве первой степени тяжести. И убийств было слишком много, чтобы окружной судья позволил ему признать себя виновным в убийстве второй степени тяжести, к тому же по крайней мере два из них были преднамеренными. Ему оставалось только выкручиваться.

— А он их совершил?

— А как же.

Нора отодвинула бокал от моих губ:

— Перестань тянуть и рассказывай.

— Так вот, получается, что он и Джулия уже некоторое время стригли Уинанта. Маколей проиграл много денег на бирже и, собрав данные о прошлом Джулии — как намекал Морелли, — объединился с ней против старика. Сейчас бухгалтеры пыхтят над вкладами Маколея и Уинанта, и для них не составит особого труда напасть на след перечислений с одного счета на другой.

— Значит, вы не знаете наверняка, что он обирал Уинанта.

— Еще как знаем. Иначе не сходится. Можно считать, что Уинант намеревался третьего октября куда-то уехать, потому что взял в банке пять тысяч наличными, но он не закрыл лаборатории и не сдал квартиру. Это

сделал Маколей через несколько дней. Уинанта Маколей убил в Скарсдейле третьего вечером. Мы знаем это потому, что, когда повар Маколей четвертого утром пришел на работу, Маколей встретил его в дверях с каким-то состряпанным против него обвинением, жалованием за две недели вперед и отказал ему от места, так и не пустив его в дом — чтобы он не обнаружил труп и следы крови.

— Откуда вы это узнали? Не опускай подробностей.

— Обыкновенная рутина. После того, как мы его сцапали, мы, естественно, сходили к нему в контору и домой, посмотреть, что нам удастся там заполучить, ну, да ты знаешь: где он был такого-то и такого-то числа такого-то и такого-то года и так далее — и его нынешний повар сказал, что работает в этом доме только с восьмого октября, это и навело на след. Мы нашли и стол с совсем легкими, не очень хорошо выскобленными следами крови, которая, как мы полагаем, была человеческой. Ученые ребята снимают сейчас стружку с него, чтобы размочить что-нибудь для нас. (Потом выяснилось, что кровь была бычья.)

— Значит, вы не уверены, что он...

— Не повторяйся. Конечно, уверены. Только так все сходится. Уинант узнал, что Джулия и Маколей его обирают, и решил, то ли верно, то ли нет, что Джулия еще и изменяет ему с Маколеем — мы знаем о его ревности, — и вот он идет к Маколею, чтобы потребовать объяснений, и адвокат, у которого перед глазами замаячила тюрьма, кончает старика. Только не говори еще раз, что мы не уверены. Иначе ничего не сойдется. Ну, теперь у него на шее труп, а от него труднее избавиться, чем от чего бы то ни было. Могу я остановиться, чтобы сделать глоточек?

— Только один, — разрешила Нора. — Но все это ведь только предположения?

— Называй как хочешь. Мне это подходит.

— А я думала, человека считают невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана, а если есть хоть малейшее сомнение, то...

— Это все для суда присяжных, а не для детективов. Если мы находим человека, который, по нашему мнению, совершил убийство, то мы суем его в каталажку, сообщаем всем, что считаем его виновным, и печатаем его снимок во всех газетах, окружной прокурор на основании нашей информации готовит самую лучшую теорию,

какую только
всех сторон ст
торые узнали
его честным,
приносят нам
век уже сидит
какая-то жен
Джорджа Фо
у нее квартир
— Но все
— Если б
сказал я, —
тически: Но
тоже. Я не х
что нет, но
труп, чтобы
выглядит на
зойти шесто
тогда он ув
ратории Уи
крыл лабор
вместе с о
ным ремнем
Он свернул
весть или
черты лица
Надеюсь,
узнаем, гд
цемент. (Н
пил его у
города, но
— Буд
однако, у
— Теп
на аренд
ждет воз
могилу н
чайно, мо
Уинант
скелет, а
был чело
ся. Когд
лей сост
доверен
ку пере

какую только может разработать, а тем временем со всех сторон стекаются все новые подробности, люди, которые узнали снимок в газетах, а также те, кто считал его честным, пока мы его не арестовали, приходят и приносят нам дополнительные сведения, и вскоре человек уже сидит на электрическом стуле. (Два дня спустя какая-то женщина из Бруклина опознала в Маколее Джорджа Фоли, который последние три месяца снимал у нее квартиру.)

— Но все это выглядит так шатко.

— Если бы убийства совершались математически, — сказал я, — их можно было бы и разгадывать математически. Но по большей части это не так, и на сей раз тоже. Я не хочу оспаривать твой принцип, что верно, а что нет, но если я говорю, что он, вероятно, расчленил труп, чтобы доставить его в город, то я говорю то, что выглядит наиболее вероятным. Это должно было произойти шестого октября или позже, потому что только тогда он уволил двоих механиков, работавших в лаборатории Уинанта — Прентиса и Мак-Нотоуна, — и закрыл лабораторию. Итак, он упрятал Уинанта под пол вместе с одеждой толстяка, тростью хромого и брючным ремнем, на пряжке которого были инициалы Д.У.К. Он свернул одежду, дабы ее не слишком испортила известь или что он там использовал, чтобы уничтожить черты лица убитого, и заново покрыл пол цементом. Надеюсь, с помощью полиции и общественности мы узнаем, где он купил или достал эту одежду, трость и цемент. (На след цемента мы позже напали — он купил его у одного торговца углем и дровами на окраине города, но с остальными вещами нам не повезло.)

— Будем надеяться, — сказала Нора не слишком, однако, уверенно.

— Теперь все было в порядке. Возобновив договор на аренду лаборатории — дело пустяковое, он как бы ждет возвращения Уинанта, адвокат был уверен, что могилу не обнаружат, а если даже и обнаружат случайно, можно сказать, что толстяка мистера Д.У.К. убил Уинант — к этому времени от Уинанта останется один скелет, а по нему нельзя сказать, толстым или худым был человек, — вот почему он так редко и показывается. Когда и эта часть дела приведена в порядок, Маколей составляет подложную генеральную адвокатскую доверенность и с помощью Джулии начинает потихоньку перекачивать деньги покойного Клайда на счета

свой и Джулии. Здесь я опять встаю на путь предположений. Джулии убийство не понравилось, она перепугалась, и Маколей засомневался, а не отшатнется ли она? Вот почему он велит ей прекратить отношения с Морелли, приказав обосновать этот шаг ревностью Уинанта. Маколей боится, что Джулия в минуту слабости может открыть душу Морелли, и по мере того, как приближается время выхода из тюрьмы Фейса Пеплера, еще более близкого друга Джулии, адвокат становится все беспокойнее. Он чувствует себя в безопасности, пока Фейс за решеткой: вряд ли Джулия станет откровенничать в письмах, они ведь проходят через руки начальника тюрьмы, но теперь... Так вот, Маколей строит планы, но тут все летит к чертям. В Нью-Йорк приезжает Мими с детьми и начинают разыскивать Уинанта, а тут еще появляюсь я и встречаюсь с ними, и Маколей подумал, что я им помогаю. Он решает обезопасить Джулию, устранить ее. До сих пор ты довольна?

— Да, но...

— Дальше все станет еще хуже, — заверил я Нору. — В тот день, идя к нам на ленч, он по дороге позвонил к себе в контору, прикинулся Уинантом и назначил встречу в «Плазе», пытаясь тем самым показать, что Уинант в городе. Для большего правдоподобия он от нас идет в «Плазу» и спрашивает, видел ли там кто-нибудь Уинанта, звонит к себе в контору, чтобы спросить, не просил ли Уинант ему что-нибудь передать. Одновременно он звонит Джулии. Та говорит, что ждет Мими, которая, мол, не хочет верить, что она, Джулия, не знает, как найти Уинанта, и в голосе Джулии, по всей вероятности, звучит испуг. Тогда Маколей решает опередить Мими. Он идет туда пешком и убивает Джулию. Стреляет Маколей безобразно. На войне-то я навидался. Можно считать, что с первого раза он не попал, сразил телефон, не сумел застрелить Джулию и следующими четырьмя выстрелами, хотя, очевидно, счел ее мертвой. Во всяком случае, ему нужно было выйти, прежде чем появится Мими. В качестве решающей улики он оставляет цепочку Уинанта, которую принес с собой. То обстоятельство, что он сохранял цепочку три месяца, заставляет предположить, что он с самого начала намеревался убить Джулию. Потом он мчится в контору инженера Германа, где, используя перерывы в конференции, обеспечивает себе алиби. Есть две вещи, которых он не ожидал, не мог предусмотреть: Нунхайм,

который торчал там в надежде встретить девушку, видел, как он выходил из квартиры Вулф, мог даже слышать выстрелы, а Мими решила припрятать цепочку, чтобы выжать деньги из своего бывшего супруга. Вот зачем Маколею понадобилось ехать в Филадельфию и посылать мне оттуда телеграмму, самому себе письмо, а позже еще и письмо тете Элис — если Мими подумает, что Уинант пытается бросить на нее подозрение, она разозлится настолько, что отдаст полиции находящуюся у нее в руках улику. Хотя желание Мими насолить Йоргенсену почти сорвало его планы. Между прочим, Маколей знал, что Йоргенсен — это Кельтерман. Сразу после убийства Уинанта он нанял детективов собирать данные о Мими и ее семье в Европе — и детективы разнюхали, кто такой Йоргенсен. Мы нашли эти данные в бумагах Маколея. Он, конечно же, сделал вид, будто добывал их для Уинанта. Потом его стал беспокоить я, так как не верил, что Уинант виновен и...

— Но почему же ты не верил?

— А зачем ему было писать письма, очернять Мими, единственную, кто ему помогал, не предъявляя улику? Потому-то я и решил, что цепочка пристроена туда не случайно, только я поспешил поверить, что сделала это Мими. И Морелли беспокоил Маколея: он не хотел бросить подозрение на человека, который, пытаясь оправдаться, направит дело в нежелательное русло. Мими можно было не опасаться, потому что она направила бы подозрение обратно на Уинанта, но вот со всеми остальными дело было дрянь. Нужно было навести подозрение на Уинанта — только это помешало бы людям считать его мертвым, а если Маколей не убил Уинанта, то у него не было никаких причин убивать еще двоих. Самое примечательное во всей этой истории и ключ к ее решению в том, что Уинант должен быть мертв.

— Выходит, ты думал об этом с самого начала? — сурово спросила Нора.

— Нет, лапочка, хотя мне должно быть стыдно, что я не дошел до этого сразу, но как только я услышал, что под полом лежит труп, я понял — это Уинант, даже если бы врачи присягнули, что это была женщина. Просто так должно было быть. Это единственно возможное решение.

— Ты, наверное, ужасно устал. Потому ты так и говоришь.

— Нунхайм тоже беспокоил Маколея. Показав

пальцем на Морелли, чтобы доказать полиции свою готовность помочь, Нунхайм пошел к Маколею. Это опять-таки предположение, моя дорогая. Мне позвонил некто, назвавшийся Альбертом Норманом, но наш разговор кончился каким-то шумом на том конце провода. Нунхайм пошел к Маколею и потребовал выкуп за молчание, а когда Маколей попробовал отвертеться, Нунхайм предупредил, дескать, он ему еще покажет, и позвонил мне, чтобы узнать, не купил бы я его информации, и тут Маколей выхватил трубку у него из рук и что-то сунул Нунхайму в зубы, может быть, всего лишь обещание. А когда мы с Гилдом допрашивали Нунхайма, он удрал от нас и позвонил Маколею, требуя теперь же выполнить обещание, очевидно, какую-то круглую сумму, вероятно, с условием потом уехать из города, чтобы не попадаться на глаза нашим беспокойным сыщикам. Нам известно, что во второй половине дня он звонил Маколею — телефонистка помнит, что звонил некто Альберт Норман, — и сразу после этого Маколей вышел из дома, так что не придирайся к этой моей, ну, реконструкции. Маколей был не так глуп, чтобы довериться Нунхайму, даже если бы он заплатил ему, поэтому он заманил его в заранее присмотренное местечко и уколошил — теперь все было в порядке.

— Вероятно, — проговорила Нора.

— Это слово приходится частенько использовать в нашей работе. Письмо Джилберту было написано лишь для того, чтобы показать, что у Уинанта был ключ от квартиры девушки, а посылая туда Джилберта, Маколей был уверен, что парень попадет в руки полиции, которая прижмет его и не даст утаить секрет письма и ключа. Потом Мими выкладывает цепочку, но в промежутке возникает новая проблема. Мими уговорила Гилда заподозрить и меня. Полагаю, что, когда Маколей пришел ко мне сегодня утром с этой чепухой, он намеревался заманить меня в Скарсдейл и прикончить там, тогда я был бы третьим номером в списке жертв Уинанта. Может быть, он просто передумал, может быть, решил, что я его подозреваю, раз с такой легкостью соглашаюсь идти туда без полицейских. Во всяком случае, ложь Джилберта, что он видел отца, подала Маколею новую идею. Если бы кто-нибудь сказал, что видел Уинанта, и настаивал бы на своем утверждении... Но эту часть мы знаем уже точно.

— Слава
— Сегодня
двумя этажа
бы лифтер не
и выдал Ми
вине Уинанта
что полиция
состояние У
Сам он не р
но он мог бы
Мими — есл
акции, котор
Мими должн
и послать М
в кармане а
Уинанта. Он
сможет появ
кроме Мими
его состояни
нение.

— Итак,
распоряжени
му, было пр

— Может

тывал. эту

имеем проти

— Да, п

но он совсем

— Достат

электрическ

считается. В

не представ

расставляла

было бы на

рой он отст

ны быть, т

взять. (Мы

он снимал

— Ладн

всегда счит

каждая мел

— А по

взялось сто

мом отдале

говора о вь

— Слава Богу.

— Сегодня он явился к Мими — поднялся на лифте двумя этажами выше и спустился оттуда пешком, чтобы лифтер не помнил, что он ехал на этаж к Мими, — и выдал Мими свое предположение. Он сказал, что в вине Уинанта нет никаких сомнений, но сомнительно, что полиция когда-нибудь схватит его. Между тем все состояние Уинанта находится в его, Маколея, руках. Сам он не решился бы никогда присвоить хоть что-то, но он мог бы устроить так, что это сумела бы сделать Мими — если поделится с ним. Он отдаст Мими эти акции, которые находятся у него в кармане, и чек, но Мими должна сказать, что получила их от Уинанта, и послать Маколею письмо, которое уже находится в кармане адвоката, как будто оно тоже пришло от Уинанта. Он заверил Мими, что Уинант как беглец не сможет появиться, чтобы отрицать свой подарок, и что, кроме Мими и ее детей, никто не имеет права на его состояние, нет причин ставить эту сделку под сомнение.

— Итак, то, что он сегодня утром рассказывал о распоряжении Уинанта выплатить Мими любую сумму, было просто подготовкой?

— Может быть, а может быть, он просто прорабатывал эту версию. Ну, довольна ли ты тем, что мы имеем против него?

— Да, по-своему. Материала, кажется, достаточно, но он совсем не приведен в порядок.

— Достаточно приведен, чтобы отправить его на электрический стул, — ответил я, — а только это и считается. Все увязывается с любой точки зрения, и я не представляю другой версии, которая так же четко расставляла бы все точки над «и». Конечно, неплохо было бы найти пистолет и пишущую машинку, на которой он отстукивал письма Уинанта, и они где-то должны быть, там, откуда он в случае надобности мог их взять. (Мы нашли их на квартире в Бруклине, которую он снимал под именем Джорджа Фоли.)

— Ладно, будь по-твоему, — сказала Нора, — но я всегда считала, что детективы ждут до тех пор, пока каждая мелочь...

— А потом удивляются, откуда у подозреваемого взялось столько времени, чтобы успеть оказаться в самом отдаленном государстве, с которым у нас нет договора о выдаче преступников.

Нора прыснула:

— Хорошо, хорошо. Ты все еще хочешь завтра утром лететь в Сан-Франциско?

— Нет, если ты не спешишь. Побудем еще немного здесь. В этой суматохе я так и не успел как следует выпить.

— Я согласна. А как ты думаешь — что теперь будет с Мими, Дороти, с Джилбертом?

— Ничего особенного. Они и дальше будут Мими, Дороти и Джилберт, так же как мы и дальше будем мы, а Куинны и дальше будут Куинны. Убийство не завершает ничью жизнь, кроме убитого, а иногда и убийцы.

— Весьма возможно, — сказала Нора, — но все это совсем неинтересно.

УБЛЮДКИ
УБИЙСТВ

СОДЕРЖАНИЕ

УБЛЮДКИ	3
УБИЙСТВО — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ	195

Хэммет Дэшил

«Ублюдки». «Убийство — дело серьезное». —
М.: А/О «Одамеэс», 1993 — 365 [3] с.

ISBN 5-460-00062-9

Американский классик остросюжетного детективного романа Дэшил Хэммет (1894—1961) в своих произведениях «Ублюдки» и «Убийство — дело серьезное» увлекательно описывает жизнь преступного мира и гангстерского клана в американских городах в 30-е годы нашего столетия.

Каждая книга автора пользуется огромной популярностью среди читателей во всем мире.

Подписано в печать 30.12.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,74. Тираж 200 000 экз. Цена договорная. Заказ 34.

МП «Лерокс». 220041, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220041, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ISBN 5-460-00062-9

ло серьезное». —
3] с.

ого детективного ро-
своих произведениях
е» увлекательно опи-
герского клана в аме-
столетия.
омной популярностью

32. Бумага книжно-
офсетная. Усл. печ.
з. Цена договорная.

79.
и издательства «Бе-
Скорины, 79.

МАТРОН
БЕЛЫХ
ДЕШИ
ЭМ
EX
П
И
Д